ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

в интеграционном пространстве
Северной Пацифики в начале XXI века

Опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ

в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия

Владивосток
ИИАЭ ДВО РАН
2017

УДК 327 + 353 (571.6)

Авторский коллектив: чл.-корр. РАН В.Л. Ларин, акад. РАН П.Я. Бакланов, канд. ист. наук С.А. Иванов, канд. ист. наук А.Е. Савченко, д-р полит. наук С.К. Песцов, В.Ю. Мишин, канд. ист. наук Л.Л. Ларина, акад. В.В. Михеев, д-р ист. наук Е.А. Канаев, д-р ист. наук А.С. Ващук, А.И. Лабюк, д-р ист. наук Л.Н. Гарусова, канд. ист. наук В.В. Кожевников, Е.А. Колегова, канд. ист. наук В.Е. Болдырев, д-р ист. наук И.А. Толстокулаков

Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. — 386 с.

ISBN 978-5-9906119-5-5

В книге исследуется интеграционный потенциал тихоокеанских регионов России, их роль и место в российском национальном пространстве и пространстве стран Северной Пацифики. Ключевые темы монографии: российский «поворот на Восток» и его связь с политикой центральных властей РФ в отношении Дальнего Востока и Забайкалья, проблемы и перспективы интеграции России в АТР, особенности политико-административного, экономического и культурного сотрудничества Тихоокеанской России со странами Северной Пацифики, стратегии ключевых игроков Северо-Восточной Азии и США в отношении России и её восточных районов. Книга основана на обширном эмпирическом материале, полученном в результате архивной работы, проведения социологических опросов и интервью, анализа статистики и текущей публицистики.

Для специалистов, занимающихся проблемами международных отношений, истории, социологии, психологии, а также для студентов, аспирантов и государственных служащих.

Ключевые слова: Дальний Восток, Тихоокеанская Россия, региональная политика, внешняя политика, международные отношения, региональная безопасность, Северная Пацифика, интеграция.

Ответственные редакторы: канд. ист. наук С.А. Иванов, канд. ист. наук А.Е. Савченко

Рецензенты: д-р. экон. наук А.Н. Федоровский, д-р. ист. наук, проф. А.М. Кузнецов

Утверждено к печати Учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00161 «Дальневосточный ресурс интеграции России в АТР: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия».

ISBN 978-5-9906119-5-5 © ИИАЭ ДВ ДВО РАН, 2017

Federal State Budget Establishment of Science
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Integrating PACIFIC RUSSIA into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21st century

Vladivostok
IHAE FEB RAS
2017

The authors: V.L. Larin, P.Ya. Baklanov, S.A. Ivanov, A.E. Savchenko, S.K. Pescov, V.Yu. Mishin, L.L. Larina, V.V. Miheev, E.A. Kanaev, A.S. Vashchuk, A.I. Labyuk, L.N. Garusova, V.V. Kozhevnikov, E.A. Kolegova, V.E. Boldyrev, I.A. Tolstokulakov

Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21st century / Ed. Victor Larin. — Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2017. — 386 p.
ISBN 978-5-9906119-5-5

The book examines integration potential of the Pacific regions of Russia, their contribution to Russian development and position inthe North Pacific region. The key topics discussed are Russian "pivot to the East" and its influence on the policy of central government towards the Far East and Trans-Baikal region, Russia's integration into the Asia Pacific, trends of administrative, economic and cultural cooperation of Pacific Russia with North Pacific countries, strategies of major North East countries and the USA towards Russia and its eastern regions. The book is based on the extensive empirical materials collected through archival research, sociological interviews and surveys, statistic analysis and study of current mass media materials.

The edition will be interesting for specialists in international relations, history, sociology, psychology as well as for students, postgraduates and civil officials.

Keywords: Far East, Pacific Russia, regional policy, foreign policy, international relations, regional security, North Pacific, integration.

Executive editors: S.A. Ivanov, A.E. Savchenko

Reviewers: A.N. Fedorovskij, A.M. Kuznecov

ISBN 978-5-9906119-5-5
© IHAE FEB RAS, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

Глава 1. **Пространство и историко-культурный фундамент для интеграции** . . . 23
1.1. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические предпосылки выделения макрорегиона 24
1.2. Исторический контекст: Тихоокеанская Россия в восточной политике России XVII—XX вв. 30
1.3. Северная Пацифика как интеграционное пространство России: «за» и «против» 40
1.4. Интеграция и формирование интеграционного пространства: опыт стран Северной Пацифики 53
1.5. Регионализм, регионализация и интеграционные проекты в зоне Северной Пацифики: возможности для России 75

Глава 2. **Тихоокеанская Россия в фокусе политики Кремля** 95
2.1. Большая геополитическая игра: от «интеграции в АТР» к «Большому Евразийскому партнёрству» 97
2.2. Дальневосточная политика Москвы: попытки реализации интеграционного потенциала Тихоокеанской России 112
2.3. Экономические интересы и политика государства, ведомств и корпораций. Общность и противоречия 124
2.4. Тихоокеанская Россия в двусторонних отношениях РФ со странами Северной Пацифики. Политическая и правовая среда, создаваемая на межгосударственном уровне 132

Глава 3. **Внешняя среда: Тихоокеанская Россия в фокусе интересов и политики государств Северной Пацифики** 173
3.1. Новый российский «поворот на Восток»: мнения о мотивах и целях 174
3.2. Представления государств Северной Пацифики о возможностях и перспективных направлениях сотрудничества с Россией 179

Глава 4. **Власть и общество Тихоокеанской России в процессах международной интеграции** 247
4.1. Возможности региональных администраций Тихоокеанской России в международном сотрудничестве 248
4.2. Международные приоритеты местных администраций 256
4.3. Международные политико-административные связи и народная дипломатия . . . 267
4.4. Атмосфера для международного взаимодействия Тихоокеанской России: общественные настроения, предпочтения, барьеры 290

Глава 5. **Международные экономические связи Тихоокеанской России** 316
5.1. Исторический фундамент 317
5.2. Поляризация субъектов международного экономического сотрудничества Тихоокеанской России 319
5.3. Движение товаров: особенности внешней торговли Тихоокеанской России 325
5.4. Движение капиталов: зарубежные инвестиции как инструмент международной интеграции 344
5.5. Движение людей: иностранная рабочая сила и туризм 354
5.6. Особые экономические режимы: территории опережающего развития и свободный порт Владивосток 365

Заключение 381

CONTENTS

Introduction 7

Chapter 1. **Space and historical and cultural basis for integration** 23
1.1. Pacific Russia: geographical and geopolitical preconditions of macroregion allocation 24
1.2. Historical context: Pacific Russia in the eastern policy of Russia in the 17th—20th centuries 30
1.3. The North Pacific as Russia's integrated space: "pros" and "cons" 40
1.4. Integration and formation of integrated space: experience of the countries of the North Pacific 53
1.5. Regionalism, regionalization and integration projects in the North Pacific: opportunities for Russia 75

Chapter 2. **Kremlin's policy towards Pacific Russia** 95
2.1. Great geopolitical game: from "integration in the Asia-Pacific Region" to "Big Eurasian Partnership" 97
2.2. Moscow's Far Eastern policy: implementation attempts for Pacific Russia's integration potential 112
2.3. Economic interests and policy of the state, authorities and corporations. Similarities and contradictions 124
2.4. Pacific Russia in bilateral relationship of the Russian Federation with the countries of the North Pacific. Political and legal environment on the intergovernmental level . . . 132

Chapter 3. **External environment: Pacific Russia in focus of interests and policy of the states of the North Pacific** 173
3.1. New Russian "pivot to Asia": opinions about reasons and goals 174
3.2. Beliefs of the states of the North Pacific about opportunities and promising avenues of cooperation with Russia 179

Chapter 4. **Power and society of Pacific Russia in international integration processes** 247
4.1. Opportunities of Pacific Russia's regional administrations in international cooperation 248
4.2. International priorities of local administrations 256
4.3. International political and administrative connections and public diplomacy 267
4.4. Atmosphere for international cooperation of Pacific Russia: public moods, preferences, barriers 290

Chapter 5. **International economic relations of Pacific Russia** 316
5.1. Historical basis 317
5.2. Polarization of the parties of international economic cooperation of Pacific Russia . . . 319
5.3. Movement of goods: peculiarities of foreign trade of Pacific Russia 325
5.4. Capital flow: foreign investments as a tool for international integration 344
5.5. People's movement: foreign labour and tourism 354
5.6. Special economic regimes: territories of advanced development and the free port of Vladivostok 365

Conclusion 381

ВВЕДЕНИЕ

Первые полтора десятилетия XXI в. Россия активно восстанавливала влияние и авторитет в мире и перестраивала структуру международных отношений. Выравнивание баланса во взаимодействии с Западом и Востоком стало одним из главных трендов этих преобразований. Власть публично декларировала интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион, плацдармом и локомотивом которой становилось ускоренное развитие Дальнего Востока и Забайкалья. Российская дипломатия активизировалась в АТР, правительство не ограничивалось громкими заявлениями и «судьбоносными решениями» и выделяло немалые финансовые и административные ресурсы на мероприятия, призванные преодолеть вековую отсталость дальневосточного фронтира. А жители этой территории, кто с традиционным скептицизмом, кто с неподдельной надеждой, в одинаковой степени внимательно наблюдали за словами и делами Москвы и реакцией её азиатских соседей, создающими новую реальность на восточных окраинах Российского государства. Всё это закономерно спровоцировало повышенное внимание делового, академического и журналистского сообществ РФ и зарубежья, вызвав волну разнообразных по тональности и содержанию оценок, комментариев и прогнозов.

Восточное направление политики Кремля, пафосно обозначенное как «поворот России на Восток», ожидало, казалось бы,

светлое будущее. Проведение Саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. продемонстрировало серьёзность намерений Москвы. А в декабре того же года Президент страны В.В. Путин заявил, что вектором движения России в XXI в. является «развитие на Восток», назвав использование природно-ресурсного потенциала Сибири и Дальнего Востока шансом для государства «занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»[1]. Совершенно очевидно: в этом грандиозном проекте Тихоокеанской России (ТР) отводилась особая роль.

Однако желание Кремля — это только одна, пусть и самая мощная сила, задающая вектор и скорость развития российского сегмента Восточной Евразии. Интеграция — это не одиночная, а коллективная и синхронная «игра» со множеством участников. Есть ещё стратегические замыслы других государств; существуют — пусть и слабо улавливаемые в столице — интересы и желания жителей самой ТР. Причудливое сплетение этих планов, замыслов, политик, стратегий как раз и является локомотивом, способным вытащить периферийную территорию Восточной Евразии, именуемую Дальним Востоком, Восточной Сибирью, Тихоокеанской Россией, из серой зоны оторванности и отсталости. Но в то же время многообразие и глубина замыслов и подходов порождают сонм проблем и противоречий, которые могут похоронить любую, даже самую перспективную идею.

Насколько обоснованны эти мечты и надежды? Существует ли реальная, физическая, а не виртуальная платформа для интеграции РФ в АТР? Да и нужна ли России эта интеграция, а если нужна, то с кем и какая? Способна ли Россия, не в первый раз в своей истории разворачивающаяся лицом к Востоку, подобрать весомые аргументы, чтобы обосновать претензии на участие в строительстве будущего Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона? Какова в этом может быть роль её восточных районов? Из попыток ответить на данные вопросы зародилась генеральная цель представленного труда: объективно оценить спектр факторов, которые исторически влияли, и сегодня воздействуют на эволюцию северо-восточного

сегмента Евразийского континента и северной части Тихого океана (Северной Пацифики), и в ближайшие полтора-два десятилетия будут прямо или косвенно задавать траекторию и содержание трансформации ТР, и уже на этой основе моделировать место и роль региона в политике Кремля, в системе международных отношений, в структуре безопасности Восточной Евразии и прилегающего к ней морского пространства.

До настоящего времени идея «поворота России на Восток» так и не трансформировалась ни в государственную идеологию, ни в осознанную стратегию. События на Украине и последовавший за ними кризис в отношениях РФ с Западом, с одной стороны, и евразийская инициатива Пекина («один пояс, один путь»), с другой, максимально политизировали и формально подтвердили стратегическую значимость проекта, но, по сути, перенацелили «восточный поворот» Москвы от АТР на центральную часть Евразийского континента. Лёгкость, с которой после трёх десятилетий (начиная с владивостокской речи М. Горбачёва в 1986 г.) разговоров об интеграции России в АТР произошла эта метаморфоза, в значительной степени объясняется сочетанием нескольких факторов. Среди них: аморфность и надуманность того самого интеграционного пространства АТР, куда страна намеревалась включиться; психологическая неготовность российской политической и бизнес-элит к такому крутому повороту, так же как и непонимание Москвой истинных намерений и целей главных игроков в этом регионе — Китая, США, Японии — в отношении РФ и её азиатской «визитной карточки» — восточно-сибирских и дальневосточных территорий.

При наличии немалого количества отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых современной тихоокеанской политике Москвы, в т.ч. её «повороту на Восток»[2], и взаимодействию восточных районов России со странами АТР, особенно с Китаем, с одной стороны[3], и интеграционным процессам в Северо-Восточной Азии, с другой[4], — эти темы принято рассматривать как бы в двух параллельных, непересекающихся плоскостях. Немного исследователей рискует обращаться

к анализу социально-политического, административного и гуманитарного ресурса ТР как потенциально эффективного инструмента для продвижения интересов и укрепления позиций РФ в регионе[5], и лишь единичные труды затрагивают вопросы адаптивности России к восточноазиатской этнокультурной, политической и деловой среде как необходимого условия для создания действующей интеграционной модели[6].

Авторы представленной работы исходили из посылки, что эффективное использование политического, экономического, демографического и интеллектуального потенциала Тихоокеанской России является не только непременным условием полновесного вхождения РФ в экономические и политические процессы АТР, но и важнейшим фактором успешного развития её восточных окраин. Участники проекта придерживаются гипотезы: сложившаяся в 1990-е — нач. 2000-х гг. и уже достаточно развитая система международных связей субъектов ТР способна — при вдумчивом и умелом отношении к ней — служить прочной основой для реализации интеграционных планов Москвы. Пока же государство крайне неаккуратно и неэффективно использует этот потенциал, возможно, просто не дойдя до осмысления его роли и значения. Второй важной задачей труда является анализ места и роли восточных территорий РФ в современной системе международных координат Восточной Евразии и всего АТР, возможностей эффективного использования богатых ресурсов Дальнего Востока (не только пространственных и природно-сырьевых, но и интеллектуальных) в целях реализации стратегических интересов России в этом районе мира.

В начале работы авторы считают необходимым чётко определиться с используемыми понятиями и категориями, причём самого разного характера: географическими, политическими, методологическими, тем более что некоторые из них непривычны для потенциального читателя этой книги. Авторы исходят из предположения, что избранная система геополитических координат, в которых ставились и решались стратегические задачи государства, а также нечёткий понятийный аппарат, с чьей помощью описывался алгоритм реализации

задач, стали одной из причин пробуксовки в осуществлении принятых решений. Конечно, ясные координаты и адекватный понятийный аппарат не дают гарантий от провалов и неудач, но являются необходимым идеологическим и управленческим инструментом, разбалансировка которого способна свести на нет реализацию самых логичных и вроде бы обоснованных решений. Тем более если этот инструмент не нов и настраивался на решение задач в эпоху колониализма и холодной войны.

Поэтому первая глава монографии посвящена обоснованию и разъяснению терминов и понятий, которые либо присутствуют, но ещё прочно не утвердились в геополитическом и геоэкономическом дискурсах современной науки, либо неодинаково понимаются и трактуются политиками и исследователями в разных странах.

Прежде всего это касается геополитических концептов «Тихоокеанская Россия» и «Северная Пацифика». Оба нечасто применяются для описания современных процессов в зоне Восточной Евразии и на Тихом океане, но в данной работе использованы в качестве базовых. Их выделение основывается на понимании регионов как *социальных конструкций*, политических, социальных и экономических проектов или же «политически сконструированных» феноменов[7]. Авторы придерживаются мнения, что «не существует „природных“ или „данных“ регионов. Они строятся, деконструируются и реконструируются — намеренно или не намеренно — путём коллективных человеческих действий и формирования идентичности»[8].

Регионы, в т.ч. и ставшие объектом данного исследования, возникают и укрепляются по мере расширения разноуровневых контактов как минимум нескольких самостоятельных акторов. Эти взаимодействия осуществляются в рамках и посредством двух взаимосвязанных процессов — *регионализации* и *регионализма*. Регионализация (*regionalisation*) представляет собой «процесс, с помощью которого общественные акторы через их взаимозависимости формируют и укрепляют определённый тип регионального единства, рыночной гармонизации или „общих связей“»[9]. Регионализм (*regionalism*) же — «политический

проект, отождествляемый с политиками, через которых государства и негосударственные акторы сотрудничают и координируют стратегию в том или ином регионе, направленную на достижение общих целей»[10]. Регионализм охватывает широкий спектр взаимодействий, от межправительственного сотрудничества до наднациональной интеграции, выражаясь в появлении новых организационных структур на наднациональном уровне с независимыми агентствами, которым делегируются определённые задачи и полномочия[11].

Нормы и идентичности, кроме всего прочего, определяют набор инструментов, находящихся в распоряжении акторов и используемых ими для достижения поставленных целей[12]. В число активных участников процесса регионального строительства входят, наряду с государствами и межгосударственными глобальными и региональными институтами, экономические структуры (транснациональные корпорации и неформальные рыночные секторы) и структуры гражданского общества (локальные и международные организации и движения), действующие на разных — глобальном, региональном и локальном — уровнях.

Сложность и вес региона в глобальной системе определяются уровнем его *региональности (regionness),* т.е. степенью трансформации изначально географической зоны из пассивного объекта экономической эксплуатации и административного управления в активного субъекта, способного выражать интересы формирующегося транснационального региона. При этом регионы не являются простой агрегацией национальных государств: формирующиеся границы вполне могут разрезать территории конкретных государственных образований, включая в свой состав только отдельные их части. В дополнение к этому «во многих регионах можно различить группу стран, составляющих „ядро“... с одной или несколькими странами или субнациональными районами, составляющими полупериферию или периферию региона»[13].

Используемый в монографии термин «Северная Пацифика» корректнее, чем привычная Северо-Восточная Азия,

фиксирует геополитический ареал исследования и состав государств, участвующих в описываемых процессах. Идущие в этой зоне процессы регионализма и регионализации подвержены воздействию не только и не столько материальных стимулов, сколько разнообразных нематериальных факторов — *норм*, *правил*, *ценностей* и *идентичностей*. Именно последние в конечном счёте определяют предпочтения, интересы и политику вовлечённых акторов. Применительно к Северной Пацифике особо уместно замечание Ш. Бреслина: «сплочённость региона в значительной степени зависит от чувства общей региональной идентичности — общих убеждений относительно того, что у членов региона есть нечто общее, что связывает их вместе и выделяет их как отличающихся чем-то от нечленов»[14].

Понятие «Тихоокеанская Россия» позволяет, по мнению авторов книги, во-первых, чётко описать этот аква-территориальный макрорегион РФ, тяготеющий к экономическому пространству Тихоокеанского бассейна, а во-вторых, подчёркивает значение его специфического геополитического положения и в его собственном развитии, и в тихоокеанской политике Кремля. Конечно, в глазах Москвы «Восток» всё равно останется «дальним», но европоцентристский атрибут перестанет доминировать в определении.

Поскольку не существует изначально заданных регионов и, соответственно, региональных интересов, и то, и другое формируется в результате взаимодействий и налаживания взаимоотношений между акторами, нередко соперничающими друг с другом. Это процесс не является однонаправленным и при определённых обстоятельствах способен приобрести реверсивную логику. Регионы складываются, распадаются и/или меняют свою конфигурацию[15]. К тому же регионализм/регионализацию вряд ли следует рассматривать как нечто исключительно позитивное. «Усиление взаимодействия и интеграции, — констатируют в этой связи Б. Хеттне и Ф. Содербаум, — могут также вести к эскалации конфликтов, эксплуатации, господству, нерациональному распределению ресурсов и другим негативным последствиям»[16]. В этой связи формирование (конструирование)

регионов с неизбежностью превращается в состязание конкурирующих проектов, которые воспринимаются различными акторами в качестве оптимальных с точки зрения увеличения возможных выгод и минимизации издержек. Соответственно, по-разному определяются границы регионов, состав их участников и характер взаимоотношений.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что понятие «Тихоокеанская Россия» достаточно условно. С экономической и политической точек зрения, единого региона «Тихоокеанская Россия» не существует. Впрочем, такими же во многом формальными объединениями на сегодняшний день остаются Дальневосточный федеральный округ и особенно конструкция Дальний Восток — Забайкалье. Внутренние связи между территориями ТР пока слабы. Но объединяющее их начало, которое одновременно и воодушевляет (платформа для интеграции в АТР), и пугает (призрак «сибирского сепаратизма») Москву, достаточно очевидно — это всё более выраженная экономическая и социальная ориентация в сторону Тихоокеанского экономического пространства.

В первой главе также рассматриваются официальные трактовки понятия «интеграция», используемые в странах Северной Пацифики, как и опыт этих государств в воплощении в жизнь своих интеграционных моделей. Представлена история российской «интеграции» в тихоокеанское пространство, которая насчитывает уже без малого четыре столетия. Это важно хотя бы потому, что некоторые исследователи в упор не видят ни российского присутствия, ни российского влияния в этом регионе мира, а «восточный поворот» РФ трактуют как импульсивную реакцию Президента страны В.В. Путина на политику «ре-балансировки» экс-лидера США Б. Обамы в сторону Тихого океана. В главе также сформулированы и обоснованы функции, которые восточные районы России исправно выполняли в российском и советском государстве и продолжают осуществлять по сегодняшний день.

Вторая глава монографии демонстрирует, как и в каких проекциях Тихоокеанская Россия представлена в большой полити-

ке и большом бизнесе. Первый раздел посвящён трансформации современной политики Москвы в отношении восточных окраин страны. «Поворот России на Восток» представлен в нескольких измерениях: как участие РФ в геополитической реконфигурации современного мира; реализация Кремлём собственного геополитического проекта на постсоветском пространстве; экономическая интеграция России в АТР; развитие восточных районов страны; стратегическое сближение с Китаем. Декларации, решения и конкретные действия, формировавшие этот «поворот», не всегда были последовательными, нередко оказывались половинчатыми и противоречивыми. Они являлись результатом плотного переплетения глобальных, национальных и региональных интересов, стратегических соображений, приоритетов территориального развития и разнонаправленных устремлений тех или иных сегментов бюрократии, как и диаметрально противоположных симпатий и видений экспертов, влиявших на решения, принимавшиеся в Кремле, или же объяснявших их.

Раздел, посвящённый стратегии российского бизнеса, наглядно свидетельствует: в наибольшей степени территория Тихоокеанской России интересует предпринимателей, работающих в области минерального сырья и энергетики. Именно для них действительно важны азиатские рынки, а значит и данная территория, являющаяся воротами для проникновения туда. При этом поворот топливно-энергетических гигантов РФ к азиатским покупателям был предопределён не только сложностями на европейском пространстве, но и долгосрочными объективными тенденциями развития мирового рынка энергоресурсов.

В этой же главе анализируется, как Тихоокеанская Россия представлена в двусторонних отношениях РФ с государствами АТР, прежде всего в договорно-правовой среде, активно формировавшейся на протяжении последней четверти века. Именно на высшем уровне через двусторонние договоры Москвы с азиатскими соседями была создана нормативно-правовая база, которая не только регулирует многие вопросы

приграничных и региональных связей на субнациональном уровне, но и создаёт определённую политическую, законодательную и идеологическую атмосферу для их развития.

Если вторая глава демонстрирует взгляд на настоящее и будущее ТР с далёкого* европейского Запада, то третья — это уже взор с Востока, под углом зрения государств Северной Пацифики. Глава начинается с оценок, даваемых зарубежными экспертами российскому «повороту на Восток», политике Кремля по развитию Дальнего Востока, другим инициативам Москвы в Восточной Евразии и на Тихом океане, поскольку именно эти мнения и прогнозы служат ориентиром для выработки долговременных стратегий и конкретных решений Пекина, Токио, Сеула и Вашингтона в отношении Тихоокеанской России. Следующий далее анализ интересов Китая, Японии, стран Корейского полуострова и США в ТР, их политики по налаживанию взаимодействия с данным регионом в целом и его отдельными территориями свидетельствует, что все перечисленные государства демонстрируют заинтересованность в её энергетических ресурсах и транзитном потенциале, однако перспективы широкомасштабного сотрудничества и реальной интеграции Тихоокеанской России в экономическое пространство СВА и АТР оценивают пессимистично. При этом каждая из стран Северной Пацифики ставит во главу угла собственные интересы, стремится не допустить доминирования конкурентов (прежде всего Китая) в экономической сфере ТР, в результате чего возможности многосторонней кооперации и региональной интеграции на платформе данной территории кажутся весьма иллюзорными.

Позиция и интересы местной власти, представления предпринимательского и академического сообществ, да и всего

* Определение «далёкий» применительно к Тихоокеанской России используется авторами совсем не образно. На стеле на железнодорожном вокзале Владивостока указано точное расстояние до Москвы — 9288 км, Москву и Магадан разделяют 8 часовых поясов, и тот факт, что рабочий день в Петропавловске-Камчатском заканчивается, когда в Москве он только начинается, имеет немаловажное психологическое и управленческое значение.

населения Тихоокеанской России, о её внешнем окружении, угрозах и вызовах развитию и международном сотрудничестве, а также конкретные действия в этом направлении являются важным, а иногда и основным драйвером развития приграничных и межрегиональных связей. Но, как свидетельствует четвёртая глава монографии, данный фактор учитывается и используется в очень незначительной степени. Как и потенциал различных неформальных связей — институтов «народной дипломатии», в т.ч. побратимских отношений. Основой для авторских оценок и выводов послужили не только разнообразные документы и материалы, но и собственные полевые исследования, среди которых важное место занимают результаты социологических опросов населения и специально выделенной группы экспертов на разных территориях Тихоокеанской России в 2013, 2015 и 2016 гг. Анализ взглядов региональной интеллектуальной, политической и деловой элиты на интеграцию РФ в АТР и место в этом процессе её тихоокеанских районов, предпринятый по результатам опроса 200 экспертов в Приморском крае и г. Хабаровске, показал твёрдую убеждённость большинства из них в том, что Россия есть и должна быть азиатско-тихоокеанской державой, что политика Кремля по интеграции РФ в АТР полностью соответствует интересам страны, а основными партнёрами государства в этом регионе должны быть Китай, Япония и Южная Корея.

Пятая, заключительная, глава монографии посвящена формированию и функционированию одного из конкретных каналов интеграции России в экономическое пространство Северной Пацифики: торгово-экономическому и инвестиционному взаимодействию ТР с Китаем, Японией, США и странами Корейского полуострова. Совершенно очевидно, что, играя в целом скромную роль в экономических связях РФ с окружающим миром, Тихоокеанская Россия занимает исключительно важные позиции в торговле с государствами Северной Пацифики. На её долю приходится без малого третья часть (30%) всего отечественного экспорта в эти страны. ТР фактически сформировала стабильный канал той самой экономической

интеграции в АТР, о котором так мечтают в Москве, хотя до реальной интеграции или хотя бы производственной кооперации ещё далеко. В то же время не находят подтверждения алармистские заявления о превращении Тихоокеанской России в сырьевой придаток стран АТР и её растущей зависимости от Китая. Анализ показывает: чтобы превратиться в «придаток», нужно нечто большее, чем общая граница и сырьевой характер экспорта.

После долгих размышлений авторы решили оставить за скобками данной работы различные аспекты гуманитарного взаимодействия ТР с окружающим миром. Проблема оказалась многограннее и сложнее, чем представлялось ранее, изучена очень слабо и требует не только привычных исторических, политологических и экономических подходов, но и специального философско-культурологического, филологического, психолингвистического и иного инструментария.

Таким образом, эта книга представляет собой попытку выявления, обобщения и комплексного анализа возможностей и перспектив развития Тихоокеанской России, а также её роли в обеспечении интеграционного взаимодействия РФ с регионом Северной Пацифики. Совершенно очевидно, что отказ от привычного взгляда на эту территорию как на военный форпост и сырьевую кладовую и переход к её развитию в качестве передового региона подразумевает революцию в сознании, к которой, согласно исследованию, и власти, и население, и большая часть научного сообщества страны пока не готовы. Сегодня при решении региональных и даже глобальных проблем, угрожающих интересам и безопасности государства, интеграционный ресурс ТР используется малоэффективно, во многом в силу того, что решения принимаются в основном интуитивно, без соответствующей научной проработки.

Данная монография является результатом выполнения гранта РНФ *«Дальневосточный ресурс интеграции России в АТР: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия»*. Она также дополнена материалами, отражающими итоги работы по плановой теме Центра азиатско-тихоокеанских ис-

следований «Тихоокеанская Россия в планах и политике государств АТР». В большом коллективе авторов, чьи идеи, комментарии и материалы использованы при подготовке книги, не только сотрудники ИИАЭ ДВО РАН, но и коллеги из других академических институтов Москвы и Владивостока. Поскольку многие разделы являются плодом коллективных усилий, их авторство специально не обозначено. В работе также были использованы материалы канд. ист. наук Б.М. Афонина и канд. ист. наук Е.В. Пустовойта.

---

[1] Послание Президента Федеральному Собранию // Администрация Президента России. 12.12.2012. URL: http://kremlin.ru/transcripts/17118 (дата обращения: 30.03.2017).

[2] Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 142—154; Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 90—107; Макаров И.А. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.; Fortescue Stephen. Russia's "Turn to the East": a Study in Policy Making // Post-Soviet Affairs, 2015. URL: http://dx.doi.org/10.1080/1060586X.2015.1051750 (дата обращения: 02.08.2017); Toward the Great Ocean, or the New Globalization of Russia: Valdai Discussion Club Analytical Report / ed. by S. Karaganov. Moscow: Valdai club, 2012. 70 p.; Toward the Great Ocean-2, or Russia's Breakthrough to Asia: Valdai Discussion Club Report / ed. by S. Karaganov, V. Larin. Moscow: Valdai club, 2014. 76 p.; Klein Margarete. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy: SWP Research Paper. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2014. 37 p.; Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // Pacific Affairs. 2016. № 89(1). P. 53—73; Rodkiewicz Witold. The Turn to the East. The Flawed Diversification of Russian Foreign Policy. Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. 35 p.; Russia and East Asia: Informal and Gradual Integration / ed. by T. Akaha, A. Vassilieva. London; New York: Routledge, 2014. 293 p.; Russia's Shift toward Asia / ed. by Hiroshi Kimura. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. 236 p.; Russia's Prospects in Asia / ed. by Stephen J. Blanc. Carlisle: Strategic Studies Institute, 2010. 98 p.; 刘清才。21世纪初俄罗斯亚太政策研究 = Лю Цинцай. Азиатско-тихоокеанская политика России в 21 веке. 北京。社会科学文献出版社 = Пекин. Изд-во литературы по общественным наукам, 2013. 277 с.; 邢广程。俄罗斯亚太战略和

政策的新变化 = Син Гуанчэн. Новые изменения в стратегии и политике России в АТР // 国际问题研究 = Международные проблемы. 2012. № 5. С. 103—114 и др.

[3] См.: Александрова М.В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: Огни, 2005. 262 с.; Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 208 с.; Гарусова Л.Н. Российский Дальний Восток и Соединённые Штаты Америки: 1991—2000. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. 240 с.; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях: 80-е годы XX — начало XXI в. М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.; Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в современной политике Японии // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 3—16; Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.; Россия и Китай: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 2014. 208 с.; Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 431 с.; Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.; International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by J. Huang, A. Korolev. NY: Palgrave Macmillan, 2015. 259 p.; Li Xin. Eluosi sibolia he yuandong kaifa yu zhongguode jiyu = Russia Siberia and the Far East Development and the Chances for China // Sibolia yanjiu = Siberian Studies. 2013. № 6. P. 32—36; Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. London; NY: Routledge, 1999. 233 p.; Rozman G. Strategic Thinking about the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes its Future in Northeast Asia // Problems of Post-Communism. 2008. № 55(1). P. 36—48; 李新。俄罗斯西伯利亚和远东开发与中国的机遇 = Ли Синь. Развитие российских Сибири и Дальнего Востока и шансы Китая // 西伯利亚研究 = Сибирские исследования. 2013. № 6. С. 32—36; 石 泽。俄罗斯东部开发：中俄合作的视角 = Ши Цзэ. Развитие восточных районов России: перспективы китайско-российского сотрудничества // 国际问题研究 = Международные проблемы. 2017. № 1. С. 23—32 и др.

[4] Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community / ed. by Michael J. Green, Bates Gill. NY: Columbia Univ. Press, 2009. 400 p.; Calder Kent, Min Ye. The Making of North East Asia. Stanford: Stanford University Press, 2010. 368 p.; Conflict and Cooperation in the Asia-Pacific Region: A Strategic Net Assessment. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2015. 268 p.; Cross Currents, Regionalism and Nationalism in Northeast Asia / ed. by Gi-Wook Shin, Daniel C. Sneider. Stanford, CA: The Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2007. 36 p.; Palmer Norman D. The New Regionalism in Asia and the Pacific. Toronto, Massachusetts: Lexington Books, 1991. 223 p.; Rozman Gilbert. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.; Yan Xuetong. The Shift

of the World Center and Its Impact of the Change of the International System // East Asia. 2013. Vol. 30. № 3. P. 217—235.

[5] Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Международное экономическое сотрудничество в Восточной Азии: возможности для российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1998. 88 с.; Bradshaw M.J. The Russian Far East and Pacific Asia: Unfulfilled potential. London; NY: Routledge, 2013. 409 p.; Meyer P.F. The Russian Far East's Economic Integration with Northeast Asia: Problems and Prospects // Pacific Affairs. 1999. № 2. P. 209—224; Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the "Community of Asia". Vol. 1. Crossroads in Northeast Asia. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. 116 p.

[6] Забияко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Амурский гос. ун-т., 2002. Вып. 3. С. 422—428; Кубарский Д.В. Психологические особенности восприятия китайских мигрантов русским населением Хабаровска // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 106—124; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.

[7] Katzenstein P.J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Cornell: Cornell University Press, 2005. P. 9; Edward D. Mansfield and Etel Solingen. Regionalism // Annual Review of Political Science. 2010. Vol. 13. P. 145—163; Uwe Wunderlich. The New Regionalism — An Analytical Framework for the Conceptualization of European Integration? // Paper Presented at the Second Pan-European Conference on EU Politics "Implications of a Wider Europe: Politics, Insitutions and Diversity". ECPR Standing Group on the European Union. Bologna. June 2004. P. 26—27.

[8] Regionalization in a Globalizing World. A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes / ed. by M. Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. London; NY: Zed Books, 2001. 320 p.

[9] Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Introduction: a Framework for Understanding Regionalization // Regionalization in a globalizing world. A Comparative perspective on forms, actors and processes / ed. by M. Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. London; NY: Zed Books, 2001. P. 5.

[10] Fawcett L. Exploring Regional Domains: a Comparative History of Regionalism // International Affairs. 2004. No. 80/3. P. 433.

[11] Börzel T.A. Comparative Regionalism: European Integration and Beyond // Handbook on International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. Simmons. London: Sage, 2013. P. 503—530.

[12] Hobson J.M. The State and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 145; Jepperson R.L., Wendt A., Katzenstein P.J. Norms, Identity and Culture in National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by Katzenstein P.J. NY: Columbia University Press, 1996. P. 54; Uwe Wunderlich. The New Regionalism — An Analytical

Framework for the Conceptualization of European Integration? // Paper Presented at the Second Pan-European Conference on EU Politics "Implications of a Wider Europe: Politics, Institutions and Diversity". ECPR Standing Group on the European Union. Bologna. June 2004. P. 12—13.

[13] Regionalization in a Globalizing World. A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes / ed. by M. Schulz, F. Söderbaum, J. Öjendal. London; NY: Zed Books, 2001. 320 p.

[14] Shaun Breslin. Studying Regionalism(s): Comparativism and Eurocentrism // Paper for the Joint Conference by Fudan University and London School of Economics on China and Asian Regionalism. Shanghai, 7—8 Jan. 2005. P. 18.

[15] Björn Hettne and Fredrik Söderbaum. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 457—473.

[16] Ibid.

Глава 1

ПРОСТРАНСТВО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ

Поскольку монография оперирует геополитическими и эконом-географическими понятиями, не совсем привычными не только широкому читателю, но и специалистам, такими как «Тихоокеанская Россия», «Северная Пацифика», или категориями хорошо известными, но многообразно и порой широко и абстрактно толкуемыми (например «интеграция»); первая глава посвящена разъяснению этих понятий и категорий. Не отказываясь полностью от таких привычных терминов, как «Дальний Восток», «Северо-Восточная Азия», «Азиатско-Тихоокеанский регион», мы всё же уверены, что новая эпоха требует новых подходов и дефиниций. Поскольку исторический контекст играет исключительно важную роль и в политике России, и в её взаимоотношениях с азиатскими соседями, в этой главе представлен краткий экскурс в историю формирования и реализации тихоокеанской политики России/СССР, функции тихоокеанских территорий страны в этой политике и их значения для российского государства. Также в главе рассмотрены взгляды государств Северной Пацифики на сущность интеграции и конкретные попытки, преимущественно теоретического характера, «запустить» или стимулировать интеграционные процессы в регионе.

1.1. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические предпосылки выделения макрорегиона

В контексте данной монографии Тихоокеанская Россия, или Тихоокеанский регион России (ТР), — это территория от оз. Байкал до побережья Тихого океана, экономически и морально-психологически ориентированная в сторону тихоокеанского экономического пространства. В современном политико-экономическом дискурсе России эта территория фигурирует как «Дальний Восток и Байкальский регион».

Экономическая ориентация ТР на восток обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, структурой внешних связей региона. В 2012—2016 гг. в общем объёме его внешней торговли три четверти — от 72% в 2016 г. до 78% в 2014 г. — приходилось на долю стран Северной Пацифики[1]. Во-вторых, стратегической ориентацией субъектов федерации, оставляющих этот регион: все они планируют своё будущее главным образом через развитие сотрудничества со странами Тихоокеанской Азии[2]. В-третьих, предпочтениями жителей, увязывающих будущее своих территорий опять же с этими странами. По данным социологического опроса 2013 г., за первоочередное развитие отношений с Китаем высказались 68% опрошенных жителей региона, 52% назвали приоритетными отношения с Японией, 49% — с Республикой Корея[3]. В 2016 г. 73% опрошенных горожан российско-китайского приграничья (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Биробиджан) посчитали наиважнейшим развитие отношений своих территорий с Китаем, 40% — с Японией и 28% — с Южной Кореей. В обоих случаях за первоочередное развитие экономических связей с Западной Европой высказались лишь 6% респондентов. Экспертное сообщество региона ориентировано на Тихий океан ещё в большей степени (подробнее о результатах опросов населения и экспертов 2015—2016 гг. см. главу 3 настоящей книги).

Правительство России уже негласно рассматривает эти территории как единый социально-экономический регион.

Разработанные и принятые правительством в последние годы Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.[4] и Государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона[5], по сути дела, присоединили к Дальневосточному федеральному округу часть Восточной Сибири (Забайкальский край, республику Бурятия и Иркутскую область). Таким образом, континентальная часть Тихоокеанской России охватывает территорию общей площадью 7,77 млн кв. км с населением 10,7 млн чел. и валовым региональным продуктом (на 2013 г.) в 4 млрд руб.[6]

В то же время Тихоокеанская Россия — это не только северо-восточный сегмент Евразийского континента. Она включает в себя морскую экономическую (200-мильную) зону, площадь которой достигает 5,5 млн кв. км, и восточную часть арктического шельфа. И в самом названии «Тихоокеанская Россия» заложено не удалённое от европейской прародины местоположение (дальний от Европы Восток), а стратегически значимая притихоокеанская географическая позиция региона[7].

Важнейшей особенностью географического положения восточных районов России является их широкий выход к морям Тихого и Северного Ледовитого океанов. Под этим углом зрения в регионе можно выделить три типа территорий.

1. Субъекты РФ, непосредственно выходящие к восточным морям и Тихому океану (Чукотский автономный округ, Приморский, Камчатский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области).
2. Республика Саха (Якутия), северным побережьем выходящая к морям Северного Ледовитого океана. Благодаря этому Якутия через Северный морской путь также связана с Тихим океаном.
3. Субъекты, не являющиеся приморскими: республика Бурятия, Иркутская, Амурская и Еврейская автономная области, Забайкальский край. При этом три последних субъекта федерации связаны с восточными морями и Тихим океаном через крупную судоходную реку Амур (рис. 1).

Естественное, но в советское время искусственно сдерживавшееся экономико-географическое тяготение восточных районов

Рис. 1. Экономико-географическое тяготение субъектов России к Тихому океану

России к Тихому океану, к его природным ресурсам, транспортно-транзитному потенциалу и ёмкому рынку притихоокеанских государств стало существенно усиливаться с 1990-х гг. в условиях становления рыночных отношений и фактического разрыва их экономических связей с европейскими районами страны.

Этому устремлению способствовала активизация грузоперевозок по Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожным магистралям, обусловленная ростом внешнеэкономических связей России со странами АТР. Построенный в 2006 — 2012 гг. магистральный нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан от г. Тайшет (Иркутская область) до морского нефте-перегрузочного терминала в бухте Козьмино (вблизи г. Находка Приморского края) с ответвлением из Амурской области в КНР ещё сильнее связал экономики России и её азиатских соседей.

В государственных программах развития Дальнего Востока предусматривается стимулирование морехозяйственного сектора экономики как приоритетного, создание кластеров предприятий, добывающих и перерабатывающих различные морские природные ресурсы региона, в том числе биологические, нефтегазовые и другие с их преимущественной ориентацией на экспорт. Намечается развитие морского судостроения. Таким образом, действия правительства ещё более усиливают ориентацию ТР в сторону океана, к его ресурсам и потенциалу. Долгосрочные перспективы этого региона уже не могут сколько-нибудь полно оцениваться без охвата 200-мильной морской экономической зоны. Как показывают различные исследования[8], все эти тенденции имеют долгосрочный характер, что и даёт основание называть этот макрорегион России с его 200-мильной морской экономической зоной Тихоокеанской Россией.

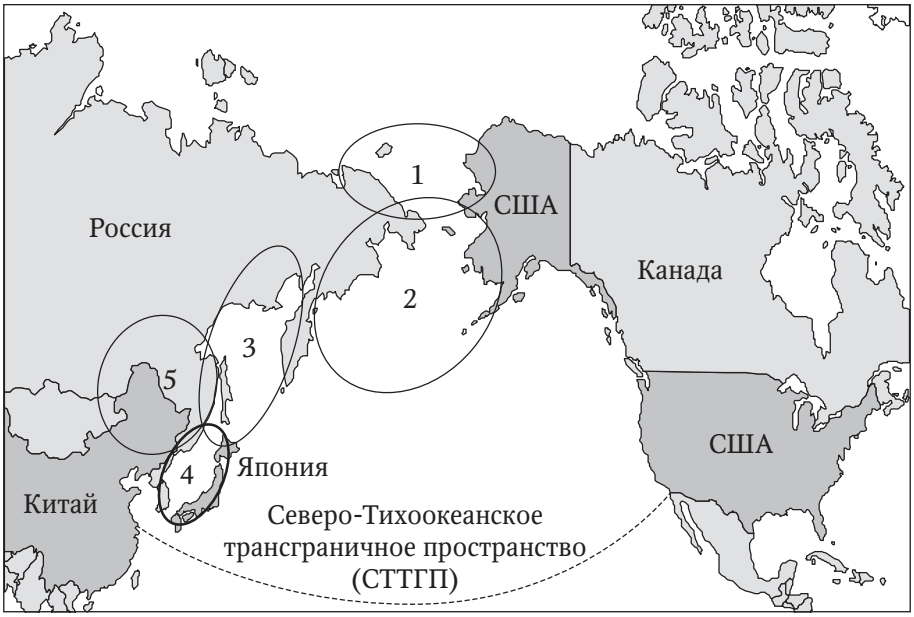
С точки зрения геополитического положения, Тихоокеанская Россия — это ещё и зона глобальных контактных географических структур[9]. Во-первых, это стык северо-востока Евразии с Тихим и Северным Ледовитым океанами, где возникают различные взаимосвязи между сушей и морем в природно-экологической и природно-ресурсной сферах. Во-вторых, именно в этой зоне Россия непосредственно соседствует с крупнейшими экономиками мира: США, Китаем, Японией. В контактных структурах наблюдается сгущение государственных границ — как сухопутных, так и морских; в них формируются и исполняются разнообразные контактные функции, в том числе в процессе освоения природных ресурсов морей и океана, их комплексирования с природными ресурсами суши;

внешнеэкономических взаимодействий через стыки наземных и морских транспортных систем. Выполнение макрорегионом контактных функций на глобальном уровне формирует обширные трансграничные зоны экономического и ресурсно-экологического влияния, порождая как общие геополитические интересы, так и противоречия и проблемы[10].

Глобализирующиеся рыночные взаимодействия происходят через трансконтинентальные (трансевразийские) транспортные коридоры, начальные звенья которых расположены в ТР: это Транссибирская железнодорожная магистраль с выходящими на неё Байкало-Амурской и Китайской восточной железными дорогами. В перспективе всё большее значение будет приобретать Северный морской путь.

Важнейшей специфической чертой геополитического положения ТР является вхождение её отдельных частей в крупные трансграничные регионы — целостные в природно-ресурсном и природно-экологическом отношении географические системы, пересекаемые государственными границами[11]. Практически все бассейны дальневосточных морей (Чукотского, Берингова, Охотского, Японского), будучи целостными морскими геосистемами (экосистемами), являются трансграничными: через них проходят государственные границы как сухопутные, так и морские (рис. 2).

Трансграничность морских бассейнов в конечном счёте обусловливает и то, что все морские акватории таких бассейнов по мере их освоения становятся зоной пересечения геополитических интересов практически всех выходящих к морскому побережью стран[12], особенно тихоокеанских морских держав с их мощными военными и гражданскими флотами. Например, акватория Японского моря является зоной пересечения геополитических интересов России, Японии, Республики Корея и КНДР. Китай, который имеет часть своей территории в этом трансграничном регионе — бассейне р. Туманной, также не скрывает своих геополитических интересов в этом море. Акватория Охотского моря является в большей мере зоной российских геополитических интересов и в меньшей — японских. Акватория Чукотского и Берингова морей — это зона, где



Основные трансграничные регионы:
1 — Бассейн Чукотского моря; 2 — Бассейн Берингова моря; 3 — Бассейн Охотского моря; 4 — Бассейн Японского моря; 5 — Бассейн р. Амур.

Рис. 2. Основные трансграничные регионы в Северо-Тихоокеанском (Северная Пацифика) трансграничном пространстве

соприкасаются российские и американские интересы. Закономерно, и исторический опыт это подтверждает, что между приморскими странами, выходящими к общим для них сегментам мирового океана, пересечение геополитических интересов чревато возникновением конфликтных ситуаций, иногда приводящих к геополитическим проблемам.

Целостными природно-ресурсными и экологическими системами являются бассейны пограничных рек Амур, Уссури, Туманная и др., а также бассейн оз. Ханка.

Природные ресурсы трансграничных регионов и происходящие в них естественные процессы (морские течения, миграции рыб, речной сток, нефтегазоносные структуры дна, циркуляция атмосферы и т.п.), несмотря на их разделение государственными границами, тесно взаимосвязаны. Качественно-количественные изменения отдельных ресурсосодержащих

компонентов или окружающей среды в одном месте (ареале) трансграничного региона (трансграничной геосистемы), как правило, передаются в другие её части (ареалы), в том числе расположенные в других странах. Поэтому эффективная эксплуатация природно-ресурсного потенциала во всём трансграничном регионе, а также организация устойчивого, эффективного природопользования возможны только в пределах всего трансграничного пространства. В той же степени поддержание экологического состояния рек и морей, морских и речных экосистем, сохранение морского биоразнообразия — это задача, которая может успешно решаться только при постоянном взаимодействии стран, территории которых охватывают эти экосистемы.

Как макрорегион Тихоокеанская Россия органично вписывается в Северо-Тихоокеанское трансграничное пространство — Северную Пацифику. Трансграничность является важным фактором её регионального развития, порождая не только непростые вызовы, но и немалые возможности. И прежде всего, закладывает объективные предпосылки для международного сотрудничества.

1.2. Исторический контекст: Тихоокеанская Россия в восточной политике России XVII—XX вв.

Ретроспективный анализ восточной политики России XVII—XX вв. позволяет выделить ряд базовых факторов и констант, определявших суть этой политики в прошлом и влияющих — прямо и опосредованно — на формирование современных подходов Москвы к Азиатско-Тихоокеанскому региону в целом и своим восточным районам в частности.

Во-первых, внешняя политика России традиционно европоцентрична. Основная часть населения, экономического потенциала, бюрократических структур страны всегда была сконцентрирована в её европейской части. Восточное направление имело второстепенное значение, а Восточная Азия, с точки

зрения национальных интересов, воспринималась государством чаще всего как далёкая и малоинтересная периферия.

Во-вторых, вследствие вышесказанного Россия никогда не имела цельной, последовательной, теоретически обоснованной стратегии в Восточной Азии и на Тихом океане, что стало производным от однозначного выбора между Западом и Востоком в пользу Запада.

В-третьих, при формировании восточной политики страны военно-стратегические соображения имели абсолютный примат над экономическими интересами.

В-четвёртых, Центр (в лице царского и советского правительств) всегда рассматривал свои тихоокеанские территории как важный фактор присутствия России в Азии и на Тихом океане, как средство и инструмент своей восточной политики и плацдарм для её реализации.

Эти константы имели объективные основы, которые сохраняются в настоящее время. Прежде всего, европейская природа славянской цивилизации сформировала европоцентричные менталитет и интересы правящей, политической, деловой и интеллектуальной элит страны, определяла сложности восприятия ими азиатского мира и взаимодействия с ним. Географическая отдалённость и инфраструктурная оторванность Дальнего Востока от европейского центра сформировали представление о нём как о «вторичной», с точки зрения российского государства, территории. Угрозы существованию российского государства шли преимущественно с Запада. Периодически возникавшие вызовы с Востока были чреваты потерей части территории, но не суверенитета и государственности России. С другой стороны, изначально в Восточной Азии, а в советский период на большей части АТР, сложилось подозрительное отношение к России сначала как к проводнику пришлой и чуждой культуры, затем — подрывной (коммунистической) идеологии, как к враждебной и агрессивной силе, угрожавшей интересам и устоям локальных цивилизаций.

В силу воздействия перечисленных выше, а также иных факторов тихоокеанская политика России имела цикличный характер и приобретала внятные очертания только тогда, когда

заметно возрастала международная активность в зоне Тихоокеанской Азии. Важнейшим мотивом для власти было соперничество с европейскими державами и США за лидерство и расширение своего влияния в регионе. Главным импульсом, заставлявшим центр обращать пристальное внимание на восточноазиатские и дальневосточные дела, было появление вызовов с Востока, прежде всего обострение военно-политической обстановки на границе России и угроза (реальная или мнимая) территориальной целостности страны — отторжения её восточных владений.

Все эти обстоятельства в совокупности сформировали геополитическую миссию Тихоокеанской России, которую она выполняла как в Российской империи, так и в СССР.

Прежде всего, освоение и социально-экономическое развитие Дальнего Востока всегда являлось для России не столько экономическим, сколько геополитическим предприятием. Поскольку этот регион обладал минимальным ресурсом (природно-климатическим, политическим, демографическим, финансовым) для саморазвития, то тренды российской политики по его освоению и использованию главным образом определялись (1) интересами, (2) идеологическими воззрениями и (3) политикой Центра и лишь в малой степени — потребностями, возможностями, энергией и деятельностью населявших его людей.

В 60-е гг. XIX в. с присоединением Приамурья к России завершился процесс становления Российского государства как евроазиатского. Расширение территории и укрепление позиций России на Тихом океане создали важнейшие условия для того, чтобы страна развивалась как морская держава. С той поры регион воспринимался правителями государства прежде всего в контексте обеспечения высокого международного статуса государства (великая держава); через призму глобальных российских интересов на Тихом океане; как источник стратегических ресурсов для центра и только после этого — как территория возможного освоения и размещения населения. Обладание огромным пространством Сибири и Дальнего Востока априори придавало России статус и великой, и тихоокеанской

державы, хотя при этом налагало на неё нелёгкое бремя содержания и обеспечения безопасности этих обширных и пустынных территорий.

Для экономической элиты России регион никогда не представлял заметного интереса. Крупные экономические проекты, которые государство реализовывало в Сибири и на Дальнем Востоке, имели в первую очередь стратегическую и военно-политическую направленность. Причинами тому являлись:

1. Малопригодные для жизни и эффективной экономической деятельности природно-климатические условия на большей части этой территории.
2. Географическая отдалённость от центра, слабо развитая система внешних и внутренних коммуникаций.
3. Малая численность населения, демографическая разрежённость территории.
4. Перманентная военно-политическая напряжённость по периметру восточной границы, сформировавшая представление Центра об уязвимости российских владений на крайнем востоке и неуверенность в способности их удержать. Территориальные претензии и захватнические планы Японии, неудовлетворённость Китая итогами пограничного размежевания с Россией, идеологические противоречия и военное противостояние с США, наличие приграничных зон вооружённого противостояния и конфликтов (Маньчжурия в первой половине XX в., Корейский полуостров во второй половине столетия) подпитывали постоянный страх потери территории.

В определённые периоды истории Дальний Восток служил для российской политической элиты «сигналом» военной слабости России* и в то же время символизировал «силу крепости духа» и патриотизма россиян. Опыт Первой мировой войны показал, что ограниченное военное присутствие на Дальнем Востоке могло иметь критическое значение, поскольку при возникновении крупного военного конфликта в Европе СССР

* В качестве примеров можно привести: в ранний период освоения — Нерчинский договор, в ходе Русско-японской войны 1905 г. — уступку части Сахалина к югу от 50-й параллели.

оказывался бы отрезанным от внешнего мира и мог осуществлять с ним связь только через Владивосток. Кроме того, в случае захвата Дальнего Востока неприятель получал возможность двигаться через Сибирь в сторону Урала, создавая угрозу важнейшим промышленным районам и вынуждая СССР вести войну на два фронта. Ограниченная пропускная способность Транссибирской железной дороги вынуждала держать на Дальнем Востоке в угрожаемый период такую группировку войск, которая смогла бы вести боевые действия самостоятельно.

Эти обстоятельства породили триединую цель, лежащую в основе восточной политики России:

1) поддержание статуса России как тихоокеанской державы;
2) обеспечение безопасности и обороноспособности территории ТР, которая целиком и полностью (за исключением Якутии) являлась приграничной;
3) развитие экономического потенциала региона для снижения издержек по его обеспечению.

Над решением этих задач Российское государство бьётся уже полтора столетия. Используемый для этого набор средств традиционен и включает:

а) оборонительное строительство;
б) преодоление инфраструктурной оторванности от метрополии;
в) активную миграционную политику для обеспечения доминирования славянского населения;
г) экономические мегапроекты.

Государство принимало специальные политические решения, вырабатывало особые административные и экономические меры, направленные на полномасштабное освоение территории. Для этих целей создавалась необходимая для нужд обороны промышленность, строилась транспортная инфраструктура стратегического характера (Транссиб, КВЖД, БАМ, автодороги к линии границы), реализовывались программы переселения. Грандиозность решавшихся задач и цикличность восточной политики России определили расхождение между принимавшимися планами социально-экономического развития региона и реальными результатами.

Обобщая вышесказанное, можно определить функции ТР, которые она исправно выполняла в российском и советском государствах.

Функция первая: оборонительный рубеж, граница.

Отдалённость тихоокеанских владений России от её европейского центра, чуждое цивилизационное окружение изначально сформировали отношение Санкт-Петербурга и Москвы к этой территории как к военно-политическому и стратегическому рубежу государства на Востоке. Побережье Тихого океана было и на сегодняшний день остаётся для России не воротами в Азию, а естественной географической границей экспансии, рубежом, барьером, который так и не был преодолён ни в психологическом, ни в политическом, ни в экономическом отношениях.

У Центра всегда преобладало охранительное, а не контактное понимание государственной границы — как заслона против внешней экспансии и враждебного проникновения, нацеленных на отторжение от России всей или части территории Дальнего Востока. С XIX в. регион приобрёл и исправно выполнял национальную миссию «территории-крепости». Её реализация стала долговременной доминантой развития национальной элиты, устойчивым фактором формирования политической культуры региона, в основе которой находилась проблема взаимоотношений с Центром. В общегосударственном масштабе дальневосточный фактор стал одним из условий воспроизводства государственно-державного менталитета российской элиты, в том числе и в советскую эпоху.

Функция вторая: буферная зона и территория межкультурного взаимодействия.

Овладев тихоокеанским побережьем, Россия стала единственным европейским государством, имеющим общую границу с восточноазиатскими цивилизациями — китайской, японской и корейской; обширную естественно-географическую зону прямых контактов. Тихоокеанская Россия — территория постоянного проживания и массового присутствия (туристы, студенты, предприниматели, рабочие, торговцы) представителей этих цивилизаций.

Функция третья: военный форпост и плацдарм для дальнейшей экспансии.

Восточные территории стимулировали политическую элиту на организацию в России/СССР форм прямого военного управления (наместничество, укрепрайоны, военные округа, закрытые территории, создание городов-крепостей Владивосток, Петропавловск-Камчатский, военно-промышленные предприятия), в целом влияя на общий политический процесс и характер хозяйственного комплекса в государстве. В условиях превращения СССР в «осаждённый военный лагерь» Дальний Восток стал территорией с повышенным уровнем милитаризации экономики и всей жизни.

Во второй половине XIX — начале XX вв. Тихоокеанская Россия была платформой для внешней экспансии России: сначала территориальной (Маньчжурия), в 20—80-е гг. XX в. — идеологической (распространение коммунизма в Азии), в начале XXI в. — экономической (энергетической).

Функция четвёртая: ресурсная база для всей страны.

В силу своей, во-первых, военно-стратегической, а во-вторых, ресурсной значимости на первое место в организации жизни дальневосточных территорий выходила функция обеспечения потребностей России. На протяжении более трёх веков Дальний Восток выполнял фискальные задачи в интересах государства, был источником стратегических товаров: пушнины, моржовой кости, леса, рыбы, золота, угля, олова и других редких металлов, которые были статьями пополнения казны, а с 1863 г. — государственного бюджета. Ещё в наказах воеводам специально предписывалось вести поиск серебряной и золотой руды, драгоценных камней. Природные богатства региона — золото, уголь, нефть, газ, древесина, морские биологические ресурсы — всегда рассматривались как стратегический ресурс, призванный работать на интересы всего государства. Доходы от освоения этих запасов были способны облегчить финансово-экономическое бремя по содержанию региона, которое государство вынуждено нести*. Предприятия региона от-

* Даже в наиболее благоприятные с экономической точки зрения десятилетия — в 70—80-е гг. XX в. — регион потреблял продукции на четверть больше, чем

правляли основную свою продукцию (80—100%) в европейскую часть и другие районы страны.

В то же время территория обеспечивала социально-политическую безопасность государства. В период распада Российской империи и становления Советского государства Дальневосточная Республика создала условия для сохранения территориальной целостности РСФСР, а также урегулирования международных отношений. Непосредственные военные конфликты в регионе, такие как Хасанский, Даманский, война с Японией — завершающий акт Второй мировой войны, не только оказались корректирующим опытом для общей военно-политической доктрины, но и демонстрацией героизма советской армии и символом победы. В предвоенный период и годы Второй мировой войны восточный оборонительный рубеж выполнял двойную функцию — тыла и прифронтовой территории СССР.

Функция пятая: естественный природно-ресурсный резерв политической власти, территория для романтиков, искателей приключений и лучшей жизни, ссыльных и каторжан.

Восточные районы России долгое время играли в стране роль социального «клапана», которым и царское, и советское правительство пользовались для ослабления демографической и социальной напряжённости в государстве. В условиях тоталитарного политического режима территория Дальнего Востока была использована для изоляции большой массы политических заключённых, но в то же время стала зоной активной индустриализации, проводившейся за счёт мобилизации и распределения ресурсов.

Функция шестая: платформа экономического взаимодействия со странами Восточной Азии.

В конце XIX — начале XX вв. регион обеспечивал экспортную политику России, здесь был накоплен опыт порто-франко. Став неотъемлемой частью российского экономического пространства, регион усилил позиции России в торговых

производил. К 1970 г. доля Дальнего Востока в валовой продукции промышленности РСФСР составляла 2,6%, сельского хозяйства — 1,2%, транспорта — 6,3%.

отношениях с северным Китаем, а транспортный коридор Транссиб — КВЖД — порт Владивосток в определённой степени способствовал запуску механизмов саморазвития. Капиталистический уклад в промышленном и сельскохозяйственном производстве региона значительно расширил территорию России, на которой уже в начале XX в. господствовало рыночное хозяйство

Однако приоритетом развития Дальнего Востока оставалось обеспечение защиты от внешних угроз. Эта цель достигалась преимущественно за счёт государственных ресурсов. В 1923—1928 гг. Центр активно использовал экспортную и сырьевую специализацию региона, возможности Транссиба, а также портовой инфраструктуры г. Владивостока для выхода СССР в Северо-Восточную Азию. Постепенно по мере индустриализации и позднесоветской модернизации регион превращался в «транспортный коридор» для расширения торговых отношений с окружающим миром. С 1960-х гг. он выполнял функцию плацдарма для продвижения России на рынки стран АТР; началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов региона в форме компенсационных соглашений; региональное сотрудничество было монополизировано государством. К 1965 г. прибрежная торговля значительно расширилась: экспорт советских товаров возрос с 602 тыс. долл. США в 1963 г. до 3,6 млн долл. США в 1965 г., в таком же объёме увеличился импорт. Торговля осуществлялась по линии специально учреждённых государственных структур: в 1964 г. появился «Дальинторг», позднее — Дальневосточное отделение в/о «Экспортлес».

В 70-е гг. XX в. Дальний Восток начал выполнять ещё одну важную общегосударственную функцию, став звеном транспортной системы «контейнерных перевозок» Восток—Запад. Этот путь был самым коротким сухопутным транспортным коридором. Япония использовала этот прямой дешёвый путь в Европу, поставляя технику и товары повседневного спроса в собственных контейнерах. Внешняя торговля строилась на основе административного управления и была жёстко централизована.

В условиях радикальных политических и экономических реформ 90-х гг. XX в. и резко возросших транспортных тарифов, а также либерализации всех форм экономического сотрудничества хозяйственные связи дальневосточных субъектов в течение двух-трёх лет из межрайонных трансформировались в международные. При этом ресурсная составляющая вклада территории в российский экономико-хозяйственный процесс сохранилась. Однако особенности формирования предпринимательства (преобладание компаний-рантье, вывоз леса, рыбы, биоресурсов в Восточную Азию) в начале XXI в. и резкое ослабление государства привели к тому, что ресурсный потенциал региона использовался неэффективно.

Закреплённый за Тихоокеанской Россией статус и её особая миссия определили особенности социально-экономического и политического развития региона. Рассматривая этот регион как средство и инструмент реализации восточной политики, государство взяло на вооружение объективно наиболее приемлемые в этих условиях колониальные методы эксплуатации его ресурсов. Оно никогда не имело достаточных финансовых и демографических возможностей для его полноценного хозяйственного освоения. Дальний Восток, являясь с конца 1920-х гг. частью централизованной экономики страны, стал источником поступления природных ресурсов, хотя его общая полезность была неравномерной. В то же время своими неосвоенными и богатыми пространствами эта территория воспроизводила условия для консервации экстенсивного развития национальной экономики.

Для системы управления регионом были характерны наличие жёсткой вертикали власти, значительная роль военных кадров и силовых структур, в том числе в определении генеральной линии развития территории. Более того, силовые структуры Дальнего Востока стали инструментом формирования российской государственно-правовой модели. В условиях острой нехватки трудовых ресурсов в регионе именно они выполняли целый ряд политических, управленческих, экономических, хозяйственных и социальных функций. Эта военно-политическая система вплоть до 90-х гг. XX в. не только была

важнейшим условием централизации управления и обеспечения безопасности региона, но и его жизнеобеспечения. Она же нацеливала его экономическое развитие на службу военным целям. В этой системе человеческий ресурс считался не более чем средством для исполнения имперских стратегических и геополитических задач. Они решались — без особого успеха — посредством реализации специальной демографической и переселенческой политики на Дальнем Востоке. В результате мигранты всегда доминировали в структуре населения региона.

В результате воздействия комплекса внутренних и внешних факторов и условий развития Тихоокеанской России возникли *коренное противоречие и ключевая проблема*, которые длительное время препятствовали эффективному её освоению — это противоречие между интересами государства, решающего стратегические задачи, и населения региона, которое в большинстве своём стремилось и стремится к лучшей — более состоятельной, безопасной и комфортной — жизни.

1.3. Северная Пацифика как интеграционное пространство России: «за» и «против»

России, как и другим мировым игрокам, «нужны географические метки, которые могут идентифицировать части мира, где человеческая деятельность вершится между локальным и глобальным и пересекает национальные политические границы», при этом совсем не обязательно «принимать все те [метки], которые достались нам по наследству»[13]. Существенно изменившиеся в последние годы геополитические приоритеты Кремля и необходимость укрепления позиций РФ в азиатско-тихоокеанской части мира естественным образом требуют понятных и чётких ориентиров как для страны в целом, так и для отдельных её территорий.

Доступное для международного взаимодействия Тихоокеанской России геополитическое и геоэкономическое простран-

ство в значительной степени формируется политикой федерального центра. Идеологически восточные координаты этой политики определялись в последние полтора десятилетия двумя абстрактными концепциями: «интеграцией России в Азиатско-Тихоокеанский регион» и её «поворотом на Восток». Наряду с «социально-экономическим развитием Дальнего Востока и Забайкалья» эти концепции неизменно, хотя и в разных вариациях, фигурируют в перечне главных задач российского государства. Параллельно с этим политическая и экономическая мысль международного сообщества фокусируется на создании приемлемых моделей региональной интеграции и обеспечении безопасности Северо-Восточной и Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Конкретные результаты во всех случаях минимальны: изящные виртуальные конструкции не работают, интеграционные проекты буксуют, а разбитых дорог на пути в «светлое будущее» оказывается больше, чем прямых магистралей.

На протяжении долгой истории, начиная с момента выхода Российской империи на берега Тихого океана в первой половине XVII в., страна неоднократно прилагала усилия как по освоению своих восточных территорий, так и укреплению позиций в Азии. Два её предшествующих «разворота на Восток» — имперский и советский — не только не привели к достижению желаемых результатов, но и повлекли за собой цепь весьма противоречивых для неё самой и всего мира последствий. Первый из них был предпринят в конце XIX — начале XX в., когда в обстановке ухудшающихся отношений со старыми и новыми европейскими союзниками Россия решила активизировать восточное направление внешней политики с твёрдым намерением укрепить своё влияние на берегах Тихого океана. Этот поход привёл Россию к войне с Японией, поражению в этой войне и последующим революционным потрясениям. Вторым «разворотом» стала попытка СССР в середине XX в., в условиях эскалации «холодного» противостояния в Европе, расширить своё влияние в Азии на основе создания и поддержки коммунистических режимов в Китае, Северной Корее и других азиатских странах. Результатом стало

обострение военно-политической конфронтации в этой части мира, идеологический раскол Азии и прямой конфликт Советского Союза с бывшим союзником — КНР.

Сегодня идея поворота России к Азии и активизации восточного вектора внешней политики РФ вновь приобретает необычайную популярность, выступая в качестве одного из ключевых маркеров её предполагаемого развития. Отталкиваясь от посылки о сократившихся возможностях «исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике», «рассредоточении мирового потенциала силы и развития, его смещении в Азиатско-Тихоокеанский регион» и принадлежности России «к этому динамично развивающемуся геополитическому региону», действующая Концепция внешней политики РФ ставит задачу укрепления позиций России в АТР и активизации её отношений с расположенными в нём государствами в качестве «стратегически важного направления» внешней политики»[14].

Но при этом перспективы и следствия нового «поворота России на Восток» пока не вполне ясны. И связано это не только с тем, что он, как и два предшествующих, активизирован в условиях неблагоприятной внешней ситуации, характеризующейся нарастанием конфликтного потенциала в мире и серьёзным охлаждением отношений РФ с Западом. Гораздо более серьёзную проблему, радикальным образом меняющую ситуацию, создают, во-первых, принципиально изменившийся пространственный и содержательный контекст того, что понимается под Азией и определяется ныне как Азиатско-Тихоокеанский регион. Во-первых, абсолютно не понятно, о каком Востоке ведут речь лидеры страны. Географическом или цивилизационном? Ближнем, Среднем, Дальнем? Востоке конфуцианском, буддийском или исламском? О том самом, что противостоит Западу и с ним «никогда не сойдётся» (как писал Р. Киплинг), или о том, который мало-помалу завоёвывает Запад демографически и идеологически? Априори вроде бы подразумевается самый дальний от Москвы Восток, чаще всего именуемый Восточной Азией. Однако в российской политической культуре Восток всегда в большей степени отождествлялся

с Передней и Центральной Азией, чем с Дальним Востоком, а «азиатскость» России выводилась не из обладания огромной территорией в Азии, а из проживания в её европейской части азиатских этносов, а также российских интересов и присутствия в Центральной Азии. Не будем забывать, что в понимании представителей Востока сам по себе концепт «Восток» — понятие очень размытое как с географической, так и с политической точек зрения[15].

Причинами пробуксовки российского «поворота на Восток» является как абстрактность ориентиров для «поворота» — огромный Азиатско-Тихоокеанский регион, так и попытки его воплощения через интенсификацию двусторонних отношений с некоторыми странами Северо-Восточной (КНР, РК), Юго-Восточной (Вьетнам) и Южной Азии (Индия). Наличие комплекса напряжённостей между этими государствами создаёт не слишком комфортную политическую атмосферу для интеграции, а нечёткие ориентиры и зигзаги реальной политики Москвы порождают множественность её интерпретаций[16].

Выбор Восточной Азии в качестве ориентира «восточного поворота» России проблематичен. Азиатские государства, которые прекрасно помнят все нюансы политики царской России и Советского Союза в регионе, воспринимают её исключительно как внешнюю («неазиатскую») и нередко деструктивную силу. Тем более сегодня, когда лозунг «Азия для азиатов» становится весьма популярным в регионе. Даже Китай, отношения с которым, по заявлениям лидеров двух государств, никогда не были настолько хорошими. Не обладая реальными рычагами воздействия в регионе, Москва, подключаясь к решению общерегиональных вопросов, неизбежно будет выступать в качестве «ведомого партнёра» Пекина, что является серьёзным психологическим барьером для Кремля.

Геополитическая конструкция более узкого сегмента Восточной Азии — Северо-Восточной Азии — основана на идее её ускоренного экономического роста в последнюю четверть века, идеалистических представлениях о взаимозависимости входящих в него государств и глобальном значении корейской проблемы. Однако за два с половиной десятилетия разговоров

о формировании регионального сообщества в СВА противоречия между странами региона только углубились. Конструкции регионализма СВА, которые пытались строить на смешении противоречивых географических, экономических и цивилизационных факторов, не работают. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, хотя «установление стабильных, взаимовыгодных отношений [в регионе] отвечает стратегическим интересам всех сторон»[17], дезинтеграционные факторы оказываются сильнее.

Регион перегружен противоречиями, «изобилует конфликтами и политическими неопределённостями по многим направлениям»[18]. В анклаве северо-азиатской пятёрки государств — масса явных и скрытых проблем, накопившихся претензий, обид, поводов для конфликтов. Стремление всех без исключения игроков региона к самоидентификации и самоутверждению, усиление их конкуренции между собой и на глобальной арене повлекли за собой беспрецедентный рост государственного национализма и критическое обострение отношений между соседями. Регионализм в Европе состоялся в значительной степени потому, что он не противоречил интересам США и СССР/России. В СВА он не состоится хотя бы по той причине, что обе державы воспринимаются в нём как пришлые и не могут выступать в качестве посредников в урегулировании многочисленных внутрирегиональных конфликтов.

Кроме того, внутренняя энергетика СВА, которую обеспечивал экономический рост Китая, постепенно иссякает, в то время как деструктивные силы взаимной подозрительности, недоверия, исторических противоречий и обид набирают силу. Одна из острейших проблем региона — ограниченные ресурсы для саморазвития — не преодолена. Рост социальных проблем, порождённых замедлением экономического роста Китая, старением населения Японии, сложной экономической и нестабильной политической ситуацией в Южной Корее, невнятными перспективами развития КНДР, ещё более осложняют ситуацию в регионе. Сегодня «воинственность и непредсказуемость Северной Кореи зачастую содействуют сближению её соседей»[19], но в обозримом будущем эта движущая сила регионализма исчезнет.

Одно из слабых мест СВА в том, что её ядро составляет «группа периферийных районов (российский Дальний Восток, Северная Корея и „обращённая вовнутрь“ сторона Японии), отделённых от национальных центров», и в этих районах «государства играют двойственную роль»[20]. Основные экономические интересы Китая, Японии, Южной Кореи, не говоря уже о России, ориентированы не вовнутрь СВА, а как бы поверх него, глобально. Для Москвы, Вашингтона, Пекина Северо-Восточная Азия представляется второстепенной территорией, не заслуживающей особого внимания. В то время как Вашингтон связан союзническими отношениями с Токио и Сеулом и вынужден в той или иной степени отслеживать ситуацию в регионе, Москва преимущественно мыслит категориями по меньшей мере Восточной Азии и АТР, а Пекин отдал вопросы регионального сотрудничества в СВА на откуп властей своих северо-восточных провинций.

Ну и, наконец, абстрактная и произвольная конструкция, именуемая Азиатско-Тихоокеанским регионом. Именно это направление долгое время рассматривалось в качестве приоритетного для активизации внешней политики и стратегического планирования РФ в рамках заявленного Москвой очередного «поворота на Восток». Само понятие Азиатско-Тихоокеанского региона, как об этом говорилось неоднократно и самыми разными специалистами, представляет собой, скорее, условное обозначение, легко меняющее свой смысл и границы в зависимости от конкретных задач и целей его употребления[21]. Эта конструкция, с неизбежными уточнениями и оговорками, часто используется в академических исследованиях и даже прикладных разработках, однако как ориентир или пространство для практической реализации стратегических задач практически неприемлема, поскольку является чрезмерно широкой и географической абстракцией. Трудно оспорить заключение А. Дирлика о том, что «в фундаментальном смысле не существует Тихоокеанского региона (Pacific region) как „объективной“ данности, он существует только как конкурирующий набор умозрительных (ideational) конструктов, которые проектируют

определённое месторасположение на земном шаре в соответствии с императивом интересов, силы или видения исторически созданных взаимосвязей»[22].

Перечень государств, которые разные авторы и по разным случаям включают в структуру Азиатско-Тихоокеанского региона, также произволен. Творцы российской внешней политики исходят из фактического присутствия России в АТР. Между тем англоязычная версия Википедии оставляет Россию (как, впрочем, США и Канаду) за пределами этого пространства, но в её списке фигурируют такие «тихоокеанские» страны, как Афганистан, Пакистан и Индия. Белый дом видит Россию исключительно через призму своих евро-атлантических конструкций, и даже командование Тихоокеанского флота США не включает её в число «36 наций, которые составляют из себя АТР»[23]. Да и в классификации стран и регионов мира, принятой ООН, Россия является частью восточноевропейского региона.

Одной из основных характеристик пространства, определяемого как АТР, является ситуация двойственности, в которой оно оказалось в результате происходящих в нём глубоких перемен. Такая двойственность проявляется в заметном увеличении кооперационных взаимодействий и связанности, с одной стороны, и нарастании соперничества и конкуренции между государствами, с другой. Как точно выразился Юл Сон, АТР «созрел» и для сотрудничества, и для соперничества[24]. Индикатором первого выступает уже сформировавшееся осознание и признание тесной взаимосвязи между возможностями экономического роста и, если не интеграцией, то как минимум экономической открытостью, расширением хозяйственных взаимодействий и кооперации с соседями. Одним из свидетельств заметно возросшей готовности государств АТР к налаживанию и развитию региональных взаимодействий является стремительный рост числа соглашений о внутрирегиональных зонах свободной торговли[25].

Вместе с тем глобальные перемены, связанные с окончанием холодной войны, распадом или снижением значимости традиционных альянсов, стали для многих государств региона осно-

ванием для пересмотра прежних стратегий развития и обеспечения безопасности, переноса акцента с «общих интересов» на национальные предпочтения и потребности. Динамика хозяйственного роста во многих странах уже оборачивается ростом военных расходов и активизацией усилий по наращиванию «твёрдой силы». Тихоокеанская Азия сегодня превращается в одного из мировых лидеров по уровню затрат на обеспечение военной мощи[26]. Уровень конфликтного потенциала поддерживается целым рядом замороженных территориальных споров, взаимной подозрительностью и недоверием, шаткой внутренней стабильностью в некоторых государствах и тлеющим очагом напряжённости на Корейском полуострове. И, как показывают случаи спорадически обостряющегося соперничества по поводу спорных территорий между Японией и КНР, Японией и Южной Кореей, Китаем и рядом стран АСЕАН, государства в данной части мира не отказываются от демонстрации готовности использовать военную силу для защиты и продвижения своих интересов[27].

Однако по мере развёртывания этого состязания становится всё более очевидным, что для победы в нём недостаточно только лишь военной и экономической мощи. Ключевым фактором становится добровольное согласие соседей, обеспечить которое способна т.н. мягкая сила. Именно это может быть отнесено к важнейшим причинам распространения в АТР понимания, что привлекательность страны приобретает решающее значение для конструирования региона «под себя», такого, который в наибольшей степени отвечает её интересам и целям[28].

Эта двойственность создаёт уникальную ситуацию нарастающей конкуренции вокруг вопроса об организации межгосударственных взаимодействий и регионального сотрудничества. В стремлении содействовать развитию последнего страны АТР продвигают собственные концепции кооперационных взаимодействий и разные модели распределения ролей, выступают в поддержку альянсов и институтов, различающихся своим составом и конфигурациями. Каждый участник при этом старается обеспечить себе оптимальные позиции в состязании

за влияние и региональное лидерство[29]. Так что регионостроительство также становится полем ожесточённой конкуренции, а не сотрудничества.

Неудивительно, что и в России понимание сути, целей и содержания интеграции в АТР очень размыто. Концепция внешней политики РФ 2016 г. декларирует лишь «заинтересованность» России «в активном участии в интеграционных процессах» в регионе и не более того. Так что российская «интеграция» выступает скорее формой, чем содержанием, и, по сути, сводится к расширению экономического взаимодействия России со странами Восточной Азии и попыткам усиления её политического влияния в регионе.

В отличие от Восточной Азии и АТР Северная Пацифика — более приемлемое для России континентально-морское геополитическое и геоэкономическое пространство. Оно концентрируется вокруг северной части Тихого океана, и в нём переплетаются геополитические и экономические интересы четырёх глобальных (США, КНР, Россия и Япония) и четырёх региональных (Канада, две Кореи и Тайвань) держав и территорий. Конечно, это пространство столь же условно, сколь условны очертания АТР, СВА и даже Восточной Азии. Однако несколько факторов делают его в XXI в. более актуальным, чем иные конструкции.

Первый фактор: реальные шансы построить в Северной Пацифике фундамент единой системы безопасности на основе взаимодействия США, КНР и России и вынесения на повестку дня глобальных проблем: ядерное нераспространение, изменение климата, безопасность мореплавания и др.

Второй фактор: экономическое взаимопритяжение государств и территорий этого региона, а в целой цепочке двусторонних и многосторонних связей — уже и их взаимозависимость.

Третий фактор: тема этнокультурной и исторической общности, которая играет существенную роль в ряде европейских и азиатских объединений (ЕС, АСЕАН), а в Северо-Восточной Азии скорее служит препятствием, чем стимулом к сближению, в Северной Пацифике остаётся за скобками.

Совокупные объёмы ВРП, внешней торговли, численности населения, военных потенциалов и прочих параметров априори делают Северную Пацифику не региональным объединением, а важной частью глобального геополитического и геоэкономического пространства*. Однако сами по себе такие подсчёты ничего не дают. Они скорее являются следствием прежних процессов, чем основанием для построения общего будущего.

Концепт Северной Пацифики не нов. Он уже используется некоторыми исследовательскими центрами как площадка для постановки и решения экономических проблем, в частности, обоснования присутствия США в геоэкономическом пространстве Северо-Восточной Азии и продвижения идеи транстихоокеанского партнёрства**. Появились международные институты, призванные решать некоторые общие для стран этого региона проблемы***.

У России в Северной Пацифике есть весомые аргументы для того, чтобы, не оглядываясь на «старожилов» региона, на равных участвовать в формировании и системы безопасности, и структур экономического и политического взаимодействия. Исторические, геополитические, культурные, экономические и прочие условия для этого налицо.

---

* На долю восьми государств СП в 2015 г. приходилось 28% населения и 52% мирового ВВП. Все они входят, по версии Global Firepower, в 40 самых мощных военных государств мира, в т.ч. четыре из них (США, Россия, Китай и Япония) — в первую десятку. См.: Countries Ranked by Military Strength (2016) // Global Firepower. URL: http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp (дата обращения: 03.01.2016).

** Именно таким был лейтмотив конференции «Укрепление сотрудничества в Северной Пацифике», которую в июле 2014 г. провели в Гонолулу центр «Восток — Запад» и Корейский институт международной экономической политики. См.: Strengthening North Pacific Cooperation. Conference Proceedings / ed. by Charles E. Morrison and Marcus Noland. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2015. 375 p.

*** Таковы созданный в 2000 г. по инициативе Японии Форум пограничной охраны Северной Пацифики — The North Pacific Coast Guard Forum, — членами которого являются Канада, КНР, Россия, Южная Корея и Япония, и Рыболовная комиссия Северной Пацифики (The North Pacific Fisheries Commission — NPFC).

История

В отличие от АТР, Восточной и даже Северо-Восточной Азии, где доминирует азиатская компонента и где Россия, в силу своей европейской природы, вынуждена, даже несмотря на обладание огромной территорией в Азии, доказывать свою «азиатскость», подтверждать своё право быть на равных с аборигенами региона, Северная Пацифика — это район её длительного, почти четырёхвекового присутствия. Ещё в 30-х гг. XVII в. русские первопроходцы дошли до Чукотки, Камчатки, берегов Охотского моря, вышли на Амур, а в 40-х гг. XVIII в. добрались до Американского континента. И если на Амуре в силу активного противодействия маньчжурской династии Цин закрепиться не удалось*, то северо-восточное побережье Евразии стало зоной активной промысловой и предпринимательской деятельности русских**. Именно экономическая конкуренция русских и американцев в зоне Северной Пацифики привела к подписанию первого в истории договора между Россией и США — Конвенции о навигации и рыболовстве на Тихом океане от 17 апреля 1824 г., которая также зафиксировала южную границу владений Российской империи на Аляске. Впоследствии, продав американцам форпост России в Калифорнии — Форт-Росс (1841 г.), а затем Аляску (1867 г.), Россия отказалась от своих заморских территорий, но укрепила позиции на восточном побережье Евразии. Именно активная деятельность русских по освоению Приамурья, Сахалина

---

* По Нерчинскому договору 1689 г., граница с Китаем была определена значительно севернее этой реки.

** В 1632 г. поставлен Якутский острог. В 1638 г. учреждено Якутское воеводство. В 1639 г. казаки вышли на берега Охотского моря, в 1647 г. основан Охотск. В 1697—1699 гг. Владимир Атласов осуществил экспедицию на Камчатку, поставил несколько острогов и, по существу, присоединил полуостров к России. В 1772 г. созданием русского торгового поселения на о. Уналашка (группа Алеутских островов) было положено начало освоению территории Северной Америки. Форт-Росс в Калифорнии, основанный в 1812 г., стал самым южным форпостом русской колонизации Америки.

и Курильских островов в 60—80-е гг. XIX в. побудила правителей Китая и Японии заняться освоением пограничных с Россией территорий — Маньчжурии и Хоккайдо[30].

Безопасность

Весной 1990 г. правительство Канады озаботилось будущим страны в стремительно меняющемся мире, вследствие чего родился проект Диалога кооперативной безопасности в Северной Пацифике (North Pacific Cooperative Security Dialogue — NPCSD). Проект финансировало Министерство иностранных дел и внешней торговли Канады, а его отличительной чертой стала попытка собрать международную группу экспертов и свести на одной дорожке (т.н. «второй дорожке») политиков и учёных. Однако через три года интерес канадского МИДа иссяк, и проект был закрыт[31]. Да и термин «Северная Пацифика» разработчики проекта использовали весьма условно: концепция была привязана в широком контексте ко всему АТР, а в более узком — к СВА, так что этот термин использовался чисто технически. Как отмечал впоследствии содиректор проекта П. Эванс, он был сфокусирован на азиатской части Тихого океана, служил целям «привязки» США и Канады к СВА и использовался не только для того, чтобы «расширить число акторов, но и „сменить формат“, перейти от обсуждения проблем „холодной войны“ к анализу послевоенных возможностей»[32].

Экономика

Ясно, что экономические отношения в таком гигантском регионе, каким является АТР, распадаются на множество не связанных между собой сегментов. В масштабе его возможно создание различных привлекательных конструкций. Если идти чисто статистическим путём, то легко обнаружить, что экономические связи стран СВА с неазиатскими США, Канадой и Россией шире и теснее, чем связи внутри самой Северо-Восточной

Азии. Объём торговли стран СВА с США, Канадой и Россией в 2014 г. превысил 1,2 трлн долл. (соответственно 962 млрд, 90 млрд и 152 млрд долл.). Это на 244 млрд долл. больше объёма торговли азиатской пятёрки (КНР, РК, КНДР, Япония, Тайвань) между собой (около 960 млрд долл.). Неудивительна былая активность США в продвижении идеи транстихоокеанского партнёрства.

Этнокультурная компонента

Северо-Восточная и Восточная Азия для России и США, даже несмотря на активные процессы глобализации, — это стороннее цивилизационное пространство, чужая территория. В Северной Пацифике Россия создала своё культурное пространство ещё три столетия назад, в XVII—XVIII вв., и сегодня его существование здесь неоспоримо. Тихоокеанская часть России достаточно активно участвует в гуманитарных обменах, происходящих в регионе. В 2013 г. границы между пятью странами СВА пересекли около 15 млн чел. Гуманитарный обмен между странами СВА, с одной стороны, и США, Россией и Канадой, с другой, оказался почти на 2 млн чел. больше (16,9 млн чел.)[33]. Добавим к этому, что в США, согласно переписи 2010 г., проживают 3,4 млн китайцев, 1,4 млн корейцев и 763 тыс. японцев[34]. Тихоокеанская Россия к настоящему времени также адаптировалась к взаимодействию с азиатскими соседями и прежде всего — к сотням тысяч китайцев, которые ежегодно посещают этот регион.

Безусловно, многие черты Северной Пацифики аналогичны Северо-Восточной Азии: проблемы с обеспечением общей безопасности, факторы неопределённости, большие различия в уровне экономического развития территорий, политические трения, этнокультурное разнообразие и пр. Но всё же этот регион более сбалансирован и открывает скорее возможности для диалога, чем для конфронтации. Государства могут действовать здесь без ежесекундной оглядки на различные провокационные ситуации и проблемы, типичные для практически

всех выделенных регионов мира, изначально нацеливая свои действия не на решение застарелых проблем, а на позитивное строительство будущего.

Выбор региона для интеграции — это не академическая прихоть, не игра воображения или дань новомодным традициям. Современный мир всё более превращается в мир регионов, да и само понятие региона существенно трансформируется. Из условной географической зоны, границы которой определяются фактом относительной близости располагающихся в ней отдельных государств, иногда связанных рутинными взаимными контактами, регионы превращаются в пространственную систему более сложных и устойчивых взаимоотношений и зависимостей. «С момента развала СССР и благодаря всё более плотным и разнообразным связям, определяющим современные условия по всему миру, — говорит об этой ситуации Рой Бин Вонг, — мы прощаемся с миром национальных государств, и политически, и экономически объединённых в основном посредством двусторонних связей»[35]. И с этой точки зрения интеграция или попытка «вхождения» в регион предполагает теперь не просто установление или расширение двусторонних отношений с теми или иными индивидуальными игроками этого региона, но включение в общую сложную сеть складывающихся в нём многообразных взаимодействий.

1.4. Интеграция и формирование интеграционного пространства: опыт стран Северной Пацифики

В современном мире интеграция является целью и следствием интернационализации экономической жизни государств. Наиболее интенсивно это происходит на региональном уровне, когда вокруг одной или группы стран образуются крупные экономические мегаблоки, в которых и формируются очаги интеграции. Как уже отмечалось выше, ни одно из государств северной части Тихого океана пока не рассматривает Северную

Пацифику в качестве общего интеграционного пространства, обращаясь к более традиционным представлениям о необходимости тесной кооперации в АТР, Восточной Азии или СВА. Но и в рамках этих регионов США, Россия, Китай, Япония, Республика Корея представляют себе интеграцию исключительно в категориях интенсивного экономического сотрудничества, ставя в нем национальные интересы на первое место.

Россия

Идея укрепления Россией своих позиций на Востоке имеет весьма продолжительную историю. Даже современная Россия, констатировал в 2014 г. председатель правительства РФ Д. Медведев, пыталась повернуться к Азии как минимум в течение десяти последних лет[36]. После возвращения В. Путина на пост президента в 2012 г. развитие российского Дальнего Востока было определено в качестве «наиболее важной геополитической задачи, стоящей перед Российской Федерацией»[37]. В мае 2016 г. в Сочи на саммите Россия — АСЕАН в очередной раз была подтверждена важность для РФ политики «поворота на Восток», её стремление «утвердить геополитический статус России как Евро-Тихоокеанского региона, а также Азиатско-Тихоокеанской державы»[38].

Принятые руководством Российской Федерации решения об ускоренной интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион и развитии Дальнего Востока как плацдарма для продвижения в этот регион требовали серьёзного методологического обоснования. В числе важнейших проблем, требовавших решения, стоял выбор модели и путей развития ДВ, определение его места в политико-экономический системе России и использование его потенциала (экономического, демографического, административно-политического и культурного) для интеграции в АТР.

Задача усложнялась тем обстоятельством, что в российской официальной риторике понятие интеграции применительно к различным регионам мира трактовалось по-разному. Общее

определение не было сформулировано. В стратегических и концептуальных документах национального и регионального уровней были представлены многообразные интерпретации задач и инструментов интеграции. При этом если алгоритм интеграционных процессов России в рамках ЕврАзЭС и взаимодействия с ЕС был разработан и прописан достаточно внятно и подробно, то концепция интеграции в АТР набросана лишь в общих чертах. Во всех стратегических документах, относящихся к взаимодействию с АТР, цели интеграции в этот регион сформулированы лишь на уровне деклараций: «встраивание макрорегиона в общий процесс и динамику развития Азиатско-Тихоокеанского региона» (Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года»)[39]; «обеспечение географической диверсификации рынков сбыта основных бюджетообразующих отраслей экономики Российской Федерации» («Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»[40]); «встраивание макрорегиона в общий процесс и динамику развития Азиатско-Тихоокеанского региона» (ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года»[41]). По большому счёту, всё это — стратегические цели, не подкреплённые формулированием конкретных задач и созданием механизмов их достижения. Более того, прописанные в этих документах мероприятия свидетельствуют, что интеграция в АТР фактически подменена задачами макроэкономического развития, сырьевого и инфраструктурного освоения. По сути, видение интеграции не выходит за пределы расширения двусторонних экономических связей с некоторыми государствами региона, а верхом смелости является идея «интеграции российской и китайской экономик»[42], создания инфраструктуры для сырьевого экспорта и обеспечения транзитных потоков (нефте- и газопроводы, порты, транспортные коридоры).

В качестве обоснования необходимости и возможности полноценной интеграции России в АТР «Концепция внешней политики РФ», как и большинство других официальных документов,

подчёркивают факт её географической принадлежности к этому «самому динамично развивающемуся геополитическому пространству»[43]. В этом и многих других подобного рода документах пространство АТР для России определяется перечнем государств и региональных структур, взаимодействие с которыми маркируется как стратегически важное. К числу первых Концепция внешней политики РФ относит (в порядке уменьшения значимости) Китай и Индию, обе Кореи, Японию, Монголию, Вьетнам и другие страны АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию и островные государства южной части Тихого океана. Ключевыми для участия РФ институтами на этом пространстве она определяет ШОС и механизм ВАС, а также форум АТЭС, диалог Россия — АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности, форум Азия — Европа, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Совещание министров обороны стран АСЕАН с партнёрами по диалогу и форум Диалог по сотрудничеству в Азии[44]. Очевидно, что АТР в этом случае приобретает весьма широкие — от Центральной Азии до Австралии — очертания, а доминирующее содержание взаимодействий определяется не экономическими, а, скорее, политическими приоритетами и соображениями безопасности.

Стратегическими целями в этом случае выступают 1) экономический подъём Сибири и Дальнего Востока и 2) создание в АТР «транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах»[45]. Как минимум две важные проблемы встают в связи с этим.

Во-первых, факт географической принадлежности является важным, но, как уже отмечалось, далеко не единственным аргументом, который, однако, сам по себе не даёт оснований для участия в региональных делах и региональном строительстве. Более значимым обстоятельством выступает наличие или отсутствие развитых и интенсивных контактов с образующими регион партнёрами. В качестве такового может также выступать социально-культурная близость. Эти факторы создают возможность для вхождения в региональное сотрудничество и конструирование региона *функциональным* путём, основывающимся на тесных взаимосвязях в отдельных сферах,

а также материальных выгодах, проистекающих из наличия такого рода связей. Второй способ — *ценностный* — опирается на наличие общих культур, ценностей и идентичностей, которые объединяют участников. Ни в том, ни в другом смысле Россия не обладает достаточно прочным фундаментом, способным облегчить ей интеграцию в АТР. Исторически сложилось так, что даже ближайшие соседи в Восточной Азии, как правило, рассматривают её как «дальнего соседа», слабо связанного с ними экономически, как особую — ни европейскую, ни азиатскую — цивилизацию с политическими и стратегическими интересами, отличными от их собственных[46]. Эта ситуация радикальным образом не изменилась до сих пор, несмотря на попытки России расширить взаимодействия с азиатскими соседями[47]. Условия, которые способны облегчить интеграцию РФ в этот регион, определяемые некоторыми исследователями как «запрос на присутствие России в АТР», выглядят сомнительно[48], так же как и традиционные ссылки на имеющиеся у неё на востоке ресурсные, инфраструктурные и иные возможности. Последние, если и имелись, всё более стремительно утрачивают свою уникальность и привлекательность.

Другим важным моментом является дилемма, с которой неизбежно сталкивается Россия в своём «повороте на Восток». Две основные стратегические задачи, связанные с этим поворотом, образуют практически замкнутый круг. С задачей подъёма и ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока собственными силами РФ, как показывают результаты нацеленных на это многочисленных государственных программ, не справляется. Всё более очевидная ограниченность внутренних ресурсов является далеко не единственным препятствием на этом пути. Стратегия её решения посредством расширения экспорта на азиатские рынки природного сырья (за счёт одной из немногих сфер, где ещё сохраняется интерес к России со стороны стран Тихоокеанской Азии), не только не способствует экономическому подъёму восточных территорий России, но и угрожает углублением её сырьевой зависимости. Эффект от использования возможностей интеграции и внешних инвестиций, в свою очередь, минимизируется слабостью и неразвитостью Сибири

и Дальнего Востока, которые снижают интерес к России как к потенциальному региональному партнёру и ограничивают её способность укрепиться в АТР.

В качестве оптимальной («единственно разумной стратегии»), которая, кстати, отнюдь не решает данную дилемму, эксперты Валдайского клуба в докладе 2014 г. определили курс на «снижение периферийности». Или, другими словами, на создание необходимых условий для функционального вхождения России в регион. По их мнению, «основой для интеграции России в АТР должно стать усиление экономического сотрудничества через развитие Сибири и Дальнего Востока. Последнее позволит России перестать быть периферийной державой, а политическое усиление будет уже следствием экономического присутствия в регионе»[49]. Развитие российских восточных территорий, полагают эксперты, должно опираться на использование преимуществ их транспортного каркаса, развитие которого должно стать приоритетом для федерального бюджета и инициатив в рамках государственно-частного партнёрства[50].

В последние два года сделана попытка вырваться из порочного круга, создавая на территории Тихоокеанской России специальные институты и инструменты для стимулирования реальной интеграции. Одним из инструментов стало проведение в регионе международных форумов с участием первых лиц государств мира. Первым мероприятием этого уровня стал Саммит Россия — ЕС в Хабаровске (май 2009 г.). Проводился он пока ещё в парадигме европейской интеграции России и в общем-то убедительно продемонстрировал искусственность попыток привязать столь отдалённые и мало интересные для Европейского Союза восточные районы России к идеям европейской интеграции[51].

Саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке стал явной и более удачной площадкой для продвижения интеграционных интересов России на Тихом океане. За ним последовали 21-я сессия Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума (Владивосток, январь 2013 г.) и Восточные экономические форумы 2015—2017 гг., с трибун которых российская власть активно убеждала участников и наблюдателей в серьёзности

интеграционных намерений Кремля. Более того, на последнем из них Президент России назвал российский Дальний Восток «значимым центром интеграционных процессов»[52].

В целях активизации восточного направления региональной политики и более эффективной её реализации в 2012 г. было создано специальное Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. И хотя в полномочиях нового министерства слово «интеграция» не обозначено, ряд его функций: привлечение иностранных инвестиций, поддержка экспортно-ориентированных предприятий и проектов и др. — нацелен на расширение взаимодействия ДФО с окружающим миром.

С 2014 г. территория Дальнего Востока была официально определена в качестве приоритетного региона и зоны ускоренного развития, с особым статусом и благоприятными условиями для привлечения иностранных инвестиций. Инструментами для этого призваны стать территории опережающего развития и свободные порты, но эти процессы находятся лишь на начальной стадии и пока имеют больше символическое, чем практическое значение.

Намерения Кремля достичь интеграции в АТР данным путём казались очевидными и долгосрочными, и даже первые заявления председателя КНР Си Цзиньпина (2013 г.) о строительстве Китаем экономических коридоров развития в Центральной и Южной Азии как элемента будущей стратегии ЭПШП не вызвали у него особого интереса. Однако в мае 2015 г., когда Китаю уже удалось подписать с Казахстаном, Белоруссией и Кыргызстаном соглашения об участии в этом проекте, РФ сначала осторожно, а затем всё более настойчиво начала говорить о необходимости и полезности сопряжения двух региональных проектов — российского ЕАЭС и китайского ЭПШП[53]. Формальное решение было принято на саммите СНГ и Высшем совете ЕАЭС в октябре 2015 г. И если на официальном уровне идея сопряжения двух проектов остаётся во многом абстрактной и дискуссионной[54], то на экспертном уровне она быстро трансформировалась в предложение радикально пересмотреть стратегию российского «поворота на Восток» или поворота к «другой» Азии. Наиболее явно контуры

этого нового концептуального взгляда прописаны в очередном докладе Валдайского клуба, который увидел свет в 2014 г. Сама идея интеграции РФ в АТР в прежнем её формате подвергнута в этом докладе столь серьёзной ревизии, что изменилась до неузнаваемости.

Центральным звеном новой концепции (вместо Дальнего Востока) становится Сибирь, экономический, ресурсный и человеческий потенциал которой значительно выше. Главным «проклятием» Сибири, до сих пор не позволявшим раскрыть её возможности, является континентальность, т.е. удалённость от ключевых рынков, а также слабое развитие инфраструктуры. Возможность преодоления этих препятствий открывает запущенный Китаем проект. России, в свою очередь, необходимо сосредоточиться на формировании «нового транспортного каркаса Сибири и Дальнего Востока», который включает меридиональные железные и шоссейные дороги, связывающие Сибирь и Дальний Восток с огромными рынками Китая, а потенциально — Ирана, Индии, Пакистана[55]. Теперь, наоборот, полагают эксперты, Сибирь будет тянуть за собой Дальний Восток, а будущий регион Большой Евразии — притягивать к новому центру развития Южную Корею, Японию и страны Европы. Таким образом, Россия продолжает свой поворот к Азии и движение к Великому океану. Только теперь она намерена смотреть в сторону совсем другой Азии, а Великим становится Индийский океан.

КНР

Дискуссия о необходимости интеграции в мировую экономику стала для Китая одним из столпов государственной идеологии ещё с конца 1970-х гг.[56] «Политика внешней открытости» — официальное название мер по сближению с международным рынком — первоначально была направлена на привлечение международного капитала и развитие экспортно-ориентированных производств. Последующий быстрый рост экономики и накопление капитала внутри страны значительно расширили

возможности китайского правительства и бизнеса, поэтому к середине 2000-х гг. вышеуказанная политика эволюционировала в крайне широкий спектр интеграционных мероприятий и проектов: от активного участия в различных объединениях до выдвижения собственных интеграционных инициатив.

Исторически основой трансграничных отношений КНР в АТР является политика в отношении сопредельных стран (周边外交, *zhoubian waijiao*[57]). Выявить истоки её происхождения достаточно сложно: некоторые учёные видят в ней политику, проводимую Дэн Сяопином ещё с начала 1980-х гг., другие говорят о начале 2000-х гг., когда китайские лидеры стали активно использовать само это понятие *zhoubian waijiao*. В основе политики лежит концепция добрососедства [дружественное соседство (*mulin*) — мирное соседство (*anlin*) — богатое соседство (*fulin*)] и стремление налаживать более тесный политический диалог с сопредельными странами по вопросам безопасности и экономики[58].

Особое отношение к окружающим странам в Китае сложилось исторически в силу как минимум двух причин. Во-первых, Китай обладает самой протяжённой в мире сухопутной (более 22 тыс. км) и значительной морской границей[59]. При этом в отличие от Европы, где Вторая мировая война в основном расставила все точки над «i» в территориальных вопросах, этого не произошло в Восточной Азии и, в частности, в случае с Китаем. Китайской Народной Республике досталась в наследство не только протяжённая, но и проблемная граница. Во-вторых, в приграничных и географически близких к Китаю странах и территориях проживает большое китайское (ханьское) население. Например, в Сингапуре его доля достигает 70%, в Малайзии — 25%, в Таиланде — 14%, в Индонезии — 3—4%. При этом этнические китайцы доминируют в важных нишах экономики стран Юго-Восточной Азии (финансы, торговля)[60].

Как и в целом в Азии[61], понятие «политическая интеграция» по европейскому образцу (с созданием наднациональных структур) не используется в китайском научном и бюрократическом дискурсе. Китайские власти выступают лишь за тесный политический диалог в целях мирного сосуществования

и экономической интеграции. Нельзя также отождествлять с интеграцией китайскую формулу добрососедства, т.к. она скорее направлена на поиск компромиссов в рамках вынужденного соседства, а не совместное движение к общему политическому пространству. Более того, при взаимодействии с Японией, Индией, странами Юго-Восточной Азии Пекин использует это «добрососедство» ситуативно и выборочно, причём по-разному в решении экономических вопросов и в территориальных спорах.

В Китае также отсутствует общее видение региональной многосторонности и региональной интеграции, хотя сегодня китайское руководство, иногда само того не желая, выступает главным мотиватором перемен в системе азиатско-тихоокеанских региональных взаимоотношений. Как полагают некоторые специалисты, главной движущей силой поведения Пекина в азиатской региональной интеграции является «прагматизм, преследующий достижение краткосрочных национальных интересов и подстраивающийся под изменение региональных политических и экономических обстоятельств»[62]. До начала 2000-х гг. Китай относился к регионализму довольно прохладно, предпочитая опираться в своей внешней активности на идею «Большого Китая» и создание внешнего окружения, благоприятного для национального роста и развития. Постепенное расширение его участия в процессах регионального строительства стало следствием признания Восточной Азии в качестве первого важного пояса такого окружения. Интеграционные предпочтения КНР обусловливаются главным образом прагматическими соображениями экономической кооперации (торговля, инвестиции, инфраструктура) и стремлением к объединению регионального рынка. На политическом уровне также признаётся необходимость определённого взаимодействия, равно как и его институционального оформления, однако без создания каких-либо новых механизмов. Разного рода региональных институтов, с точки зрения Пекина, и без того слишком много, а их умножение и дублирование способно только усложнить ситуацию.

КНР — активный участник основных институтов многостороннего сотрудничества в АТР. В 1991 г. Китай вступил в АТЭС, тогда же начал сотрудничество с АСЕАН в качестве консуль-

тативного партнёра; с 1997 г. стал постоянным членом неформальных форумов АСЕАН+Китай и АСЕАН+3 (КНР, Республика Корея, Япония). С 2005 г. Китай — постоянный участник Восточноазиатского саммита. Однако Пекин никогда не выступал с крупными интеграционными инициативами в рамках АТР или Восточной Азии. Более того, США априори исключали КНР из наиболее амбициозного проекта экономической интеграции в АТР — Транстихоокеанского партнёрства, существование которого, однако, сейчас находится под вопросом после победы Д. Трампа на президентских выборах в США.

Несмотря на неоднократные заявления о приверженности открытому, инклюзивному регионализму, Китай с неодобрением воспринимает и не поддерживает идеи широкого Азиатско-Тихоокеанского сообщества. В первую очередь потому, что такого рода идеи легитимизируют, с его точки зрения, включённость в региональные дела США и других внешних акторов. Также КНР не является сторонником интенсификации региональной интеграции в любой её форме. Пекин убеждён, что существующее в регионе политическое, экономическое и культурное многообразие создаёт практически непреодолимые препятствия для реализации любых масштабных интеграционных проектов. В действительности же китайское руководство исходит из того, что любые перемены в развитии регионализма, связанные с созданием новых институтов или привлечением новых членов, будут иметь для КНР негативные последствия, ограничивая влияние Пекина в регионе.

Неудивительно, что это руководство с настороженностью восприняло идею Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), рассматривая его как попытку США ограничить или ослабить позиции Китая. Более предпочтительной организационной формой развития региональной интеграции остаётся для него АСЕАН+3 (АПТ), где эти позиции достаточно прочны. Тем не менее Китай отдаёт себе отчёт, что прогресс регионального строительства невозможен без согласования позиции трёх держав — его собственной, США и Японии, а его односторонние попытки усилить позиции в регионе, хотя и предоставляют определённые выгоды, потенциально контрпродуктивны

и способны, в частности, привести к ухудшению отношений с США, крайне важных для его мирного подъёма и решения ряда двусторонних проблем[63]. Таким образом, несмотря на очевидно возрастающую в последние годы региональную активность, конкретного представления о конечной цели региональной интеграции или видения регионального сообщества у Китая пока что нет. Регионализм рассматривается и используется им главным образом в качестве инструмента построения китайского национального государства.

Китаю интересно другое пространство с точки зрения продвижения идей экономической интеграции или тесного сотрудничества в сфере безопасности. Таким пространством является Азия и особенно её центральная часть, где позиции США и их союзников не настолько сильны, как в АТР или Восточной Азии. В 1996 г. Китай во многом инициировал создание, а затем являлся важнейшим вдохновителем развития Шанхайской пятёрки и с 2001 г. — Шанхайской организации сотрудничества[64].

Наиболее амбициозные проекты в Азии Китай инициировал осенью 2013 г. В сентябре Си Цзиньпин предложил активизировать экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии. Эта инициатива получила название «Экономический пояс Шёлкового пути». Через месяц в Индонезии Си Цзиньпин предложил проект «Морского шёлкового пути XXI века». В результате объединения двух инициатив появился единый проект — «Один пояс, один путь» (далее — Шёлковые пути). Обе инициативы — это не только транспортные коридоры, а целый комплекс тесных экономических, политических и культурных связей Китая со странами Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. По крайней мере, такое видение Шёлкового пути представили китайские власти, опубликовав 28 марта 2015 г. соответствующий программный документ[65]. В тот же день, выступая на Боаоском экономическом форуме, Си Цзиньпин дал старт проекту и уверил представителей азиатских стран, что «строительство одного пояса, одного пути — это не пустой лозунг, а видимые, реальные и практические инициативы, которые принесут ощутимые выгоды государствам региона»[66].

Другая серьёзная инициатива Си Цзиньпина, предложенная в октябре 2013 г., — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Этот институт нередко рассматривается конкурентным по отношению к существующим мировым финансовым институтам, где лидирующие позиции занимают США (такая интерпретация инициативы отвергается китайскими официальными лицами). Но Китай не рассматривает деятельность банка глобально, как и не позиционирует его азиатско-тихоокеанским проектом. В уставе этой организации чётко указан географический охват — Азия и Океания[67], хотя его участниками стали не только азиатские страны.

Япония

Японию по праву можно считать родоначальником интеграционных инициатив в Восточной Азии и в западной части Тихого океана. Азиатский банк развития (1966 г.), Тихоокеанский экономический совет (1967 г.), Тихоокеанская конференция по торговле и развитию (1968 г.) и Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (1980 г.) создавались по инициативе и самой активной поддержке японских властей, бизнеса или экспертов. В 1960—1970-е гг. Страна восходящего солнца фактически была единственным азиатским государством, обладавшим паназиатскими амбициями и достаточными финансовыми ресурсами для организационного обеспечения этих инициатив.

Однако до недавнего времени Япония не размышляла об общей стратегии регионализма и ясно не выражала своё мнение по этому поводу[68]. Сдерживаемый подозрительностью соседей в отношении её любых возможных попыток выступить в роли регионального лидера, Токио долгое время делал ставку на неявное укрепление своих экономических позиций с помощью де-факто регионализации. Первым случаем, когда послевоенное руководство Японии обнародовало собственное региональное видение, было выдвижение в 1967 г. министром иностранных дел Такэо Мики идеи «Азиатско-Тихоокеанского региона, объединённого общей судьбой»[69].

Ситуация изменилась в начале нового века, когда Япония заметно активизировала свою региональную политику, выступив с новой инициативой восточноазиатского сообщества. В январе 2002 г. эту концепцию представил премьер-министр страны Дзюнъитиро Коидзуми. Изменение в политике было связано не только с постепенным увеличением для Японии значимости регионального рынка, но, в первую очередь, с очевидным ростом веса Китая в регионе, бросающего вызов влиянию и авторитету Токио.

Региональное сообщество в соответствии с предложением Д. Коидзуми должно было возникнуть посредством расширения сотрудничества в Восточной Азии. В качестве платформы такого сотрудничества предлагалась инициатива «Всеобъемлющее экономическое партнёрство Япония — АСЕАН». Важной в этом случае признавалась и необходимость развития механизма АПТ с одновременным акцентированием внимания на том, что будущее региональное сообщество должно быть открытым образованием, согласующимся с ролью, которую играют в регионе США[70].

Основным отличием постепенно формирующегося с этого времени нового японского видения регионализма является то, что оно в большей степени опирается не на структурный, а на содержательный подход. Если первый предполагает, что региональное сообщество возникает на базе инфраструктуры развивающихся социальных взаимодействий, то второй подчёркивает важность морального порядка как основы для конструирования такого сообщества[71]. Содержательный или ценностно-ориентированный подход предполагает, что Япония в процессе регионального строительства должна действовать в партнёрстве со странами, разделяющими универсальные ценности, такие как демократия, права человека и верховенство права, и реализующими их в рамках создаваемого сообщества. Провозглашая универсальные ценности в качестве основы регионального сообщества, Япония проектировала более широкий регион, предполагавший включение в него Австралии, Новой Зеландии и Индии[72]. Это общее видение широкого регионального сообщества, включающего, помимо АСЕАН,

демократические страны Юга и Океании, построенного на фундаменте универсальных ценностей западного мира, представляет собой естественный противовес более узкой, более консервативной, строго азиатской концепции Китая. Японский регионалистский проект, подчёркивавший ценности, отвергаемые Китаем, был призван повысить привлекательность этого предложения и усилить позиции в конкуренции за региональное лидерство[73]. В инструментальном плане такой подход предполагал опору на дальнейшее расширение двусторонних и многосторонних партнёрских отношений, главным образом на фундаменте Восточноазиатского саммита (ВАС).

Осенью 2009 г. претендент на пост премьер-министра Японии Юкио Хатояма выдвинул идею Восточноазиатского сообщества. Она была изложена в «Манифесте» (предвыборной программе Демократической партии Японии) и получила развитие в ряде речей Ю. Хатоямы в конце 2009 — начале 2010 г. 29 января 2010 г., выступая перед нижней палатой парламента страны, Ю. Хатояма представил свою концепцию в несколько трансформированном виде: от первоначальной идеи создания «Моря братства» в Восточной Азии он плавно перешёл к концепции «сотрудничества во имя защиты жизни и укрепления тысячелетних связей стран Азии в области культуры». При таком акценте на общих ценностях азиатских культур сообщество, тем не менее, не рассматривалось как закрытая структура, его идеалом была объявлена модель Европейского союза. Предварительным условием для создания этой организации Ю. Хатояма назвал «нерушимый японо-американский союз»[74]. Однако и эта идея японского истеблишмента, натолкнувшись на многочисленные внутренние и внешние барьеры, так и не была воплощена в жизнь.

В настоящее время в Японии термин «интеграция» обычно рассматривают как объединение политических, экономических и культурных процессов в одно целое. Но на деле участие страны в интеграционных процессах подчинено частнокорпоративным и внутригосударственным интересам. К примеру, понятие интеграционного потенциала трактуется как поиск возможностей решения проблем государства и общества Японии

с привлечением международной кооперации для создания благоприятной интеграционной среды (финансовой, экономической, образовательной, научной)[75].

В данном ключе интеграция в Японии во многом воспринимается как инструмент решения группы стратегических и приоритетных задач, которые условно можно подразделить на пять направлений:

1. Экономическое взаимодействие Японии со странами Восточной Азии.
2. Глобализация и повышение конкурентоспособности производства японских компаний.
3. Реализация программы на создание «открытой и привлекательной страны» для иностранного капитала и квалифицированной иностранной рабочей силы[76].
4. Региональные стратегии Японии и вклад страны в решение региональных проблем.
5. Взаимодействие Японии с участниками Транстихоокеанского партнёрства.

Токио реализует вышеуказанные направления, проявляя активность в международных организациях и интеграционных группировках, являясь важным игроком в мировой валютно-финансовой системе. Финансовая интеграция реализуется посредством участия Японии в крупных экономических объединениях государств, где продвигается идея превращения японской иены в новую резервную валюту.

Применительно к Северо-Восточной Азии наиболее активно идеи интеграции, преимущественно в контексте строительства единой инфраструктуры и энергетической сети в регионе, продвигает научно-исследовательский институт ERINA (г. Ниигата).

Республика Корея

Республика Корея, ещё один важный региональный игрок, была инициатором самого первого, не вполне удачного регионального интеграционного проекта — Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК), реализованного в 1966 г. при активном участии

министра иностранных дел РК Ли Тун Вона. После этого, вплоть до 1990-х гг., Южная Корея хотя и участвовала в расширении экономических взаимодействий на региональном уровне, но инициатив в этой сфере избегала. В 1989 г., поддержав инициативу Австралии, вошла в число государств-учредителей АТЭС, позже стала участвовать в других региональных объединениях, таких как Региональный форум АСЕАН (АРФ) и АСЕАН+3.

Постепенный рост внимания Южной Кореи к региональному сотрудничеству стал следствием её попыток переосмыслить себя в качестве «средней державы» и укрепить свой международный статус. Развёрнутая в августе 1998 г. президентом Ким Дэ Чжуном кампания «второго национального строительства» (second nation-building) была нацелена на превращение страны в «открытую торговую нацию», при этом в качестве одного из основных её элементов использовалась стратегия улучшения связей с азиатскими соседями[77]. А в октябре 2001 г. Восточно-азиатская группа перспективного планирования (EAVG), созданная по инициативе президента Южной Кореи, представила доклад под названием «В направлении Восточно-азиатского сообщества»[78]. В целом эта кампания заметно подтолкнула процесс АПТ и активность самой Южной Кореи в деле создания региональных ЗСТ.

Идея регионализма как главного направления внешнеполитической деятельности Южной Кореи стала одной из ключевых для администрации президента Ро Дэ У. Её ориентиром выступала «реализация мирного и процветающего века Северо-Восточной Азии» с помощью «прагматичной дипломатии и балансирования» и превращения страны в «хаб Северо-Восточной Азии»[79]. Провал этой политики, связанный с обострением ситуации на Корейском полуострове, не остановил расширение региональной активности Южной Кореи. Её подходы к определению собственного места и роли в региональных интеграционных процессах во многом определяются важностью сохранения союзнических отношений с США, равно как и осознанием зависимости от двух её соседей-гигантов — Китая и Японии.

Активность администрации Пак Кын Хе на интеграционном поле АТР максимально коррелировала со стратегическим

курсом на построение «Кореи глобальной», принципиальной основой которого является «творческий прагматизм» (creative pragmatism)[80]. Определение «прагматичный» всегда было применимо для характеристики южнокорейского общества и государства, начиная с менталитета корейцев и заканчивая их подходами к современным проблемам, включая взаимодействие с соседними странами и народами.

Такие подходы определяют и содержание, и (главное!) выбор целей интеграционной политики Сеула в условиях, когда главной задачей видится защита страны от «нарастающей нестабильности глобальной экономики». Зависимость южнокорейской экономики от общемировых трендов очевидна, она связана с высокой интеграционной активностью РК на всех уровнях, от глобального до двустороннего. Поэтому главный вызов, с которым страна может столкнуться уже в ближайшие годы, — это дестабилизация мировой экономической и финансовой системы и нарушение существующего глобального экономического порядка. «Формирующаяся общая региональная производственная сеть» с участием Кореи, Китая и Японии воспринимается Южной Кореей как один из инструментов предотвращения негативного сценария глобальных перемен. Понимая, что противостоять им в одиночку не удастся, Сеул нацеливает интеграционную политику страны на усиление «внутрирегиональной консолидации и кооперации»[81].

На этом фоне понятна заинтересованность Республики Корея в развитии интеграционных процессов в АТР и СВА. Сеул понимает, что при решении глобальных проблем современного мира ему отведена роль статиста, но региональный театр даёт возможность стать «первой скрипкой»[82].

Региональная интеграция в Южной Корее также детерминируется как важнейшее условие для обеспечения национальной безопасности. Активное вовлечение в мировое и, прежде всего, региональное хозяйство остаётся краеугольным камнем экономической безопасности Южной Кореи. Взаимодействие с соседями по СВА — Японией, Россией и КНР — должно смягчить глобальные угрозы и обеспечить устойчивое развитие национального хозяйства и поддержание социально-экономической

стабильности страны. Такое взаимодействие не освободит Южную Корею от американской опеки, но помогает смягчить или хотя бы создать альтернативу самостоятельности и её видимости на региональном уровне.

В рамках интеграционных процессов и связанных с ними вызовов Южная Корея оценивает и угрозу экономического давления со стороны Китая. Опираясь на политику «творческого прагматизма», южнокорейские власти надеются найти в Китае если не союзника, то, по крайней мере, партнёра, «способного предотвратить крушение современного мирового экономического порядка»[83].

Вышесказанное убедительно коррелирует с краеугольной идеологемой администрации президента Пак Кын Хе — «евразийской инициативой», выдвинутой в октябре 2013 г. и нацеленной на «...изменение основ глобальной экономики, дипломатии и географии национальной безопасности ...на создание и развитие Южной Кореей единой транспортной, энергетической, торговой сети со странами Евразии»[84]. Евразийская инициатива в той же степени, как и проекты по созданию зон свободной торговли АСЕАН — Китай или АСЕАН — Япония, выходит за пределы субрегиона СВА. Она адресована таким принципиальным партнёрам Южной Кореи, как Россия и КНР. Это позволяет отнести инициативу к интеграционным проектам первого регионального уровня столь же важным, как и АТЭС. Такую же оценку инициативе Пак Кын Хе дают южнокорейские исследователи[85].

Новый президент Южной Кореи Мун Чже Ин пока предпочитает говорить об «экономической интеграции Севера и Юга» и «национальной интеграции» [86], которая будет способствовать азиатской интеграции[87]. В то же время на первой встрече с В. Путиным в рамках ВЭФ-2017 он высказался за укрепление экономического сотрудничества между странами Северо-Восточной Азии и Евразии[88], а на пленарном заседании Форума сообщил о запуске «Новой северной политики[89]» и поделился своей мечтой: «чтобы Корейская железная дорога через Северную Корею была соединена с Транссибом, а на поезде, который отправился бы из Пусана, можно было доехать до Европы»[90].

КНДР

Северная Корея изолирована от внешнего мира, строго идеологизирована и ограждена даже не «железным», а «многосплавным» занавесом. Какие-либо идеи интеграции с АТР, Восточной Азией или СВА в официальной и научной среде отсутствуют по причине не только изоляционизма, но и не подлежащих (даже в мечтах) обсуждению взглядов классиков кимерсенизма-кимчениризма на такое явление, как интеграция. Неизменным является постулат о том, что «...в современном мире, где каждая страна, каждая нация решают свою судьбу на базе своих идей, своего строя и своей культуры, не может быть глобальной *„интеграции“* с охватом политики, экономики, идеологии и культуры всех стран. Рекламируемая империалистами США попытка к „глобализации“ и „интеграции“ нацелена на переустройство нашей планеты в „свободный мир“, „царство демократии“ по-американски. Империалистическая попытка к „глобализации“ и „интеграции“ неизбежно сорвётся в вихрях борьбы народов мира, стремящихся к самостоятельности. Наша задача — решительно выступать против подобных акций и отвергать их»[91]. Следствием реализации подобных установок стало то, что кимерсеновско-кимченировская Корея отделена от участия в интеграционных и кооперационных мероприятиях с другими странами и представляет собой многоотраслевое хозяйство замкнутого цикла. Вплоть до кончины Ким Чен Ира в 2011 г. внешнеэкономическая деятельность страны рассматривалась как второстепенная хозяйственная сфера, представляющая только взаимодополняющий обмен[92].

После ухода из жизни главных апологетов чучхе и сонгун и прихода к управлению страной молодого лидера (хотя из того же семейного клана) появилась определённая надежда на обновление[93]. Стали поступать слабые сигналы о неких «интеграционных расчётах». Знаковым стал 2014 г., когда руководство страны заявило о решении активно развивать специальные торгово-экономические и туристские зоны (СЭЗ), а также

оказывать поддержку иностранному капиталу в инвестициях на этих территориях. На сегодняшний день СЭЗ созданы практически в каждой провинции, в них сформированы соответствующие органы управления, институты юридической и административной поддержки.

Определённая роль в реализации этих идей отводится России, в частности её тихоокеанской части. Корейская сторона приняла проекты прокладки газопровода из РФ в РК через территорию КНДР, строительства ЛЭП и соединения Транскорейской железной дороги с Транссибом. Более того, последний проект переведён в практическую плоскость: уже завершена реконструкция железнодорожного пути Хасан — Раджин, инвестиции в которую составили 5,5 млрд руб. Ещё 3,5 млрд руб. составили вложения в строительство грузового терминала в порту Раджин. Однако новые ракетно-ядерные испытания КНДР и последовавшие за этим санкции мирового сообщества поставили заслон на пути этих ростков северокорейской интеграции.

США

Идеи интеграции являются важным компонентом внешней политики США. Поначалу они касались только военно-политической сферы и использовались применительно к отношениям США с союзниками, разделяющими американские демократические ценности. Об экономической интеграции заговорили во второй половине 1970-х гг. Взгляды приверженцев неоконсерватизма того времени, которые утверждали, что справедливая интеграция возможна тогда, когда все участники опираются на собственные силы и возможности и соблюдают принципы свободной конкуренции[94], были взяты на вооружение правительствами Р. Рейгана и Дж. Буша и остаются актуальными для американской политики по сей день. Экономика стран, участвующих в интеграционных процессах, по мнению руководства Соединённых Штатов, должна отвечать следующим критериям: высокая зависимость от экспортно-импортных операций, наличие рыночной экономики американского

образца, соблюдение правил рынка всеми хозяйствующими субъектами, незначительная регулирующая роль государства[95].

Задача экономической интеграции в АТР вошла в повестку внешней политики США на рубеже 1980—1990-х гг. Общие цели и направления курса были обозначены госсекретарями США Дж. Шульцем и Дж. Бейкером. Экономический порядок на Тихом океане, по их мнению, основывался на промышленной и финансовой кооперации стран региона, свободной торговле, свободном обмене знаниями и технологиями, восприимчивости экономик к новым товарам и идеям. АТЭС рассматривался как интеграционный механизм, призванный обеспечить рост рыночных экономик региона, либерализацию торговли, взаимозависимость стран — участников и дать США возможность превратить свои торговые отношения в главные оси тихоокеанской интеграции[96]. Однако рост числа участников форума, имевших разные модели и разный уровень развития хозяйства, и проистекающая от этого неосуществимость идеи создания зоны свободной торговли в рамках АТЭС вынудили правительство Дж. Буша-младшего переориентироваться на идею Транстихоокеанского партнёрства. Именно в рамках ТПП США реализовывали курс, нацеленный на интеграцию предприятий всех размеров и форм собственности на основе принципов рынка и свободной торговли[97]. Участниками этого процесса выступали страны, соответствовавшие перечисленным выше стандартам рыночной экономики, а также готовые играть по американским правилам.

Непременное условие участия США в любых интеграционных процессах и объединениях — американское лидерство, которое должно быть безоговорочно признано всеми остальными участниками. Идеей его укрепления буквально пронизана последняя стратегия национальной безопасности США[98], выступления политических лидеров страны и кандидатов в президенты, в то время как само слово «интеграция» встречается в них достаточно редко. В значительной степени именно по этой причине ни Россия, ни Китай не рассматриваются в Вашингтоне как потенциальные участники американоцентричных интеграционных проектов.

* * *

Анализируя и сопоставляя подходы государств Северной Пацифики к самому понятию «интеграция» и их попытки «интеграционного взаимодействия» с соседями по региону, легко убедиться, что «интеграционные процессы» в конструкции «Северная Пацифика» в той же степени, как в иных региональных концептах — АТР, ВА и СВА, являются величиной непознанной и в значительной степени абстрактной. Хотя сам термин «интеграция» в разных странах Северной Пацифики трактуется практически однозначно — как согласованное взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние национальных экономик, однако несовпадение национальных интересов, многочисленные инфраструктурные, правовые, институциональные и культурно-цивилизационные барьеры препятствуют воплощению в жизнь, казалось бы, выгодных для всех идей многостороннего экономического сотрудничества. На сегодняшний день «интеграция» в зоне Северной Пацифики — это движение преимущественно хаотичное, противоречивое и во многом безрезультатное.

1.5. Регионализм, регионализация и интеграционные проекты в зоне Северной Пацифики: возможности для России

Интеграционные процессы на обширном пространстве АТР имеют довольно продолжительную историю, начавшуюся с первой неудачной попытки их организационного оформления в 1966 г. в рамках Азиатско-Тихоокеанского совета (АЗПАК)[99]. Содержание и основной тренд этих процессов определялись двумя особенностями: доминированием рыночных сил (де-факто интеграция) и логикой развития от периферии к центру[100]. Тремя главными драйверами регионализации в АТР выступали: 1) «оборонительный регионализм как защитная реакция на внешние вызовы»; 2) «внутрирегиональная

экономическая взаимозависимость», стимулировавшая потребность государств в эффективных региональных механизмах, содействующих де-факто интеграции; 3) «внутрирегиональная конкурентная динамика»[101]. Пройдя в своём развитии несколько этапов, отличающихся содержанием и доминирующими устремлениями участников, азиатско-тихоокеанский регионализм претерпел заметную трансформацию.

До середины 1990-х гг. АТР оставался одной из немногих частей мира, где институциональные механизмы кооперационных взаимодействий если не отсутствовали, то оставались весьма слабыми и неразвитыми. За два последних десятилетия ситуация радикальным образом изменилась. Из пространства с бедной институциональной архитектурой Тихоокеанская Азия трансформировалась в зону с избыточным набором структур и институтов[102]. Однако, несмотря на это, АТР по-прежнему остаётся территорией незавершённого регионального строительства с (перефразируя Амитава Ачария) «воображаемыми» региональными сообществами[103]. При этом термин «воображаемое» не является синонимом чего-то иллюзорного или лишённого реальных оснований. Применительно к региональному строительству он призван подчеркнуть те «смелые устремления, которые пытаются и способны преодолеть мощные физические, политические и даже культурные барьеры», с которыми последнее сталкивается[104].

Важность данного обстоятельства требует более внимательного анализа представлений основных региональных игроков о желательных конфигурациях возможных регионов, о региональных порядках, оптимальных для интересов их национального развития и обеспечения безопасности. Это позволяет не только лучше понять общий контекст процессов в пространстве АТР и тренды их вероятного развития. Такой анализ важен ещё и потому, что, как заметил в своё время П. Катценштейн, «власть присуща не только политическим акторам, но также социальному и институциональному окружению, в котором они находятся»[105]. И региональные порядки, даже не оформившиеся окончательно и не утвердившиеся полностью, являются частью этого окружения. Они формируются государствами и дру-

гими акторами и, в свою очередь, оказывают влияние на них, создавая возможности и устанавливая ограничения.

Очевидный интерес в этой связи представляют общие видения регионального порядка трёх ключевых стран Северной Пацифики — Китая, Японии и Южной Кореи, а также государств АСЕАН, выступающих в качестве основных контрагентов интеграции в более широком пространстве Восточной Азии и АТР. Как это ни удивительно, учитывая общий подъём региональной активности и растущий теоретический и практический интерес к регионализму, в большинстве случаев у стран Северной Пацифики нет чёткого и окончательно сформировавшегося представления о регионе, как о желательном, так и о потенциально возможном.

В случае с Юго-Восточной Азией картина складывается совершенно иная. Будучи участниками одного из старейших региональных образований на пространстве АТР, страны ЮВА сумели существенно продвинуться не только в укреплении взаимного сотрудничества, но и в улучшении взаимопонимания. Отражением последнего стала вторая Декларация согласия (Балийское согласие II), формально утвердившая «видение АСЕАН 2020» как согласованного «концерта государств Юго-Восточной Азии»[106]. Этот документ в качестве общей стратегии выдвигает действия, направленные на создание регионального объединения, состоящего из Сообщества безопасности, Экономического сообщества и Социально-культурного сообщества. Однако границы данного перспективного интеграционного блока не выглядят для АСЕАН окончательно определёнными.

С одной стороны, члены ассоциации не могут игнорировать перспективы регионализации, связанные с расширением АСЕАН и вовлечением в интеграцию своих северных соседей. Не менее важной для АСЕАН остаётся задача сохранения своей ведущей роли в этом процессе, с неизбежностью подрываемой присоединением к объединению крупных и экономически более сильных игроков. Выходом для ассоциации может стать умножение партнёрских (диалоговых) организационных структур — АСЕАН+ и ВАС, — членство в которых обусловливается

признанием участниками декларируемых АСЕАН целей, принципов и подходов к региональному сотрудничеству. Возможность этого обеспечивается не только собственным авторитетом ассоциации, но ещё в большей степени тем, что ни один из крупных игроков на пространстве АТР не способен и не желает брать на себя роль ведущего. В первую очередь это относится к Японии и Китаю. Пекин и Токио не могут допустить, чтобы кто-то из них выступил в данном качестве, кроме того, ни тот, ни другой не в состоянии добиться лидерства без согласия оппонента, а также Южной Кореи, стран АСЕАН и США. Растущая экономическая взаимозависимость Японии и КНР диктует необходимость сохранения партнёрских отношений, вынуждая их отдавать инициативу менее сильным и не вызывающим опасения региональным акторам (АСЕАН). При этом обостряется соперничество Токио и Пекина за привлечение последних на свою сторону. На нижнем, региональном, уровне это противостояние отчётливее всего проявляется в «перетягивании» на свою сторону АСЕАН. В результате наблюдаемая в последнее время активизация усилий Японии и КНР по созданию и расширению двусторонних зон свободной торговли (ЗСТ) между ассоциацией, Пекином, Токио и Сеулом, скорее, осложняет внутри-региональное единство, нежели укрепляет его[107].

На более высоком уровне отражением этой ситуации является конкуренция двух региональных мегапроектов: Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) и Регионального всестороннего экономического партнёрства (РВЭП; Regional Comprehensive Economic Partnership — RCEP). Идею первого изначально предложили отнюдь не самые влиятельные игроки. В 2003 г. три страны — Новая Зеландия, Сингапур и Чили — поставили перед собой задачу создать в АТР единую региональную зону свободной торговли. В 2005 г. к ним присоединился Бруней. В следующем году подписанное четырьмя участниками соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнёрстве вступило в силу. Документ заявлял о содействии созданию зоны свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС к 2020 г. с учётом Богорских целей (1994). Однако на протяжении последующих двух лет новое объединение практически

никак себя не проявляло. Ситуация радикальным образом изменилась, когда заинтересованность в проекте начали проявлять США. За ними последовали Австралия, Вьетнам и Перу. В 2010 г. переговоры о присоединении к ТТП начала Малайзия. В 2011 г. президент Соединённых Штатов Б. Обама объявил о достижении рамочного соглашения о ТТП с участием девяти государств — США, Австралии, Брунея, Чили, Перу, Малайзии, Новой Зеландии, Сингапура и Вьетнама. В 2012 г. о решении начать переговоры об участии в ТТП объявили Канада и Мексика, в 2013 г. — Япония. Окончательное соглашение по ТТП было достигнуто в 2015 г., а в феврале 2016 г. его подписали министры торговли 12 стран. О возможном присоединении заявили также Индонезия, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Филиппины, Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Южная Корея, Тайвань, Коста-Рика и Колумбия.

Появление ТТП во многом было связано с недовольством большого числа региональных игроков существующими институтами и соглашениями, прежде всего АТЭС. Другим побудительным мотивом стало отсутствие в течение 20 лет прогресса на переговорах в рамках ВТО о дальнейшей либерализации торговли. Всё это вынуждало страны АТР, в первую очередь самых крупных акторов, искать региональные альтернативы, в том числе в виде многочисленных двусторонних соглашений о свободной торговле или преференциальных торговых соглашений (ПТС). Обратной стороной распространения таких договорённостей явилось увеличение числа сложностей, т.н. «эффект чашки лапши», что становится камнем преткновения для региональной экономической интеграции[108]. Участники ТТП официально провозглашали партнёрство в качестве альтернативы уже имеющимся в Тихоокеанской зоне экономическим группировкам, включая АСЕАН и АТЭС; партнёрство было призвано обеспечить более высокий уровень либерализации торговли по сравнению с правилами ВТО и уже существующих ЗСТ[109]. В рамках поэтапного процесса ТТП предполагало ликвидацию примерно 99% всех импортных таможенных пошлин. Одним из наиболее привлекательных моментов в партнёрстве являлось практически полное открытие ёмкого американского

рынка и рынков других стран-участниц. Предполагалось также устранение нетарифных барьеров, включая многочисленные таможенные процедуры, запрет на допуск к госзакупкам иностранных компаний или ограничения деятельности последних на рынках общественных услуг.

Предоставлением больших возможностей ТТП одновременно накладывает на участников ряд серьёзных обязательств. Они включают симметричное открытие рынков и необходимость следования жёстким нормам в области защиты интеллектуальной собственности, охраны окружающей среды, прав работников (признание квалификации) и трудовых отношений с целью недопущения использования необоснованных конкурентных преимуществ[110]. Содержит соглашение и другие, прямо не связанные с торговлей товарами и услугами требования, такие как развитие демократии, открытость власти и борьба с коррупцией. ТТП, в частности, предполагает отменить ограничения на свободную отправку данных за границу и размещение публичных компьютерных серверов, предусматривает обязательное введение в национальное законодательство норм по уголовному наказанию за хакерские нападения и кражу данных. Ещё одной особенностью партнёрства является то, что при присоединении к нему новым членам необходимо будет принять нормы, ранее согласованные инициаторами ТТП.

Переговоры о создании РВЭП начались в ноябре 2012 г. Первоначально новое партнёрство в форме Восточноазиатского соглашения о свободной торговле (East Asia Free Trade Area — EAFTA) предполагалось сформировать на базе АСЕАН+3. В январе 2007 г. на втором саммите стран Восточной Азии Япония выступила с предложением Комплексного экономического партнёрства Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership in East Asia — CEPEA), участниками которого должны были стать Австралия, Новая Зеландия и Индия. После продолжительных обсуждений в ноябре 2011 г. АСЕАН предложила завершить дебаты об объединении EAFTA и CEPEA, представив свой вариант соглашения — Региональное всестороннее экономическое партнёрство.

РВЭП включает 10 стран АСЕАН, а также КНР, Южную Корею, Японию, Австралию, Новую Зеландию и Индию и представляет собой форму практической реализации задач, сформулированных в стратегии Восточно-азиатского экономического сообщества (2005). Данное партнёрство касается торговли товарами и услугами, инвестиций, ряда важных вопросов экономического и технического сотрудничества, конкуренции, защиты интеллектуальной собственности и урегулирования споров, совпадая в основных направлениях с ТТП[111]. В качестве базовых, однако, РВЭП предполагает использовать правила и принципы, применяющиеся в АСЕАН и в уже действующих её соглашениях о ЗСТ с третьими странами. Важнейшее место при этом занимают консенсусный подход при реализации совместных мероприятий и принцип движения со скоростью самого медленного участника[112]. Отличительной чертой данного соглашения также является «открытость», предполагающая не только возможность внесения дополнений и изменений в процессе его реализации, но и присоединение к нему на разных стадиях новых участников, имеющих соглашения о ЗСТ с АСЕАН[113].

Как правило, эти два масштабных проекта регионального строительства — ТТП и РВЭП — рассматриваются в качестве конкурирующих попыток практической реализации двух разных подходов к региональной интеграции, за которыми стоят США и КНР. Отчасти это действительно так. Но не потому, что Вашингтон и Пекин препятствуют присоединению друг друга и остальных игроков к одному или другому проекту[114], а в силу менее предпочтительных для каждого из них условий, которые вводятся соответствующими соглашениями. ТТП устанавливает чрезмерно жёсткие и обязывающие параметры участия для Китая, а РВЭП, напротив, предполагает чересчур свободные, а потому теряющие свой смысл, с точки зрения Вашингтона, рамки.

Перспективы дальнейшего развития обоих проектов далеко не безоблачны. Так, уже в ноябре 2016 г. США, а вслед за ними и Вьетнам объявили о приостановке ратификации соглашения

о ТТП[115]. Переговоры по РВЭП тормозят многочисленные спорные вопросы. Тем не менее вне зависимости от дальнейшей судьбы каждого из партнёрств очевидна их стимулирующая роль для дальнейшего развития и углубления азиатско-тихоокеанского регионализма. Последняя обусловливается тем, что Р. Болдуин определил как «эффект домино». «Создание одного регионального механизма, — отмечает исследователь, — может склонить чашу политического баланса в другом месте в сторону про-интеграционных сил, укрепляя тем самым усилия по присоединению к существующим механизмам или по формированию параллельных механизмов с другими исключёнными странами. Это должно привести к падению торговых барьеров между членами (как домино) совершенно независимо от многосторонних переговоров»[116].

Что ещё важно в этой ситуации, так это очевидное переформатирование региональных устремлений КНР как одного из ключевых акторов в АТР. Для Пекина оба проекта, обсуждаемый РВЭП и реализуемый ТТП, хотя и в разной степени, не вполне комфортны. Даже РВЭП, которое китайская сторона характеризует в качестве «одного из самых смелых шагов в экономической интеграции в Северо-Восточной Азии»[117], не вполне согласуется с общим подходом КНР к регионализму. Расширение состава потенциальных участников РВЭП, предложенное Японией и поддержанное большинством государств АСЕАН, уравновешивает влияние и ограничивает свободу действий Китая. Именно поэтому, сталкиваясь с высоко конкурентной средой в АТР, Пекин, похоже, намеревается перенаправить свои основные усилия на Евразийский континент, сосредоточившись на Центральной Азии, региональном направлении, остававшемся до последнего времени важным, но вторичным для КНР внешним ориентиром. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» представляет собой не просто ещё один регионалистский проект, но «согласованную и амбициозную Евроазиатскую стратегию растущей державы»[118].

Не оставляя попыток продвижения наиболее благоприятных для себя шаблонов региональной интеграции в Восточной

Азии и АТР, Китай, судя по всему, главное внимание и основную активность переориентирует на менее конкурентное и не так хорошо структурированное региональное пространство, где доминирующие экономические позиции КНР неоспоримы либо встречаются с не такими очевидными вызовами. Идея реконструкции регионального пространства Центральной Азии, остающейся в основном бедной, слаборазвитой, раздираемой внутренними конфликтами и противоречиями, нацелена не только на достижение общей стратегической цели обеспечить безопасное окружение или извлечь исключительно материальные выгоды посредством вовлечения в хозяйственные взаимодействия относительно изолированных государств данной зоны. Её успешное осуществление способно серьёзно повысить международный статус КНР, создав гораздо более прочный фундамент для продвижения интересов этой страны на пространстве АТР. Наметившаяся стратегическая переориентация Китая представляет собой то, что У. Маттли определил как «второй интегративный ответ» (second integrative response), под которым подразумевается переориентация государств, оказывающихся в определённый момент за рамками интеграционных объединений и формирующихся регионов (либо, добавим, неудовлетворённых предполагаемыми результатами этих процессов), на конструирование альтернативного интеграционного объединения и контррегиона[119].

* * *

Таким образом, «интеграционное пространство», в которое стремились встроиться восточные районы российского государства, обозначенные нами как «Тихоокеанская Россия», являлось весьма аморфным и условным образованием и, по сути, не было настроено на взаимодействие такого характера с Россией в целом и её восточными районами в частности. За дежурными разговорами об интеграции, которые все эти годы активно велись на разных площадках и в многообразных форматах,

скрывались противоречивые взгляды, запросы и подходы сторон, но России в них в лучшем случае отводилось весьма скромное место. С другой стороны, идеологические установки и методологические инструменты, с помощью которых Москва предполагала реализовать идею «интеграции в АТР», приобретшую в последние годы формулу «поворота России на Восток», постоянно видоизменялись, также не содействуя ни выработке долгосрочной стратегии, ни последовательности действий. Способность Тихоокеанской России играть самостоятельную роль в интеграционных процессах не предполагалась и не учитывалась ни в Москве, ни в других столицах стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Так что, сохраняя за собой политический и фискальный контроль над внешними взаимодействиями территорий Тихоокеанской России и прописывая (не слишком удачно, если исходить из эффективности их исполнения) стратегии и программы её развития, Кремль фактически отпустил её в «свободное плавание» на бурных просторах Тихого океана.

---

[1] Подсчитано на основе данных Дальневосточного таможенного управления // Официальный сайт ДВТУ. URL: http://www.dvtu.customs.ru (дата обращения: 11.04.2017). Во внешней торговле России доля этих стран не превышала 26,5%.

[2] Например, Программа развития Приморского края до 2017 г. ставит среди задач сделать эту территорию «центром интеграции России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», обеспечить Приморью «возможность его интеграции с экономиками приграничных провинций стран Северо-Восточной Азии» (Государственная программа Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013—2017 гг. С. 10 // Официальный сайт Приморского края. URL: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/the-state-programs-of-primorsky-kra.php (дата обращения: 31.03.2017)); Стратегия развития Хабаровского края до 2025 г. предполагает в том числе «достижение стабильной и эффективной... интеграции в систему мирохозяйственных связей в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом» (Стратегия социального и экономического развития

Хабаровского края на период до 2025 г. Хабаровск: Правительство Хабаровского края, 2008. С. 22); интеграция в АТР обозначена как один из ключевых факторов развития Бурятии до 2020 г. (Программа социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 г. // Электронный фонд правовой и технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/895292263 (дата обращения: 31.03.2017); Иркутская область позиционирует себя как «форпост Российской Федерации на востоке страны, опорный регион при формировании и реализации Российской Федерацией политики в отношении стран АТР» (Концепция социально-экономического развития Иркутской области на период до 2020 г. С. 12 // Официальный портал Иркутской области. URL: http://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/advance_planning/concept-ir.pdf (дата обращения: 31.03.2017)). Подробнее о региональных стратегиях см. главу 3.

[3] Ларин В., Ларина Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 11—12.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Изд-во «Юридическая литература». № 4, 25 января 2010. С. 1293—1458.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона“» // Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Изд-во «Юридическая литература». № 18, 5 мая 2014. С. 5141—5155.

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 20. Площадь ТР составляет 45,4% территории России, население — 7,3% от численности населения РФ, доля ВРП — 7,4% от ВВП страны.

[7] Известно, что название региона — Дальний Восток — формировалось в процессе освоения территории, которое в целом шло из центральных районов России. Для этих районов и их жителей новые восточные земли действительно были далёкими, дальними. См.: Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / под ред. П.Я. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 4.

[8] Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 47—55; Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; ДВО РАН, ИЭИ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 32—34, 250—258; Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. акад. РАН П.Я. Бакланов. Владивосток:

Дальнаука, 2012. С. 8—11; Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия как объект и субъект российской и международной политики // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1. С. 4—9.

[9] Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2000. № 1. С. 31—39.

[10] Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / отв. ред. П.Я. Бакланов; М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 142—150; Borders and Transborders Processes in Eurasia / ed. by S.V. Sevastianov, P. Richardson, A.A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 11—68.

[11] Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования: в 3 т. Т. 1. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 186—191; Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / отв. ред. П.Я. Бакланов; М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 140—145.

[12] Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования: в 3 т. Т. 1. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 186—191; Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 98—108; Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / отв. ред. П.Я. Бакланов; М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 140—152; Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. акад. РАН П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 262—272.

[13] Roy Bin Wong. Comparing States and Regions in East Asia and Europe: Is Southeast Asia (ever) Part of East Asia? // Southeast Asian Studies. 2010. Vol. 48. No. 2. P. 129.

[14] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 01.12.16. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 03.01.2017).

[15] Yan Xuetong. The Shift of the World Center and Its Impact of the Change of the International System // East Asia. 2013. Vol. 30. No. 3. P. 220.

[16] Fortescue Stephen. Russia's "turntotheeast": a study in policymaking // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. No. 5. P. 423—454; Rodkiewicz Witold. The Turn to the East. The Flawed Diversification of Russian Foreign Policy. Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. P. 5; Shin Beom-Shik. Russia's "Return" to Asia: How Should South Korea Respond? // EAI Issue Briefing No. MASI 2011-09. P. 1; Blind-sided in Asia // The Economist. 2009. July 9. P. 55; Hill Fiona, Lo Bobo. Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // Foreign Affairs. 2013. July 31. Available at: http://www.foreignaffairs.com/

articles/139617/fiona-hill-and-bobo-lo/putins-pivot (accessed 31.03.2017); Gipouloux Francois. The Asian Mediterranean. Port Cities and Trading Networks in China, Japan and Southeast Asia, 13th—21st Century. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. P. 35. Подробнее см. Главу 3.

[17] Womack Brantly. Northeast Asia in a Multinodal World // East Asia. 2014. Vol. 31. No. 3. P. 180.

[18] Calder Kent E. Asia in Washington: Exploring the Penumbra of Transnational Power. Washington: Brooking Institution Press, 2014. P. 140.

[19] Calder Kent, Min Ye. The Making of North East Asia. Stanford: Stanford University Press, 2010. P. 126.

[20] Gipouloux Francois. The Asian Mediterranean. Port Cities and Trading Networks in China, Japan and Southeast Asia, 13th—21st Century. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. P. 265.

[21] Takeshi Hamashita. The Asia Pacific as a Regional Concept? Towards Identity and Utility // Collaboration and Governance in the Asia Pacific: 2nd Annual Dialogue Forum of the Sino-Australian Joint Research Program hosted by Griffith University, 21—23 July 2010. Available at: https://www.griffith.edu.au/__data/assets/pdf_file/0008/246086/1-Hamashita.pdf (accessed 31.03.2017).

[22] Arif Dirlik. The Asia-Pacific Idea: Reality and Representation in the Invention of Regional Structure // What Is in a Rim? Critical Perspectives on the Pacific Region Idea / ed. by Arif Dirlik. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 15.

[23] USPACOM Strategy. Available at: http://www.pacom.mil/AboutUSPACOM/USPACOMStrategy.aspx (accessed 23.08.2016).

[24] Yul Sohn. Attracting Neighbors: Soft Power Competition in East Asia // The Korean Journal of Policy Studies. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 77—78.

[25] The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-existence to Coherence. Geneva: World Trade Organization, 2011.

[26] Sam Perlo-Freeman, Aude Fleurant, Pieter Wezeman and Siemon Wezeman. Trends in World Military Expenditure, 2015. SIPRI Fact Sheet. April 2016. Available at: http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf (accessed 31.03.2017).

[27] Friedberg A. Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in a Multipolar Asia // International Security. 1993. 18(3). P. 77.

[28] Yul Sohn. Attracting Neighbors: Soft Power Competition in East Asia // The Korean Journal of Policy Studies. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 77—78.

[29] Terada T. Forming an East Asian Community: A Site for Japan-China Power Struggles // Japanese Studies. 2006. 26(1). P. 1—13.

[30] Подробнее см.: Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX в.). Владивосток: Рея, 2013. 256 с.

[31] Подробнее см.: Jones Peter. Canada and Track Two Diplomacy. Toronto: Canadian International Council, 2009. P. 14—16.

[32] Evans Paul. Constructing Multilateralism in an Anti-Region, From Six Party Talks to a Regional Security Framework in Northeast Asia // Cross Currents, Regionalism and Nationalism in Northeast Asia / eds. Gi-Wook Shin and Daniel C. Sneider. Stanford. CA: The Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2007. P. 113.

[33] 7,3 млн китайцев, корейцев и японцев посетили США, 1,3 млн — Россию и около 900 тыс. — Канаду (всего 9,5 млн); в странах СВА побывали 4 млн американцев, 2,4 млн россиян и 1 млн канадцев (7,4 млн).

[34] The Asian Population: 2010. Census Briefs. P. 14. Available at: http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-11.pdf. (accessed 12.09.2016).

[35] Roy Bin Wong. Comparing States and Regions in East Asia and Europe: Is Southeast Asia (ever) part of East Asia? // Southeast Asian Studies. 2010. Vol. 48. No. 2, P. 119.

[36] Стенограмма выступления председателя правительства РФ Д. Медведева на пленарном заседании XIII инвестиционного форума «Сочи-2014». 19.09.2014 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/news/14835/ (дата обращения: 31.03.2017).

[37] Russia Invests in Far East to Prevent Chinese Influence // Global Risk Insights. 14 January 2014. Available at: http://globalriskinsights.com/2014/01/russia-invests-in-far-east-to-prevent-chinese-influence/ (accessed 31.03.2017).

[38] Bhavna Dave. Russia's Asia Pivot: Engaging the Russian Far East, China and Southeast Asia // RSIS Working Paper. No. 297. Singapore: The S. Rajaratnam School of International Studies, 2016.

[39] Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/75a/DVBR2025.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

[40] Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. N 2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Изд-во «Юридическая литература». № 4, 25 января 2010. С. 1293—1458.

[41] Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvr.ru/upload/iblock/c31/fcp480update.pdf (дата обращения: 03.04.2017).

[42] Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года. М., 2008. С. 27 // Сайт электронного периодического издания «Ведомости». URL: http://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/03/15/tekst_strategii 2020 (дата обращения: 10.09.2015).

[43] Концепция внешней политики Российской Федерации. 12.03.2013 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 20.11.2016).

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Tsuneo Akaha. A Distant Neighbor. Russia's Search to Find Its Place in East Asia // Global Asia. Vol. 7. No. 2. Summer 2012. P. 8.

[47] К Великому океану-2, или Российский рывок к Азии. Доклад Валдайского клуба. М., 2014. С. 32.

[48] Там же. С. 24.

[49] Там же. С. 33.

[50] Там же. С. 75.

[51] Пресс-конференция по итогам саммита Россия—Евросоюз. 22 мая 2009, г. Хабаровск // Официальный сайт Президента России. URL:http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4172 (дата обращения 29.04.2017).

[52] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке. 7 сентября 2017 года — http://kremlin.ru/events/president/news/55552.

[53] Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: динамика и перспективы. URL: http://eurasian-movement.ru/archives/18920 (дата обращения: 31.03.2017).

[54] Можно ли совместить ЕАЭС и Шёлковый путь? // Сайт Евразийского движения Российской Федерации URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6902#top-content (дата обращения: 31.03.2017).

[55] К Великому океану-2, или Российский рывок к Азии. Доклад Валдайского клуба. М., 2014. С. 6.

[56] Chen Mumin. Going Global: The Chinese Elite's Views of Security Strategy in the 1990s // Asian Perspective. 2005. Vol. 29. No. 2. P. 139—141.

[57] Иногда в русскоязычной и англоязычной литературе это понятие переводят как «периферийная политика» (*periphery policy* или *periphery diplomacy*). Такая трактовка несёт в себе негативный оттенок ввиду существующей оппозиции Центр — периферия, в которой последней отводится подчинённая роль. Однако в китайском термине *zhoubian waijiao* отсутствует указание на периферийность, и он дословно переводится как «дипломатия в отношении окружения».

[58] 郑瑞祥. 造和平稳定的周边环境 = Чжэн Жуйсян. Создание мирного и стабильного окружения // Гоцзи вэньти яньцзю. 2010. № 2. С. 25—31.

[59] Beijing's power and China's borders: twenty neighbors in Asia / ed. by Bruce A. Elleman, Stephen Kotkin and Clive Schofeld. NY: M.E. Sharpe, 2013. 370 p.

[60] Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / ed. by Chee-Beng Tan. NY: Routledge, 2013. P. 23, 249—251.

[61] Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 154.

[62] Li Mingjiang and Irene Chan. China's Pessoptimist Views on and Pragmatic Involvement in East Asian Regionalism // East Asia Regionalism. Papers of the Workshop on "Differing Perspectives on East Asian Regionalism" organized by the Konrad-Adenauer-Stiftung and the Hiroshima Peace Institute in Hiroshima on 29 Nov – 01 Dec 2010 / ed. by Narayanan Ganesan and Colin Dürkop. Tokyo: Kas Publikationsreihe Deutsch-Japanischer Dialog, 2011. P. 49.

[63] Zhongqi Pan. Dilemmas of Regionalism in East Asia // Korea Review of International Studies. Available at: http://gsis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/10-2-02-zhongqi-pan.pdf (accessed 31.03.2017).

[64] Chien Peng Chung. China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization // Problems of Post-Communism. 2006. Vol. 53. No. 5. P. 5.

[65] Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // National Development and Reform Commission (NDRC), People's Republic of China. 28.03.2015. Available at: URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 05.01.2017). Перевод документа на русский язык см.: Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255–270.

[66] 习近平：迈向命运共同体 开创亚洲新未来 = К общей судьбе и созданию нового будущего для Азии. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ ziliao_611306/zyjh_611308/t1249640.shtml (accessed 21.07.15).

[67] Articles of Agreement. Available at: http://www.aiib.org/html/aboutus/basicdocuments/AOA/?show=2 (accessed 05.01.2017).

[68] Haruko Satoh. Japan and East Asian Regionalism: The Best Supporting Actor? // East Asia Regionalism. Papers of the Workshop on "Differing Perspectives on East Asian Regionalism" organized by the Konrad-Adenauer-Stiftung and the Hiroshima Peace Institute in Hiroshima on 29 Nov – 01 Dec 2010 / ed. by Narayanan Ganesan and Colin Dürkop. Tokyo: Kas Publikationsreihe Deutsch-Japanischer Dialog, 2011. P. 70.

[69] 外国特派員協会における三木武夫外相演説・１９６７年６月２９日//日本政治・国際関係データベース 東京大学東洋文化研究所 = Речь министра иностранных дел Мики Такэо от 29 июня 1967 года на собрании иностранных специальных корреспондентов // База данных высказываний о политике и международных отношениях Японии – лаборатории исследования культур Востока Токийского университета. Нихон сэйдзи-кокусай дэ:та бэ:су. То:кё: дайгаку То:ё: бунка кэнкю:дзё.

[70] Sohn Yul. Japan's New Regionalism: China Shock, Universal Values and East Asian Community // WIAS Discussion Paper No. 2009–005. March 2, 2010. P. 14.

[71] Там же. P. 5.

[72] Takio Yamada. Toward a Principled Integration of East Asia: Concept of an East Asian Community // Gaiko Forum (Foreign Policy). Fall 2005. P. 1–4.

[73] Sohn Yul. Japan's New Regionalism: China Shock, Universal Values and East Asian Community // WIAS Discussion Paper No. 2009–005. March 2, 2010. P. 28.

[74] Policy Speech by Prime Minister Yukio Hatoyama at the 174th Session of the Diet 29 January 2010. Available at: http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/201001/29siseihousin_e.html (accessed 31.03.2017). Подробнее об инициативе Ю. Хатоямы см.: «Азиатско-Тихоокеанское сообщество» К. Рада и «Восточноазиатское сообщество» Ю. Хатоямы: перспективы и препятствия для российского участия // У карты Тихого океана. 2010. № 14 (212).

[75] 日本21世紀ビジョン・新しい活動の時代 = Японское видение 21 века. Период новых шагов. Available at: http://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/minutes/2005/0419/item10.pdf (accessed 15.05.2016).

[76] Там же.

[77] Seungjoo Lee, Chung-in Moon. South Korea's Regional Economic Cooperation Policy: The Evolution of an Adaptive Strategy // Northeast Asia. Ripe for Integration / eds. Vinod K. Aggarwal, Min Gyo Koo, Seungjoo Lee and Cyung-in Moon. Berlin: Springer-Verlag, 2008. P. 58.

[78] Acharya A. Competing Asian Communities: What the Australian and Japanese Ideas Mean for Asia's Regional Architecture. Available at: http://www.eastasiaforum.org/2009/10/29/competing-asian-communitie/ (accessed 24.02.2010).

[79] Joo Jae Woo. Korea's Role in East Asia: Constructing an East Asian Regionalism. Singapore: East Asian Institute, 2006. P. 5.

[80] Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 4—15. Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Стратегия национальной безопасности Республики Корея и России // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 287—305.

[81] Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 9.

[82] Там же.

[83] Син Бом Сик. Тонъбук асия эноджианбо ва таджачиёк хёмнёк = Многостороннее региональное сотрудничество и проблемы энергетической безопасности в СВА // Хангук чонъчхихак хвебо = Вестник Корейской ассоциации политических наук. 2012. № 46. Вып. 4. С. 93.

[84] Асмолов К.В. Евразийская инициатива президента РК // Новое восточное обозрение. 2014. URL: http://ru.journal-neo.org/2014/08/28/rus-evrazijskaya-initsiativa-prezidenta-rk/ (дата обращения: 31.02.2017).

[85] См., напр.: Ko Sangtu. Eurasian Initiative and Korea-Russia Relations // Eurasian Initiative and Korean-Russian Cooperation: In Search of Cross-border Cooperation and Peace-building in East Asia. 2014 International Conference on Korean-Russian Cooperation. Seoul: Korea-Russia Dialogue, 2014. P. 25—35.

[86] President Moon Jae-in's inaugural address. Available at: http://english.yonhapnews.co.kr/news/2017/05/10/0200000000AEN20170510009100315.html.

[87] Second Annual Meeting of AIIB. President Moon Expects Rail Connection between Two Koreas to Contribute to Asia's Integration — http://www.businesskorea.co.kr/english/news/national/18380-second-annual-meeting-aiib-president-moon-expects-rail-connection-between-two (дата обращения: 7.09.2017).

[88] Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/55541.

[89] «Северную политику» (по аналогии с западногерманской Nordpolitik по отношению к Восточной Германии) провозгласил летом 1988 г. Президент РК Ро Дэ У. Политика была стратегически нацелена на объединение Корейского полуострова через развитие отношений с коммунистическими режимами Китая и СССР. Продолжением «Северной политики» стала «Политика солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна (2000 г.), за которую он, кстати, удостоился Нобелевской премии мира.

[90] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке. 7 сентября 2017 года // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55552 (дата обращения: 08.09.2017).

[91] Ким Чен Ир. О правильном понимании национализма. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 96 чучхе, 2007. С. 6.

[92] Шалда Е.А. Модификация внешнеэкономической политики КНДР в конце XX — начале XXI вв. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 16.

[93] Суслина С.С. Экономика современной Северной Кореи: пути развития и сотрудничества. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 105—117.

[94] Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идейная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М.: Наука, 1987. 133 с.

[95] State Capitalism and Competitive Neutrality. Remarks by Deborah A. McCarthy, Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of Economic and Business Affairs. March 2, 2012. Available at: https://www.state.gov/e/eb/rls/rm/2012/181520/html/ (accessed 05.11.2016).

[96] Baker J.A. Emerging Architecture for a Pacific Community // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 5. P. 1—18.

[97] Trans-Pacific Partnership, Round 2. San-Francisco. June, 2010. Available at: http://www.ustr.gov/tpp (accessed 02.05.2016).

[98] National Security Strategy. February 2015 // Архив стратегий национальной безопасности США. Available at: http://www.nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf. (accessed 02.05.2016).

[99] Песцов С.К. Современный международный регионализм: сравнительный анализ исторической динамики. Владивосток: Морской государственный университет, 2004. С. 82—84.

[100] Pan Zhongqi. Dilemmas of Regionalism in East Asia // Korea Review of International Studies. Available at: http://gsis.korea.ac.kr/wp-content/uploads/2015/04/10-2-02-zhongqi-pan.pdf (accessed 31.03.2017).

[101] Munakata Naoko. Regionalization and Regionalism: The Process of Mutual Interaction // RIETI Discussion Paper Series 04-E-006. January 2004. P. 3—4.

[102] Песцов С.К. Азиатско-Тихоокеанский регионализм: институциональная архитектура формирующегося регионального сообщества // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 41—42.

[103] Amitav Acharya. The Imagined Community of East Asia // Paper Presented at the 50th Anniversary Commemoration Conference of the Korean Association of International Studies (KAIS) on “Global East Asia and the Future of Two Koreas”. 12th — 13th May 2006.

[104] Там же.

[105] Peter J. Katzenstein. A World of Regions. Asia and Europe in the American Imperium. Cornell University Press, 2005. P. 22.

[106] ASEAN Vision 2020. Available at: http://asean.org/?static_post=asean-vision-2020 (accessed 31.03.2017).

[107] Choi Young Jong. Northeast Asian Regional Integration: Theoretical Perspectives, Current Realities and Future Prospects // The Korean Journal of International Relations. 2007. Vol. 47. No. 5. P. 120.

[108] Этот термин (*spaghetti-bowl*) для характеристики последствий распространения преференциальных торговых соглашений использовал американский экономист Джагдиш Бхагвати (1995). См.: Denis Hew. Economic Integration in East Asia: An ASEAN Perspective. UNISCI Discussion Papers. No. 11. May 2006. P. 52.

[109] Хейфец Б. Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 26.

[110] Там же. С. 27—28.

[111] Там же. С. 29—30.

[112] Канаев Е.А. ТПП и РВЭП в системе экономического регионализма АТР // Петрунина Ж.В., Канаев Е.А., Киба Д.В. Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС. Комсомольск-на-Амуре, 2013. С. 63.

[113] Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Comprehensive Economic Partnership. Available at: http://asean.org/storage/2016/10/SEOM-AFPs-Bali-Annex-4-Joint-Declaration-on-the-Launch-of-Negotiations-for-the-RCEP.pdf (accessed 31.03.2017); Guiding Principles and Objectives for Negotiating the Regional Comprehensive Economic Partnership. Available at: http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/Documents/guiding-principles-rcep.pdf (accessed 31.03.2017).

[114] Так, например, в ноябре 2015 г., после того как соглашение о ТТП было впервые полностью опубликовано, США пригласили к участию в нём и Китай, и Россию. См.: Хейфец Б. Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 28.

[115] Транстихоокеанское партнёрство распадается // Информационный портал «Политикус». URL: http://politikus.ru/articles/86670-transtihookeanskoe-partnerstvo-raspadaetsya.html (дата обращения: 31.03.2017).

[116] Baldwin R.E. East Asian Regionalism: A Comparison with Eurupe. Geneva: Graduate Institute of International Studies, 2003. P. 7.

[117] RCEP — смелый шаг в экономической интеграции в Восточной Азии. Available at: http://russian.people.com.cn/31518/8031196.html (accessed 31.03.2017).

[118] Irina Ionela Pop. Strengths and Challenges of China's One Belt, One Road Initiative. London: Centre for Geopolitics & Security in Realism Studies, February 2016. P. 1.

[119] Mattli Walter. The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 15.

Глава 2

ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В ФОКУСЕ ПОЛИТИКИ КРЕМЛЯ

Вхождение Тихоокеанской России в интеграционное пространство Северной Пацифики происходило под комплексным воздействием ряда факторов, как внутренних (интересы и политика территорий, бизнеса и населения самого региона), так и внешних. В числе последних — восточная (тихоокеанская) политика Кремля, расширение и углубление двусторонних отношений РФ с государствами Северной Пацифики, шаги Москвы по развитию восточных районов России, интересы и политика стран Северной Пацифики в отношении РФ в целом и её восточных окраин в частности. Эта достаточно противоречивая комбинация сил влияния, которые сами по себе видоизменялись под действием глобальных, региональных и внутригосударственных условий и обстоятельств (мировой финансовый и украинский кризисы, события на Корейском полуострове и в Южно-Китайском море и др.), предопределила неоднозначные результаты международного взаимодействия в Северной Пацифике на субрегиональном уровне.

Возрастание значимости Азии и Тихоокеанского региона во внешней и внутренней политике РФ — это не чисто внутрироссийский феномен, а часть глобального цикла. На рубеже XX—XXI вв. весь мир, стимулированный мощным экономическим спуртом Китая, начал «поворачиваться» (как минимум,

теоретически) к новому центру экономического притяжения. Российский поворот, как уже замечено исследователями, был, возможно, самым противоречивым и вместе с тем — наиболее злободневным по своим ближайшим последствиям[1].

«Поворот России на Восток» имеет несколько проекций, в которых он может быть описан. В их числе участие в реконфигурации современного мира, укрепление влияния на постсоветском пространстве, «интеграция в АТР», развитие восточных районов страны, стратегическое сближение с Китаем. Все эти проекции тесно взаимосвязаны. Кроме того, выстраивая восточную политику, Москва находилась под непрерывным давлением более масштабных процессов. В результате эта политика стала плодом причудливого сплетения глобальных, национальных и региональных интересов, стратегических соображений, приоритетов территориального развития и разнонаправленных устремлений тех или иных сегментов бюрократии, диаметрально противоположных симпатий экспертов, влияющих на решения, принимаемые в Кремле, или же объясняющих их.

Всё это ставит нас перед кругом проблем, которые требуют последовательного рассмотрения, если мы хотим продвинуться вперёд в понимании, во-первых, *места* Азиатско-Тихоокеанского региона, Тихоокеанской России и восточной политики в глобальных и национальных приоритетах Москвы, во-вторых, *соотношения* возможностей и препятствий на пути к развитию данной российской территории. Исходя из такой задачи, выстроена вторая глава, в которой будут рассмотрены:

- глобальный и национальный контекст роста значимости Азии и Тихоокеанского региона для современной РФ;
- главные приоритеты новой дальневосточной политики государства и вызовы, на которые она должна дать ответы;
- интересы крупнейших экономических акторов этой политики (российских корпораций);
- международная среда, в которой данная политика воплощается.

2.1. Большая геополитическая игра: от «интеграции в АТР» к «Большому Евразийскому партнёрству»

«Поворот на Восток» и «интеграция России в АТР»

Геополитика — это одновременно и теория, и идеология, и один из способов внешнеполитического позиционирования государства[2]. В РФ геополитика в виде идеологии (во всяком случае, до недавнего времени) оставалась маргинальной. Но в сфере принятия политических решений она играет всё возрастающую роль, порой перевешивая прочие соображения[3]. Усиление азиатско-тихоокеанского направления российской геополитики удобно метафорически представить через соотношение структуры и движения. Стабильный миропорядок, будучи большую часть времени жёстко структурированным по принципу «доминирующие — подчинённые», оставляет мало возможностей для каких-либо радикальных геополитических манёвров отдельных стран. Но в те времена, когда несущие структуры мира ослабевают, появляются т.н. восходящие державы и расширяется пространство для изменения status quo.

Алгоритм геополитического мышления первых лиц российского государства строится на основе, с одной стороны, осознания масштаба происходящих изменений, с другой — страстного желания принять в них активное участие. На это прямо указывают некоторые характерные высказывания. «...Хочу, чтобы мы все отчётливо понимали: ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными не только для нас, но практически для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть, даже и потрясений», — заявил Президент России В.В. Путин в послании к стране в декабре 2012 г.[4] «Мир проходит через очень серьёзный и весьма продолжительный... этап переформатирования системы международных отношений из однополярной и биполярной в полицентричную, призванную отражать культурно-цивилизационное многообразие современного мира», — подтвердил С.В. Лавров в сентябре 2016 г.[5]

Контуры нового порядка пока неясны, но мало сомнений в том, что Восточная Евразия будет играть в нём одну из определяющих ролей*. Именно в этой части мира расположены страны (прежде всего Китай и Индия), которые не связаны с США сетью альянсов (транстихоокеанских или трансатлантических) и имеют достаточный потенциал для того, чтобы в близкой перспективе «изменить облик глобальной политики и экономики»[6].

Россия, значительная часть территории которой расположена на востоке Евразии, также не может не реагировать на возникающие геополитические и экономические вызовы и объективно вынуждена менять акценты и приоритеты в своей политике как внутренней, так и внешней. В последние 25 лет страна экономически и, что не менее важно, идеологически, интеллектуально и институционально была привязана к структурам западного мира, в которые она стремилась вписаться с конца 1980-х гг. На Запад протянулись российские газо- и нефтепроводы. Соответствие его критериям выступало мерилом качества и эффективности в самых разных сферах деятельности: от политических институтов до стандартов финансовой отчётности, научной деятельности и образования. На Западе же находился «центр» легитимации важнейших внутриполитических процессов: именно в Вашингтоне, Лондоне и Париже оценивали президентские и парламентские выборы в РФ на соответствие высоким стандартам демократии. Нелишне вспомнить: «ранний» Президент В.В. Путин (начала 2000-х гг.) — это прозападный

* Это то, что английские учёные назвали «междуцарствие» (interregnum). См. подробнее: Kerr D. Dilemas of the “Middle Continent”: Russian Strategy for Eastern Eurasia // The International Spectator. 2009. Vol. 44. No. 2. P. 75. Здесь нелишне заметить: в Концепции внешней политики РФ, утверждённой в феврале 2013 г., прямо говорилось, что «мировой потенциал силы и развития смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион». Новая концепция 2016 г. полностью повторила этот тезис. См. подробнее: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 20.11.2016).

политик, ориентированный на выстраивание близких отношений с Европой и США, а экономический блок правительства и сегодня управляется адептами западного неолиберализма.

Участие в престижном клубе «Большой Восьмёрки» (хотя и не на равных с остальными правах), в саммитах «Россия — ЕС» и «Россия — НАТО» — всё это было для политической элиты России не только фактором престижа, но и привычным инструментом международной коммуникации. Даже геополитические противоречия выплёскивались на политической сцене Запада: знаменитая «Мюнхенская речь» В.В. Путина была произнесена именно в названном немецком городе, а не в Шанхае или Бомбее*.

В годы нефтяного благополучия экономическая система РФ была выстроена таким образом, что доходы от экспорта нефти (бóльшая часть которой продавалась на Запад) стерилизовались в специальных фондах, обеспечивая макроэкономическую стабильность. Хорошие макроэкономические показатели, в свою очередь, являлись залогом продвижения страны на верхние позиции в кредитных рейтингах западных агентств, которые открывали для российских кампаний доступ на западный финансовый рынок, бывший главным источником притока инвестиций в экономику РФ[7].

Каждый из этих фактов, взятый по отдельности, можно интерпретировать по-разному, но в своей совокупности они свидетельствуют о традиционном для Москвы западноцентризме — системе доминирования определённого геополитического полюса, в которую Россия была встроена в качестве второстепенного и подчинённого элемента. Однако этот если и не комфортный, то знакомый и понятный для Кремля мир начал быстро осыпаться.

С начала XXI в. российские политики высшего ранга активно заговорили о глобальных переменах в устройстве современного мира. Западные и прозападные эксперты, для которых

* В речи Президента России В.В. Путина, произнесённой в Мюнхене 10 февраля 2007 г. на конференции по вопросам безопасности, отчётливо прозвучала критика однополярного мира, отстаивалось право РФ на независимую внешнюю и внутреннюю политику.

наметившиеся тогда кардинальные сдвиги во внешней политике России означали полное расстройство привычной системы координат, увидели в действиях Москвы нечто иррациональное и опасное для мира и будущего РФ. Российский политический класс и лояльные Кремлю интеллектуалы настаивали, что ставки в игре необычайно высоки, а борьба идёт за образ будущего мира. Две эти позиции, которые во многом форматировали информационное пространство, отражали на самом деле нечто большее. Политическая элита, говоря о глобальных переменах, исходила из того (и ещё больше надеялась на это), что Россия не окажется в изоляции в своём стремлении к новому миропорядку, что РФ сможет опереться на явную или негласную поддержку других восходящих держав, заинтересованных в многополярном мироустройстве. Прозападные эксперты с негодованием наблюдали крах своих замешанных на унаследованном антисоветизме ожиданий и расчётов, поскольку их надежда на интеграцию в западный мир скрылась за горизонтом. «У меня возникло большое опасение по поводу того, что мы хотим, кроме чисто географического поворота на Восток», — высказался бывший министр финансов, влиятельный общественный деятель А. Кудрин на Петербургском экономическом форуме 2015 г.[8]

Лояльных к власти интеллектуалов удовлетворяло возвращение Кремля к игре в «великую державу», но при этом они не были уверены, хватит ли стране ресурсов и воли довести эту игру до конца, тем более что конечного пункта (где он находится и как выглядит) определить не мог никто. Тем не менее в этой среде сложилось отчётливое понимание: для успеха своей внешней политики Москва должна подкрепить её такими же серьёзными шагами внутри страны, не в последнюю очередь за счёт развития восточных территорий.

Мотивами для российского руководства, в начале XXI в. побудившими его активизировать восточную политику, стал целый комплекс факторов.

Факторы геополитические: ослабление веса и влияния РФ в мире, сомнения мирового сообщества в её статусе как великой державы; давление Запада (движение НАТО на восток,

размещение системы ПРО у границ России и др.); возрастание военно-стратегической и политической значимости Тихоокеанской Азии в целом и её отдельных государств (Индия, Китай) в частности.

Факторы экономические: представление о возможности осуществить модернизацию экономики и ускорить социально-экономическое развитие России за счёт быстро развивающейся Тихоокеанской Азии; снижение экономического потенциала, возможностей и привлекательности Европы; востребованность природных ресурсов Сибири (рост цен на энергию как благоприятное условие освоения этих ресурсов; увеличение энергопотребления и запроса на энергоресурсы в странах ВА и АТР).

Факторы идеологические: потребность в самоидентификации, в укреплении чувства национальной гордости и самоуважения граждан РФ; представление об «исторической необходимости» исполнить «миссию России».

Факторы военно-стратегические: реальные и виртуальные угрозы территориальной целостности государства (борьба против «происков соседей», стремящихся «завладеть восточными окраинами страны»), ослабленные ресурсы и возможности РФ для отстаивания её интересов в регионе.

Анализ комплекса официальных документов, раскрывающих взгляды российской власти на содержание этой политики (государственные доктрины, выступления политических лидеров), позволяет раскрыть цели и приоритеты, являющиеся производными от мотивов формирования политики РФ на Востоке. Главная цель Кремля в регионе на первые десятилетия XXI в. была сформулирована в Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г.: укрепить позиции страны в регионе через участие в идущих в нём интеграционных процессах и создание там новой архитектуры безопасности и сотрудничества. Такая формулировка свидетельствует о преимущественно геополитических великодержавных мотивах и задачах Кремля. В перечне главных интересов Москвы в зоне АТР присутствовали устремления:

- сохранить за Россией статус и влияние «великой» и «тихоокеанской» державы;

- обеспечить территориальную целостность, суверенитет РФ и безопасность её восточных рубежей;
- воспользоваться экономическим, технологическим и финансовым потенциалом государств Тихоокеанской Азии в интересах внутреннего развития России;
- «сбалансировать» отношения с Западом, ослабить экономическую зависимость страны от европейского рынка энергоресурсов;
- стимулировать экономическое развитие восточных районов РФ, чтобы сделать их «плацдармом» и «мостом» для продвижения в Тихоокеанскую Азию.

Естественно, что российская политическая элита стремилась построить идеологическую платформу, способную служить основой для выработки тихоокеанской политики государства. Однако, не имея однозначного или хотя бы частично согласованного представления о процессах, происходящих как в АТР в целом, так и в отдельных его странах и сегментах, она оказалась не в состоянии ни сформировать комплексную стратегию своих действий, ни сформулировать чёткое представление о строительстве отношений РФ с государствами региона (в частности, с Китаем, Японией, Индией и др.). Перечисленные выше побудительные мотивы, цели и интересы влияли на власть в разной степени и не трансформировались в какую-то цельную систему взглядов и тем более официально принятую доктрину. При этом, хотя все посылы Кремля настраивали на «интеграцию России в АТР», в реальности доступной для страны сферой такой интеграции в лучшем случае являлась Северная Пацифика. Во многом по этим причинам не было выполнено поручение Президента РФ от 17 марта 2010 г. о разработке Стратегии развития сотрудничества Российской Федерации со странами АТР и прогноза социально-экономического развития Дальнего Востока до 2050 г.

Нормативно-правовая база для предписанной интеграции в АТР, создававшаяся в эти годы, оказалась во многом декларативной, схематичной и противоречивой. Официальные документы, предназначенные для законодательного закрепления долговременной стратегической линии и обозначения инте-

ресов государства в регионе (концепции, доктрины, программы[9]), содержат лишь общие и размытые направления и цели. В столь же общем виде параметры стратегического курса РФ в Тихоокеанской Азии обозначены в речах и публикациях политического руководства страны (В.В. Путина, Д.А. Медведева, С.В. Лаврова).

Неспособность российской политической элиты адекватно сформулировать долговременную стратегию государства в АТР была предопределена не только нечёткими контурами этого региона, но и во многом собственной (включая всё российское общество) неготовностью принять и осознать значение Востока в современном мире. На словах важность АТР декларировалась и активно подчёркивалась, но на деле никак не проявлялась. Неготовность россиян к кардинальному сближению с Востоком была обусловлена целым набором идеологических и психологических факторов. В числе ключевых выделим следующие:

- нерешённость проблемы самоидентификации РФ, отсутствие адекватного понимания перспективного курса развития Российского государства, его роли и места в новой системе мировых координат;
- противоречивое воздействие на умы власти, политических и интеллектуальных кругов как отечественных, так и импортированных с Запада идей и доктрин (либерализма, евразийства, славянофильства, великодержавия, европоцентризма и др.);
- славянофильские представления о мессианской роли России как то ли «буфера», то ли «моста» между Западом и Востоком, «полпреда» Европы в Азии, игнорирующие очевидную истину, что ни Европа, ни Азия в таком «мосте» и «полпреде» не нуждаются;
- духовная, экономическая и политическая ориентация экономики и большей части населения страны на Европу;
- чрезмерно эмоциональное, иррациональное и подозрительное отношение к Тихоокеанской Азии, обусловленное культурно-историческими (цивилизационные различия) и экономическими (слабое экономическое присутствие) факторами.

Следуя логике глобального развития и принимая как данность «смещение центра мировой экономической и политической активности в АТР», политическое руководство России нацелилось на интеграцию именно в этот регион и пыталось действовать в нём как глобальная и региональная держава. «Капитал», на который опирался и продолжает рассчитывать Кремль (пространственный и военный потенциал РФ, статус постоянного члена СБ ООН, природно-ресурсная база), диктовал формат и алгоритм поведения Москвы. Однако в силу отсутствия осмысленной идеологической платформы политика России на Востоке в большей степени носила реактивный характер, была скорее не всегда адекватным ответом на действия Запада и ситуационно воспринимаемые вызовы с Востока, чем воплощением в жизнь продуманной стратегической линии.

В 2012 г. будущий Президент РФ в своей программной статье ориентировал на более глубокую интеграцию с Европой, рисуя перспективу «Союза Европы», «который только укрепит возможности и позиции России в её экономическом повороте к „новой Азии“»[10]. В подписанном позже указе лидера страны «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» в отношениях с Европейским Союзом предписывалось: «выступать за достижение стратегической цели — создание единого экономического и человеческого пространства от Атлантического океана до Тихого океана», в то время как в АТР — «наращивать участие в региональных интеграционных процессах в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока»[11]. Другими словами, интеграция в АТР понималась в Кремле инструментально — в контексте регионального развития — и, по сравнению с европейским направлением, имела менее высокий статус.

Фактические усилия России на восточном направлении её внешней и внутренней политики в начале XXI в. были направлены на:

- формальное присутствие и ограниченное участие в работе региональных организаций (АТЭС, АРФ, ВАС и др.);
- проникновение на энергетические рынки СВА (энергетическая линия представлялась единственной возмож-

ностью для включения Тихоокеанской России в интеграционные процессы в АТР, в то время как все остальные рассматривались не более чем теоретически вероятными и желательными);

- участие в решении региональных проблем (шестисторонние переговоры по КНДР, охрана окружающей среды, борьба с невоенными угрозами безопасности, последствиями природных и технологических катастроф);
- формирование новой архитектуры региональной безопасности (российско-китайская инициатива создания Азиатско-Тихоокеанской системы безопасности и сотрудничества на принципах «шанхайского духа»);
- создание экономического (массированные инвестиции в инфраструктуру, нефте- и газопроводы, освоение природных ресурсов) и идеологического (проведение форума АТЭС во Владивостоке, поддержка идеи строительства Транскорейской железнодорожной магистрали и др.) плацдарма на территории Дальнего Востока для последующего продвижения на рынки АТР;
- развитие двусторонних отношений со странами Восточной Азии, среди которых приоритет отдавался Китаю;
- пропагандистское закрепление тихоокеанского статуса России;
- гуманитарную экспансию (идея продвижения русской культуры вместо восприятия азиатских ценностей, создание положительного имиджа России в регионе).

При этом такие интеграционные компоненты, как производственная кооперация, финансы, рынок рабочей силы, оставались практически не освоенными. Конечно, произносились правильные слова о планах России «обеспечить добавочную стоимость регионального сотрудничества» в высокотехнологичных областях экономики, современной энергетике, создании транспортно-логистических систем[12], но они так и оставались благими намерениями.

Определённые результаты в реализации задачи по интеграции России в АТР были достигнуты, особенно в 2007—2014 гг. В частности, доля стран АТЭС во внешней торговле РФ выросла

с 17 до 27%, а доля государств АТР в российском экспорте приблизилась к 35%[13], значительно превысив прогнозный показатель, который был запланирован на 2030 г.[14] Построены нефте- и газопроводы из Сибири к Тихому океану, Россия стала членом ряда международных организаций и даже хозяйкой саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке[15], угроза «потери Дальнего Востока», озвученная в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ[16], была снята с повестки дня. Российско-китайские отношения, в свою очередь, к середине первого десятилетия 2000-х гг. стали «лучшими за всю их историю»[17]. Однако собственно цель интеграции в АТР оставалась столь же неясной и далёкой, как и десятилетия назад. И самое главное: никоим образом не было приближено решение задачи развития Дальнего Востока посредством использования финансового, технологического и трудового потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона.

Евразийский вектор политики

Главным катализатором «девестернизации» российской геополитики явились трудности, с которыми столкнулся проект реинтеграции постсоветского пространства — географического региона, в котором локализован геополитический ресурс для упрочения мирового влияния РФ[18]. Именно данное пространство на протяжении долгого времени было внешнеполитической доминантой для Москвы. Об этом свидетельствуют как перечни географических приоритетов политики страны в Концепциях внешней политики РФ 1993, 2008 и 2013 гг., Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года (принята в 2009 г.), Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (принята в 2008 г., т.е. задолго до кульминации современного кризиса взаимоотношений России и Запада)[19], так и количество официальных визитов российских президентов за последние 16 лет (см. рис. 1, 2).

Однако вплоть до 2015 г. идея евразийской интеграции ограничивалась постсоветским пространством и фактически не за-

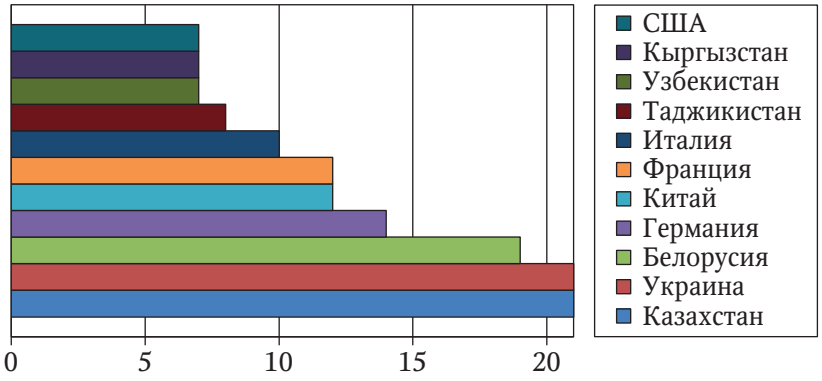


Рис. 1. Официальные зарубежные поездки Президента РФ В.В. Путина, 2000—2016 гг.

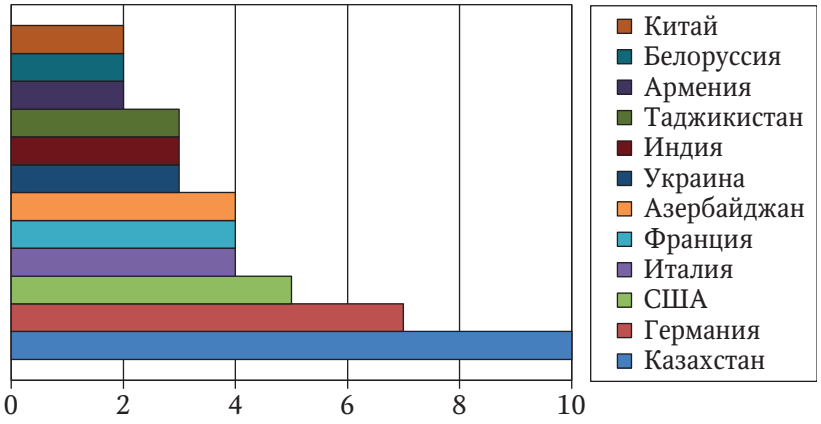


Рис. 2. Официальные зарубежные поездки Президента РФ Д.А. Медведева, 2008—2012 гг.

трагивала тихоокеанскую часть России. Подписание соглашения об образовании Евразийского экономического союза 1 января 2015 г. в корне изменило ситуацию. Последующее заключение договора о зоне свободной торговли между ЕЭС и Вьетнамом и объявление начала переговоров о создании подобных зон между ЕЭС, с одной стороны, и РК и КНР, с другой, свидетельствуют о возникновении совершенно новой конфигурации интеграционного пространства — реальной Большой Евразии.

Очевидно, что динамичные геополитические изменения в западной части Евразии повлекли за собой принципиальную трансформацию проекта реинтеграции постсоветского пространства. Во-первых, из регионального он стал глобальным: если раньше отражал, по сути, превращение России в региональную державу с коротким радиусом интересов (ограниченным ближайшими соседями), то сейчас уже является глобальной альтернативой европейской интеграции и всё теснее увязывается с такими инициативами, как Большое Евразийское партнёрство и Экономический пояс Шёлкового пути. Во-вторых, сменился геополитический вектор реинтеграции: произошло фактическое вымывание из него европейской составляющей. После грузинского и украинского кризисов (ещё в 2013 г. Украина официально признавалась Москвой приоритетным партнёром в СНГ[20]) реинтеграция оказалась географически сконцентрированной на Центральной Азии. А в этом регионе именно Китай становится естественным ключевым геополитическим партнёром (и конкурентом) России[21]. В-третьих, открываются возможности для существенного пространственного расширения проекта — до самых берегов Тихого океана.

Созданная в 1990—2000-е гг. институциональная инфраструктура участия в АТР, наряду с материальной (газо- и нефтепроводами, протянувшимися на восток в 2000-х гг.), позволила РФ сыграть геополитическими «флангами», смягчив тем самым последствия острого кризиса во взаимоотношениях с США и Европой. Конфликт с Западом придал российский политике на востоке первостепенное значение, фактически разрушив все стратегически перспективные планы Москвы по внешней и экономической политике, которые основывались на платформе тесных связей с Европейским Союзом, и заставив Кремль сделать геополитический выбор. Доминировавшая долгое время доктрина «многовекторности» отошла на второй план, так же как и стремление выстроить ЕврАзЭС в качестве «эффективного связующего звена» между Европой и АТР[22]. Развитию интеграционных связей с Азией не осталось реалистичных альтернатив. И это отразилось в быстрой смене географических приоритетов внешней политики РФ, зафиксированных в ежегодных официальных обзорах МИД[23] (см. табл. 1).

Таблица 1

Географические направления внешней политики (изменения приоритетов)

2008—2014 гг.	2015 г.
Пространство СНГ	Пространство СНГ
Европа	Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве (новое направление)
США и Канада	Азиатско-Тихоокеанский регион ↑
Азиатско-Тихоокеанский регион	Южная Азия ↑
Южная Азия	Европа ↓
Ближний и Средний Восток, Северная Африка	США и Канада ↓
Африка	Арктика
Латинская Америка и Карибский бассейн	Ближний и Средний Восток, Северная Африка
	Африка к югу от Сахары
	Латинская Америка и Карибский бассейн

В 2015 г. произошло существенное изменение в иерархии приоритетов (в табл. 1 восходящее или нисходящее движение показано соответствующими стрелками). Европейское направление ушло вниз, в то время как азиатско-тихоокеанское заняло третью позицию сразу после впервые появившегося приоритета, обозначенного как «гармонизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве»[24].

К настоящему времени отчётливо видны два измерения, в которых происходит рост значимости Восточной Евразии для России. Первое — глобальное: в нём разворачивается борьба за реконфигурацию современного миропорядка. Именно на востоке Евразии расположен ключевой партнёр РФ — КНР, чьё руководство преследует схожие цели на мировой арене. И именно этот регион выступил альтернативной Европе площадкой для развития интеграционных проектов с участием России. В рамках второго — регионального — измерения поворот на Восток выступает следствием тех трудностей, которые возникли на пути геополитического проекта РФ по реинтеграции

постсоветского пространства. Столкнувшись с жёсткой конкуренцией со стороны ведущих акторов евро-атлантической интеграции, Евразийский экономический союз (если не принимать во внимание Белоруссию и Армению) стал, по сути, азиатским объединением. В своём стремлении подключиться к международным экономическим ресурсам данный интеграционный проект как минимум в ближайшей перспективе будет ориентирован на Азию. Более того, Россия, выступая ключевым участником этого процесса, сама стремится опереться на сильного партнёра в лице Китая, увязав евразийскую интеграцию с экономическими инфраструктурными проектами последнего. В мае 2015 г. руководители КНР и РФ представили «сопряжение» как новый инструмент расширения и углубления сотрудничества[25]. Во время саммитов ШОС и БРИКС и в июле и сентябре 2015 г. во Владивостоке Президент России также говорил о необходимости «сопрягать усилия» Москвы и Пекина в реализации проектов ЭПШП и ЕАЭС[26].

Именно в это время в сознании политического и академического сообществ обоих государств начал формироваться концепт строительства Большой Евразии на основе совмещения китайской и российской инициатив. Он также решает задачу создания альтернативы существующему мировому порядку, где доминируют США и ЕС, чьи принципы и иерархия не только не устраивают многие государства мира, прежде всего РФ и КНР, но и создают глобальные угрозы. Нарастание последних вынудило Россию очень быстро пройти путь от идеи создания общего экономического пространства на Евразийском континенте (2010 г.) к концепции «Большого Евразийского партнёрства» (2016 г.).

Концепт Большой Евразии начал активно внедряться в политическую лексику со второй половины 2015 г. В следующем году на Петербургском экономическом форуме и Втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке В.В. Путин уже уверенно говорил о «широкой евразийской интеграции» (“Comprehensive Eurasian partnership”) и «формировании большого евразийского партнёрства» (“developing a big Eurasian partnership”)[27]. На российско-китайском саммите в июле

2017 г. Президент России подтвердил свою уверенность в том, что «сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути» — это приложение совместных усилий в русле идеи формирования «Большого евразийского партнёрства»[28].

Современному руководству страны явно импонирует образ России как евразийского государства и моста между Европой и Азией. Однако поскольку идеи традиционного евразийства сформировались в России на основе её взаимодействия с Центральной, а не Восточной Азией, то данный регион мира, как и весь АТР, отражён в этих представлениях только в качестве внешней среды. Собственные азиатские владения, в силу их обширности и ресурсной значимости, выступают в глазах политической элиты страны в первую очередь как «главный индикатор влияния [России] в международных делах»[29], источник природных ресурсов и только потом — как территория освоения и развития.

Подводя итог параграфу, мы возвращаемся к метафоре, сформулированной в его начале: в 2013—2015 гг. произошло, во-первых, разрушение инфраструктуры взаимодействия РФ с Западом, во-вторых, изменилась иерархия внешнеполитических приоритетов Москвы, не говоря уже о том, что перестала работать прежняя экономическая модель. Всё это ослабило сдерживающие структуры и расширило пространство для «движения». В результате совпадения различных процессов Россия не столько сама поворачивает, сколько её «разворачивает» на Восток, и истоки этих процессов лежат не в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в глобальных геополитических сдвигах и интеграционных проектах на постсоветском пространстве. Иными словами, рост значимости Восточной Евразии для РФ связан с важнейшими стратегическими приоритетами Москвы, что позволяет прогнозировать восходящую траекторию данного тренда в среднесрочной перспективе. При этом, хотя в интеграционных инициативах последних лет заметна доля «импровизации», движение в Азию происходит на основе сформированного в предшествующие годы задела.

2.2. Дальневосточная политика Москвы: попытки реализации интеграционного потенциала Тихоокеанской России

Задачи развития ДВ придают российскому развороту в Азию внутренний импульс, в то время как геополитические трансформации выступают мощным внешним фактором формирования дальневосточной политики. Гармонично соединить интеграцию страны в АТР и развитие её восточных районов — мечта всех руководителей СССР/России последних десятилетий, от М.С. Горбачёва до В.В. Путина. Дискуссии на эту тему продолжаются более 30 лет, и об их содержании свидетельствуют весьма характерные высказывания глав советского/российского государства.

1988 г. М.С. Горбачёв: «...Экономическое положение СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе — предмет наших особых забот, размышлений и конкретных проектов... Эффективные внешнеэкономические связи Дальнего Востока мы хотели бы поставить на службу социального и индустриального развития в этой части Советского Союза. Это не конъюнктурная, а долговременная задача. Это не тактическая, а стратегическая цель»[30].

1994 г. Б.Н. Ельцин: «Магистральное направление российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе — подключение районов Сибири и Дальнего Востока к международному сотрудничеству в регионе»[31].

1995 г. Он же: «Слабость положения России на Востоке — крайне низкий уровень торгово-экономических связей. Для преодоления этой ситуации требуется долгосрочная комплексная программа подъёма экономики дальневосточных регионов России, их полноценного включения в систему хозяйственных связей Азиатско-Тихоокеанского региона»[32].

2007 г. В.В. Путин писал, обращаясь, прежде всего, к аудитории из стран-членов АТЭС: «...встраивание России в механизмы азиатско-тихоокеанской интеграции будет естественным образом дополнять внутрироссийские планы социально-экономического развития. В первую очередь проекты интенсивного подъёма Сибири и Дальнего Востока»[33].

2010 г. Д.А. Медведев: «...Шанс на развитие отношений в АТР надо использовать на благо дальневосточных регионов»[34].

2012 г. В.В. Путин призывает задействовать «китайский потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока»[35].

2015 г. В.В. Путин на Первом Восточном экономическом форуме: «Сегодня мы видим будущее Дальнего Востока как одного из ключевых центров социально-экономического развития всей страны, который должен быть эффективно интегрирован в развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион в целом»[36].

Перед нами как раз тот случай, когда долговременность приоритетов свидетельствует не столько о верности поставленных целей, сколько, в первую очередь, о трудности их достижения. И последняя в немалой степени обусловлена широтой, комплексностью и противоречивостью задач, которые ставило и одновременно пыталось решать государство на востоке. Не случайно, наверное, в 2017 г., на Третьем Восточном экономическом форуме, находясь под мощным влиянием идей Большой Евразии и «сопряжения», но при этом не желая расставаться с привычным азиатско-тихоокеанским ориентиром, Президент страны представляет Дальний Восток как «часть, по сути, быстрорастущего региона» и говорит о своём намерении превратить его «в один из важнейших логистических узлов мира»[37].

Затяжная пробуксовка с реализацией этих амбициозных целей во многом закономерна и связана с тем, что по ряду объективных причин «развитие Дальнего Востока» всегда было (подробнее см. главу 1) и до сих пор остаётся в большей степени геополитическим проектом российского государства. Это передовой рубеж страны на востоке, который следует оберегать и защищать, для чего необходимы вооружённые силы, централизованное управление и минимальный человеческий ресурс, призванный обеспечивать жизнедеятельность региона. В такой конструкции интересы и потребности местного населения, ради которого вроде бы и следует развивать территорию, уходят на второй план.

Тихоокеанской России объективно предначертано выполнять ряд общегосударственных функций, которые уже сами по себе задают тон и внутреннему развитию, и характеру её внешних связей. Причём данные функции как по содержанию (частично), так и в порядке значимости (принципиально) отличаются от тех, которые исторически были у этого региона (см. главу 1).

Первая и главная функция — геополитическая. Обладание обширными пространствами на берегах Северной Пацифики — аргумент, обеспечивающий присутствие России в регионе, её статус тихоокеанской державы, заинтересованность и участие Москвы в азиатской и тихоокеанской политике. На сегодняшний день азиатские владения РФ — единственный для страны пропуск в «клуб» азиатских государств, а ресурсы этой территории — предъявляемый платёж за названный выше статус[38].

Вторая функция — экономическая. С одной стороны, освоенные природные богатства и сами пространства региона — это платформа для обеспечения присутствия на рынках АТР (источник энергоресурсов на экспорт и транзитная зона для доставки энерго- и иных ресурсов в страны тихоокеанского бассейна). С другой — возможность для экономического развития России. «Сегодня наша страна сможет успешно двигаться вперёд только при условии качественного и динамичного развития этих территорий, — признался Президент РФ на заседании президиума Госсовета 29 ноября 2012 г. — ... Исторической миссией наших поколений является, безусловно, то, что мы должны обеспечить ускоренное, устойчивое развитие этих территорий с тем, чтобы и сами эти территории развивались эффективно и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом»[39].

Третья функция — военно-стратегическая, обусловленная необходимостью защиты территории и сохранения её богатых природных ресурсов. В 2001 г. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) отметил принципиальную необходимость освоения тихоокеанских районов страны: «От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные,

демографические и этнонациональные процессы, — говорится в докладе СВОП, — будет всё в большей мере зависеть внутренняя и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства»[40].

Наконец, присутствует и функция идеологическая: поддержание у граждан России чувства великой державы, патриотизма и причастности к определению судьбы всего мира в немалой степени строится на основе идеи обладания огромной территорией, гордости за подвиги русских первопроходцев, когда-то освоивших этот суровый и неприветливый край земли, представлений о евразийской природе и многонациональности страны.

Но при этом Тихоокеанская часть России всегда была и остаётся проблемной территорией для Центра. Этот регион — и слабое звено в системе безопасности государства*, и «финансовая дыра», не способная обеспечить экономическую отдачу от бюджетных вливаний, и перманентные управленческие сложности: протестные настроения населения (продолжающего «голосовать ногами», покидающего регион), недостаток управленческих кадров, трудности контроля за действиями местных властей.

---

* Впервые В.В. Путин заявил об угрозе существованию «региона как неотрывной части России» в июле 2000 г. (Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» // Администрация Президента РФ. 21.07.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494 (дата обращения: 11.11.2016)). Впоследствии эта тема озвучивалась на высшем уровне неоднократно. На заседании Совета безопасности РФ в декабре 2006 г. Президент страны заявил: «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» Дальневосточного региона, его слабая привязанность к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству, неэффективное использование его естественных конкурентных преимуществ представляют «серьёзную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности — без всякого преувеличения — для национальной безопасности России в целом» (Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности // Администрация Президента РФ. 20.12.2006. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965 (дата обращения: 11.11.2016)).

Для решения обозначенных проблем и ликвидации угроз сегодня, как и прежде, используются два основных средства:

1) административно-политический ресурс (персональное внимание главы государства, политические установки, специальные органы управления, регулярные совещания, визиты руководства, давление на госмонополии и т.п.);
2) программно-целевое планирование. Были разработаны, утверждены и в той или иной степени запущены в работу два десятка федеральных стратегий, концепций развития Дальнего Востока, отраслевых программ, а также десятки региональных (краевые, областные, городские и даже районные)[41]. При этом каждая из них — яркий пример наследия традиций Госплана с лоббизмом ведомств (госкорпораций) и территорий и приматом методологических подходов, в современных условиях во многом архаичных и неэффективных. В их числе:

- акцент на экономическое развитие (производительные силы) региона, которому подчинено социальное развитие;
- обязательное увеличение численности жителей ДВ (прежде всего за счёт переселения соотечественников);
- более тесная привязка региона к Европейской России, борьба с его «дрейфом» в Азию[42].

Два последних подхода не имели под собой логичных обоснований, питались преимущественно застарелыми фобиями, предубеждениями и инстинктами и были обусловлены патологическим страхом утраты территории, при этом всё перечисленное оказывало заметное влияние на формирование политики и принятие решений.

Перспективы развития огромной и потенциально богатой территории, расположенной в зоне соприкосновения наиболее могущественных государств мира, периодически будоражат умы московских, региональных и зарубежных политиков и экспертов. К поиску экономических и управленческих решений подключали известных и грамотных специалистов. Тем не менее за последние 30 лет не удалось создать ни одну программу развития региона, где бы желания РФ и её возможности взвешенно увязывались. Независимо от того, были ли

предложенные и утверждённые документы основаны на идеях государственного патернализма и вложениях из федерального бюджета или же ориентировались на раскрепощение предпринимательской инициативы и привлечение внебюджетных источников, все они являлись одинаково провальными в достижении заявленных целей.

Наш анализ позволяет выделить несколько главных причин неэффективности государственного патернализма в дальневосточной политике начала 2000-х гг.

Первая: системный и долговечный характер проблем Тихоокеанской России. Они поддаются решению, но не в сжатые сроки, не «кампанейскими» методами и не за счёт сверхконцентрации ресурсов. Отдачу от массированных бюджетных вложений нельзя детально просчитать.

Вторая: дефицит чётко проработанных и грамотно просчитанных экономических проектов. Не случайно в 2000-е гг. Москва наиболее преуспела на Дальнем Востоке в создании инфраструктуры (требует значительных затрат на содержание), но не производства (способно приносить деньги, но нуждается в детально разработанном бизнес-плане).

Третья: доминирование государства и его сырьевых корпораций в формировании и реализации дальневосточной политики. Это затрудняло диалог и взаимный учёт интересов Центра и местного бизнеса, а в итоге блокировало создание реалистичной стратегии развития региона.

Четвёртая: стремление к эффектным и масштабным имиджевым проектам (вроде завода «Соллерс», Дальневосточного федерального университета, моста на о. Русский, космодрома Восточный), рождение которых было следствием скорее политической, нежели экономической логики.

Пятая: недооценка и даже игнорирование внешнего фактора — потенциала приграничных и межрегиональных связей для развития Тихоокеанской России — и самоустранение государства от координации, стимулирования и регулирования этих связей, обусловленное отсутствием у Кремля внятной тихоокеанской политики.

Провалы дальневосточной политики России нельзя объяснить ни европоцентризмом, ни близорукостью Москвы, поскольку этому не находится эмпирического подтверждения. Дело в чём-то большем, нежели в геополитических (прозападных) симпатиях и горизонте мышления тех, кто принимает решения в Кремле*. Причина неуспеха состоит, по-видимому, в том, что масштаб проблем региона адекватен его потенциалу и возможностям. Важно также, что проблемы эти особого рода связаны с реализацией потенциала. Это вызов государству, проверка его способности действовать последовательно и целеустремлённо, концентрировать и эффективно перераспределять гигантский объём ресурсов, правильно выбирать приоритеты для их вложения, создавать адекватную бизнес-среду, где оптимально бы сочетались поощрение инициативы и контроль. Всего этого нужно было достичь, находясь в окружении динамично развивающихся стран Азии, которые обладали рядом принципиальных преимуществ перед Дальним Востоком России: многочисленным населением с более низкой зарплатой, более мягким климатом, и уже были встроены в глобальную экономику. Вероятно, решение подобной задачи не под силу никакому государству, не только РФ.

С начала 2000-х гг. рост геополитической значимости Восточной Азии и автоматически восточных районов России как части её сопровождался увеличением внимания Москвы к этому региону. В условиях усиления финансовой мощи страны межрегиональная конкуренция за централизованные ресурсы если не снизилась, то была максимально зарегулирована

* Такое мнение бытует среди как отечественных, так и западных интеллектуалов. Например, см.: Попов В. Все яйца в одной корзине: почему Россия опоздала с разворотом на Восток // ИА «РБК». 10.09.2015. URL: http://www.rbc.ru/opinions/economics/10/09/2015/55f147189a79478178bc9543 (дата обращения: 11.11.2016). Наиболее ёмко эту позицию сформулировала Элен Каррер д'Анкос: в результате распада СССР Россия стала «более евразийской, чем когда б это ни было, такой, какой её никогда не хотели видеть те, кто правил ею на протяжении веков» (Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 310).

политическими реформами. Превратив губернаторов из самостоятельных политиков в своих назначенцев, Центр окреп в административном плане настолько, что смог выбирать территориальные приоритеты, сместив акцент с национальных республик в пользу геополитически важных Дальнего Востока, Северного Кавказа и Калининградской области. Иными словами, как только государство обрело дееспособность и достаточные финансовые ресурсы (то, чего оно было лишено в 1990-е гг.), его дальневосточная политика стала более внятной и целеустремлённой. Нельзя утверждать, что до начала 2000-х гг. у Москвы отсутствовали территориальные приоритеты, просто они являлись иными, отражали задачи поддержания политической стабильности, а не обеспечения территориального развития.

Усиление внимания Кремля к Тихоокеанской России отражает также успех его централизаторского курса и приоритет геополитических факторов над внутриполитической конъюнктурой. В этом контексте дальневосточная политика видится как способность государства политически жертвовать сиюминутной экономической рациональностью ради долгосрочных целей и находить баланс между приоритетами макроэкономической стабильности и регионального развития. Если будет верным предположить, что в 1990 — начале 2000-х гг. задачи интеграции России в АТР были принесены в жертву европоцентристскому внешнеполитическому курсу, не менее верным является и утверждение, что развитием Тихоокеанской России тогда пожертвовали ради макроэкономической стабилизации.

Со второй половины 2000-х гг., параллельно с ростом экономических и административных возможностей РФ, дальневосточная политика Кремля стала наполняться масштабными проектами. Среди таких проектов — подготовка г. Владивостока к саммиту АТЭС 2012 г., возведение кампуса Дальневосточного федерального университета, космодрома Восточный и судостроительного комплекса в г. Большой Камень, модернизация Байкало-Амурской магистрали. Более того, Москва в 2012 г. пошла на то, чего не допускала прежде: в структуре

правительства был создан специальный орган, консолидированно представляющий интересы региона, — Министерство по развитию Дальнего Востока.

Стратегические приоритеты. Ценность той или иной территории зависит не в последнюю очередь от того, как могут быть использованы её ресурсы и какую позицию занимает страна (держатель данной территории) в геополитическом раскладе[43]. Основные документы стратегического планирования, принятые на государственном уровне, позволяют говорить о том, что само обладание обширным пространством и особенно его азиатской частью Москва рассматривает как преимущество для развития РФ. Возрастание геополитических мотивов в региональной политике Кремля как раз обусловлено вызовом, который порождает российское пространство. Этот вызов оценивается в двух измерениях: во-первых, как источник внешнего давления по периметру границ, причём одновременно на нескольких фронтах; во-вторых, как необходимость постоянного преодоления фактора гигантских расстояний внутри страны[44]. Таким образом, потенциальное преимущество огромных пространств восточных районов РФ имеет и оборотную сторону в виде бремени чрезмерного территориального расширения[45].

Неудивительно, что за два последних десятилетия восприятие Дальнего Востока российским руководством менялось радикально: от региона-бремени (например, в Послании Президента 1999 г. ДВ «прозвучал» как территория, чьи проблемы затрудняли проведение рыночных реформ во всей России[46]) до «национального приоритета на весь XXI век»[47]. Эта маятниковая траектория следовала, во-первых, за динамикой экономических и административных возможностей государства, а во-вторых, за изменением геополитических ориентаций и амбиций Кремля. И она вполне вписывается в алгоритм политики Москвы в отношении региона. Тем самым подтверждается цикличность восточной политики Москвы и развития Дальнего Востока, над которой не властны ни время, ни политический и экономический строй и которая уже описана в научной литературе[48].

В настоящее время регион в контексте внешне- и внутриполитического курса РФ выступает в первую очередь как:

а) территория для претворения в жизнь геополитических инфраструктурных инициатив (как реализованных, так и перспективных: например, газопровода «Сила Сибири», энергетического суперкольца*, Северного морского пути);

б) центр освоения и экспорта природных богатств и притяжения инвестиций в местные проекты. Стратегия развития Дальнего Востока в общем виде нацелена на подключение к международным ресурсам и диверсификацию внешнеэкономических связей, и в этом она совпадает с геополитической и экономической стратегией всей страны**.

Связь между позиционированием РФ в АТР и развитием её дальневосточных территорий проистекает из комплексности решаемых государством задач: освоения природных ресурсов, инфраструктурного обустройства территории, закрепления на внешних рынках, развития транзитно-логистических функций и в конечном итоге углубления интеграции и укрепления экономического влияния страны в этом регионе (см. табл. 2).

В конечном счёте на сегодняшний день мы можем констатировать, что все предпринятые государством в последние десятилетия шаги по превращению Тихоокеанской России в платформу для интеграции страны в Азиатско-Тихоокеанский регион дали очень ограниченные результаты и фактически свелись к попыткам прочнее привязать регион к Центру посредством модернизации транспортной инфраструктуры

---

* Энергетическое суперкольцо — инициатива создания системы, объединяющей энергетическую инфраструктуру четырёх стран (России, Китая, Японии и Республики Корея), выдвинутая Президентом РФ В.В. Путиным на II Восточном экономическом форуме во Владивостоке.

** Например, Президент России, выступая на Восточном экономическом форуме 3 сентября 2016 г., выразил намерение сделать Дальний Восток «центром интеграционного притяжения» и «площадкой для сотрудничества». См.: Восточный экономический форум. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума (ВЭФ) // Администрация Президента РФ. 03.09.2016. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808 (дата обращения: 20.11.2016).

Таблица 2

Приоритеты России в АТР и роль Дальнего Востока в их реализации в стратегиях национального и регионального уровней действия[49]

	Концептуальный / программный документ	Уровень действия	Приоритеты России в АТР	Роль Дальнего Востока
1	Концепция внешней политики Российской Федерации	Национальный	Наращивание всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия с Китаем. Формирование в СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в АТР	Закрепление за РФ статуса ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и АТР, в т.ч. посредством расширения участия в формируемых трансконтинентальных маршрутах грузоперевозок
2	Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.	Национальный	Переориентация значительной части торговых потоков между Европой и Азией на российские транзитные маршруты путём повышения конкурентоспособности и привлекательности транспортных коридоров РФ. Создание адекватного экспортного потенциала на азиатском направлении	Создание новых центров развития на Юге России, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, связанных с комплексной переработкой сырья, развитием рекреационной инфраструктуры; развитие транспортной инфраструктуры, закрепление населения
3	Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.	Национальный	Наращивание экономического взаимодействия РФ с АТР через участие в масштабной реструктуризации национальных экономик стран Азии; участие российских компаний в крупнейших проектах в энергетике, металлургии, машиностроении, наращивание продаж отечественной наукоёмкой продукции	Реализация стратегических приоритетов России в АТР через ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока, необходимое для закрепления лидирующих позиций РФ в мировом хозяйстве, интеграция ДВ в мировое экономическое пространство

4	Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации до 2018 г.	Национальный	Реализация совместных инвестиционных проектов, организация эффективной инфраструктуры взаимодействия предпринимателей России и стран АТР. Расширение экспорта в Азиатско-Тихоокеанский регион	Создание новых центров экономического роста в геополитически значимых регионах: на Дальнем Востоке, Юге России, Северном Кавказе, в Калининградской области, Крымском федеральном округе
5	Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.	Региональный	Динамичное развитие стран АТР создаёт возможности для широкомасштабного выхода на растущие сырьевые рынки и повышения геополитической роли восточных районов России	Дальний Восток как база для «экономического и геополитического прорыва России в АТР» и территория, формирующая «интегрирующий потенциал России в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы» за счёт развития транспортной инфраструктуры
6	Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	Региональный	Не прописаны	Развитие внешнеэкономических связей с АТР за счёт сближения условий ведения хозяйственной деятельности, широкого привлечения иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока

и предоставления некоторых льгот дальневосточникам (скидки на проезд в Европейскую Россию), а также убедить мир (через Саммит АТЭС во Владивостоке) и самих себя в реальности присутствия РФ в АТР. Непреодолимым препятствием стало определение пространственной ориентации страны. Однозначного ответа на вопрос «Россия — часть Европы, часть АТР или мост между ними?» так и не было дано. Типичное для Европейской России представление о том, что Дальний Восток — это форпост, а Сибирь — тыл сказалось и на реализации программ развития ДВ, и на отношениях с соседними азиатскими государствами[50]. Несогласованность интересов Центра и региона, московских чиновников и дальневосточников расхолаживала и тех, и других. Лукавая мысль о возможности «потери» территории также убавляла решимости в действиях по её развитию. Сыграли свою роль и настроения, и квалификация «теоретиков» и исполнителей конкретных программ, определив низкий КПД выполнения принятых решений[51].

2.3. Экономические интересы и политика государства, ведомств и корпораций. Общность и противоречия

В наибольшей степени Тихоокеанская Россия присутствует в качестве важного элемента в стратегии отечественного бизнеса, работающего в области энергетического сырья и энергетики. Именно для него реально важны азиатские рынки, а значит, и пространство ТР, как «ворота» для вхождения в эти рынки.

На сегодня Азия — единственный регион в мире, где наблюдается существенный и устойчивый прирост потребления энергоресурсов, который, согласно всеобщим ожиданиям, не прекратится в течение ближайшего десятилетия, а возможно, и дольше. В 2015—2035 гг. увеличение населения и повышение уровня экономики развивающихся стран обусловят дальнейший рост спроса на первичные энергоресурсы от 1,4 до 1,7% в год[52]. Большая его часть придётся на государства Азии, в первую очередь Китай.

Соответственно, поворот российских топливно-энергетических гигантов к азиатским рынкам, прежде всего к Восточной Азии, предопределён долгосрочными объективными тенденциями мирового рынка энергоресурсов. Дополнительный импульс этот разворот получил в результате резкого обострения отношений РФ с Европой в 2014 г. в связи с «украинским» конфликтом и последовавшими санкциями со стороны ЕС, в т.ч. касающимися российского ТЭКа. По мере того как перспективы если не увеличения, но хотя бы поддержания на прежнем уровне объёмов энергетического экспорта и инвестиций в его инфраструктуру на западном направлении становились всё неопределённее, восточный вектор работы отечественных компаний этого сектора стал приобретать для них всё большее значение. По существу, только с тихоокеанским направлением стали связывать перспективы реализации новых проектов, включая экспортную составляющую, такие флагманы российского нефтегазового сектора, как Газпром и Роснефть.

Интерес Газпрома к востоку страны проявился давно и в восприятии наблюдателей первоначально связывался с вхождением в число акционеров компании, работающей на нефтегазовых месторождениях сахалинского шельфа. В дальнейшем этот интерес рос, по крайней мере, внешне, с укреплением осознания того, что база газодобычи с неизбежностью сдвигается на восток, а задача диверсификации рынков сбыта приобретает всё большую актуальность. Увеличение степени приоритетности работы на восточном направлении с использованием коммерческого и логистического потенциала Тихоокеанской России представлялось неизбежным уже более десяти лет назад.

Вместе с тем принятие т.н. Восточной газовой программы во многом определялось набором чисто политических задач.

Одна из них, широко рекламируемая, — форсирование создания новых рабочих мест и источников доходов для Восточной Сибири и Дальнего Востока, в т.ч. посредством строительства объектов для транспортировки и переработки природного газа и газификации новых районов внутри страны.

Вторая, подразумеваемая, — уменьшение чрезвычайно большой зависимости Газпрома от европейских потребителей.

К тому же эти потребители стали откровенно тяготиться своими чересчур обширными, по их мнению, деловыми связями с компанией: её стремление использовать имеющиеся отношения, чтобы контролировать организацию сбыта природного газа конечным потребителям на территории Европы (либо весомо участвовать в этом), а также транзитную инфраструктуру, наталкивалось на очевидное политическое сопротивление. Соответственно, выход на азиатские рынки, прежде всего КНР, должен был не только диверсифицировать каналы сбыта, но и выступить в качестве аргумента в переговорах с европейскими контрагентами.

Очевидно, была и третья, политическая, причина. Москва искала пути укрепления стратегического взаимодействия с Пекином в контексте глобальной политики. Одним из них должно было стать сотрудничество в энергетической области, частью которого виделся и масштабный экспорт в Китай природного газа.

События весны и лета 2014 г. не просто усилили действие этого фактора, а превратили поиски платёжеспособных рынков, альтернативных европейским, в насущную и объективную необходимость. Закономерным стало подписание осенью того же года соглашения о поставках в Китай природного газа из Якутского и Иркутского (в перспективе) центров газодобычи на сумму до 38 млрд долл. в год по газопроводу «Сила Сибири». Газпром не начинал его возведение из-за того, что РФ и КНР в течение десяти предшествовавших лет не могли согласовать условия будущих поставок.

Несмотря на трудности, появившиеся уже после официального начала строительства, очевидно, что даже с учётом возможных корректировок по срокам, объёмам и маршрутам (помимо т.н. западного маршрута с опорой на ресурсную базу Иркутского района газодобычи, рассматривается возможность поставок в Китай сахалинского газа через трубопровод до Владивостока), общий курс на крупные поставки восточносибирского, якутского и сахалинского газа на рынок КНР не подвергается сомнению и на ближайшее десятилетие будет стержнем работы Газпрома на востоке РФ.

Попутно стоит заметить: в начале 2000-х гг. существовали большие сомнения в силах России создать протяжённую ин-

фраструктуру для экспорта углеводородов к берегам Тихого океана[53]. Тем не менее уже в 2014 г. по нефтепроводу «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) через порт Козьмино было отгружено 25 млн т нефти, что превышало плановые показатели[54], а в 2015 г. около 50 млн т сибирской нефти ушло по нему в Китай и другие страны АТР (Японию, Республику Корея, США и т.д.). За 2010—2016 гг. в Азиатско-Тихоокеанский регион по нефтепроводу экспортировано свыше 155 млн т нефти[55]. Более того, Транснефть декларировала своё намерение к 2020 г. увеличить пропускную способность трубопроводной системы для обеспечения транспортировки нефти на экспорт в КНР до 80 млн т в год[56].

Планы Газпрома по расширению присутствия на рынке сжиженного природного газа в Восточной Азии также не теряют своей актуальности, их задумано осуществить к концу текущего десятилетия, хотя у компании пока отсутствует полная ясность в вопросе реализации её продукции в АТР. Впрочем, и здесь различные варианты и конфигурации сбытовых стратегий не меняют восприятия задачи обязательного выхода на тихоокеанские рынки СПГ, включая японский и южнокорейский, в качестве одной из приоритетных.

При этом стратегическая линия Газпрома (и Москвы) состоит в строительстве транспортных объектов на российской территории исключительно собственными усилиями, а допуск иностранных компаний в проекты добычи газа возможен только при условии равноценного по стоимости и стратегическому значению обмена активами.

Руководство Роснефти также считает Тихоокеанский регион основным объектом своей средне- и долгосрочной стратегии, а Китай — главным экспортным рынком[57]. В условиях возросших трудностей с привлечением крупных кредитов (причём это относится не только к западным, но и к китайским ресурсам) главным каналом получения внешнего финансирования становится продажа долей в тех или иных инвестиционных проектах компании. В начале сентября 2015 г., во время очередного визита В.В. Путина и руководителей российских компаний в КНР, Роснефть и китайская Sinopec заключили договор

о сотрудничестве в освоении Русского и Юрубчено-Тохомского нефтяных месторождений, который подразумевает возможное приобретение Sinopec крупной доли в компаниях — недропользователях этих месторождений. Тогда же Роснефть сообщила о продаже 15% своего дочернего предприятия для освоения Ванкорского месторождения («Ванкорнефти») подразделению индийской ONGC. Годом ранее был подписан меморандум о приобретении 10% «Ванкорнефти» китайской CNPC. Учитывая долгосрочный характер трудностей Роснефти с поиском средств для финансирования собственных проектов и обслуживания ранее полученных займов (она, а также подконтрольные ей предприятия находятся под санкциями), продажа активов незападным компаниям и далее будет важной частью восточного направления её работы. В июне 2016 г. в Пекине Роснефть подписала ещё пять соглашений с китайскими компаниями.

Судьба ряда проектов Роснефти, также связанных с восточным направлением (прежде всего это планы по освоению месторождений углеводородов на морском шельфе), будет определяться динамикой цен на рынках ископаемого топлива и объёмом и продолжительностью санкций. От этих же факторов во многом зависят и решения по поводу расширения переработки энергетического сырья и диверсификации линейки продукции компании при работе в Азии. Существующая ситуация, когда при экспорте продукции на этом направлении возникает фактически рынок одного покупателя, заставляет Роснефть занимать сдержанную позицию в отношении дальнейших усилий при условии неизменности ситуации и сохранения имеющихся рисков.

Наличие сырьевой базы и работа на внешних и внутренних рынках одновременно обусловили включение в инвестиционные планы профильных российских компаний создание в ТР химических производств на основе газо- (Газпром) и нефтепереработки (Сибур), в т.ч. с возможным привлечением китайского капитала к строительству предприятий. Вместе с тем данные планы носят очаговый характер и не могут претендовать на структурообразующую роль даже для отдельных южных регионов Дальнего Востока.

Значительное место Тихоокеанская Россия занимает и в стратегии транспортного бизнеса РФ, в первую очередь в сфере организации железнодорожных перевозок.

ОАО «РЖД» позиционирует себя как транспортно-логистическую компанию, в чьи задачи входят развитие и эксплуатация железнодорожной инфраструктуры, а также организация комплексной перевозочно-логистической деятельности на «всём панъевразийском пространстве», включая российские регионы, выходящие к Тихому океану. При этом официальные документы компании неизменно утверждают, что современные тенденции развития экономики постепенно смещают основные грузопотоки евразийского пространства с запада на восток. Соответственно, особое внимание уделяется решению задачи по увеличению присутствия ОАО «РЖД» на географических рынках Восточной и Юго-Восточной Азии.

В своей стратегии, подтверждаемой ежегодными отчётами, компания по-прежнему ставит в качестве ближайших задач модернизацию БАМа и Транссиба, развитие подходов к портам Дальнего Востока, транспортных коридоров в Китай, «создание единого в экономическом смысле железнодорожного пространства от границ со странами Азиатско-Тихоокеанского региона до границ Евросоюза»[58]. В качестве задачи на более отдалённую перспективу выдвигается проект соединения железнодорожных сетей обеих частей Корейского полуострова и Транссибирской железнодорожной магистрали.

В более общем контексте транспортные компании РФ принимают к сведению планируемые федеральным правительством меры по развитию Северного морского пути, портов и автодорог, призванные обеспечить рентабельный транзит грузов по маршруту АТР — Европа. Изучаются проекты новых логистических коридоров на Дальнем Востоке, в частности «Приморье-1» и «Приморье-2», призванные создать уникальные возможности для развития бизнеса в этом регионе. Они свяжут порты юго-запада Приморья — Посьет, Зарубино и Славянку — с приграничными провинциями КНР, что позволит быстро доставлять грузы с северо-востока Китая на юго-восток и в страны АТР, а также в обратном направлении. Появятся новые возможности для транзита грузов из КНР в порты Владивостока и Находки.

Дополнительные надежды бизнесу, работающему в этой сфере, даёт вступление в силу решения о создании свободного порта Владивосток, что может если и не нарастить в желаемой степени масштабы операций, то, во всяком случае, снизить объём налоговых и иных обязательных платежей через регистрацию бизнеса в свободной экономической зоне (в свободном порте или на территории опережающего развития).

В целом транспортно-логистические услуги в привязке к территориям ТР рассматриваются отечественным бизнесом как достаточно перспективный сегмент при условии реального причисления его к государственным приоритетам и осуществления на этой основе крупных государственных вложений в сопутствующую инфраструктуру. Другим условием является принятие и последовательное воплощение в жизнь политических решений, которые бы обеспечили привлекательность использования объектов на территории Тихоокеанской России для международных транспортных коридоров и выстраивания транснациональных логистических цепочек с уверенностью в том, что они не станут жертвой возможных негативных изменений в отношениях РФ с АТР.

В меньшей степени Тихоокеанская Россия представлена в стратегиях развития компаний обрабатывающей промышленности. Большая часть вложений в этот сегмент, о которых имеется упоминание в средствах массовой информации, — инвестиции государственных компаний (в первую очередь Ростехнологий и Роснефтегаза) в модернизацию или расширение существующих производств в т.н. авиационно-судостроительном кластере (Хабаровский край), не имеющем экспортной составляющей. Осторожность комментариев руководителей немногочисленных крупных частных компаний, действующих в этой отрасли, не даёт оснований надеяться на бурный всплеск их активности в Тихоокеанской России даже при условии скорой реализации там планов обустройства и эффективного администрирования территорий опережающего социально-экономического развития. Этому объективно препятствуют негативные тенденции спроса и возрастающие сложности с привлечением внешнего финансирования для реализации новых инвестиционных проектов на приемлемых для компаний условиях.

В целом необходимо отметить: *меры по либерализации режима* хозяйственной деятельности и снижению налоговой и административной нагрузки для резидентов особых территорий, расположенных на Дальнем Востоке РФ, пока не нашли отражения в стратегических установках и решениях российского бизнеса. Последнему требуется достаточно длительный срок, чтобы оценить реальное содержание и значимость принимаемых решений, последовательность политического курса, учитывающего интересы местного и иностранного бизнеса на ДВ, способность Москвы подтвердить свои намерения практическими шагами в отношениях со странами Тихоокеанского региона.

Обязательным условием для принятия отечественным бизнесом соответствующих решений также являются прояснение будущего в диалоге Москвы и Вашингтона и судьба санкций, введённых США и государствами Евросоюза в отношении российских компаний, при понимании того, что ограничительные меры оказывают непосредственное влияние на решения, принимаемые крупными компаниями других стран региона. В первую очередь это касается Японии, для компаний которой возможность беспрепятственного и беспроблемного взаимодействия с американским бизнесом — безусловно, приоритетная задача. Однако и крупные корпорации Южной Кореи и КНР, не будучи связанными формальными ограничениями, учитывают санкции, применяемые против тех или иных компаний РФ, в своей текущей деловой активности и инвестиционных планах.

Наконец, большое значение для планирования деятельности российского бизнеса в ТР будет иметь степень приоритетности задач экономического развития региона в стратегии Москвы по сравнению с другими, во многом альтернативными задачами, выдвигаемыми ею в качестве главных в текущей повестке дня. По большому счёту стратегия отечественного бизнеса в Тихоокеанской России не может не быть частью общей стратегии Кремля, учитывающей важнейшие реалии политической жизни и социальной обстановки в государстве и особенностей международного положения РФ.

Эта позиция бизнеса осознана в Кремле. Видимо, не случайно пафос выступления В.В. Путина на пленарном заседании ВЭФ-2017 сводился к убеждению бизнеса — как российского, так и зарубежного — в долговременности и неизменности политики страны по развитию Дальнего Востока и намерении государства и далее создавать в этом регионе самые благоприятные условия для их инвестиций и деятельности.

2.4. Тихоокеанская Россия в двусторонних отношениях РФ со странами Северной Пацифики. Политическая и правовая среда, создаваемая на межгосударственном уровне

Характер и масштабы участия Тихоокеанской России в интеграционных процессах в Северной Пацифике и АТР в немалой степени определяются нормативно-правовой базой, обеспечиваемой двусторонними договорами РФ со странами региона. Эти документы не только регулируют многие аспекты приграничных и региональных связей на субнациональном уровне, но и создают для них определённую политическую, правовую и идеологическую атмосферу. С начала 1990-х гг. заключено немало таких соглашений, далеко не все они содержат статьи, прямо регулирующие различные сферы субнациональных связей, но в большом количестве документов это осуществляется косвенно.

Китай

Сближение геополитических позиций России и КНР с конца 1980-х гг. подстегнуло быстрое улучшение диалога двух стран на высшем уровне. Серия совместных заявлений и деклараций о всестороннем сотрудничестве, необходимости развития экономических и культурных связей вылилась в Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. В середине 2000-х гг. были окончательно урегулированы территориальные

разногласия, а в марте 2013 г. руководители РФ и КНР декларировали, что отношения между Россией и Китаем «достигли беспрецедентно высокого уровня, стали примером гармоничного сосуществования великих держав...» и «дальнейшее развитие российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих стран и их народов»[59].

Тихоокеанская Россия, прежде всего пояс российско-китайского приграничья*, присутствует в диалоге Москвы и Пекина в нескольких проекциях. Первая: пограничная территория, призванная решать ряд задач по обеспечению безопасности (в разных её проявлениях) и суверенитета страны. Вторая: транзитная зона межгосударственного и межрегионального экономического взаимодействия, через которую пролегают железнодорожная и нефтепроводная, а в перспективе и газопроводная артерии. Третья: пространство собственно Тихоокеанской России, которая испытывает живую потребность в тесном взаимодействии с соседней КНР, что Москва не может не принимать во внимание. Соответственно, развитие отношений в этих проекциях лоббировали разные силы как с китайской, так и с российской стороны.

Первая проекция была исключительной прерогативой центральных правительств, хотя в начале 1990-х гг. некоторые руководители дальневосточных субъектов РФ инициативно пытались влиять на политику Кремля, прежде всего в вопросах демаркации границы**. Вполне закономерно, что 10 ноября 1997 г. Москва

---

* Принадлежащая РФ часть российско-китайского трансграничья включает в себя пять территорий ТР (Приморский, Хабаровский и Забайкальский края, Еврейскую автономную и Амурскую области) с населением в 5,3 млн чел. и общей площадью 1,8 млн кв. км. На долю этой части приходится около 10% торговли между РФ и КНР и 75—80% общего числа посещающих нашу страну китайцев. Подробнее см.: Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. С. 69—81.

** В частности, против демаркации российско-китайской границы в соответствии с Соглашением о советско-китайской государственной границе на её восточной части от 16 мая 1991 г. активно выступали главы администраций Приморского и Хабаровского краёв Е.И. Наздратенко и В.И. Ишаев. См.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 196—210.

и Пекин подписали межправительственное соглашение о принципах сотрудничества администраций субъектов РФ и местных правительств КНР, в котором, с одной стороны, был заложен фундамент для развития приграничных связей, а с другой — ограничена компетенция местных властей в международных делах[60]. Документ определил, что территории двух государств могут взаимодействовать по вопросам, входящим в их компетенцию согласно национальному законодательству, причём взаимные договорённости не считаются международными договорами. Соглашение запретило обсуждать на межрегиональном уровне проблемы внешней политики, обороны государственной границы, воздушного сообщения и другие вопросы, которые находятся в ведении Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В нём также было подчёркнуто, что местные власти не только «не имеют права внесения изменений в соглашения между двумя государствами, их Правительствами, центральными министерствами и ведомствами», но и не могут выражать «особого мнения по ним»[61].

За последние два десятилетия между РФ и КНР подписан большой пакет документов, которые регулируют разные аспекты кросс-граничных связей, относящихся к компетенции федеральных органов, но напрямую влияющих на характер отношений приграничных территорий России, да и не только их, с Китаем. Это соглашения о режиме государственной границы, работе пунктов пропуска на границе, сотрудничестве в охране окружающей среды (прежде всего, в бассейнах рек Амур, Уссури, Туманная и оз. Ханка), приграничном туризме, трудовых мигрантах и др. Вопросы совместных действий в сфере водопользования, судоходства, защиты окружающей среды, борьбы с незаконной миграцией и обеспечения взаимных поездок граждан остаются, как свидетельствуют документы саммитов, в фокусе внимания Москвы и Пекина[62]. В значительной степени именно созданная правовая база позволила руководителям двух государств констатировать превращение российско-китайской границы «в зону мира, дружбы и стабильности»[63].

Крупные отечественные и китайские энергетические и транспортные компании активно лоббируют совершенствование

транспортной инфраструктуры Тихоокеанской России. Диалог РФ и КНР на высшем уровне позволил реализовать или хотя бы сдвинуть с мёртвой точки крупные инфраструктурные проекты (ВСТО, поставки электроэнергии, газопровод «Сила Сибири», газопровод «Сахалин — Хабаровск — Владивосток» с возможностью экспорта в КНР), которые ориентированы на Китай и территориально относятся к ТР. Даже такой «долгострой», как мост через р. Амур, в настоящее время позиционируется Москвой и Пекином в качестве одного из приоритетных объектов сотрудничества[64].

Однако существует весомое «но», актуализирующее вопрос, правомерно ли рассматривать эти проекты в контексте регионального взаимодействия ТР с КНР*. Крупнейшие и самые известные из них — нефтепровод и будущий газопровод, — являясь стратегически важными для Российского государства в целом, мало связаны с экономикой и тем более с властями, населением и интересами ТР. Операторами инфраструктуры становились региональные филиалы крупных вертикально-интегрированных корпораций.

Тем не менее политическая поддержка этим проектам гарантирована. Совместное заявление от 22 марта 2013 г. предполагает «обеспечение поступательного развития трансграничной транспортной инфраструктуры; усиление сотрудничества в области транзита китайских грузов через сеть российских

* Сложность рассуждений о приграничном или межрегиональном взаимодействии ТР с КНР наглядно проявляется в соответствующем разделе последней Рабочей тетради РСМД о российско-китайском сотрудничестве. Он начинается с описания неразвитости приграничной инфраструктуры, затем неожиданно переносит читателя к трансконтинентальным транспортным проектам, далее — к транзитным возможностям Тихоокеанской России, наконец, так и не включив информацию о ней как о территории с конкретным региональным хозяйством, даёт либеральные рекомендации по развитию приграничных связей. Эти советы по своему содержанию очень сильно напоминают предложения китайских экспертов по улучшению товарных и инвестиционных обменов приграничных территорий. См.: Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений. Рабочая тетрадь № 20/2015 / В.Е. Петровский (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. С. 18—23.

железных дорог и через порты Дальнего Востока России»[65]. Аналогичный документ от 8 мая 2015 г. декларирует «ускорение сооружения объектов трансграничной транспортной инфраструктуры, включая железнодорожный мостовой переход в районе пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян и автомобильный мостовой переход в районе пункта пропуска Благовещенск — Хэйхэ, укрепление сотрудничества в области интермодальных перевозок с использованием портов и другой транспортной инфраструктуры Дальнего Востока России»[66].

В развитие этих договорённостей в 2016 г. было подписано Соглашение о всестороннем стратегическом сотрудничестве между ОАО «Российские железные дороги» и Корпорацией «Китайские железные дороги», а в июле 2017 г. — Меморандум между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Государственным комитетом Китайской Народной Республики по развитию и реформе о сотрудничестве в области развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2».

Третья проекция — собственно приграничные и межрегиональные связи Тихоокеанской России с КНР. Давно ушло то время[67], когда дальневосточная политика Москвы открыто обосновывалась китайской или просто внешней угрозой*. И хотя скрытые «опасения» в отношении Пекина сохранились[68], текущая риторика Кремля и заявления двусторонних документов поощряют любые взаимодействия с КНР. Так, во время саммита в марте 2013 г. Россия и Китай договорились «уделять особое внимание инфраструктурным и производственным проектам на Дальнем Востоке Российской Федерации»[69].

Первая Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР от 18 декабря 1992 г. скромно упоминала, что будут созданы «благоприятные условия для торговых связей в рамках межгосударственных соглашений и протоколов и на ос-

* Например, в октябре 2011 г. В.В. Путин, будучи премьером, в принципе отрицал, что Китай является угрозой. См.: Интервью с председателем правительства РФ Владимиром Путиным (полная версия) // Первый канал. 17.10.2011. URL: http://www.1tv.ru/news/polit/188478 (дата обращения: 19.01.2014).

нове прямых связей между регионами, в том числе приграничными...»[70]. Но уже Совместная декларация от 25 апреля 1996 г. утверждала: «приграничные и межрегиональные связи являются важной составной частью российско-китайских отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества»[71].

Значение приграничных связей для развития межгосударственных отношений регулярно подтверждалось на межправительственном уровне. В протоколе третьего заседания российско-китайской комиссии по подготовке встреч глав правительств утверждалось: «укрепление прямых торгово-экономических связей между регионами России и Китая... является одним из эффективных путей дальнейшего расширения двусторонних торгово-экономических отношений». Исходя из этого положения, комиссия поручила «компетентным ведомствам» двух стран продолжать оказывать помощь регионам в развитии сотрудничества[72].

Тенденцию закрепил Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Его ст. 16 декларирует: стороны «содействуют развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами и в соответствии с национальным законодательством каждой из них создают для этого необходимые благоприятные условия»[73]. Закономерно, что тема такого развития регулярно присутствовала в соглашениях и коммюнике, подписывавшихся по итогам ежегодных встреч глав и правительств двух государств[74].

С середины 2000-х гг. на высшем уровне стали публично обсуждать возможность сопряжения национальных планов по развитию Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР. Впервые намерение сторон «поддерживать участие китайских предприятий в освоении российских регионов Сибири и Дальнего Востока, поощрять участие российских предприятий в освоении западных районов Китая и возрождении старой промышленной базы Северо-Востока Китая» было зафиксировано на правительственном уровне в 2004 г.[75] и подтверждено на уровне глав государств годом позже[76]. В 2007 г. на встрече В.В. Путина и Ху Цзиньтао достигнута договорённость

«активизировать совместные усилия по углублению координации в процессе осуществления стратегий возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая и развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, приступить к подготовке плана сотрудничества в данной области»[77]. Осенью 2009 г. эта задача была решена подписанием двустороннего документа — «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018)» (далее — программа). Центральные власти соглашались прилагать совместные усилия по улучшению трансграничной инфраструктуры, развитию туризма, взаимодействию в сфере трудовой деятельности и охраны окружающей среды между восточными регионами РФ и северо-восточными провинциями Китая (СВК)[78].

Программа содержала список ключевых проектов, предоставляла возможность оценить, что Москва и Пекин ожидают получить от сотрудничества приграничных макрорегионов, а так же то, как РФ и КНР готовы ему содействовать. Перечень включал 89 российских и 111 китайских инициатив, выделенных в качестве приоритетных для совместных инвестиций. Кремль ожидал увидеть на востоке страны осуществление самых разнообразных проектов, преимущественно связанных с добычей сырья или его первичной переработкой*, имелось немало производственных, а также несколько высокотехнологичных проектов[79]. Однако надежды сторон не оправдались: программа уже прошла экватор отпущенного ей срока, но реализуется крайне слабо[80].

Ответив на вопрос, почему так случилось, мы поймём возможности и ограничители Москвы в вопросах кооперации Тихоокеанской России с Китаем.

Во-первых, программа в своей основе была продуктом бюрократического творчества, призванным продемонстрировать успехи «всестороннего сотрудничества». Давно существовавшие

* Принятие программы вызвало волну алармистских публикаций в СМИ и околонаучной среде, обвинявших Москву в «продаже» или передаче в «сырьевую аренду» восточных районов страны Китаю.

идеи увязки развития Дальнего Востока РФ с СВК были формализованны не в силу появления критической массы совместных российско-китайских проектов, а вследствие попытки механического соединения государственных планов по развитию восточных районов России и Северо-Восточного Китая, появившихся или реанимированных в каждой из стран в середине 2000-х гг. Другими словами, увязывались не реальные процессы, происходящие в приграничье, а бюрократические проекты. В этой связи излишне искать глубинный смысл в действиях Москвы (или Пекина), связанных с подписанием и реализацией программы. И поэтому напрасно было бы предполагать наличие предварительных и тем более тщательных экономических просчётов этих проектов со стороны региональных администраций и бизнеса, которые просто не имели для этого необходимого запаса времени[81].

Во-вторых, осуществление программы демонстрирует несостоятельность идеи ускоренного превращения ТР в производственную или хотя бы крупную ресурсодобывающую площадку за счёт внешнего (китайского) капитала. Политические заявления[82] Москвы и бюрократическая оптимизация[83] дают минимальный результат. Потенциально действенным механизмом реализации программы можно считать лишь Российско-китайский инвестиционный фонд, созданный Российским фондом прямых инвестиций и Китайской инвестиционной корпорацией в 2012 г.[84] В 2013—2015 гг. эта структура профинансировала разработку Нойон-Тологойского месторождения полиметаллических руд[85], приняла решение вложить средства в строительство первого железнодорожного моста через р. Амур[86] (в районе с. Нижнеленинское и уезда Тунцзян), а также осуществила инвестиции в крупнейший холдинг лесной отрасли ТР[87]. Но работа фонда опять же позволяет продвигать только крупные конкретные проекты и не более того.

В-третьих, Москва в рамках программы мало что может предложить Северо-Восточному Китаю в обмен на совместное централизованное финансирование Дальнего Востока. В дискуссиях РФ и КНР редко всплывает вторая — китайская — часть документа, как будто стороны изначально и не собирались

вкладывать ресурсы в СВК[88], хотя региональная бюрократия КНР играла активную роль в продвижении программы[89].

Тем не менее приходится констатировать: преуспев в продвижении крупных межгосударственных проектов, осознавая важность развития приграничных и межрегиональных связей и осознанно создавая политическую платформу для этого, Москва и Пекин оказались не в состоянии радикально улучшить общую картину связей Тихоокеанской России с Китаем. В 2013 г. они вынужденно вывели на уровень «стратегической задачи...» конвертацию «достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах»[90]. Межрегиональное и приграничное взаимодействие, несмотря на, казалось бы, постоянное внимание к нему и РФ, и КНР, оказалось в перечне «отстающих» сфер.

Вероятно, по этим причинам, а также в связи с перенесением акцента в двусторонних отношениях на сопряжение евразийского и «шёлкового» проектов, где Сибирь и Центральная Азия играют более значимую роль, Москва и Пекин стали осторожнее в своих заявлениях. В мае 2015 г. они говорили лишь «об усилении плановых начал в межрегиональном сотрудничестве» и создании Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востоком Китая, а в 2016 г. — о необходимости «расширять и углублять сотрудничество между регионами двух стран, активно применяя опыт, накопленный, в частности, в форматах „Дальний Восток России — Северо-Восток Китая“»[91]; в июле 2017 г. договорились «продолжать углублять двустороннее приграничное сотрудничество», акцентировав внимание на решении действительно важной, но не решаемой десятилетиями задачи: наращивании усилий по развитию инфраструктуры в приграничных районах и совершенствованию работы пунктов пропуска[92].

В сфере приграничного взаимодействия РФ и КНР более успешно реализуются проекты, связанные с культурой и туризмом[93]. Иными словами, те, где или не требуется просчитанная экономическая модель, или же (как например, в сфере культуры) экономическая эффективность не является главным критерием.

Япония

Важность Тихоокеанской России в российско-японских отношениях никогда не подлежала сомнению, что объективно обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, географической близостью, значимой для обеих стран и обеспечивающей целый ряд преимуществ: от экономии на транспортных издержках до развития добрососедских, в т.ч. побратимских, связей. Поэтому и в советский, и в постсоветский периоды Дальний Восток был основным субъектом взаимодействия с Японией. Во-вторых, тихоокеанская часть РФ обладает экспортным потенциалом (минеральные и биоресурсы), который представляет реальный интерес для Японии. Существенно возросшая в конце 1990-х гг. значимость нефти и газа Сахалина для отношений между Москвой и Токио даже породила теорию о «сахалинизации российской политики в отношении Японии»[94]. В-третьих, именно принадлежность части территории ТР (сначала Сахалина, а с 1945 г. — южных Курильских островов) являлась краеугольным камнем российско-японских отношений на протяжении вот уже полутора веков.

В отличие от российско-китайских, российско-японские связи в течение последних двух десятилетий не были подкреплены хотя бы небольшим количеством межгосударственных договоров, рамочных соглашений, совместных коммюнике по актуальным аспектам двусторонних отношений, глобальным и региональным проблемам. В лучшем случае Москва и Токио ограничивались меморандумами по конкретным вопросам (сотрудничество в правоохранительной области, 2000 г.; изменение визового режима, сотрудничество в области оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам и правоохранительной деятельности, оба 2005 г., и др.), программами взаимодействия в определённых сферах (борьба с терроризмом, сотрудничество в области энергетики и туризма, обе 2005 г.; консервация экосистем на сопредельных территориях, включая Охотское море, 2008 г.) или более обширными «планами действий» (2003 и 2006 гг.). Эти документы по умолчанию

распространялись и на Тихоокеанскую Россию, но почти не содержали прямых упоминаний о ней. В то же время некоторые документы непосредственно регулировали отношения между государствами, их ведомствами и территориями в зоне Северной Пацифики (например, программа сотрудничества по развитию совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах) [95].

При этом публиковавшиеся Россией и Японией пресс-релизы и информационные сообщения о состоявшихся встречах свидетельствуют, что дальневосточная тематика регулярно присутствовала в переговорах на высшем уровне, иногда даже доминируя на них. Такие акценты были обусловлены конкретными интересами сторон. В подходах Москвы к выстраиванию отношений с Токио доминировало намерение вовлечь его в проекты по развитию Дальнего Востока, заручившись японскими передовыми технологиями и инвестициями. Япония же всегда смотрела на ДВ в первую очередь через призму межгосударственных отношений, акцентируя внимание на решении территориального вопроса и параллельно стремясь удовлетворить свои энергетические потребности.

Закономерно, что план «Ельцин — Хасимото», принятый по итогам саммита в Красноярске в ноябре 1997 г., и Московская декларация 1998 г. провозглашали намерение двух государств «расширить диалог по освоению энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока»[96] и «содействовать развитию сотрудничества» в разработке «богатых природных ресурсов Сибири и российского Дальнего Востока»[97]. О необходимости «стимулировать продвижение взаимовыгодного экономического сотрудничества на Дальнем Востоке России» Президент РФ В.В. Путин и Премьер-министр Японии Ё. Мори говорили в Иркутске в марте 2001 г.[98]

Политический диалог продолжился и после прихода весной 2001 г. к власти в Японии администрации Дз. Коидзуми. В ходе встречи лидеров двух стран 21 июля 2001 г. в Генуе стороны подтвердили: все прежние договорённости, в т.ч. и достигнутые в Иркутске, будут соблюдаться, и это станет «базой для строительства отношений в будущем»[99]. В сфере торго-

во-экономической деятельности Токио согласился активизировать экономическое сотрудничество с Москвой, но камнем преткновения являлся территориальный вопрос. Уже 20 августа 2001 г. стало известно: премьер-министр Японии направил Президенту России послание, в котором, в частности, заявлял, что «не может согласиться» с допуском судов третьих стран на промысел в район южных Курил и озабочен тем, что сохранение нынешней ситуации окажет негативное влияние не только на переговоры о мирном договоре с Японией, но и на весь комплекс двусторонних отношений.

Другой болезненной темой диалога двух стран стали браконьерство и контрабанда морепродуктов в дальневосточных морях. Так, 9 октября 2001 г. в Токио состоялись рабочие консультации между МИД России и Японии. Участники были едины во мнении о важности скорейшего принятия эффективных практических шагов по пресечению контрабандного вывоза морепродуктов из сопредельных акваторий в Японию и договорились активизировать разработку таких мер[100].

В 2000-х гг. два побудительных мотива вынуждали Токио развивать дальневосточный вектор в отношениях с Москвой. Первый — стремление ослабить зависимость Японии от ближневосточных ресурсов*, второй — не допустить единоличного доминирования КНР в зоне ТР, прежде всего, в доступе к энергоресурсам Сибири. Особое беспокойство вызывала идея строительства нефтепровода из Западной Сибири в Китай, которую активно лоббировал Пекин и поддерживала компания «Юкос»[101].

Первую половину 2003 г. можно рассматривать как период активной борьбы Японии за доступ к сибирским энергетическим ресурсам, когда лидеры страны пытались склонить Россию к пересмотру решения о маршруте строительства трубопровода[102]. 10 января 2003 г., во время визита премьер-министра Дз. Коидзуми в Москву, были подписаны «Программа углубления сотрудничества в торгово-экономической области» и «Российско-Японский план действий». Последний документ,

* Этому способствовало и начавшееся 20 марта 2003 г. вторжение США в Ирак.

который премьер-министр Японии назвал «путеводной картой в наших отношениях в будущем»[103], уделял немало места расширению межрегионального сотрудничества. В нём предусматривались активизация работы подкомиссии по вопросам экономических отношений Японии с дальневосточными регионами РФ, укрепление экономических связей между представителями деловых кругов ДВ России и Японии, сотрудничество в области рыболовства, устойчивого лесопользования, борьба с незаконным промыслом и контрабандой морепродуктов, содействие развитию экономических связей субъектов ДФО и префектур Японии и т.д. [104] Однако очевидный акцент в плане был сделан на освоении энергетических ресурсов Дальнего Востока и Сибири, создании газо- и нефтепроводов для их транспортировки, а также реализации проектов Сахалин-1 и Сахалин-2, «освоении и транспортировке энергетических ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока России»[105].

В Совместном заявлении, принятом по результатам визита в Японию главы правительства РФ М. Касьянова (15—17 декабря 2003 г.), уже прямо говорилось о создании трубопроводной системы «с выходом на тихоокеанское побережье Российской Федерации», и представлялось это как важное условие «обеспечения энергетической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом». Документ также предусматривал «наращивание усилий сторон» по расширению торгово-экономических и гуманитарных обменов между регионами Сибири и Дальнего Востока и префектурами Японии, обращая особое внимание на остров Сахалин[106].

Подготовка к визиту В.В. Путина в Токио, намеченному на ноябрь 2005 г., вновь спровоцировала интерес к территориальной проблеме и развитию Дальнего Востока. 22 февраля 2005 г. на пленарном заседании нижней палаты парламента Японии была принята резолюция «Об активном развитии японо-российских отношений в связи с 150-летием заключения Симодского трактата»[107]. Призывая к «активному развитию» двусторонних отношений, она практически в неизменном виде повторяла старые требования. Однако ни в одном из 12 различных документов, включая «Основные направле-

ния долгосрочного сотрудничества между Правительством РФ и Правительством Японии в области энергетики», подписанных по итогам визита Президента РФ в Японию, территориальная проблема или проблема мирного договора вообще не упоминались[108]. Токийская встреча Дз. Коидзуми и В.В. Путина (ноябрь 2005 г.) имела явный прагматический, точнее, «энергетический уклон»: немалое место на ней отводилось проектам на Сахалине и взаимодействию в строительстве ВСТО. С большим оптимизмом Москва и Токио договорились «работать для достижения взаимопонимания (по проблеме трубопровода) как можно ранее в 2006 г.»[109]. Завершилась встреча подписанием ряда двусторонних соглашений (меморандумов), имеющих непосредственное отношение к Дальнему Востоку[110], в т.ч. «Основных направлений долгосрочного сотрудничества в области энергетики». Президент РФ оптимистично назвал этот документ «первым важным шагом в расширении энергодиалога и сотрудничества в отдельных областях энергетики»[111]. А в выступлении на российско-японском бизнес-форуме 21 ноября 2005 г. В.В. Путин заявил о заинтересованности Москвы «в более активном подключении японских предпринимателей к программам освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока»[112]. Тем не менее в заявлениях для прессы, сделанных по окончании диалога о сотрудничестве, о Дальнем Востоке никто не вспомнил[113]. Достигнув необходимых ему предварительных договорённостей, Токио резко снизил степень активности в этом направлении.

В повестке встречи В.В. Путина и премьер-министра Японии Ясуо Фукуды во время его неофициального визита в Москву в апреле 2008 г. стояло, прежде всего, «взаимовыгодное сотрудничество в таких стратегических областях, как энергетика, охватывая нефть, газ и ядерную энергию; транспорт, включая оживление логистического маршрута по Транссибирской магистрали; и окружающая среда»[114]. Все эти сферы напрямую касались интересов Тихоокеанской России. Главы государств поддержали идею создания совместного предприятия между Роснефтью и компанией JOGMEC для разработки месторождений нефти в Иркутской области, которое должно было «стать

образцом для строительства» ВСТО, и высказались за сотрудничество в подготовке Владивостока к саммиту АТЭС[115].

В сентябре 2007 г. в Японии пришло к власти правительство Я. Фукуды, а в России в мае 2008 г. — новая администрация во главе с Президентом Д.А. Медведевым. Начался новый этап переговоров. Во время короткой (чуть более часа) встречи в Тоякo Д.А. Медведев и Я. Фукуда приветствовали решение Банка международного сотрудничества Японии дополнительно инвестировать в проект «Сахалин энерджи» 3,7 млрд долл., по инициативе Токио обсудили вопрос об активизации взаимодействия в сфере транспорта, в т.ч. об использовании Транссиба; идею выработки межправительственной программы сотрудничества по сохранению экосистем сопредельных территорий, включая бассейн Охотского моря, и договорились о создании при российско-японском Межправительственном комитете по экономике и торговле подкомиссии по сопровождению японских «инициатив по укреплению японо-российского сотрудничества на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири»[116].

В сентябре 2008 г. был сформирован кабинет Асо Таро. В ходе встречи с Президентом РФ Д.А. Медведевым на саммите глав государств — членов АТЭС (Перу, ноябрь 2008 г.) премьер-министр Т. Асо откровенно заявил: за полтора года с момента его вступления в должность министра иностранных дел переговоры по заключению мирного договора существенно не продвинулись. Оба лидера провели на Сахалине в феврале 2009 г. ещё одну встречу, связанную с пуском первого в России завода по сжижению природного газа в пос. Пригородное (проект «Сахалин-2»). Японские компании выступали в данном проекте в качестве стратегических инвесторов, поставщиков комплектного оборудования и технологий, а также основных потребителей энергоносителя[117]. Тема участия Токио в энергетических проектах на Дальнем Востоке обсуждалась и в мае 2009 г., во время визита главы правительства РФ В.В. Путина в Японию[118].

Однако с лета 2009 г. в отношениях двух стран в политической области обозначилось похолодание. 20 мая Премьер-министр Японии Т. Асо на парламентских слушаниях высказал своё крайнее сожаление по поводу продолжения «незаконной

оккупации» Россией «северных территорий». В ответ 29 мая Президент РФ Д.А. Медведев заявил, что ни в коем случае не может принять эту позицию, ставящую под сомнение суверенитет России над четырьмя островами. 11 июня 2009 г. нижняя палата парламента Японии единогласно одобрила поправки к закону «О специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий» («Закон о специальных мерах»), что вызвало резкий протест Москвы[119].

В сентябре 2009 г. в результате убедительной победы Демократической партии Японии на выборах в палату представителей было сформировано правительство Юкио Хатоямы. Несмотря на немалые надежды, которые Россия связывала с ним, политика демократов по отношению к РФ оказалась даже более жёсткой, чем политика ЛДП. Наше государство также внесло вклад в обострение двусторонних отношений. Поездку Д.А. Медведева на о. Кунашир 1 ноября 2010 г. Токио воспринял как индикатор снижения ожиданий от партнёрства с Японией или пренебрежение. Премьер-министр Наото Кан 7 февраля 2011 г. (в день «северных территорий») осудил визит Президента РФ на о. Кунашир, назвав его «непозволительной грубостью», в результате чего напряжение между Москвой и Токио усилилось. Таким образом, оба государства приложили усилия, чтобы пространство для компромисса — необходимой основы улучшения двусторонних отношений — заметно сузилось. Дальневосточная тематика в диалоге России и Японии приобрела явно выраженный негативный оттенок.

Новые надежды подарило Токио возвращение В.В. Путина на пост Президента РФ. В ходе пресс-конференции в марте 2012 г. В.В. Путин заявил: «Найти решение проблемы „северных территорий“ можно через развитие экономических отношений, а для решения территориальной проблемы важна идея „хикивакэ“ — „ничьей“»[120]. Это высказывание в Японии расценили как проявление позиции, ориентированной на поиск политического компромисса. Потрясшее страну в марте 2011 г. «Великое землетрясение» и авария на АЭС Фукусима-1 неожиданным образом придали новый импульс отношениям Москвы и Токио как в области экономики, так и с точки зрения улучшения

психологического климата. Россия предложила Японии, оказавшейся в кризисной ситуации из-за дефицита электроэнергетических мощностей после аварии на АЭС, увеличить поставки сжиженного природного газа (СПГ). Это послужило началом ускорения межправительственных переговоров не только о поставках СПГ, но и о сотрудничестве в деле разработки газовых месторождений Восточной Сибири, строительства новых предприятий по добыче нефти и природного газа, закладке трубопроводов для их транспортировки и т.д.

Но только избрание на пост руководителя кабинета министров Японии Синдзо Абэ, самостоятельного, харизматичного политика, повлекло за собой изменение настроя в российско-японских отношениях. 29—30 апреля 2013 г. он посетил Москву и встретился с Президентом РФ В.В. Путиным. В ходе визита были подписаны важные соглашения, касающиеся сотрудничества в газовом секторе (в частности, в освоении месторождений в Якутии и под Иркутском), в строительстве газопровода из Восточной Сибири во Владивосток, а также в возведении крупного завода по сжижению природного газа под Владивостоком общей мощностью 15 млн т СПГ в год. Важным результатом визита стало решение об учреждении фонда поощрения прямых частных японских инвестиций в российскую экономику.

Всего в 2013 г. прошли четыре встречи на высшем уровне, ещё одна состоялась в феврале 2014 г. в Сочи на Олимпийских играх, куда С. Абэ прилетел 7 февраля сразу после митинга в Токио, посвящённого проблеме «северных территорий». Дело шло к визиту В.В. Путина в Японию. Но грянули события на Украине и в Крыму, и ситуация в одночасье изменилась. Вслед за США и ЕС Токио ввёл санкции в отношении РФ, пусть и не такие решительные, как у союзников. Москва ответила гневными заявлениями и списком японцев, которых не будут пускать в Россию.

Тем не менее главы государств встречались на Саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Обсуждались на нём и вопросы сотрудничества в сфере сельского хозяйства на Дальнем Востоке[121]. Чтобы не допустить полного разрыва двусторонних отношений, Токио в сентябре 2015 г. отправил в Москву специального посланника правительства Японии, экс-премьера

Ё. Мори, который пользовался авторитетом в российских политических кругах. Он привёз Президенту РФ В.В. Путину послание премьер-министра Японии.

В мае 2016 г. в Сочи состоялись переговоры С. Абэ с В.В. Путиным, в ходе которых премьер-министр Японии предложил восемь новых программ для российской экономики и граждан, в т.ч. развитие промышленности и экспортных производств на Дальнем Востоке[122]. Вскоре после этого состоялся рабочий визит в Японию заместителя Председателя правительства РФ — полномочного представителя Президента в ДФО Ю.П. Трутнева. Ключевым вопросом стали перспективы расширения российско-японского сотрудничества в рамках новой экономической политики на ДВ[123].

Безусловно, своё участие во Втором экономическом форуме во Владивостоке С. Абэ также рассматривал как важный шаг не только в решении территориальной проблемы, но и в продвижении японских интересов на Дальнем Востоке. Его предложения, «диверсифицируя российскую промышленность», поднять её производительность и посредством этого «сделать Дальневосточный регион России экспортной базой для всего АТР», а Владивосток — «воротами, которые соединят Евразию и Тихий океан»[124], можно трактовать не только как ловкий ход в поиске нестандартных решений территориального спора, но и как попытку оттеснить конкурентов и выстроить новую интеграционную модель в регионе с участием России и доминированием Японии.

Эта линия продолжилась в декабре 2016 г. в Токио и апреле 2017 г. в Москве. Более трети из почти семи десятков соглашений, подписанных во время визита В.В. Путина в Японию, нацелены на взаимодействие в зоне Тихоокеанской России. Пять из них заключило «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта». В Москве в центре переговоров оказались опять же энергетическое взаимодействие и совместное хозяйственное освоение южных Курильских островов[125]. Ещё два десятка соглашений между организациями Японии и Тихоокеанской России были подписаны на ВЭФ в г. Владивостоке в сентябре 2017 г.

И хотя по-прежнему стороны не вышли на уровень комплексных соглашений, нормативно-правовая база для участия Тихоокеанской России в российско-японском межгосударственном сотрудничестве расширяется.

Корейский полуостров

Дальний Восток занимает особое место в современных отношениях России и Республики Корея. Обусловлено это несколькими обстоятельствами. Во-первых, географической близостью. Во-вторых, тем, что в диалоге с Москвой политические и стратегические интересы Сеула преобладают над экономическими. В-третьих, наличием на ДВ значительной корейской диаспоры. Наконец, общностью истории: государство Бохай, которое корейцы считают важным элементом своей истории и культуры, частично располагалось на территории современного Приморского края, а в конце XIX — начале XX в. юг Дальнего Востока стал прибежищем для корейских мигрантов, одной из баз корейского освободительного движения. Существенную роль в развитии взаимодействия играли и экономические мотивы: большая заинтересованность РК в сырьевых и энергетических ресурсах ДВ, представления Сеула о возможности использовать эту территорию для реализации трёхсторонних проектов с вовлечением Пхеньяна, с одной стороны, и намерение России привлечь Южную Корею к реализации своих планов по развитию восточных районов, с другой[126].

7 июня 1994 г., вскоре после визита в Москву и переговоров с Б.Н. Ельциным, Президент РК Ким Ён Сам посетил г. Владивосток. Именно тогда он даже заявил, что Приморский край «начинает превращаться в центр корейско-российского сотрудничества»[127]. Линия на закрепление корейского бизнеса на юге Тихоокеанской России (даже в невыгодных для него условиях) и поддержку корейской диаспоры оставалась главной в региональной политике Сеула. В мае 1999 г., выступая в Московском университете, Президент РК Ким Дэ Джун заявлял об «огромном интересе Республики Корея к развитию Восточной Сибири

и Приморского края», особенно в сфере освоения природных ресурсов[128], а в сентябре 2000 г. во время его встречи с В.В. Путиным была достигнута принципиальная договорённость о сотрудничестве в строительстве Транскорейской магистрали.

Цели Москвы, определявшие её политику в отношении Корейского полуострова, были сформулированы во второй половине 1990-х гг.:

- снижение напряжения на полуострове до уровня, не способного привести к вспышке новой войны;
- предотвращение распространения оружия массового уничтожения;
- использование потенциала Южной Кореи в интересах российской экономики, особенно в целях модернизации Дальнего Востока;
- участие в разрешении межкорейского конфликта в целях восстановления влияния РФ в СВА[129].

По большинству пунктов эта позиция отвечала интересам Сеула, который прежде всего стремился использовать потенциал России, чтобы «умиротворить» северокорейских лидеров, объединить страну и обрести дополнительные ресурсы для экономического развития. Такое совпадение интересов обеспечило создание нормативной базы, чётко фиксирующей роль ТР как площадки для межкорейского диалога, нацеленной на реализацию и двусторонних, и трёхсторонних экономических проектов. Эта база постепенно формировалась в ходе российско-корейского взаимодействия на высшем уровне.

Концепции внешней политики РФ нацеливали на поддержание «сбалансированных» (2000 г.), «конструктивных» (2008 г.) и «дружественных» (2013 г.) отношений с обоими корейскими государствами, строящихся, прежде всего, с ориентиром на межкорейское политическое урегулирование и сохранение региональной безопасности. Российско-Корейская совместная декларация, принятая по итогам саммита В.В. Путин — Но Му Хён в 2004 г., зафиксировала ряд пунктов, нацеленных на совместные усилия по развитию Дальнего Востока, а также на реализацию проектов, напрямую затрагивавших эту

территорию РФ. В частности, Москва и Сеул «согласились активизировать взаимодействие в реализации крупномасштабных двусторонних и международных экономических проектов, в т.ч. связанных с освоением и транспортировкой нефти и газа углеводородных месторождений Дальневосточного и Сибирского регионов России, а также проекта соединения Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей». Правда, после саммита Но Му Хён вынужденно признал, что ему не удалось добиться соглашения об участии РК в разработке природных ресурсов РФ, прежде всего нефти и газа[130].

19 ноября 2005 г. был подписан Российско-корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества. Он предполагал, в частности, «оказание поддержки корейским компаниям, заинтересованным в подключении к реализации проектов развития российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока», освоение нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и ДВ РФ, строительство газопровода и реализацию проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью, совместные разработки в сфере электроэнергетики, включая проведение линии электропередачи между РФ, КНДР и РК[131].

Эти российско-корейские инициативы, по сути, затрагивали и Сеул, и Пхеньян, и, по мнению экспертов, не двусторонние экономические связи РФ и РК, а «совпадение взглядов на более экономически открытую Северную Корею» стало «истинной стратегической точкой конвергенции»[132] Москвы и Сеула. Очевидно, что южной части Тихоокеанской России отводилась ключевая роль в реализации этих проектов. В конце января 2008 г. Ли Дже О — специальный посланник только что избранного Президентом РК Ли Мён Бака — прибыл в Москву, где обсуждал вопросы двустороннего сотрудничества в развитии Дальнего Востока и вовлечения в данный процесс КНДР[133], а в сентябре этого же года в итоговых документах, подписанных по итогам саммита Д.А. Медведев — Ли Мён Бак, был зафиксирован целый ряд договорённостей, имеющих прямое отношение к взаимодействию на территории ТР[134].

Традицию поддержал визит Президента РФ В.В. Путина в Сеул в ноябре 2013 г. В подписанном по итогам саммита Совместном заявлении содержатся положения о «тесном сотрудничестве в интересах активизации экономического взаимодействия между регионами двух стран на двусторонней и многосторонней основе, в частности в рамках Расширенной туманганской инициативы»; «изучении возможностей модернизации и использования портовой и транспортно-логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке»; работе по реализации «пилотного проекта соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской железнодорожной магистралью»; соединении электрических сетей РФ и РК; «активизации взаимодействия предпринимателей двух стран на основе инвестиционных проектов в рыбохозяйственном комплексе ДВ и работы корейских промысловых судов в российских водах»; сотрудничестве в освоении Арктики. Стороны обязались прилагать усилия к «увеличению инвестиций в агропромышленный сектор Сибири и Дальнего Востока» и продолжать создание «более благоприятных условий для деятельности сельскохозяйственных предприятий РК в регионах Сибири и Дальнего Востока в сферах аграрного производства, расширения сети зерновых терминалов и другой производственной инфраструктуры»[135].

Политика санкций США против России вынудила Сеул существенно снизить свою активность в этом направлении, так что в последующие три года подвижек в развитии политической платформы для регионального взаимодействия двух стран не наблюдалось. Тем не менее созданный задел продолжал реализовываться в действиях южнокорейского бизнеса.

Первая встреча нового Президента РК Мун Чжэ Ина с В.В. Путиным во Владивостоке не сопровождалась подписанием значимых для Тихоокеанской России документов. В то же время Мун Чжэ Ин заявил, что им уже создан Комитет по северному экономическому сотрудничеству при Президенте и в Корее «подготовлена госсистема по сотрудничеству в освоении Дальнего Востока»[136]. Так что у российско-корейского регионального взаимодействия появятся новые инструменты и новые возможности.

КНДР

Отношения РФ и КНДР, заметно охладившиеся в 1990-е гг., стали развиваться по восходящей траектории с начала 2000-х гг. после подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой[137]. В частности, были созданы правовые и финансовые основы для развития торгово-экономических, научных и технических связей. Договор способствовал визиту Президента РФ В.В. Путина в Пхеньян в июле 2000 г., а в 2001 и 2002 гг. — лидера КНДР Ким Чен Ира в Россию.

По итогам саммитов были приняты соответствующие декларации, обозначившие приоритетные направления сотрудничества. В частности, в Московской (от 4 августа 2001 г.) согласованы такие сферы экономического взаимодействия, как реконструкция построенных совместными усилиями предприятий энергетического комплекса, создание железнодорожного транспортного коридора, соединяющего Север и Юг Корейского полуострова с РФ и Европой[138].

В сентябре 2012 г. Россия и КНДР подписали Соглашение об урегулировании задолженности Северной Кореи перед РФ по кредитам, раннее предоставленным СССР[139]. По мере реструктуризации северокорейского долга и возобновления двустороннего торгово-экономического взаимодействия Москва определила ответственными за развитие сотрудничества с КНДР администрации Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Сахалинской областей. Был создан межгосударственный механизм, призванный способствовать развитию экономической интеграции. Им стали Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и её отраслевые подкомиссии по торговле, транспорту, приграничному сотрудничеству, науке и технике, лесной промышленности и рыболовству. Руководителями этой структуры стали: с российской стороны — глава Минвостокразвития РФ А. Галушка, с корейской — министр внешнеэкономических связей КНДР Ли Рён Нам.

В 2011—2015 гг. состоялись семь заседаний комиссии. Наиболее масштабным из них было проведено в апреле 2014 г., когда КНДР посетила российская делегация из 45 чел. во главе с Полномочным представителем Президента РФ в ДФО Ю.П. Трутневым. В состав делегации входили все губернаторы Дальневосточного федерального округа, которые подтвердили заинтересованность своих регионов в сотрудничестве с КНДР. Во время поездки Ю.П. Трутнев провёл переговоры с Председателем Президиума Верховного народного собрания (ВНС КНДР) Ким Ён Намом, Председателем правительства КНДР Пак Бон Чжу и другими представителями руководства страны. Значительное внимание вопросам активизации деловых контактов было уделено на седьмом заседании комиссии (Пхеньян, апрель 2015 г.).

Экономическая повестка занимала важное место на встречах в рамках перекрёстного Года дружбы Россия — КНДР: между вице-премьерами Ю.П. Трутневым и Ро Ду Чхолем (Москва, апрель 2015 г.) и между министром по развитию ДВ А. Галушкой и министром внешнеэкономических дел КНДР Ли Рён Намом (Пхеньян, октябрь 2015 г.) [140].

Расширению возможностей двустороннего взаимодействия в таких приоритетных для КНДР сферах, как транспортная и энергетическая инфраструктура, также способствуют подписанные в апреле и декабре 2015 г. соглашения Кремля и Пхеньяна о международном автомобильном сообщении и сотрудничестве в области электроэнергетики.

В период между принятием Московской декларации (2001 г.) и приходом к руководству КНДР Ким Чен Ына динамика переговоров России и Северной Кореи являлась довольно высокой. Особенно это касалось вопросов приграничного и межрегионального взаимодействия. Прочные лидирующие позиции занял в данном процессе Приморский край. Для интенсификации взаимной вовлечённости в интеграционные проекты была сформирована соответствующая договорно-правовая база. На сегодняшний день её регламентируют следующие документы:

- Протокол переговоров о сотрудничестве между администрацией Приморского края РФ и Министерством внешней торговли КНДР от 2 октября 2003 г. Подписан в Пхеньяне губернатором Приморья и министром внешней торговли Северной Кореи. Во исполнение этого соглашения была создана постоянно действующая совместная рабочая группа для координации и определения новых направлений приграничного сотрудничества.
- Положение о совместной рабочей группе администрации Приморского края РФ и Комитета по содействию международной торговле КНДР от 26 ноября 2003 г.
- Протоколы заседаний Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР (по состоянию на 2015 г. проведено семь заседаний).
- Протоколы заседаний Подкомиссии по российско-северокорейскому межрегиональному сотрудничеству (по состоянию на 2015 г. проведено четыре заседания).

В 2015 г. были подписаны российско-корейские правительственные соглашения о международном автомобильном сообщении (апрель) и сотрудничестве в области электроэнергетики (декабрь), которые самым непосредственным образом касаются Приморского края. Для практической реализации достигнутых договорённостей созданы совместные рабочие группы по вопросам организации строительства временного понтонного автомобильного моста через р. Туманную и для изучения вопроса о поставках электроэнергии на Корейский полуостров. ПАО «РАО Энергетические системы Востока» разработан план строительства электроэнергетических объектов для организации поставок электричества из Приморского края в ТЭЗ «Расон»[141].

Дальнейшее формирование договорно-правовой базы межрегионального взаимодействия двух государств было сорвано событиями на севере Корейского полуострова в январе — феврале 2016 г., когда КНДР возобновила испытания оружия массового уничтожения и провозгласила себя ядерной державой,

что фактически вынудило всех членов СБ ООН, включая Китай и Россию, ввести в отношении Пхеньяна небывало жёсткие экономические санкции. В этих условиях реализация текущих и перспективных проектов двустороннего сотрудничества, не говоря уже об интеграционных проектах регионального значения (строительство Транскорейской магистрали), фактически оказалась отложенной на неопределённое время.

США

Азиатско-тихоокеанская составляющая российско-американских отношений хотя и насчитывает уже два столетия, но большим перечнем запоминающихся событий не отличается. Более того, она всегда находилась в тени глобальных и европейских проблем, вокруг которых в XX в. преимущественно сталкивались интересы Москвы и Вашингтона.

Закономерно, что сегодня, как и в прошлом, отношения РФ и США на Тихом океане, по сути, не имеют самостоятельного оформления. Их экономическое значение мизерно[142], а исторически доминировавшая военно-политическая составляющая почти сошла на нет. В результате эти отношения пульсируют преимущественно вокруг нескольких сложившихся во второй половине XX в. глобальных и региональных тем и проблем, как то: противостояние на Корейском полуострове, отношения Соединённых Штатов с их азиатскими союзниками, «китайский вызов». Провозглашённая в 2011 г. «ре-балансировка» Вашингтона в сторону Азии и обозначившийся примерно в это же время «восточный поворот» Москвы не сопровождались укреплением тихоокеанского вектора в российско-американских отношениях. Процессы в АТР оказывали на диалог РФ и США преимущественно опосредованное воздействие, степень которого была откровенно невелика, да и в целом обе стороны по-прежнему воспринимали свои отношения в Азии в глобальной или европейской, но не в азиатско-тихоокеанской проекции[143].

Существует немало свидетельств того, что цели Белого дома на Тихом океане, как минимум, не находили поддержки

и понимания со стороны Кремля, и наоборот. В России не созрело понимание необходимости выстраивать отношения с США вне глобальной и евро-атлантической повестки. Да и сделать это непросто. С одной стороны, Москва не смогла предложить внятной трактовки собственной тихоокеанской политики, с другой — ей не были до конца понятны цели и приоритеты Вашингтона в регионе. Впрочем, не только Москве. Как образно заметил ведущий американский эксперт по АТР Дуглас Х. Паал: «США выглядят как страна, постоянно переживающая из-за очередного камешка, что попал ей в ботинок, — будь то Эбола, „Исламское государство“ или Украина, — но не знающая, по какой дороге она идёт»[144]. И в целом непрагматичная, импульсивная внешняя политика администрации Б. Обамы, отмеченная серией провалов на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и в Африке, откровенное неумение Вашингтона выстраивать прагматичные отношения с КНР и утрата им способности единолично формировать основные векторы развития международных отношений в АТР ограничивали возможности конструктивного диалога США с РФ.

* * *

Итак, в последние два десятилетия Тихоокеанская Россия прочно утвердилась в повестке не только внутренней, но и внешней — тихоокеанской — политики Кремля. Её природные ресурсы и геополитический потенциал признаны важными и необходимыми как для решения глобальной задачи — укрепления статуса РФ как великой и тихоокеанской державы и завоевания прочных позиций в экономическом пространстве АТР и Восточной Евразии, так и социально-экономического развития страны. Крупные энергетические и транспортные госкорпорации России восприняли политическую установку «поворота на Восток» как руководство к действию. В разной степени и под разными углами зрения темы международного сотрудничества в экономическом освоении Дальнего Востока и Забайкалья, приграничного и межрегионального взаимодействия представлены в пакете

двусторонних связей РФ с её соседями на Тихом океане. В совокупности всё это позволяет говорить о постепенном формировании Кремлём благоприятных политического и идеологического климата, административно-политической и правовой среды как для более активного участия ТР в решении общегосударственных задач, так и для укрепления её позиций в экономическом пространстве Северной Пацифики и Тихоокеанской Азии в целом. Насколько эффективными являются эти климат и среда — в следующих главах книги.

---

[1] Rozman G. The Russian Pivot to Asia // The Asian Forum. November — December 2014. Available at: http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia (accessed 12.05.2015).

[2] Osterud O. The Uses and Abuses of Geopolitics // Journal of Peace Research. 1988. Vol. 25. No. 2. P. 191.

[3] Korolev A. Bringing Geopolitics Back. In: Russia's Foreign Policy and Its Relation with the Post-Soviet Space // International Studies Review. 2015. Vol. 17. No. 2. P. 309.

[4] Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // Администрация Президента России. 12.12.2009. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 21.09.2016).

[5] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО (У), Москва, 1 сентября 2016 года // Совет по внешней и оборонной политике. 02.09.2016. URL: http://svop.ru/main/21124/ (дата обращения: 20.09.2016).

[6] Харрел Э. Гегемония, либерализм и глобальный порядок: где могут появиться новые великие державы? // Прогнозис. 2007. № 1 (9). С. 38.

[7] Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 8—9.

[8] На Санкт-Петербургском международном экономическом форуме // Официальный сайт Алексея Кудрина. 19.06.2015. URL: https://akudrin.ru/news/na-sankt-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume (дата обращения: 17.07.2016).

[9] Концепция внешней политики РФ 2008 г.; Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г.; Стратегия обеспечения национальной безопасности 2009 г.; Программа развития ДВ и Забайкалья на 2008—2012 гг.; Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.; Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г.

[10] Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.02.2012. URL: http://m.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html (дата обращения: 01.11. 2016).

[11] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации вешней политики Российской Федерации» // Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. URL: http://www.mid.ru./foreign_policy/official-documents/-/asset_publisher/CptICkB6Bz29/content/id/157626 (дата обращения: 19.09.2016).

[12] Дмитрий Медведев принял участие в Азиатском форуме Боао. 15 апреля 2011 года // Администрация Президента России. 15.04.2011. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/10944 (дата обращения: 01.07.2016).

[13] Внешняя торговля России со странами АТР // Министерство экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect (дата обращения: 18.11.2016).

[14] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: Март, 2013. С. 350.

[15] За 23 года до этого, в 1989 г., на учредительный саммит данной организации СССР не был приглашён даже в качестве наблюдателя (Гос. арх. Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1077. Л. 7). Членом АТЭС Россия стала через 9 лет — в 1998 г., — и Президент Б.Н. Ельцин в своём послании назвал это событие «подлинным прорывом». См.: Ельцин Б.Н. Послание Президента Федеральному Собранию РФ «Общими силами — к подъёму России». 1998 г. // Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm (дата обращения: 19.05.2016).

[16] На заседании Совета Безопасности В.В. Путин оценил «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» Дальнего Востока, его слабую привязанность к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству как «серьёзную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности... России в целом». См.: Вступительное слово на заседании Совета Безопасности // Администрация Президента России. 20.12.2006. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/23965 (дата обращения: 11.12.2016).

[17] Глава МИД Китая назвал отношения России и КНР лучшими в истории // Российская газета. 08.03.2017. URL: https://rg.ru/2017/03/08/glava-mid-kitaia-nazval-otnosheniia-rossii-i-knr-luchshimi-v-istorii.html (дата обращения: 10.03.2017).

[18] Hopf T. Common-sense Constructivism and Hegemony in World Politics // International Organization. 2013. Vol. 67. P. 317—354.

[19] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Министерство иностранных дел РФ. 12.05.09. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/294430 (дата обращения: 20.11.2016); Концепция долгосрочного социально-эко-

номического развития до 2020 года // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=90601&fld=134&dst=100084,0&rnd=0.3411818763698158#0 (дата обращения: 24.11.2016).

[20] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 20.11.2016).

[21] Mankoff J. Russia`s Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // Asia Policy. 2015. No. 19. P. 76.

[22] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 20.11.2016).

[23] Схема составлена на основе анализа обзоров внешнеполитической деятельности за 2008—2015 гг. // Министерство иностранных дел РФ. URL: www.mid.ru/ru/activity/review (дата обращения: 25.11.2016).

[24] Там же.

[25] См., например: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского и экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути // Администрация Президента России. 08.05.2015. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 21.11.2016); Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году» // Министерство иностранных дел РФ. 26.04.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 (дата обращения: 18.11.2016).

[26] Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммитов БРИКС и ШОС. 10 июня 2015 г. // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/49909 (дата обращения: 02.02.2017).

[27] Восточный экономический форум. Стенограмма пленарного заседания 3 сентября 2016 г. // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52808 (дата обращения: 02.02.2017).

[28] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54979http://kremlin.ru/events/president/news/54979.

[29] Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington D.C.: Brooking Institution Press, 2003. P. 8.

[30] Речь М.С. Горбачёва на международной встрече во Владивостоке «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество», зачитал Е.М. Примаков // ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 739. Л. 252.

[31] Ельцин Б.Н. Послание Президента Федеральному Собранию РФ «Об укреплении Российского государства». 1994 г. // Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.org/lib/elzin/1994.htm (дата обращения: 24.10.2016).

[32] Послание Президента Российской Федерации от 16.02.1995 г. б/н // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/7521 (дата обращения: 24.10.2016).

[33] Путин В.В. Россия и АТЭС: к устойчивому и стабильному развитию Азиатско-Тихоокеанского региона: опубликована в СМИ стран — членов АТЭС // Администрация Президента России. 07.09.2007. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24518 (дата обращения: 22.07.2015).

[34] Интеграция со странами Азиатско-Тихоокеанского региона — серьёзный ресурс роста экономики Дальнего Востока // Администрация Президента России. 02.07.2010. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/8233 (дата обращения: 22.07.2015).

[35] Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.06.2012. URL: http://m.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html (дата обращения: 22.07.2015).

[36] Первый Восточный экономический форум // Администрация Президента России. 04.09.2015. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50232 (дата обращения: 22.07.2015).

[37] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке. 7 сентября 2017 года // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55552 (дата обращения: 08.09.2017).

[38] По В.В. Путину, использование «колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока» — это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе»: Послание Президента Федеральному Собранию // Администрация Президента России. 12.12.2012. URL: http://kremlin.ru/transcripts/17118 (дата обращения: 22.07.2015).

[39] Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года, Московская область, Ново-Огарёво // Администрация Президента России. URL: http://special.kremlin.ru/events/state-council/16990 (дата обращения: 16.11.2016).

[40] Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2001. С. 12.

[41] Увлечение центральной власти тотальным планированием жизни государства реализовалось в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. В результате российская бюрократия разных уровней породила уже более 20 тыс. «документов стратегического планирования» (Швецов А.Н. Стратегическое планирование по-российски: торжество централизованного бюрократического выбора // Эко. 2017. № 8. С. 119).

[42] Ларин В.Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 19—20.

[43] Li Jieli. State Fragmentation: Toward a Theoretical Understanding of the Territorial Power of the State // Sociological Theory. 2002. Vol. 20. No. 2. P. 139.

[44] Dienes L. Reflections on a Geographic Dichotomy: Archipelago Russia // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. No. 6. P. 443—444.

[45] О чрезмерном расширении и его потенциальных последствиях см. подробнее: Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. С. 82—87.

[46] Послание Президента Российской Федерации от 30.03.1999 г. б/н // Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400/page/1 (дата обращения: 25.11.2016).

[47] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию РФ // Администрация Президента России. 12.12.2013. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825 (дата обращения: 24.11.2016).

[48] О циклах дальневосточной политики см. подробнее: исторические циклы (до второго десятилетия XX в.) выделены А.В. Ремнёвым (Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 522—528); историческая цикличность для второй половины XX в. рассмотрена в работе дальневосточных учёных (Ващук А.С., Савченко А.Е., Ковалевская Ю.Н. и др. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI вв.). Кн. 1: Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, 2014. 360 с.); экономические циклы выделены П.А. Минакиром (Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28). Связь указанных циклов с внешними угрозами прослежена в работе В.Л. Ларина (Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги, 2013. 25 с.).

[49] Таблица составлена на основе следующих документов: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. 01.12.16. URL:http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 20.11.2016); Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=90601&fld=134&dst=100084,0&rnd=0.3411818763698158#0 (дата обращения: 24.11.2016); Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2013. 354 с.; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) // Правительство России. 14.05.2015. URL: http://government.ru/news/18119 (дата обращения: 24.11.2016); Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 25 января 2010. № 4. С. 1293—1458; Постановление Правительства РФ от 15 апреля

2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона“» // Собрание законодательства Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 05 мая 2014. № 18. С. 5141—5155.

[50] 李新。俄罗斯西伯利亚和远东开发与中国的机遇 = Ли Синь. Развитие Сибири и Дальнего Востока и возможности для Китая // Сиболия Яньцзю. 2013. № 3. С. 34.

[51] Ларин В.Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 21.

[52] К 2020 г. мировой спрос достигнет 15,1—15,4 млрд т нефтяного эквивалента, к 2035 г. 18,1—19,3 млрд т.

[53] Dienes L. Reflections on a Geographic Dichotomy: Archipelago Russia // Eurasian Geography and Economics. 2002. Vol. 43. No. 6. P. 453.

[54] Порт Козьмино перевыполнил план по отгрузке нефти в 2014 году // Официальный сайт ОАО «АК „Транснефть“». URL: http://www.transneft.ru/news/view/id/2612 (дата обращения: 25.11.2016).

[55] Порт Козьмино в 2016 году отгрузил 31,8 млн т нефти // Официальный сайт ООО «Транснефть — Порт Козьмино». URL: http://kozmino.transneft.ru/press/news/?id=44177 (дата обращения: 30.04.2017).

[56] Годовой отчёт ОАО «АК „Транснефть“» за 2015 год. С. 26 // Официальный сайт ОАО «АК „Транснефть“». URL: http://www.transneft.ru/u/section_file/23752/godovoi_otchet_oao_ak_transneft_za_2015_god.pdf (дата обращения: 02.01.2017).

[57] Игорь Сечин верит в Китай и не верит в ОПЕК // Ведомости. 07.09.2015. URL: http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/09/07/607813-sechin-verit-kitai-ne-opek (дата обращения: 25.11.2016).

[58] Александр Мишарин: «Мы имеем все предпосылки создать единое в экономическом смысле железнодорожное пространство» // Официальный сайт издательского дома «Гудок». URL: http://www.gudok.ru/infrastructure/?ID=1366562 (дата обращения: 30.03.2017).

[59] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1423 (дата обращения: 19.01.2014).

[60] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 14—16.

[61] Там же. С. 15.

[62] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/transcripts/17728 (дата обращения: 28.01.2017); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углубле-

нии всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества // Администрация Президента РФ. 08.05.2015. URL: http://kremlin.ru/supplement/4969 (дата обращения: 28.01.2017).

[63] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/supplement/1423 (дата обращения: 28.01.2017).

[64] Возведение моста Нижнеленинское — Тунцзян начнётся после согласования схемы финансирования // ТАС. 07.04.2015. URL:http://tass.ru/ekonomika/1881642 (дата обращения: 26.11.2016).

[65] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/supplement/1423 (дата обращения: 28.01.2017).

[66] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества // Администрация Президента РФ. 08.05.2015. URL: http://kremlin.ru/supplement/4969 (дата обращения: 28.01.2017).

[67] Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития. 2010. № 3—4. С. 153—154; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XX веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 143—145.

[68] Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 11.

[69] Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/transcripts/17728 (дата обращения: 28.01.2017).

[70] Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 152.

[71] Там же. С. 333.

[72] Протокол третьего заседания российско-китайской комиссии по подготовке встреч глав правительств // Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 465.

[73] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 148—149.

[74] См.: Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 97, 162, 245, 275, 343, 378 и др.

[75] Совместное коммюнике по итогам девятой регулярной встречи глав правительств России и Китая // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 275.

[76] Совместное российско-китайское коммюнике. 3.07.2005 // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 343.

[77] Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Администрация Президента РФ. 26.03.2007. URL: http://kremlin.ru/supplement/3744/print (дата обращения: 13.10.2016).

[78] Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.) // Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике. URL: www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 15.07.2015).

[79] Кулешов В. и др. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 62—69.

[80] См.: Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 152; Yang Cheng. Do National Policies Contribute to Regional Cross-Border Integration? The Case of the Program of Cooperation between Northeast China and Russia's Far East and Eastern Siberia (2009—2018) // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Jing Huang and Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 202—228.

[81] Опыт Амурской области и Приморского края показывает, что на российской стороне инвестиционные проекты для программы собирались «механически», т.е. Центр направлял запрос в регионы, чья бюрократия в ответ отсылала список стандартных предложений для крупных инвесторов. См.: Беседа, представитель Правительства Амурской области, ноябрь 2008 г.; Беседа, представитель с Администрации Приморского края, июль 2010 г. // Материалы полевых исследований С.А. Иванова.

[82] В марте 2013 г. Путин в очередной раз подтвердил, что Россия и Китай будут уделять особое внимание реализации проектов на Дальнем Востоке РФ. См.: Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/17728 (дата обращения: 03. 04.2016).

[83] Москва постоянно пытается оптимизировать работу по реализации соглашения, сокращая и изменяя списки приоритетных проектов, создавая дополнительные контрольные структуры, обсуждая проекты на двусторонних встречах и форумах. См.: Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 154—156.

[84] При его создании планировалось, что стороны вложат по 1 млрд долл., а остальные средства привлекут из других международных финансовых

организаций, при этом более 70% капитала Фонда будет инвестировано в проекты на территории РФ и стран СНГ, до 30% — в проекты КНР с участием российских компаний. См.: Российский Фонд Прямых Инвестиций и Китайская инвестиционная корпорация создали Российско-китайский инвестиционный фонд // Российский фонд прямых инвестиций. 05.06.2012. URL: http://rdif.ru/fullNews/136/ (дата обращения: 15.07.2016).

[85] Российско-китайский инвестфонд финализировал сделку с Central Asia Silver по разработке Нойон-Тологойского рудного месторождения // Российский фонд прямых инвестиций. 20.01.2015. URL: http://rdif.ru/fullNews/1241 (дата обращения: 15.07.2016).

[86] РКИФ инвестирует в строительство первого моста через р. Амур на российско-китайской границе // Российский фонд прямых инвестиций. 20.05.2014. URL: http://rdif.ru/fullNews/946 (дата обращения: 15.07.2016).

[87] Российско-китайский инвестиционный фонд стал владельцем 42% акций холдинга RFP Group // Российский фонд прямых инвестиций. 18.10.2013. URL: http://rdif.ru/fullNews/463 (дата обращения: 15.07.2016).

[88] На китайской стороне все проекты, кроме одного, реализуются без участия РФ. См.: Изотов Д.А. Программа регионального сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 152.

[89] Иванов С.А. Корреляция программ развития Дальнего Востока России и возрождения Северо-Востока Китая: проблемы и перспективы // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2009. №. 5. С. 132—139.

[90] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Администрация Президента РФ. 22.03.2013. URL: http://kremlin.ru/supplement/1423 (дата обращения: 28.01.2017).

[91] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Администрация Президента РФ. 25.06.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5100 (дата обращения: 28.01.2016).

[92] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия // Администрация Президента РФ. 4.07.2017. URL: http://kremlin.ru/supplement/5218 (дата обращения: 9.09.2017).

[93] Yang Cheng. Do National Policies Contribute to Regional Cross-border Integration? The Case of the Program of Cooperation between Northeast China and Russia's Far East and Eastern Siberia (2009—2018) // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Jing Huang and Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 215.

[94] Saito Motohide. Russia`s policy towards Japan // Proceedings of the Conference on Russia and Asia-Pacific Security. Tokyo, 19—21 Febr. 1999. SIPRI. P. 74. Available at: http://books.sipri.org/files/misc/SIPRI99Chufrin.pdf (accessed 28.01.2017).

[95] Программа российско-японского сотрудничества по развитию совместной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. 3 сентября 2000 года // Администрация Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/supplement/3222 (дата обращения: 28.01.2017).

[96] Встреча Ельцина и Хасимото // Онлайн библиотека. URL: http://lib.rin.ru/doc/i/151949p.html (дата обращения: 01.06.2016).

[97] Московская декларация об установлении созидательного партнёрства между Японией и Российской Федерацией. Подписана 13 ноября 1998 г. в Москве // Информационный портал. URL: http://public-vic-foryou1-moscow98.blogspot.ru/ (дата обращения: 07.08.2010).

[98] О встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина и премьер-министра Японии Ё. Мори в Иркутске // Общество «Россия — Япония». URL: http://ru-jp.org/putin03.htm (дата обращения: 28.01.2017).

[99] Владимир Путин встретился с Премьер-министром Японии Дзюнъитиро Коидзуми // Администрация Президента России. 21.07.2001. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/42126 (дата обращения: 29.02.2016).

[100] Дипломатический вестник. Ноябрь 2001 // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://archive.mid.ru//bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/8796017b9e47c415c3256b290041b2d1!OpenDocument (дата обращения: 03.05.2016).

[101] См.: Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в современной политике Японии // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 5—6.

[102] Larin V. Pacific Russia's Energy Resources in the Geopolitics of Northeast Asia in the Early 21st Century // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Jing Huang and Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 47.

[103] Заявления для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции с Премьер-министром Японии Дзюнъитиро Коидзуми. 10 января 2003 года // Администрация Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21833 (дата обращения: 10.10.2016).

[104] Российско-Японский план действий. Москва, 10 января 2010 года // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/536634 (дата обращения: 29.01.2017).

[105] Заявления для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции с Премьер-министром Японии Дзюнъитиро Коидзуми. 10 января 2003 года // Администрация Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21833 (дата обращения: 10.10.2016).

[106] Совместное заявление об официальном визите в Японию Председателя правительства Российской Федерации М.М. Касьянова. Токио, 16 декабря 2003 года // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/490842 (дата обращения: 29.01.2017).

[107] 日露修好百五十周年に当たり、日露関係の飛躍的発展に関する決議案（第一六二回国会、決議第二/号= Об активном развитии японо-россий-

ских отношений в связи со 150-летием заключения Симодского трактата// Japanese House of Representatives website. Available at: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_gian.nsf/html/gian/honbun/ketsugian/g16213002.htm (accessed 01.02.2014).

108 Продолжать диалог по урегулированию проблемы мирного договора между Россией и Японией необходимо на основе партнёрства и взаимного доверия // Администрация Президента России. 21.11.2005. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/34503 (дата обращения: 01.02.2014).

109 Diplomatic Bluebook-2005. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2005. P. 97.

110 Всего было подписано 12 межправительственных документов, в т.ч. меморандумы о сотрудничестве в области туризма, по упрощению визового режима, оказанию взаимной помощи по правовым делам и др.

111 Заявление для прессы и ответы на вопросы по окончании российско-японских переговоров на высшем уровне // Администрация Президента России. 21.11.2005. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23291 (дата обращения: 17.07.2016).

112 Вступительное слово на Российско-японском форуме экономического сотрудничества // Администрация Президента России. 21.11.2005. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23286 (дата обращения: 17.07.2015).

113 Заявления для прессы и ответы на вопросы по окончании российско-японских переговоров на высшем уровне. Токио, 21 ноября 2005 года // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23290 (дата обращения: 29.01.2017).

114 Unofficial visit to Russia by Prime Minister Yasuo Fukuda // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/pmv0804.html (accessed 29.01.2017).

115 В частности, по сведениям японского МИД, В.В. Путин предложил Японии участвовать в создании инфраструктуры для проведения Саммита. См.: Unofficial visit to Russia by Prime Minister Yasuo Fukuda // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/pmv0804.html (accessed 29.01.2017). Любопытно, однако, что ни Кремль, ни МИД России не дали детальной информации о результатах этих переговоров.

116 Естественно, лидеры двух государств обсуждали более широкий круг вопросов, включая территориальный. Содержание беседы, как оно изложено пресс-секретарём японского премьера К. Кодама, свидетельствует о чётком продолжении прежней линии Токио в отношении Москвы и интересах последнего на Дальнем Востоке. См.: The Second Press Conference, 8 July 2008 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/announce/press/2008/7/0708-2.html (accessed 09.12.2014).

117 Начало российско-японских переговоров // Администрация Президента России. 18.02.2009. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3222 (дата обращения: 17.09.2016).

[118] Комментарий официального представителя МИД России А.А. Нестеренко в связи с вопросами СМИ об итогах визита Председателя Правительства РФ В.В. Путина в Японию // Министерство иностранных дел РФ. 14.05.2009. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/293990/pop_up?_101_INSTANCE_zMUsqsVU9NDU_viewMode=tv&_101_INSTANCE_zMUsqsVU9NDU_qrIndex=0 (дата обращения: 12.10.2010).

[119] В частности, Государственная Дума РФ отреагировала на это своим заявлением, в котором отметила, что «интересы России, её регионов, бизнес-сообщества, простых людей в России и Японии требуют последовательного и поступательного развития всего комплекса отношений между двумя государствами», но «без постоянной оглядки на призраки прошлого» и потребовала отмены «Закона о специальных мерах» (Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О принятии Палатой представителей Парламента Японии поправок к „Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий“» от 24 июня 2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26 от 29 июня 2009 г., ст. 3159. URL: http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition00&issid=2009026000&docid=41 (дата обращения: 25.02.2015), а Совет Федерации РФ предложил Президенту рассмотреть вопрос о введении моратория на реализацию межправительственных договорённостей о безвизовых обменах между южными Курильскими островами и Японией (Совет Федерации считает действия Японии оскорбительными для России // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. 07.07.2009. URL: http://www.garant.ru/news/18616/#ixzz4VDRLVmqv (дата обращения: 25.02.2015)).

[120] Фененко А. Стратегия хикивакэ // Независимая газета. 19.03.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-03-19/3_kartblansh.html (дата обращения: 18.03.2016).

[121] Japan-Russia Summit Meeting. November 9, 2014 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000152.html (accessed 26.01.2017).

[122] Japan-Russia Summit Meeting. May 6, 2016 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000427.html (дата обращения: 05.05.2017). Прочие направления сотрудничества охватывали область медицинских услуг, малую и среднюю промышленность, нефть, газ и энергетику, ядерную энергию, высокие технологии, планирование городов, а также гуманитарные обмены.

[123] Рабочий визит Юрия Трутнева в Японию. 17 мая 2016 года // Правительство России. URL: http://government.ru/news/23065/ (дата обращения: 26.01.2017).

[124] Восточный экономический форум. Стенограмма пленарного заседания 3 сентября 2016 г. // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52808 (дата обращения: 26.01.2017).

[125] Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров. Москва, 27 апреля 2017 г. // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54391 (дата обращения: 05.05.2017).

[126] Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 173.

[127] Владивосток. 1994. 8 июня.

[128] Address by President Kim Dae-jung at Moscow State University // Korea and World Affairs. 1999. Vol. XXIII. No. 2. P. 285.

[129] Bazhanov E.P. Korea in Russia's Post Cold War Regional Political Context // Korea at the Center: Dynamics of Regionalism in Northeast Asia / ed. by Ch.K. Armstrong, G. Rozman, S.S. Kim, S. Kotkin. Zrmonk, NY: M.E. Sharpe, 2006. P. 214—226.

[130] Kim S.S. The Two Koreas and the Great Powers. Cambridge University Press, 2006. P. 140.

[131] Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества // Администрация Президента России. 19.11.2005. URL: http://kremlin.ru/supplement/4712/print (дата обращения: 09.09.2016).

[132] Bauer J.W. Unlocking Russian Interests on the Korean Peninsular // Parameters. 2009. Vol. 39. No. 2. P. 58.

[133] S. Korea, Russia discuss joint development of Russian Far East // Yonhap News. 28.01.2008. Available at: http://www.kois.go.kr/news/News/newsView.asp?serial_no=20080124001 (accessed 13.01.2013).

[134] Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея // Администрация Президента России. 29.09.2008. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/237 (дата обращения: 18.08.2016).

[135] Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея // Администрация Президента России. 13.11.2013. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1564 (дата обращения: 18.08.2016).

[136] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке // Администрация Президента России. 07.09.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55552 (дата обращения: 08.09.2017).

[137] Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/46817?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 30.03.2017).

[138] Дипломатический Вестник. 2001. № 9. МИД РФ. Москва.

[139] Федеральный закон о его ратификации Президент РФ подписал 5 мая 2014 г. Размер долга был оценён в 11 млрд долл. США (с учётом курса переводного рубля и начислением процентов). Российская сторона согласилась списать 90% долга, а оставшаяся сумма, 11 млрд 900 тыс. долл. США, погашалась бы Пхеньяном в течение 20 лет 40 равными полугодовыми платежами путём зачисления на беспроцентный счёт, открываемый Внешторгбанком в Банке внешней торговли КНДР. Этим преследовалась цель создания Фонда российских инвестиций в народное хозяйство Северной Кореи.

[140] Россия и КНДР: торгово-экономическое сотрудничество // Посольство России в КНДР. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 12.12.2016).

[141] Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство России в КНДР. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 26.12.2014).

[142] Доля Дальневосточного федерального округа в общем объёме российско-американской торговли составила в 2013 г. 3% (870 млн долл. из 27,7 млрд долл. США), а в российском экспорте в США — 1,4% (156 млн долл. из 11,2 млрд долл. США). На Дальний Восток в этом году (2013) поступило 48 млн долл. из 2,8 млрд долл. США (менее 2%) прямых инвестиций Соединённых Штатов в России. См. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do (дата обращения: 26.12.2014).

[143] Ларин В.Л. Тихоокеанское измерение российско-американских отношений: коллизии XXI века. М.: Московский центр Карнеги, 2015. С. 3.

[144] Obama is back in Asia // Carnegie Endowment for International Peace. Available at: http://carnegieendowment.org/2014/11/06/obama-is-back-in-asia/ (дата обращения: 10.11.2015).

Глава 3

ВНЕШНЯЯ СРЕДА: ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В ФОКУСЕ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ

Настойчивые и часто звучавшие в последние годы заявления российского руководства об изменении внешнеполитических приоритетов и увеличении присутствия страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подкреплявшиеся не только демонстративными жестами (Саммит АТЭС в г. Владивостоке, расширение членства и участия в региональных институтах и организациях), но и определёнными практическими шагами (строительство ВСТО, порта Козьмино, завода СПГ на Сахалине), не могли остаться без внимания политиков и экспертов как в самом регионе, так и далеко за его пределами. Анализируя «восточный» тренд российской внешней политики и оценивая устойчивость новых приоритетов Москвы в средне- и долгосрочной перспективе, они не только обращаются к причинам и мотивам, лежащим в основе этого «поворота». Не менее интересны оценки и прогнозы относительно будущего двусторонних и многосторонних отношений в регионе, плюсов и минусов, перспектив и ограничений политического, экономического и иного сотрудничества государств и территорий Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона с Россией. В конечном итоге эти оценки и прогнозы становятся основой для реакции на «кремлёвские вызовы» и формирование (или корректировки) политики в отношении России.

Активная «инвентаризация» возможных выгод и издержек, связанных с расширением и углублением кооперационных связей с РФ, уже началась в государствах Северной Пацифики, но пока не привела к существенным и очевидным переменам в их стратегических ориентациях. Тем не менее вполне очевидно, что она постепенно и всё более активно формирует интеллектуальную, политическую и хозяйственно-экономическую базу, необходимую для этого.

3.1. Новый российский «поворот на Восток»: мнения о мотивах и целях

Интерес стран Северной Пацифики к территории Тихоокеанской России имеет объективные основания и сосредоточен преимущественно в трёх областях: природные (главным образом энергетические) ресурсы, транзитный потенциал (порты и Транссибирская магистраль) и угрозы национальной и региональной безопасности (военные, экологические, криминальные). Поскольку российская внешняя политика, в т.ч. на Тихом океане, в значительной степени строится на основе геополитических категорий и расчётов, то изучение и прогнозирование теоретических и практических основ этой политики является важнейшим внешним фактором для Пекина, Вашингтона, Токио и Сеула при конструировании ими собственной политики и выдачи соответствующих рекомендаций местным органам власти, бизнесу и рядовым гражданам. Соответственно, взгляды международного экспертного сообщества на «поворот России на Восток», как и другие инициативы Кремля в Восточной Евразии и на Тихом океане, служат ориентиром для выработки конкретных решений этих государств в отношении Тихоокеанской России.

Многие региональные эксперты и исследователи полагают, что нынешний разворот России к Тихоокеанской Азии не является чем-то новым или неожиданным. Нахождение большей части российской территории в Азии априори вынуждало

Москву развивать восточный вектор своей политики. Настойчивые попытки сегодняшнего ребрендинга, когда Россия после длительного позиционирования себя как части европейской цивилизации стала представлять себя как евро-азиатскую, атлантико-тихоокеанскую и, наконец, евро-тихоокеанскую державу, ясно указывают на всё более очевидное увеличение значимости азиатско-тихоокеанской компоненты в самосознании российской политической и академической элит. Как полагают некоторые специалисты, это свидетельствует о глубинных, фундаментальных сдвигах в сознании, обусловленных приспособлением России к последним постзападным трендам международной политики и перемещению глобальной силы на Восток[1]. Новым в нынешнем «повороте России на Восток», отличающим его от прежних попыток, является не просто усиление внимания к Азии, но фактическая **переориентация** на Азию с одновременным отчуждением от Европы и от Запада в целом, причём не только политическим, но и культурно-цивилизационным. После глобального финансового кризиса Запад «стал отождествляться в России с политическим самодовольством, фискальной безответственность и моральным разложением»[2]. А неудачная попытка интеграции с Европой и её всё более откровенное нежелание признавать Россию в качестве равноправного партнёра стало дополнительным стимулом, который только усилил эти настроения[3]. Поскольку отношения с динамичной и активно развивающейся Азией строились совершенно на иной волне, не удивительно, что в России стало постепенно расти желание ассоциировать себя не с деградирующим Западом, а с прогрессирующим Востоком.

Нечёткие ориентиры и зигзаги тихоокеанской политики Москвы, о которых говорилось выше, порождают множественность её интерпретаций. Самые оптимистично настроенные эксперты отождествляют «поворот на Восток» с устремлением России в АТР. В частности, австралийский исследователь С. Фортескью обнаруживает в нём три составляющие: одну внутреннюю («социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока») и две внешние («экономическая интеграция России в АТР» и «геостратегическое взаимодействие

в регионе и с отдельными странами внутри него»)[4]. Другие видят в «повороте на Восток» попытку «фундаментального изменения отношений России с азиатскими партнёрами»[5], третьи — её «возвращение в Восточную Азию» и стремление играть более активную роль в СВА[6], четвёртые сводят этот тренд к активизации «китайской политики»[7], а скептики видят во всём этом не более чем политическую риторику и констатируют отсутствие у Москвы и глубокой заинтересованности, и возможностей, чтобы «сделать этот поворот стратегической и экономической реальностью»[8]. Эксперты сходятся лишь в том, что Москва не нацелена на «фундаментальную переориентацию» с Европы на Азию и её действия проистекают от стремления «уравновесить европоцентричную внешнюю политику» страны[9].

В основе переноса внешнеполитического фокуса России на Азию, признают эксперты, лежит целый комплекс причин и мотивов. Они включают в себя как внешние, так и внутренние обстоятельства, факторы «толчка» и факторы «тяготения»[10]. К числу внешних относят проблемы партнёрства с Западом, первым сигналом о наличии которых стала речь Президента РФ В.В. Путина, произнесённая им в 2007 г. в Мюнхене. Эти проблемы были усугублены негативным воздействием на российскую экономику пришедшего с Запада экономического кризиса 2008 г. и существенно обострились в ходе украинского кризиса и последних событий на Ближнем Востоке. К внутренним факторам, толкающим Россию к расширению активности в Азии, относят истощение запасов природных ресурсов, пригодных для экспорта на европейские рынки, и неизбежность перемещения в новые районы их освоения, географически более близкие к восточным границам страны[11]. Ещё более важным обстоятельством в этом плане является если не дальнейшая деградация, то как минимум так и не преодолённая, несмотря на немалые усилия, социально-экономическая отсталость российского Дальнего Востока. Здесь Россия, как полагают многие наблюдатели, сталкивается с дилеммой, имеющей далеко идущие последствия: выбором между «двойной интеграцией» своих восточных районов и превращением их в «двойную периферию»[12].

Ключевым фактором внешнего тяготения, стимулирующим нынешний разворот России на Восток, стало, по мнению экспертов, наконец-то пришедшее к российскому руководству осознание того факта, что локомотивом мировой экономики окончательно стала Азия. Это усиливает стремление России не только обеспечить себе достойное место в очевидно наступающем «азиатском веке» экономически, но и выгодно встроиться в пока ещё формирующийся региональный порядок политически[13]. Наконец, достаточно существенным мотивом смены внешнеполитических приоритетов РФ, полагают некоторые, выступают и личные амбиции российского лидера, «для которого неприемлемо ничего, кроме триумфа»[14].

Обращаясь к целям, которых предположительно намеревается достичь Россия на восточном направлении, наблюдатели не ограничивают свою фантазию, особенно в оценке геополитических и стратегических устремлений Москвы. Так, по мнению Ло Бобо, к которому прислушиваются многие учёные и политики, на геополитическом уровне Россия пытается позиционировать себя как важного самостоятельного игрока, выступить в роли «промежуточной» державы между США и Китаем, стать «посредником» в региональной и глобальной конкуренции двух гигантов. И поскольку выполнение этой функции вряд ли возможно без серьёзного увеличения политического и экономического присутствия в этой части мира, Москва намерена исправить ситуацию. С этой точки зрения нынешний российский «поворот на Восток» сохраняет некоторые черты прежнего подхода к Восточной Азии преимущественно как пространству глобального соперничества и конкуренции великих держав, нежели как к региону перспективного двустороннего и многостороннего сотрудничества[15]. В результате в азиатской стратегии России доминирует глобалистский акцент. Но есть в политике РФ и новые тренды, связанные со стремлением Москвы поправить свою репутацию посредством укрепления имиджа ответственного игрока в региональной политике. Заметное расширение членства и формального участия в многочисленных азиатско-тихоокеанских форумах

и организациях свидетельствует о её желании продемонстрировать заинтересованность и внимание к региональным делам[16].

Отвечает ли «поворот России на Восток» интересам и потребностям государств региона? По мнению большинства китайских учёных, азиатско-тихоокеанская стратегия России и развитие Сибири и Дальнего Востока создают «новые возможности для развития двусторонних отношений с хорошими перспективами на будущее»[17]. Корейские эксперты видят в этой политике новые возможности для своей страны, в частности для реализации концепции «единого континента», строительства Транскорейской магистрали и газопровода на Корейский полуостров, участия Кореи в обустройстве и использовании Северного морского пути и, в конечном счёте, в преодолении «физического препятствия» в лице Северной Кореи[18]. Анализируя причины оживления внимания России к Азиатско-Тихоокеанскому региону, его явные и скрытые мотивы, региональные наблюдатели отмечали не только обоснованность и оправданность нынешних перемен в её внешнеполитических ориентирах. Они также признавали наличие у России определённых, хотя и не слишком широких возможностей для укрепления своих позиций в регионе посредством расширения двусторонних и многосторонних взаимосвязей с ключевыми региональными партнёрами и, прежде всего, с ближайшими соседями — государствами Северо-Восточной Азии.

Успешность диалога и непосредственные перспективы развития таких взаимосвязей различаются в каждом конкретном случае и зависят от множества обстоятельств, начиная от исторического опыта и накопленных проблем и заканчивая текущими экономическими и политическими потребностями сторон. Достаточно существенное значение в этом контексте приобретает и так называемый фактор конкурентного давления, связанный со стремлением региональных игроков не допустить возможного упрочения позиций друг друга за счёт преимущественного вовлечения в орбиту своего влияния России[19]. Наконец, к немаловажным факторам в этом случае могут быть также причислены интересы и потребности локальных транс-

граничных территорий, способные в некоторых случаях оказывать влияние на содержание межгосударственных взаимоотношений, стимулируя позитивные тренды их развития.

Конечно, представленные выше мнения о восточной политике России не отражают весь спектр существующих представлений. Трудно также проследить, как они сегодня сказываются на формировании политики соседних государств в отношении и России в целом, и Тихоокеанской России в частности. Но не влиять они на неё не могут.

3.2. Представления государств Северной Пацифики о возможностях и перспективных направлениях сотрудничества с Россией

Многие зарубежные эксперты, которые с начала 1990-х гг. буквально «смаковали» радужные перспективы скорого вовлечения территорий Тихоокеанской России в интеграционные процессы в Восточной Азии и АТР, акцентировали внимание на трёх способствующих этому моментах: огромных запасах природных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке, их выгодном географическом положении на путях торговли Востока с Западом и близости к обладающим значительными капиталами азиатским государствам. Непременным условием для того, чтобы эти преимущества заработали, называлось создание благоприятного инвестиционного климата и стабильного правового режима. Однако ни то, ни другое так и не было создано, и в конце 90-х эти же эксперты констатировали не экспансию японского и корейского капиталов на востоке России, а их постепенный уход из региона.

При этом уже тогда было очевидно, что каждая из стран видела эту интеграцию по-своему, преследовала свои интересы и при этом прямо или подспудно торпедировала устремления конкурентов. Китай, решая свои стратегические задачи, был заинтересован как в поддержании добрососедских отношений с Россией, так и в доступе к природным ресурсам Сибири и ДВ,

а поэтому декларировал, что «развитие этих ресурсов должно быть неизменяемой долговременной политикой России... если она действительно жаждет участвовать в региональных экономических процессах»[20]. При этом представление о месте и роли России для Китая формировалось в равной степени как на основе его глобальных устремлений, так и через прагматичные интересы и подходы северо-восточных провинций страны. В прогнозной работе китайских авторов «Обстановка вдоль границ Китая. Перспективы XXI века» утверждалось, что «укрепление связей с Китаем будет оказывать благоприятное воздействие на расширение влияния России в АТР, продолжать противостоять давлению на Россию со стороны Запада, улучшит международное положение России. Россия может в будущем сделать акцент на связях с Китаем и поставить российско-китайские отношения в центр своей азиатско-тихоокеанской политики. Это будет благоприятствовать созданию пояса безопасности вдоль наших границ в XXI веке»[21]. И тогда же для пров. Хэйлунцзян Дальний Восток был определён как источник экономического роста.

Что касается Японии, то уже начало 90-х гг. XX столетия показало, что реальный интерес к Дальнему Востоку проявляли наименее развитые территории страны — Хоккайдо и западное побережье, которые надеялись найти в России средства для стимулирования собственного экономического развития. Основной акцент делался на транспортные и энергетические проекты, зачастую ориентированные на далёкую перспективу. При этом для жителей побережья Японского моря — префектур Хоккайдо, Ниигата, Тояма, выходящих «лицом» на дальневосточные территории, «ощущение географической близости к России стало элементом их самоидентификации»[22]. Но в то же время сама Россия, как и в советское время, рассматривалась под двумя углами зрения: через территориальную (Курильскую) проблему и военную (а затем экологическую) угрозу. Заинтересованность Японии в ресурсах Дальнего Востока была достаточно умеренной и не настолько важной, чтобы заставить страну иначе подходить к принципиальным для неё вопросам.

В политических кругах Южной Кореи Россия рассматривалась как игрок второго эшелона в азиатских делах. В дипломатических приоритетах первой РФ занимала четвёртое место после США, Японии и КНР[23]. Вместе с тем реализация глобальных интересов Сеула, связанных прежде всего с объединением Кореи, требовала благоприятных международных условий, а соответственно, и участия России, объективно заинтересованной в ликвидации очага напряжённости у своих дальневосточных границ. Так что Южной Корее, по мнению бывшего министра иностранных дел страны профессора Хань Сун Жу, было «предопределено расширять экономическое сотрудничество с Россией, держа в голове экономический потенциал последней и экономическую взаимодополняемость двух стран»[24].

Для США ключевыми в их восточноазиатских делах оставались союзнические отношения с Токио и Сеулом и экономические связи с КНР. Несмотря на все «реверансы» российской власти в сторону США, уже в первой половине 90-х гг. Вашингтон явно продемонстрировал, что не собирается с кем-либо делиться плодами своих побед. Среди десяти приоритетов внешней политики США в регионе, изложенных помощником госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана У. Лордом (от открывающих список отношений с Японией до защиты демократии и прав человека), Россия не значилась. Она рассматривалась через призму атлантической и европейской политики, но не как серьёзный фактор в тихоокеанских делах.

Ни в Восточной Азии, ни вообще в мире самостоятельная роль Тихоокеанской России (или Дальнего Востока) никаким образом не идентифицировалась. Для всех было очевидно, что эта территория не являлась ни субъектом международного права, ни политическим и экономическим образованием. Подход Японии и Южной Кореи к экономическому взаимодействию с Тихоокеанской Россией можно характеризовать как в большей степени абстрактно-теоретический (на уровне «неплохо было бы»); к тому же он был серьёзно отягощён различными политическими факторами: наследием «холодной войны» (территориальные споры Японии с соседями, разделённый Корейский полуостров), ростом экономической и военной мощи

и политического влияния КНР, изменением баланса сил в регионе, военно-политическим сближением России с Китаем, политикой США. Как следствие, если в советское время и в 90-е гг. XX в. решение территориальной проблемы и заключение мирного договора Токио предъявлял как необходимое условие участия японского бизнеса в развитии Сибири и Дальнего Востока, то сегодня Страна восходящего солнца делает акцент на растущей «китайской угрозе», перед лицом которой Россия должна сплотиться с Японией, для чего наконец-то принять «правильное решение» по Курильским островам. Как писал по этому поводу Р. Ли, очевидный интерес Японии и Южной Кореи к развитию Дальнего Востока сводится к обеспечению доступа к его ресурсам и недопущению того, чтобы «Китай командовал в региональной политике»[25]. А Дж. Фергюссон язвительно добавил, что «реакция Японии на Россию в значительной степени определяется Пекином и Вашингтоном»[26]. Впрочем, эту зависимость демонстративно пытается дезавуировать нынешний премьер-министр Японии Синдзо Абэ.

Возможности и перспективы двусторонних взаимодействий: стратегия Китая

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в результате тяньаньмэньских событий, смены политического руководства КНР и распада СССР внешняя политика и геополитические ориентиры Пекина претерпели значительные изменения. Доминировавшая ранее лидерская система международных отношений, когда регион управлялся и контролировался группой ведущих государств мира (США, СССР и КНР), стала уступать место пространственной системе, в рамках которой отдельные полюсы-лидеры утрачивали своё абсолютное влияние, а степень организованности средних и малых стран, составляющих региональное пространство, позволяла нейтрализовать импульсы со стороны как минимум одного наиболее мощного полюса или всех полюсов в совокупности[27]. В новых реалиях Пекин отошёл от рассмотрения и строительства своей внешней политики че-

рез призму концепций гегемонии и третьего мира. Китайское руководство стало выделять два «основных направления приложения государственной мощи»: сотрудничество с соседними странами (усиление позиций в Азии) и диалог с державами, включая США, Россию, Японию, Индию[28]. В процессе укрепления своих позиций в мировой политике Китай также активизировал взаимодействия с развивающимися странами Африки и Латинской Америки[29].

Россия в китайской внешней политике заняла двоякое положение: как «соседняя» страна и держава одновременно. Таким «двойным» статусом обладают также Индия и Япония, однако ввиду характера их отношений с США, разницы в военно-стратегическом потенциале и ряда других факторов качество политического диалога Китая с этими странами намного уступает российско-китайскому взаимодействию. Для Тихоокеанской России такая двойственность имеет как позитивные последствия, проявляющиеся в заинтересованности Китая в сохранении стабильности на российско-китайской границе, так и негативные — взаимное недоверие, которое так и не удалось устранить, несмотря на дружественный диалог на высшем уровне[30]. В рамках концепции «безопасного соседства» Китаю выгодно развивать активный политический и военно-стратегический диалог и укреплять сотрудничество с «северной» державой[31]. На практике это проявилось в установлении отношений стратегического партнёрства, демилитаризации пограничной зоны, взаимодействии в рамках ШОС, проведении регулярных совместных военных учений и подписании в 2004 г. Дополнительного соглашения о российско-китайской границе на её Восточном участке. Завершение демаркации границы в 2008 г. поставило точку в вековом территориальном споре двух стран. Апогеем «дружественных» отношений стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001), в котором стороны договорились «...превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение»[32].

Экономическая сфера взаимодействия с «державным соседом» для Китая по своей значимости явно уступает политической

(это утверждение справедливо и в отношении России). По данным Главного таможенного управления КНР, в 2015—2016 гг. двусторонний товарооборот стран составлял 68 и 69,5 млрд долл. США. С этим показателем Россия была только 16-м в 2015 и 14-м в 2016 г. торговым партнёром Китая с удельной долей в общем торговом обороте Поднебесной в 1,7 и 1,9% соответственно[33]. Лидеры двух стран неоднократно подтверждали намерение увеличить объём экономических связей, но, очевидно, одной политической воли недостаточно для изменения объективных экономических реалий, прежде всего уровня развития и структуры российской экономики, а также характера её экспорта как в КНР, так и в другие страны.

Тем не менее в последние два десятилетия важным фактором формирования геополитики современного Китая, потенциально повышающим значение Тихоокеанской России для экономического развития КНР, стало обеспечение сырьевой безопасности. Китай является нетто-импортёром многих видов ископаемых. В 2015 г. за счёт импорта он удовлетворял свои потребности в нефти более чем на 60%, природного газа — на 32%[34], железной руды и меди — более чем на 80[35], никеля и алюминия — на 50%[36]. Официальные лица КНР не раз заявляли, что зависимость страны от импорта ископаемых ресурсов усиливается, а это отрицательным образом сказывается на обеспечении национальной безопасности. Ещё в 2001 г. Пекин принял свою первую программу использования природных ресурсов; в 2003 г. была опубликована Белая книга «Политика Китая в сфере природных ресурсов», а в 2012 г. — Белая книга «Политика Китая в области энергетики».

Проблема ресурсной безопасности КНР не ограничивается зависимостью экономики от импорта сырья, но порождается уязвимостью транспортных коридоров, через которые осуществляется доставка энергоресурсов в Китай. Более 70% нефти, поставляемой в Китай, поступает из стран Персидского залива или Африки[37], и, соответственно, проходит через Малаккский пролив или Южно-Китайское море. Шанс на то, что Китай может в одночасье остаться без важных энергоносителей в случае военного конфликта, безусловно, мал[38], но он существует.

Природные ресурсы восточных районов России, как и Центральной Азии, являются для КНР альтернативными источниками сырья. В последнее десятилетие Пекин охотно финансирует совместные нефтегазовые проекты, выдавая кредиты российским госкорпорациям. В результате китайской поддержки Россия нарастила объёмы поставок энергоносителей в КНР с 10—15 млн т в 2000-е гг. до 42 млн т в 2015 г.[39] и 52,5 млн т в 2016 г., оттеснив Саудовскую Аравию на второе место среди экспортёров нефти в Китай[40]. В результате доля российской нефти в китайском импорте этого вида продукции достигла 14,5%. Очевидно, многократно увеличатся поставки природного газа в КНР с вводом газопровода «Сила Сибири».

Пока основной базой поставки углеводородов в Китай остаются Западная и Восточная Сибирь и в меньшей степени — Сахалин (в 2015 г. на него пришлось 4,5% российских поставок нефти и нефтепродуктов в КНР[41]). Только дальневосточный круглый лес и пиломатериалы являются для него относительно значимой продукцией, занимая 2—3% китайского рынка потребления этих видов продукции[42]. Морепродукты и соя — другие важные экспортные продукты региона — «теряются» на огромном китайском рынке.

Даже если всерьёз принимать во внимание тезисы об угрозе захвата Китаем мировых сырьевых рынков, то Россия не будет в первом ряду «захваченных». Пока Пекин дорожит высоким уровнем политического сотрудничества с Москвой, он не будет рассматривать тихоокеанские и даже сибирские ресурсы РФ как стратегически важные для обеспечения своей сырьевой безопасности. Ещё в 2000-е гг. Пекин достаточно сдержанно отнёсся к отказу российской стороны от варианта строительства нефтепровода на Дацин и, в отличие от некоторых европейских стран, не стал провоцировать конфликт из-за повышения Россией экспортных пошлин на деловую древесину.

В то же время руководство КНР продолжает исповедовать идею привлечения потенциала Сибири и Дальнего Востока для ускоренного развития своих северо-восточных провинций. В конце 2000-х гг. ему даже удалось убедить Кремль пойти на подписание Соглашения о координации программ развития

Дальнего Востока и Забайкалья РФ и возрождения старой промышленной базы Северо-Востока КНР (см. главу 2). Несмотря на то, что по прошествии ряда лет результаты выглядели достаточно скромно, китайская сторона продолжает активно настаивать на завершении проекта. В большой степени это произошло потому, что академические круги КНР, которые продолжали рассматривать приграничное сотрудничество с Россией как имеющее очень важное стратегическое значение для обеих сторон[43], считают его не только необходимым, но и неизбежным, поскольку оно соответствует объективным экономическим потребностям двух государств[44]. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) призвал к усилению сотрудничества с сопредельными странами и ускоренному развитию приграничных территорий. За этим закономерно последовали новые инициативы и повышенная активность приграничных провинций Китая, которые наиболее заинтересованы в отношениях с сопредельными регионами Тихоокеанской России.

Несмотря на сохранение сильной политической централизации во внешнеэкономических делах, провинции и уезды Китая сохраняют значительную свободу действий. Эта свобода формально строится на общих принципах внешней политики страны. Однако с усложнением структуры китайской экономики, ростом количества групп интересов внутри страны, увеличением числа акторов во внешних сношениях Китая Пекин объективно оказывается не в силах осуществлять тотальный контроль над всем спектром международных связей своих субнациональных правительств, бизнеса, НКО, отдельных индивидов. В связи с этим учёт интересов локальных элит КНР важен для понимания проблем и перспектив сотрудничества Тихоокеанской России с Китаем.

Явно выраженный интерес к сотрудничеству с Тихоокеанскими регионами России присутствует у северо-восточных провинций. Их власти руководствуются сугубо прагматическими соображениями и ставят перед собой задачу в полной мере, как это откровенно сформулировал бывший президент Академии общественных наук пров. Хэйлунцзян Цюй Вэй, «эгоистично воспользоваться стратегическими шансами»[45],

которые открывают планы Москвы по развитию Дальнего Востока: расширить импорт энергоресурсов, экспорт своих капиталов, товаров и рабочей силы. Особое значение для континентальных Хэйлунцзяна, Цзилини и АРВМ имеет использование транспортной (железнодорожной, портовой и морской) инфраструктуры Тихоокеанской России для выхода на обширные европейский, азиатский и американский рынки сбыта.

Консолидированную позицию провинций по сотрудничеству с российскими регионами отражают различные документы по развитию этих территорий. В 2012 г. правительство КНР утвердило два документа, направленных на стимулирование международных экономических связей СВК с зарубежными партнёрами, включая Россию: «Программу реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северно-Восточной Азии (2012—2020 гг.)»[46] и «Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в бассейне реки Туманган Китая»[47]. В обоих документах сотрудничеству с Россией отведено одно из ведущих мест, и они сегодня определяют контуры интересов северо-восточных провинций во взаимодействии с Тихоокеанской Россией.

Первая программа определила общие цели и задачи международной экономической деятельности северо-восточного региона на период до 2020 г. и фактически вобрала в себя все те идеи, которые формировались в этом регионе на протяжении последних 25 лет. Для активизации сотрудничества с Россией документ предлагает развивать сеть транспортных магистралей, не только связывающих внутренние районы Китая с пограничными пунктами пропуска, но и обеспечивающих трансрегиональные перевозки. Они включают: железные дороги Суйфэньхэ-Харбин-Маньчжоули и Эрляньхот-Улан-Батор с выходом на Транссибирскую магистраль; речные (р. Амур и р. Туманная) и сухопутные трансграничные коридоры с выходом к Тихому океану; аэропорты местного значения в Суйфэньхэ и Фуюане. Приграничные города Суйфэньхэ, Хэйхэ, Хуньчунь, Маньчжоули, Тунцзян, Фуюань (включая китайскую часть острова Большой Уссурийский) должны сохранять роль

узловых пунктов в российско-китайском сотрудничестве. Упор в программе смещён с развития отраслей, перерабатывающих импортируемые из России сырьё и ресурсы (на что была настроена местная экономика в прежние годы), на стимулирование экспортно-ориентированных (автомобилестроение, нефтехимия, металлургия, производство оборудования и пищевая промышленность) и высокотехнологических (биохимия, новые материалы и источники энергии, информационные технологии) производств. В отличие от предыдущих документов, определявших характер внешнеэкономической деятельности СВК, в этой программе большое внимание уделено инвестициям в Россию и сопредельные страны (в сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность, добычу природных ресурсов).

В целях содействия реализации этого документа центральное правительство КНР гарантировало поддержку внешнеэкономической деятельности северо-восточных провинций. Во-первых, Пекин обещал увеличить трансферты и инвестиции из центрального бюджета в приграничные уезды и города. Во-вторых — пересмотреть фискальную политику в отношении импортируемого сырья в сторону предоставления больших преференций. В-третьих, банковскому сектору рекомендовали усилить поддержку внешнеэкономических предприятий региона.

Второй документ, принятый в апреле 2012 г., имел локальный характер и оговаривал создание зоны экономического сотрудничества на территории китайской части бассейна р. Туманной (Туманган). При этом была поставлена задача превращения Хуньчуня и близлежащих районов в платформу сотрудничества Китая со странами Северо-Восточной Азии. Зона была учреждена на территории особых экономических районов, созданных ещё в 1990-х — начале 2000-х гг., и фактически наследовала их преференциальные режимы, включая беспошлинный ввоз уникального для Китая оборудования, упрощённую процедуру получения паспортов в рамках приграничного туризма и т.д. Центральное правительство также пообещало предусмотреть средства центрального бюджета для разработки целевых про-

грамм развития бассейна р. Туманная и реализации крупных инфраструктурных проектов как в Хуньчуне, так и на приграничных территориях России и Северной Кореи.

Однако, какими бы ни были виды северо-восточных провинций на Тихоокеанскую Россию, Пекин явно не готов жертвовать взаимовыгодными отношениями стратегического партнёрства с Россией на двустороннем, региональном и международном уровнях ради продвижения интересов северо-восточных провинций. Это было продемонстрировано лояльным отношением властей КНР к блокированию российской стороной таких трансграничных проектов, как создание торгово-экономического комплекса «Пограничный-Суйфэньхэ» (китайская сторона построила значительную часть инфраструктуры), строительство мостов через р. Амур в районе г. Благовещенска (г. Хэйхэ) и с. Нижнеленинское (уезд Тунцзян), повышение пошлин на древесину во второй половине 2000-х гг.

В последней программе развития Северо-Востока Китая указано, что одним из приоритетов развития этого региона является международная интеграция в рамках проектов строительства экономического пояса Шёлкового пути и экономического коридора «Китай-Монголия-Россия», сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России. Помимо этого, документ в очередной раз акцентирует внимание на важности приграничного сотрудничества[48]. К настоящему времени на Северо-Востоке уже обсуждаются три местных дополнения к «Экономическому поясу Шёлкового пути», которые непосредственно связаны с Тихоокеанской Россией: хэйлунцзянский вариант проекта Шёлкового пути, цзилиньский проект выхода к Японскому морю и «сопряжение» программ развития.

Интеграционный проект пров. Хэйлунцзян берёт своё начало с инициативы создания «Экономического пояса Шёлкового пути»[49]. В его первоначальном варианте география проекта включала территории, по которым проходил древний Шёлковый путь, но при этом затрагивала и другие части Китая, открывая тем самым возможности для широкого проявления инициативы на местах. Роль и функции Северо-Восточного Китая

и Тихоокеанской России были обозначены в программе крайне лаконично: «Улучшить железнодорожное сообщение Хэйлунцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлунцзяна, Цзилини, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки»[50]. И сегодня даже самые удалённые от Шёлкового пути провинции, в т.ч. северные и северо-восточные, пытаются не отставать в генерировании новых идей, развивающих инициативы китайского лидера.

Граничащая с Россией пров. Хэйлунцзян не стала исключением. В ноябре 2014 г. её правительство приняло рабочую программу строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового пути[51]. Формально она стала той частью общенационального проекта, которая предполагает создание транспортного коридора и единого экономического пространства между Китаем, Монголией и Россией.

С исторической точки зрения, хэйлунцзянская программа не предлагает ничего радикально нового. Различные проекты экономического сотрудничества с Россией разрабатывались провинцией с конца 1980-х гг. В виде формализованных документов они ещё до «шёлковой» инициативы появлялись трижды. В 2005 г. была обнародована первая программа сотрудничества с Россией. Её формальной целью было использование потенциала приграничных и межрегиональных связей для возрождения старых промышленных баз Хэйлунцзяна. В 2009 г. хэйлунцзянская стратегия была скорректирована с учётом кризисных явлений в мировой экономике, которые сильно ударили по приграничной торговле и другим формам экономического взаимодействия с Россией. В 2013 г. появилась программа комплексного развития приграничного сотрудничества с Россией, рассчитанная в том числе на активизацию буксующей программы взаимодействия между восточными регионами РФ и северо-восточными провинциями КНР, подписанной лидерами двух стран в 2009 г. Ещё через год была принята «Шёлковая программа».

Хэйлунцзянский «Шёлковый путь», как и вся внешнеэкономическая стратегия провинции, не просто связан с Россией. Регион граничит только с Российской Федерацией и не имеет

выхода к морю. На протяжении последних 25 лет хэйлунцзянские элиты позиционировали провинцию в качестве основного плацдарма Китая для развития сотрудничества с северным соседом. В КНР за регионом закрепился неформальный статус «окна Китая в Россию». 15 переходов на границе с РФ, доля в 20—25% во внешней торговле КНР с РФ на протяжении двух десятилетий, знание российского рынка и тесные политико-административные связи — эти и другие факты нередко указываются в официальных презентациях провинции в качестве подтверждения этого статуса[52]. Важнейшей составляющей хэйлунцзянского проекта «Шёлкового пути» стала трансграничная транспортная инфраструктура. Власти провинции надеются в ближайшие годы наладить регулярные грузоперевозки по маршрутам Харбин-Маньчжоули-Россия-Европа и Харбин — Суйфэньхэ/Тунцзян — Дальний Восток РФ — восточные провинции Китая/страны Северо-Восточной Азии. Во втором случае хэйлунцзянские власти рассматривают возможность вложения инвестиций в модернизацию и строительство портов на юге Приморья, железных дорог до Владивостока и Уссурийска.

Оба маршрута могут быть объединены в один трансъевразийский. Он минует дальневосточный участок Транссибирской железной дороги и тем самым сэкономит время и расходы на транспортировку транзитных грузов из Восточной Азии в Европу. В самой провинции, как и в целом по Китаю, транспортная инфраструктура отстраивается быстро и, главное, качественно. За последние 10 лет сеть автомобильных дорог увеличилась в 2,5 раза, железных дорог — на 8%[53]. Из Харбина по высокоскоростным магистралям сейчас можно добраться до трёх крупнейших пунктов пропуска на границе с Россией: Суйфэньхэ, Хэйхэ и Тунцзян. В российском приграничье железные дороги не строились, а автомобильная сеть увеличилась на 80%, однако уступает китайским дорогам в качестве: во-первых, это не высокоскоростные магистрали, во-вторых, это в основном дороги, не ведущие к китайской границе[54].

Особое внимание в рабочей программе строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового

пути уделяется сотрудничеству с Россией в сельском и лесном хозяйстве, а также сфере разработки природных ресурсов. Предполагаются массовые инвестиции именно в эти отрасли. Такие задачи не новы для провинции, они были чётко обозначены ещё в самой первой официальной стратегии Хэйлунцзяна по развитию сотрудничества с Россией. По данным департамента коммерции Хэйлунцзяна, к 2016 г. провинция вложила в Россию 1,8 млрд долл. США[55].

Другой интеграционный проект Китая, который географически охватывает Тихоокеанскую Россию, связан с выходом пров. Цзилинь к Японскому морю. В начале 1990-х гг. он был известен как Туманганский проект, в дальнейшем менял названия, но не саму суть: тесную международную кооперацию в бассейне р. Туманная. В 2000-х гг. проект стал одним из перспективных направлений политики внешней открытости в рамках программы возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая[56] и по-прежнему остаётся главнейшим проектом стратегии развития международного сотрудничества пров. Цзилинь[57].

Что же дают эти интеграционные инициативы самой провинции? Во-первых, они отражают стремление переориентировать интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии на территорию Китая, которая, по мнению цзилиньских экспертов, имеет все возможности стать экономическим центром СВА. Китайская сторона рассматривает проект «Туманган» как способ притяжения в провинцию различных факторов производства: сырьевых ресурсов — из России, Монголии и Северной Кореи, капитала и технологий — из Японии и Южной Кореи. Китаю остаётся дополнить их только своей рабочей силой, землёй и соответствующей политикой для дальнейшего развития[58]. В 2005 г. провинция создала правительственную, интеллектуальную и бизнес-площадку для формирования идей интеграции стран СВА — торгово-инвестиционную ярмарку стран Северо-Восточной Азии, начало проведения и география которой полностью совпадают с появлением «Расширенной Туманганской инициативы» и её странами-участницами. Как и любой интеграционный проект, он предполагает обес-

печение свободного перемещения факторов производства, которое может быть достигнуто только посредством реализации двух других целей: развития трансграничной инфраструктуры и преодоления институциональных барьеров на пути движения товаров, людей и капитала (об этом речь пойдёт ниже).

Во-вторых, проект «Туманган» предполагает активное формирование трансграничной инфраструктуры, что будет способствовать развитию международной кооперации на территории провинции Цзилинь. По словам её бывшего губернатора Хань Чанфу, восточные части провинции «являются важнейшей зоной экономического сотрудничества в районе Туманган, поэтому в процессе его реализации неизбежно встанет вопрос об аренде портов для выхода к морю»[59]. Цзилиньские власти уже предлагали российской стороне варианты аренды порта Зарубино в начале 2000-х гг., но натолкнулись на жёсткий отказ со стороны правительства Приморья[60].

В-третьих, проект «Туманган» даёт основания китайской стороне активно продвигать идею формирования трансграничной зоны свободной торговли (ЗСТ) между странами СВА, основой которой предлагается район провинции в треугольнике Чанчунь-Цзилинь-Тумэньцзян (Чанцзиту)[61]. При этом, однако, среди китайских экспертов нет единодушия в оценке перспектив этого проекта. Некоторые из них достаточно скептически относятся к возможности реализации предложенных идей, акцентируя внимание на несовпадении стратегических интересов стран-участниц Туманганского проекта[62]. Другие открыто признают, что стратегия провинции Цзилинь, активно развивающей новую зону Чанцзиту в зоне р. Тумэнь, применительно к России сводится к утилитарной формуле «воспользоваться портом [Зарубино], выйти к морю»[63].

В мае 2015 г. после некоторой паузы, которая потребовалась российскому правительству, чтобы оценить плюсы и минусы от китайского проекта «Один пояс, один путь», Москва признала, что Россия «высоко оценивает инициативу Китая» о создании «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века», считает её важной концепцией, направленной на «развитие торгово-экономического

и инвестиционного взаимодействия в регионе» и обе стороны «продолжат поиск точек сопряжения региональных экономических интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шёлкового пути» в интересах обеспечения устойчивого экономического роста на евразийском пространстве»[64].

Российская поддержка проекта стимулировала дальнейшую активность китайской стороны как на уровне центральной власти, так и в провинциях. В декабре 2015 г. Политбюро ЦК КПК провело очередное совещание, посвящённое проблемам Северо-Восточного Китая. На основании его результатов 26 апреля 2016 г. было опубликовано специальное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР. В разделе, посвящённом инициативе «Один пояс, один путь», документ нацеливает на «сопряжение развития старой промышленной базы Северо-Восточного Китая и стратегии развития российского Дальнего Востока и углубление сотрудничества с приграничными территориями»[65]. Этой сентенцией постановление и ограничивается, однако китайские эксперты убеждены, «что параллельное продвижение и сопряжение» стратегий развития Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая выгодно и необходимо обеим сторонам[66].

Потенциал российско-японского сотрудничества: взгляд из Японии

Россия традиционно рассматривалась Японией в качестве важного контрагента внешней политики. В отличие от эпохи холодной войны, когда Советский Союз воспринимался в основном как угроза (в т.ч. военная) национальным интересам Японии, с начала XXI в. в стране стало укрепляться понимание важности России как серьёзного партнёра в мировых делах. Традиционные факторы географического соседства и заинтересованности в российских природных ресурсах дополнялись стратегическими устремлениями Японии, озабоченной укреплением своих позиций в мировой политике и обеспечением стабильности и безопасности в наиболее чувствительном

для японских интересов регионе Северо-Восточной Азии. Однако основная политическая проблема двусторонних российско-японских отношений — отсутствие мирного договора — по-прежнему рассматривается японской стороной как главное препятствие на пути долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества. Данную проблему Токио тесно увязывает с решением так называемого территориального вопроса, через призму которого рассматриваются взаимоотношения с Россией вообще и с территориями Тихоокеанской России в частности.

В 1996 г., озвучивая политику кабинета в отношении России, МИД Японии ограничился констатацией «важности укрепления отношений с районами Дальнего Востока»[67]. Впоследствии в базовых документах японской внешней политики (Белые книги по внешней политике и обороне, выступления премьер-министров и министров иностранных дел перед парламентом страны, внешнеполитические заявления) эти территории рассматривались преимущественно с точки зрения обеспечения безопасности Японии: через призму оценки ситуации на Корейском полуострове, развития отношений с Китаем и энергетической безопасности[68].

Тем не менее во второй половине 1990-х гг. проявились симптомы будущего изменения отношения Токио к восточным районам России. Несколько раз идея о необходимости «укрепления экономических отношений... с Сибирью и Дальним Востоком, в частности, в энергетическом секторе», о важности «диалога по вопросу энергетического развития Сибири и Дальнего Востока» звучала в известной речи премьер-министра страны Р. Хасимото о новой евразийской политике Японии (июль 1997 г.)[69]. Именно тогда Токио вплотную задумался о диверсификации источников энергоресурсов, а поэтому значение Сибири в его глазах резко возросло. Хотя к концу века у Токио не сложилась «всеобъемлющая политика в отношении российского Дальнего Востока»[70], свои энергетические интересы он обозначил достаточно чётко, оказывая моральную и организационную поддержку крупному японскому бизнесу, принимающему участие в разработке энергоресурсов на Сахалине[71].

Значительно более серьёзное внимание экономическому потенциалу Сибири вообще и японскому участию в его освоении в частности стал уделять кабинет Дзюнитиро Коидзуми, пришедший к власти весной 2001 г. В последующие два года правительство Японии предприняло ряд шагов, направленных на то, чтобы «прощупать» ситуацию на Дальнем Востоке и при вынесении положительного решения на предмет целесообразности этих действий «застолбить» площадку для дальнейшего продвижения японского бизнеса в Сибирь.

На данное решение повлияли три фактора. Первый — назревающий кризис на Ближнем Востоке и обоснованная тревога за будущее энергоснабжения страны. Поскольку только 16% энергии, вырабатываемой в Японии (включая производимую на атомных станциях), получалось за счёт собственных ресурсов, японское правительство, по словам бывшего заместителя министра иностранных дел Японии Кёхико Тоямы, закономерно «не разделяет вопросы энергоснабжения [страны] и защиты [её] национальной безопасности»[72].

Проблема энергообеспечения особенно обострилась после начала войны в Ираке. В 2004 г. произошёл резкий скачок цен на энергоресурсы, в результате стоимость нефти для японских потребителей в 2005 г. выросла по сравнению с 2002 г. в два раза. Международный терроризм, пиратство в южных морях и нестабильная ситуация вокруг Тайваня ставили под сомнение безопасность морских путей, по которым Япония получала большую часть ресурсов[73]. По оценкам экспертов, строительство трубопровода из Западной Сибири к побережью Японского моря с последующей транспортировкой нефти в Японию позволило бы снизить её зависимость от Ближнего Востока на 10—15%.

Вторым стимулом для активизации российской политики Японии стал приход к власти в России В.В. Путина, молодого лидера, которого, как надеялись в Японии, можно было бы склонить к решению территориального вопроса. Намечавшаяся политическая стабилизация и симптомы экономического выздоровления в России в 2002—2003 гг. усилили значение этого фактора.

Третий побудительный мотив — обострившаяся конкуренция с Китаем в борьбе за влияние на третьи страны, в том числе на Россию.

Ещё во второй половине 1990-х гг. в японских политических кругах стали обсуждать вопрос о том, что экономический рост Китая, частично стимулированный японскими инвестициями, технологиями и финансовой помощью, несёт серьёзную угрозу интересам Японии. Эти страхи политической и экономической элиты и общественности Страны восходящего солнца, более всего озабоченной не столько экономическими последствиями поднятия Китая, сколько угрозой утраты престижа Японии в Азии, сформировались к концу 1990-х гг. в концепцию «китайской экономической угрозы»[74].

Однако более всего в начале нового века в Японии дискутировали о «китайской военной угрозе». Главный акцент делался на наличии у Китая ядерного оружия, быстрый рост и непрозрачность его военного бюджета, а также демонстративный характер отдельных акций, вызывавших озабоченность соседей по региону. На фоне этих угроз в Японии стали задумываться об улучшении отношений с другими азиатскими соседями как об альтернативе Китаю. В первом ряду стояли Индия и Россия. Китайские эксперты даже утверждали, что японское правительство использовало Россию для того, чтобы ослабить влияние Китая в регионе[75].

В контексте противостояния Китаю Токио стал рассматривать и собственные интересы в зоне Тихоокеанской России. С одной стороны, мимо внимания японских лидеров не прошло замечание экономистов о том, что если Япония не предпримет активных действий по укреплению своего экономического влияния на Востоке России, то «потребность выживания будет толкать российский Дальний Восток, в частности Амурскую область, Приморье и Хабаровск, к дальнейшей интеграции с Китаем»[76]. Но ещё более важным побудительным мотивом для Японии стал проект компании «ЮКОС» по транспортировке сибирской нефти в Китай[77], который мог серьёзно осложнить доступ Японии к сибирским энергоресурсам.

Однако в то время как отношения между Японией и Китаем рассматривались в Токио как самые плохие за период с 1971 г., отношения с Россией Дз. Коидзуми оценил как лучшие за их историю[78]. И так считал не только премьер-министр, но и многие простые японцы. По результатам опросов общественного мнения, ежегодно проводившихся кабинетом министров страны, в период нахождения у власти Коидзуми от 28,2 до 32,4% японцев называли отношения между Японией и Россией хорошими — это самый высокий процент среди опрошенных, не считая периода 1990—1991 гг., когда цифра добралась до наивысшей за всю 20-летнюю историю опросов отметки — 38%[79].

Начало нового этапа в отношениях с Россией японская сторона отсчитывает со времени подписания 25 марта 2001 г. президентом В.В. Путиным и премьер-министром Японии Ёсиро Мори документа, получившего название Иркутского заявления[80]. В Японии оно было воспринято как свидетельство готовности Президента России признать претензии Японии на южные Курилы, по крайней мере, готовности российской стороны обсуждать эту тему. Во многом это и определило позицию Японии в начале 2000-х гг. Сформированный в апреле 2001 г. кабинет министров во главе с Дз. Коидзуми дал основание определённым надеждам японской элиты на дальнейшую активизацию и расширение двусторонних отношений. Отражением этого стала интенсификация формальных контактов.

С 30 мая по 8 июня 2001 г. Россию изучала представительная экономическая делегация Японии во главе с председателем Федерации экономических организаций Японии Такаси Имаи[81]. Делегация фактически не увидела иного поля для деятельности японского крупного бизнеса на Дальнем Востоке, кроме как освоение нефтегазовых ресурсов Сахалина. Вторым публичным шагом в избранном направлении стало посещение премьер-министром Японии Дз. Коидзуми г. Хабаровска в январе 2003 г. Коидзуми заехал в столицу Дальневосточного федерального округа после завершения официального визита в Москву, где он обсуждал в т.ч. и вопросы взаимодействия

в освоении энергетических ресурсов Сибири и Дальнего Востока и транспортировки их в Японию. Японские СМИ трактовали посещение Хабаровска как демонстрацию намерения Токио усилить своё присутствие на Дальнем Востоке, прежде всего в энергетической сфере[82], а язвительный корреспондент «The New York Times» Джеймс Брук сообщил читателям, что Коидзуми привела в Хабаровск «геополитическая шахматная игра с Китаем за российскую нефть». По мнению корреспондента, Китай и Япония начали прямой спор за российские ресурсы, и японцы надеялись «поиграть на [опасениях] русских относительно безопасности Дальнего Востока»[83].

Весной 2003 г. российское правительство практически дезавуировало своё прежнее, хотя и не подкреплённое официальными документами, решение о маршруте трубопровода на Дацин[84], а уже июне министр иностранных дел Японии Ёрико Кавагучи посетила Владивосток, став первым в истории Страны восходящего солнца главой ведомства иностранных дел, побывавшим в этом городе. Целью визита Кавагучи, по её собственным словам, было «ещё раз подтвердить значение, которое Япония придаёт Дальнему Востоку как части Российской Федерации». Визит, как отметила министр, «придал дополнительную движущую силу тенденции к укреплению экономических связей между РФ и Японией»[85].

Визит Ё. Кавагучи состоялся после того, как японские компании[86] приняли решение вложить 4,5 млрд долл. США в проект «Сахалин-2», так что поездку министра на Дальний Восток и обсуждение данного вопроса на состоявшемся во Владивостоке заседании российско-японской Межправительственной комиссии по экономике и торговле можно рассматривать как демонстрацию поддержки этих компаний правительством Японии. В то же время (хотя в реальности все экономические связи сводились к судьбе сахалинских проектов и трубопровода ВСТО) демонстративное внимание кабинета министров, уделяемое Дальнему Востоку, было и своеобразным знаком моральной поддержки японскому бизнесу, готовому рискнуть деньгами на просторах Сибири[87]. Визиты Дз. Коидзуми и Ё. Кавагучи на Дальний Восток имели именно такое значение по крайней мере

для японского нефтяного бизнеса, интересы которого тесно переплетаются с перспективами энергообеспечения страны*.

В конце августа 2003 г. правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию России до 2020 г.[88] Некоторые положения стратегии (транспортная инфраструктура должна проходить исключительно по российской территории и обеспечивать доступ ко всем рынкам стран АТР, газ из Ковыткинского месторождения будет предназначен только на внутренний рынок) ставили под вопрос проекты энергоснабжения КНР, разрабатывавшиеся в Пекине. И хотя вариант трубопровода, предлагаемый «Транснефтью», предполагал ответвление в сторону Китая мощностью до 30 млн т нефти в год, Пекин не только выразил глубокую обиду в адрес российских властей, но и обвинил Японию в срыве достигнутых договорённостей. За две недели до утверждения российской стратегии по информационным каналам Китая была распространена статья известного журналиста агентства «Синьхуа» Ли Динсиня, где прямо утверждалось, что «судьба трубопровода Ангарск-Дацин остаётся неопределённой по причине неожиданного вмешательства Японии, в результате чего появилось новое предложение о трубопроводе Ангарск-Находка»[89].

Новое решение правительства РФ о направлении трубопровода, принятое в конце 2004 г.** обозначило окончатель-

---

* В 2006 г. «Сахалин Энерджи» заключила договоры о продаже сжиженного природного газа (СПГ) с японскими компаниями «Хиросима Гэс» и «Тохоку электрик». По этим контрактам «Тохоку электрик» будет ежегодно в течение 20 лет получать по 0,42 млн т, а «Хиросима Гэс» — по 0,21 млн т СПГ. В том же году были подписаны предварительные соглашения с «Чубу электрик» и «Осака Гэс», по которым компании-покупатели будут получать ежегодно по 0,5 млн т и 0,2 млн т сахалинского СПГ в течение 15 и 20 лет соответственно (см.: «Сахалин Энерджи» — 2006. Обзор деятельности за год. Южно-Сахалинск, 2007. С. 44).

** Постановление правительства РФ от 31 декабря 2004 г. (№ 1737-р) возложило функции заказчика проектирования и строительства трубопроводной системы по маршруту г. Тайшет (Иркутская обл.) — г. Сковородино (Амурская обл.) — бухта Перевозная (Приморский край), протяжённостью 4368 км и пропускной способностью 80 млн т нефти в год на компанию «Транснефть». Координация, мониторинг и контроль над проектированием и строительством трубопровода были поручены Минпромэнерго России.

ный срыв российско-китайских договорённостей. Пекин был вынужден довольствоваться обещанием России в первую очередь построить ветку от Сковородино до российско-китайской границы и увеличить поставки нефти в КНР по железной дороге. Решение вполне удовлетворило Токио. Активность Японии в дальнейшем заметно снизилась. В течение двух лет после визита в Москву Дз. Коидзуми японская сторона не предприняла каких-либо конкретных шагов в развитии двустороннего сотрудничества, за исключением решения об инвестировании японскими компаниями 4,5 млрд долл. в проект «Сахалин-2»[90].

При этом западные эксперты всё же преувеличивали влияние Пекина и Токио на решение Кремля. Представители научного мира заинтересованных стран были более осторожны в оценках, полагая, что причиной изменения позиции РФ относительно маршрута трубопровода стало не вмешательство Японии, а новая «динамика отношений между властью и бизнесом в России»[91]. В материалах, распространённых Министерством энергетики России в преддверии уже упомянутого заседания правительства 13 марта 2003 г., подчёркивалось, что «отсутствие чёткой позиции относительно участия в освоении месторождений и развитии инфраструктуры [Восточной Сибири] Китая, Японии и Кореи, нефтяных и газовых компаний этих стран» является одной из важных причин того, что «реальные сроки формирования новых крупных центров добычи нефти и газа в Восточной Сибири и Республике Саха» являются крайне неопределёнными*.

Все последующие попытки российской стороны приобщить японские компании к реализации проекта наталкивались на

* См.: Об основных направлениях развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока с учётом реализации перспективных международных проектов. URL: http://www.gasforum.ru/concept/me_atr_0303.shtml (дата обращения: 15.09.2016). Правда, в том же документе указывается, что и с российской стороны отсутствует комплексная программа развития нефтегазовой отрасли Сибири и Дальнего Востока, нет согласованности в действиях крупнейших российских компаний относительно разработки энергоресурсов, неоправданно затянулась дискуссия вокруг оптимального размещения трасс нефте- и газопроводов, что «вынуждает потенциальных зарубежных партнёров... затягивать принятие решений».

рассуждения последних об отсутствии достоверных геологических данных о запасах нефти в Восточной Сибири, необходимости создания согласованных механизмов финансирования проекта, трудностях инвестирования в России и т.д. Всё это подтверждает предположения экспертов, сделанные по «горячим следам» событий, что в основе борьбы между Китаем и Японией за маршрут трубопровода лежали не столько экономические, сколько геополитические расчёты и интересы двух правительств[92].

Японские предприниматели и особенно финансисты не изменили принципу тройной осторожности в отношении России. Очевидно, что ощущение угрозы энергетического голода в Японии носило тогда абстрактный характер и не являлось чувством, способным заставить японцев отказаться от привычных шаблонов восприятия внешнего мира вообще и России в частности. Начало энергодиалога с Россией не означало, что Япония «раскрыла свои объятия». Как скептически заметил генеральный директор 2-го департамента международного финансирования Японского банка международного сотрудничества Нисимура Киёси, «колоссальные суммы капитальных затрат, требующиеся... для обеспечения снабжения нефтью и газом европейских и российских потребителей», не вселяют большого оптимизма относительно будущей роли России как поставщика энергоресурсов в Японию, и России надо хорошо постараться, чтобы «завоевать статус важного источника снабжения Японии ресурсами»[93].

С другой стороны, японцев пугало столкновение «с истинной сущностью российского ресурсного национализма», когда после начала осуществления какого-либо проекта инвесторов вынуждали пересматривать важнейшие положения контрактов, касавшиеся распределения капиталовложений (как это произошло с проектом «Сахалин-2», где иностранных инвесторов вынудили отдать контрольный пакет акций Газпрому)[94].

Наконец, на время убранные с горизонта политические разногласия в японо-российских отношениях, связанные прежде всего с территориальным вопросом, восстановились в полном объёме. Удовлетворившись оттеснением Китая от российских

нефтяных ресурсов, консервативные круги японского общества вновь стали предостерегать против заигрывания с Россией и забвения существующей территориальной проблемы ради обеспечения энергетической безопасности страны[95].

Новый интерес Токио к Дальнему Востоку был спровоцирован инициативами В.В. Путина по развитию восточных районов России, высказанными в декабре 2006 г. То, что Россия и Китай начали обсуждать идею координации развития восточных районов России и возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, не осталось без внимания Токио. Своеобразным ответом стали японские «Инициативы по укреплению японо-российского сотрудничества на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири», предложенные Москве в июле 2007 г., накануне встречи Синдзо Абэ и В.В. Путина в Хайлигендамме. Инициативы предлагали взаимодействие в сферах энергетики, транспорта, средств информации и коммуникации, экологии, обеспечения безопасности, здравоохранения, торговли и инвестиций, а также гуманитарного обмена, особенно среди молодёжи[96]. Однако российская реакция на «Инициативы...» оказалась сдержанной. В октябре того же года С.В. Лавров лишь обозначил готовность Москвы вести «предметный разговор о сотрудничестве по конкретным проектам»[97], памятуя, вероятно, о традиционной абстрактности японских предложений и их увязке с территориальной проблемой. С другой стороны, правительство Абэ просуществовало всего год и, видимо, просто ничего не успело предпринять для развития своих инициатив[98].

В феврале 2008 г. на ежегодной экономической конференции в Ниигате обозначилась ещё одна сфера возможного интереса Японии к России. Обсуждая обострившиеся проблемы продовольственной безопасности в Северо-Восточной Азии и мире, участники конференции пришли к заключению, что «конструирование сети торговли продовольствием» в СВА требует участия России, а «неиспользуемые земли на просторах России... могут содержать огромный потенциал для обеспечения продовольственной безопасности»[99].

Однако вскоре после этого Япония и Россия вступили в очередной период охлаждения отношений, что незамедлительно отразилось на планах японского бизнеса участвовать в освоении Дальнего Востока.

События 2014—2015 гг. в очередной раз несколько затормозили развитие японо-российского диалога, снизив и интерес Японии к Тихоокеанской России. Однако в конце 2015 — начале 2016 г. Токио вновь активизировал свою деятельность на российском направлении. Это наиболее ярко проявилось в ходе неофициального визита Синдзо Абэ в Россию в мае 2016 г. и его встречи с В.В. Путиным. Японский лидер предложил 8 новых программ для российской экономики и российских граждан: в области медицинских услуг, малой и средней промышленности, нефти, газа и энергетики. В ходе встречи он сделал упор на развитии промышленности, экспортных отраслей на Дальнем Востоке, ядерной энергетики, высоких технологий, планирования городов, а также взаимных гуманитарных обменов. По мнению японской стороны, Президент В.В. Путин «высоко оценил и поддержал» инициативы японского премьера»[100].

Тем не менее во время второго визита во Владивосток в сентябре 2017 г. С. Абэ не акцентировал внимание на отношениях Японии с Дальним Востоком, ограничившись продолжением темы превращения Владивостока «в образцовый город на Дальнем Востоке»[101]. Возможно, исходя из общего настроя Москвы и Токио, нацеленного на расширение сферы взаимодействия за его пределы. Не случайно в начале двусторонних переговоров президент России намекнул премьер-министру Японии, что «сотрудничество между Японией и Россией, конечно, выходит за рамки такого огромного региона, как российский Дальний Восток»[102].

Таким образом, в настоящее время можно вести речь о нескольких основных составляющих дипломатического курса Японии в отношении России, через которые отчётливо просматривается роль тихоокеанской составляющей последней. Во-первых, это стремление к построению таких двусторонних отношений, которые соответствовали бы роли двух стран как

соседей-партнёров в Северо-Восточной Азии. Во-вторых, это развитие отношений между Японией и Россией в самых различных областях, включая сотрудничество в сферах политики, экономики, безопасности, культуры и на международной арене. И, в-третьих, параллельно с вышеуказанными пунктами, нахождение путей решения проблемы северных территорий и заключение мирного договора[103].

Волнообразная динамика развития японо-российских отношений, характеризующаяся сменой периодов «потепления» и «охлаждения», является отражением своеобразной тенденции. С одной стороны, стагнация политических отношений из-за территориального спора не мешает развитию экономических связей. Интересы двух стран в экономической сфере, особенно в энергетике, во многом совпадают. Отношения между Россией, стремящейся расширить географию поставок энергоресурсов в Азию через Дальний Восток, и отчаянно нуждающейся в них Японией действительно носят взаимодополняющий характер. И учитывая, что энергетика имеет стратегическое значение для каждой из стран, углубление взаимозависимости между двумя странами в этой области, вероятно, может привести к укреплению региональной стабильности во всей Восточной Азии. С другой стороны, приходится констатировать, что развитие экономического обмена не облегчает решение территориальной проблемы.

С точки зрения Японии, дальнейшее развитие двусторонних связей с Россией, включая возможность вовлечения Тихоокеанской России в интеграционные процессы в Северной Пацифике, определяется совокупностью позитивных и негативных факторов. К числу первых японские эксперты и специалисты, прежде всего, относят возможность тесного экономического взаимодействия через реализацию на Дальнем Востоке глобальных российских проектов. Возрастает значение Тихоокеанской России в деле обеспечения государственных геополитических и экономических приоритетов правительства Японии в области энергетической и продовольственной безопасности. Экономике Японии необходимы новые, прежде не освоенные рынки.

Столь же важное значение придаётся активизации двусторонних контактов через продвижение экономического и культурного межрегионального сотрудничества (префектуры Японии — регионы Тихоокеанской России).

Однако массив политических, психологических и культурных препятствий к развитию отношений, мешающих позитивному восприятию японцами России в целом, их желания и готовности сотрудничать с Тихоокеанской Россией в частности достаточно велик. И он не ограничивается территориальной проблемой. Серьёзным препятствием является негативное восприятие России в Японии, обусловленное историческим наследием, в частности судьбой японских военнопленных в Сибири и на Дальнем Востоке, отношением правительства России к вопросам исторической памяти. Японцев пугают и тревожат проведение парадов, посвящённых годовщине Победы во Второй мировой войне, упоминания о японском милитаризме, демонстрация современного вооружения, в чём усматривается агрессивный характер современной России и угроза безопасности стран Северной Пацифики, сближение с Китаем на основе общей памяти противостояния Японии во Второй мировой войне[104]. Существенным препятствием на пути развития двусторонних взаимоотношений остаётся отставание российской экономики от экономики Японии, сложившийся образ России как страны-донора энергетических ресурсов, а также несоответствие между громко заявленными правительством России проектами и результатами их практической реализации. Негативную роль играют факты коррупции, бюрократии, низкий уровень безопасности для населения, иностранных туристов и бизнесменов, отсутствие демократических свобод, а также образ России как страны-агрессора, осуществившей «интервенцию в Украину» и «аннексию Крымского полуострова». Наконец, к факторам, осложняющим развитие сотрудничества, относятся проблемы экологии Тихоокеанской России: утилизация жидких радиоактивных отходов атомных подводных лодок, возможность ухудшения экологии Японского моря и угроза общему пространству биоресурсов[105].

Тем не менее деловые круги Японии рассматривают Россию и, прежде всего, Сибирь и Дальний Восток в качестве одного из перспективных экономических партнёров. Это, в частности, подтверждают данные ежегодных опросов на тему условий ведения бизнеса с Россией и привлекательности её отдельных регионов, которые с апреля 2005 г. проводит среди японских компаний японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству Федерации экономических организаций Японии «Кэйданрэн». На протяжении 2007—2015 гг. российский Дальний Восток выступал вторым по перспективности регионом для ведения японского бизнеса, уступая первенство лишь европейской России[106].

В качестве возможных сфер интеграции Тихоокеанской России и Страны восходящего солнца японские специалисты выделяют ряд областей. Прежде всего, это освоение энергетических ресурсов (нефть, природный газ, уголь, редкоземельные металлы) и экспорт в регион японских передовых технологий для развития этой отрасли[107]. Возможности взаимодействия в этой сфере оцениваются довольно высоко. Приветствуется также открытие новых потенциально богатых месторождений полезных ископаемых на территории Сибири и Дальнего Востока[108].

Интеграции России в экономическое пространство АТР, по мнению японской стороны, также может способствовать развитие логистического потенциала Тихоокеанской России и его использование как в интересах растущего японского рынка, так и для контактов Японии со странами Европы. Развитие Транссиба[109], БАМа, возможное соединение Транссибирской и Транскорейской магистралей[110] могут, как полагают японские эксперты, существенно сократить транспортное плечо и транспортные расходы. Интерес вызывает также освоение Северного морского пути, экспорт СПГ из порта Козьмино в Приморском крае[111].

В последние годы значительное внимание в Японии уделяется обеспечению продовольственной безопасности. Япония импортирует 40% необходимого ей продовольствия по объёму и 60% — в калорийном исчислении. Проблема усугубляется сокращением пахотных земель и старением сельского населения страны[112]. Тихоокеанская Россия могла бы поспособствовать

Японии в решении этой проблемы путём совместного освоения её свободных пахотных земель для производства зерновых. Параллельно с этим японские СМИ выражали обеспокоенность ростом числа граждан Китая, работающих на полях Тихоокеанской России[113].

В Японии внимательно отслеживаются действия правительства России по созданию в регионе благоприятной среды и привлекательного для иностранных капиталов инвестиционного климата[114]. В сентябре 2014 г. на российско-японском форуме вице-президент «Кэйданрен» Н. Сасаки сообщил, что с 2007 г. внимание японского бизнеса к Дальнему Востоку выросло почти в два раза и существенно превышает его заинтересованность в других регионах России[115]. Большое внимание привлекла демонстрация инвестиционной привлекательности Тихоокеанской России на таких международных мероприятиях во Владивостоке, как Саммит АТЭС 2012 г. [116], Восточный экономический форум 2015 и 2016 гг.[117] Хотя по-прежнему при освещении этих мероприятий японские СМИ делали акцент на сотрудничестве с Тихоокеанской Россией в основном в области энергетики. Внимательно изучаются действия российского правительства по созданию территорий опережающего развития (ТОР) [118], хотя декларированное создание такой зоны на Южных Курилах расценивается не как возможность для совместных экономических проектов, а как попытка России ещё сильнее закрепить за собой спорные территории[119]. Деловые круги Японии также ожидают результатов реализации проекта «Свободный порт Владивосток»[120]. С одной стороны, они приветствуют эту инициативу, с другой — скептически оценивают возможность её реализации[121].

Если в целом для Японии Россия является далеко не самым важным партнёром и в сфере экономики, и в плане развития иных форм отношений, то в несколько ином свете смотрят на взаимоотношения с Российской Федерацией японские префектуры, выходящие своим «фасадом» на Японское море[122]. Поскольку развитие японской экономики во второй половине XX в. было связано преимущественно с тихоокеанским побережьем, западные префектуры оказались экономически менее

развитыми, и поэтому для них, в отличие от богатых восточных территорий, взаимодействие с такими регионами, как российский Дальний Восток и китайский северо-восток, представляют немалый интерес. Их повышенная политическая и экономическая активность в этом направлении в 80—90-е гг. XX в. [123] привела к тому, что внешнеэкономические связи префектур бассейна Японского моря сегодня в значительно большей степени, чем у восточных территорий страны, сориентированы на ближний к ним запад и северо-запад.

Экономические связи префектур Японского моря с Россией были неравноценными и зависели от ряда факторов. Одним из главных условий для их успешного развития являлась возможность и готовность местных портов заниматься отгрузкой подержанных автомобилей. В этой сфере лидировала преф. Тояма. Доля России в экспорте этой территории составляла в 2006 г. 31,4%, в импорте — 14,2% [124]. В 2013 г. в экспорте трёх префектур района Хокурику (Тояма, Исикава и Фукуи) на Россию приходилось 30,5%, в импорте — 10,8%, причём 85% в экспорте в Россию составляли автомобили, а импорт почти поровну делился между древесиной (45,4%) и цветными металлами (55,5%) [125]. В экспорте преф. Хоккайдо в 2014 г. на Россию приходилось всего лишь 2,5%, а в импорте — 7,5% [126], однако связи с Россией имели очень большое значение для небольших портовых городов этой административной единицы. В 1990-е гг. городские власти Вакканаи и Немуро расценивали отношения с Россией, в частности с Сахалином, как критические для экономического благополучия и, более того, выживания своих городов [127], а в 2014 г. доля товаров из России в импорте некоторых небольших городов Хоккайдо была весьма значительна: Румои — 55,2%, Муроран — 51,2%, Отару — 31,9%, Хакодате — 29,4% и даже Саппоро — 21,6% [128].

Поэтому нынешнее отношение префектур, территорий и городов Японии к взаимодействию с Россией разнится, и весьма значительно, в зависимости от интересов и представлений их жителей. Это хорошо прослеживается по материалам японских СМИ. Информация в медиа, касающаяся активизации двусторонних отношений на региональном уровне, как

правило, подчёркивает взаимную выгоду подобного сотрудничества, отмечает преимущества, которые получит Япония при реализации совместных проектов. Так, преф. Тояма планирует развивать сотрудничество в области организации нового логистического маршрута порт Фусики — Тояма — порт Владивосток — Москва[129]. Обсуждается в Японии и привлекательность Приморского края для организации совместных предприятий и создания смешанного железнодорожно-морского логистического маршрута для преф. Акита[130].

Для преф. Ямагата интерес представляет продвижение на рынки Тихоокеанской России с экспортом местной сельскохозяйственной продукции (черешня, арбузы) в связи с естественными ограничителями спроса на эту продукцию в Японии[131]. СМИ сообщали об историях успешного сотрудничества с Россией по линии экспорта сельхозпродукции, об опыте продвижения на перспективные рынки Москвы через апробацию на рынках Владивостока, где японские товары традиционно пользуются высоким спросом. В качестве примера приводился благополучно развивающийся бизнес-проект компании «Сэнкон Буцурю», которая начиная с 2013 г. всего за год, экспортируя 13 наименований фруктов (клубники из преф. Мияги, яблок из преф. Аомори, груш из преф. Ямагата и др.), увеличила торговый оборот с Россией в 17 раз, с 3,4 до 60 млн иен, с перспективой выйти в ближайшие годы на прибыль в 200 млн иен[132].

Среди префектур, активизировавших сотрудничество с Тихоокеанской Россией, выделяется преф. Хоккайдо, сумевшая расширить сферу своего присутствия за пределами традиционного сотрудничества с Сахалинской областью, начав продвижение бизнеса в Приморский край. Оно включает поставки строительных материалов (цемента для создания опор мостов во Владивостоке), экспорт сельскохозяйственной продукции специально для местных супермаркетов (японский рис и др.), открытие филиала медико-диагностического центра во Владивостоке для содействия медицинскому туризму и «отвоёвывания» аналогичного сегмента рынка, уже практически монополизированного Южной Кореей и Сингапуром[133]. Важным шагом на пути продвижения регионального сотрудничества

стало открытие во Владивостоке представительств преф. Симанэ (сентябрь 2009 г.) и Тоттори (февраль 2010 г.) [134].

В целом в настоящее время общественность и деловые круги Японии рассматривают Тихоокеанскую Россию в более позитивном ключе, нежели в 90-е гг. прошлого века. Критика в адрес последней (главным образом проектов, осуществляемых на её территории), безусловно, присутствует, однако гораздо больше внимания уделяется описанию перспектив взаимодействия через развитие экономических и культурных связей. В японских медиа восточные регионы России иногда определяют как «ближайшую к Японии Европу». И даже в условиях временных спадов в общих отношениях между двумя странами экономическая привлекательность сотрудничества с Тихоокеанской Россией не подвергается сомнению.

Взгляд с юга Корейского полуострова

Республика Корея предпринимает в последние годы серьёзные попытки, нацеленные на превращение страны в полноправного и равного участника политических и экономических процессов как на региональном, так и на глобальном уровне. Ёмкость товарного и инвестиционного рынков, финансовые и людские ресурсы, активное включение представителей политических и деловых кругов Южной Кореи в работу различных форумов стран АТР и Северо-Восточной Азии в совокупности призвано обеспечить стране «подобающее и заслуженное положение» в системе международных отношений.

Российский Дальний Восток, по утверждению генерального консула Республики Корея в г. Владивостоке Ли Ян Гу, высказанному им на Третьем российско-корейском форуме в мае 2013 г., «находится в центре интересов Кореи»[135]. По мнению сменившего его на посту генерального консула Ли Сок Пэ, в развитии российско-корейских отношений «дальневосточному региону принадлежит ключевая роль»[136]. Действия корейской стороны наглядно показывают, что эти высказывания не проявление дипломатического этикета, а выверенная политика.

Новый президент РК Мун Чже Ин, по сути, декларировал возвращение к политике тесного сотрудничества Кореи и России по развитию дальневосточных территорий и намерение привлечь к этому Северную Корею. Его визит во Владивосток и переговоры с Президентом России в сентябре 2017 г. отмечены рядом симптоматичных заявлений корейского лидера. По его убеждению, «Дальний Восток является пространством, где встречается восточная политика России и новая северная политика Кореи», для развития этого региона «самым оптимальным партнёром является именно Республика Корея», и его освоение «будет способствовать не только процветанию двух стран, но и изменению Северной Кореи, что станет базой для реализации трёхсторонних отношений»[137].

Таким образом, Сеул рассматривает взаимодействие с территориями Тихоокеанской России в двух важных для него проекциях. Во-первых, через призму задачи объединения страны. Один из важнейших путей её решения — вовлечение Пхеньяна в реализацию общих экономических проектов. В числе таких проектов — соединение Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей[138], строительство нефте- и газопроводов* и линий поставки электроэнергии, производство сельхозпродукции на территории Приморского края. Во-вторых, в контексте реализации идеи строительства новой Евразии — «единого, креативного и мирного континента»[139]. По мнению некоторых корейских экспертов, идея этого «единого континента» будет реализована тогда, когда Транскорейская железная дорога соединится с Транссибирской магистралью, будет построен и соединён с российской сетью газопровод «Россия — Северная Корея — Южная Корея» и корейские суда смогут свободно пользоваться арктическими и дальневосточными портами[140]. Последнее обстоятельство, а также интерес Сеула к природным ресурсам Восточной Арктики влечёт за собой активизацию арктической политики Южной Кореи[141].

* Корея может стать одним из главных потребителей российских энергоресурсов на Востоке. По некоторым расчётам, к 2030 г. в Корею может поставляться 30 млн т нефти и 35 млрд куб. м газа в год (Коржубаев А. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 72—73).

Некоторые южнокорейские эксперты рекомендуют Сеулу по опыту Китая разработать и внедрить программу сотрудничества по развитию Дальнего Востока для того, чтобы «поддерживать и консолидировать экономическое партнёрство с Сибирью и Дальним Востоком»[142].

Корейское правительство придаёт большое значение вовлечению корейского бизнеса в реализацию проекта «Хасан — Раджин». Его осуществление позволит, как минимум, с одной стороны, доставлять сибирский уголь по Транссибирской магистрали до порта Раджин, а далее морем в южно-корейский порт Похан[143], с другой — создать площадку для трёхстороннего сотрудничества с участием Северной Кореи. Но в перспективе этот отрезок железнодорожного пути рассматривается как пилотный проект более масштабного предприятия — создания Интегрированной интермодальной транспортной системы российского Дальнего Востока, Сибири и Корейского полуострова[144], включающей в себя и Северный морской путь.

Сеул возлагает на Тихоокеанскую Россию серьёзные экономические надежды в плане стабильного обеспечения национальной экономики энергоресурсами и минеральным сырьём. Бесперебойное обеспечение энергоресурсами на выгодных для Кореи условиях рассматривается в Сеуле как неотъемлемая составляющая обеспечения национальной безопасности страны и развитие её экономики. Поэтому Сеул трактует стратегическое партнёрство с Россией прежде всего как политическое сопровождение усилий южнокорейских деловых кругов, стремящихся получить доступ к российским природным ресурсам, в первую очередь углеводородному сырью Сибири и Дальнего Востока, и настойчиво ставит перед российской стороной вопросы участия южнокорейского бизнеса в реализации энергетических и сырьевых проектов на территории Сибири и Дальнего Востока. При этом Сеул пытается обеспечить себе выгодные конкурентные условия по сравнению с соседями по СВА — Китаем и Японией. В результате создаётся впечатление, что одним из приоритетов политики Сеула становится обретение Южной Кореей положения ключевого партнёра России в СВА, особенно в энергетической сфере.

Кроме того, рассматриваются перспективы расширения экспорта в Россию южнокорейских товаров и услуг. Корейцы проявляют интерес к реализации инвестиционных проектов по развитию рыбохозяйственного центра на территории Приморского края, договорённость о котором была закреплена протоколом 22-й Российско-Корейской комиссии по рыбному хозяйству от 16 мая 2013 г. [145] Прорабатываются различные варианты сотрудничества в Россией в аграрном секторе в интересах обеспечения продовольственной безопасности страны. В мае 2012 г. министры сельского хозяйства России и Южной Кореи подписали меморандум о сотрудничестве в области сельского хозяйства. В 2013 г. состоялось первое заседание Российско-Корейского комитета по сотрудничеству в аграрном секторе. В Приморском крае успешно функционируют 7 южнокорейских сельскохозяйственных предприятий. Ежегодно корейскими партнёрами в регионе выращивается около 120—125 тыс. т сои и кукурузы, порядка 80 тыс. т риса и более 30 тыс. т фуражной пшеницы.

На экспертном уровне обсуждаются вопросы закупок вооружений, развития трудовых ресурсов, наконец, совершенствования и развития транспортной системы СВА, включая межкорейские инфраструктурные проекты и освоение Северного морского пути. Однако, по мнению южнокорейской стороны, современные российские реалии (неразвитость законодательных гарантий иностранным партнёрам, разветвлённый чиновничье-бюрократический аппарат, коррупция) практически нивелируют возможность их взаимовыгодной эксплуатации [146].

Южная Корея является на сегодняшний день единственным государством, которое создало на востоке России и поддерживает, причём на государственном уровне, дискуссионную площадку для неформального российско-корейского экономического диалога — российско-корейский экономический форум во Владивостоке. Во время 7-го форума в апреле 2017 г. на обсуждение были вынесены такие вопросы, как создание ТОРов и свободного порта Владивосток, строительство международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», сотрудничество в области нефтехимии, рыбной промышленности и рыбопромыслового судостроения.

Проекты трансграничного сотрудничества с Россией во внешней политике КНДР

Руководство Северной Кореи открыто не демонстрирует своих планов в отношении соседних территорий России. Однако очевиден его интерес к территории Приморья не только как к одному из немногих для КНДР окон во внешний мир[147], источнику финансовых ресурсов (за счёт торговли и экспорта рабочей силы), но и возможной зоне для отступления в случае нежелательного для руководства страны развития событий на полуострове. Согласие Пхеньяна на произведённую РЖД модернизацию отрезка железной дороги Раджин — Хасан, потенциально первого участка Транскорейской магистрали, подтверждает наличие у него интереса к более сложным экономическим проектам.

С приходом в конце 2011 г. к руководству КНДР Ким Чен Ына стратегические цели внешней политики страны, вопреки многочисленным позитивным ожиданиям, не претерпели радикального изменения. С момента первого испытания ядерного оружия, проведённого в 2006 г., Северная Корея стремится добиться получения гарантий безопасности от США в обмен на денуклеаризацию или международное закрепление её статуса как ядерной державы. Новым здесь является то, что в последние несколько лет вторая цель приобретает для КНДР всё больший приоритет. Судьба Ливии, отказавшейся от ядерной программы в обмен на снятие международных санкций, похоже, окончательно убедила Пхеньян, что именно наличие ядерного оружия является главным и единственным фактором, способствующим выживанию существующего политического режима. Несмотря на то, что страна по-прежнему нуждается в экономической помощи, она не готова пойти на отказ от своей ядерной программы ради её получения[148].

Вместе с тем новое руководство КНДР пытается активизировать внешнеэкономические связи не только с традиционно дружественными ему государствами, но и расширить круг возможных партнёров. Только в течение 2015 г. министр иностранных

дел КНДР Ли Су Ён предпринял 18 зарубежных визитов, проведя переговоры о развитии двусторонних отношений в Алжире, Кувейте, Гамбии, Мозамбике, Ливане, Лаосе, Мьянме, Индонезии, Кубе и Белоруссии. Торговое сотрудничество обсуждалось и во время его визитов в Россию, Вьетнам, Сингапур, Сирию Иран и Индию[149]. Руководители КНДР также подтвердили готовность продолжить работу по ряду ранее согласованных проектов экономического сотрудничества, в частности трёхстороннего проекта по строительству газопровода, который начал обсуждаться двумя Кореями и Россией ещё при прежнем северокорейском лидере. Договорённость о поставках через территорию КНДР российского природного газа в Южную Корею была достигнута в ходе встречи Президента РФ Д. Медведева с Ким Чен Иром в августе 2011 г. А в сентябре Газпром подписал с Южной и Северной Кореей контракты, предусматривающие дальнейшее обсуждение и конкретизацию данного проекта[150].

В дополнение к этой линии, опираясь на опыт соседей — Китая и Вьетнама, достигших быстрого экономического роста за счёт создания и функционирования особых экономических зон, правительство Северной Кореи предприняло ряд шагов по разработке организационно-правовых мер, призванных способствовать созданию и развитию национальных специальных экономических зон (СЭЗ). На основании Указа Президиума Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР 21 ноября 2013 г. был принят Закон «О районах (округах) экономического развития». В соответствии с ним на территории КНДР созданы следующие округа: Онсонский (пров. Северный Хамген), Оранский (там же), Пукчхонский (пров. Южный Хамген), Хыннамский (там же), Хёндокский (пров. Канвон), Синпхёнский (пров. Северный Хванхэ), Сонримский (там же), Ваудокский (г. Нампхо), Амнокканский (пров. Северный Пхенан), Вивонский (пров. Чаган), Манпхосский (там же), Хесанский (пров. Рянган). В этих округах будет действовать режим специальной экономической зоны, в рамках которого всем заинтересованным иностранным компаниям предоставляется ряд преференций. Они позволят свободно вкладывать капиталы,

открывать представительства, офисы, осуществлять инновационную и другую экономическую деятельность. Компаниям гарантирована безопасность их сотрудников, интеллектуальной собственности, инвестиционных вкладов и легальной прибыли. Пхеньян рассчитывает привлечь в каждую СЭЗ от 70 до 240 млн долл. США иностранных инвестиций не за счёт использования внешних иностранных капиталовложений, а за счёт предоставления права на аренду земли. Всем заинтересованным инвесторам дана возможность арендовать землю на протяжении 50 лет[151].

На сегодняшний день из числа созданных зон экономического развития наиболее активно развивается СЭЗ Раджин — Сонбон на Северо-Востоке КНДР. В конце 2015 г. правительством страны был представлен новый комплексный план, согласно которому в развитие этой зоны предполагается вложить 15,5 млрд долл. США. В частности, в производственный сектор планируется привлечь средства в размере 9,2 млрд долл. США. Основную часть этой суммы предусматривается инвестировать в строительство технопарка «Пэкхак» площадью 22 кв. км в уезде Сонбон на границе с РФ. Здесь планируется разместить предприятия по производству оборудования для лёгкой промышленности, завод стройматериалов, сталелитейной промышленности. Другой граничащий с РФ технопарк — «Унсанская зона развития» — площадью 4,37 кв. км объединит в себе деревообрабатывающую фабрику, завод по производству мебели и стройматериалов. Для этого потребуются инвестиции в размере около 1,7 млрд долл. США. Производство компьютеров, телевизоров и бытовой электроники, а также предприятия по переработке сельхозпродукции будут сосредоточены в зоне развития «Курёнпхён», площадью около 2 кв. км, а экологически чистое сельхозпроизводство планируется наладить в зоне развития Кульпхо (граница с РФ). Ожидается, что в обе эти зоны будет вложено 845,4 млн долл. США.

С 2016 по 2020 гг. в СЭЗ Расон (Раджин — Сонбон) на границе с Приморским краем РФ предусматривается создание 10 туристических зон. Около 2,5 млрд долл. США планируется вложить в строительство конгресс-центра, а также зоопарка,

зоны отдыха и спорта для иностранных туристов в г. Синхэ[152]. Примечательно, что СЭЗ Раджин — Сонбон была учреждена ещё в 1993 г., однако первоначальные планы превратить её во «второй Гонконг» не сбылись. Сейчас северокорейское руководство приняло новый план, реализацию которого видит в активном вовлечении России. С помощью расширения торгово-экономических связей с РФ и, в первую очередь, с Дальним Востоком руководство КНДР намерено сбалансировать структуру внешнеторговых операций, имеющую в настоящее время сильный крен в сторону КНР. По мере диверсификации торговли в Пхеньяне стали осознавать, что многолетняя зависимость от Китая сильно осложняет перспективы развития собственного производства. В этой связи власти КНДР возлагают надежды на интеграцию с Россией и активное привлечение её экономических возможностей в развитие национальных СЭЗ. Россия, со своей стороны, также заинтересована в выводе Северной Кореи из состояния самоизоляции и плодотворном двустороннем экономическом развитии.

Новой вехой в отношениях двух стран стал 2012 г., когда российское руководство приняло решение списать 90% долга Северной Кореи и направить оставшиеся 10% (около 1 млрд долл. США) в качестве инвестиций на северокорейской территории. Эти средства планировалось использовать главным образом для развития инфраструктуры специальных экономических зон, граничащих с Тихоокеанской Россией[153]. Одним из важных шагов на этом пути стал совместный экономический проект «Победа», о котором РФ и КНДР объявили в октябре 2014 г. Согласно проекту, предполагается модернизировать внутренние северокорейские железные дороги общей протяжённостью 3,5 тыс км между Чайтхоном и портом Нампо в обмен на допуск российских компаний к добыче и переработке корейских природных ресурсов и создание для этого режима наибольшего благоприятствования. Речь идёт об участии России в разработке месторождений золота, меди, цинка, вольфрама, молибдена, редкоземельных элементов и других полезных ископаемых. Реализация данного проекта рассчитана на 20 лет, а общая стоимость капиталовложений должна

составить около 25 млрд долл. США. В положительном смысле следует воспринимать и готовность северокорейской стороны к постепенному переходу на взаиморасчёты по внешнеторговым операциям в рублях, что должно поспособствовать выведению двусторонней торговли из «серых зон» и привести к использованию современной и цивилизованной системы платежей и расчётов.

На сегодняшний день знаковым для развития интеграционных связей РФ — КНДР является проект «Хасан — Раджин». Именно с ним северокорейская сторона связывает перспективы активного вовлечения российского бизнеса в округа экономического развития, начиная с СЭЗ Расон. И, как отмечают многие эксперты, определённые успехи наблюдаются в рамках реализации крупнейшего инвестиционного проекта России в КНДР — модернизированного участка железной дороги «Хасан — Раджин» и универсального перегрузочного терминала на третьем пирсе порта Раджин, эксплуатация которых осуществляется СП «РасонКонТранс» (дочерняя компания ОАО «РЖД»). В сентябре 2013 г. состоялась торжественная церемония ввода в эксплуатацию специалистами России (РЖД) и КНДР железнодорожной линии на участке «Хасан — Раджин», в марте 2014 г. — грузового терминала на пирсе № 3 порта Раджин. С января 2015 г. началось коммерческое использование этого транспортного коридора: объём транзитных перевозок за год составил 1,2 млн т угля. Все эти проекты постепенно приближают воссоединение Транскорейской железной дороги и соединение её с Транссибом[154]. Усилиям более активного вовлечения Тихоокеанской России в реализацию этого проекта способствует обеспокоенность властей КНДР сегодняшней зависимостью большинства планов развития Расона от Китая, зафиксированной в договоре «О совместном развитии и управлении Зоной» (2012). Пхеньян не желает связывать себя однобокой китайской направленностью развития СЭЗ и стремится привлечь капитал из других стран, прежде всего из России[155].

Кроме проекта «Раджин — Сонбон» северокорейская сторона намерена привлечь российских инвесторов к Кэсонскому

промышленному комплексу и создаваемой на границе с Приморским краем СЭЗ «Чхончжин». Однако, по заключению экспертов, в среднесрочной перспективе главные надежды Северной Кореи на интеграционное сотрудничество с Тихоокеанской Россией будут связаны всё же именно с СЭЗ «Расон». Это объясняется тем, что одним из потенциально перспективных направлений взаимной кооперации, по мнению северокорейской стороны, является промысел и переработка морских биоресурсов на простаивающих в настоящее время профильных предприятиях СЭЗ. Вместе с тем, исходя из планов РФ по созданию в Приморском крае собственного рыбного кластера, перспективы сотрудничества в данной отрасли выглядят маловероятными, за исключением вариантов переориентации рыболовного флота КНДР на российские обрабатывающие мощности[156].

Важной составляющей двухсторонних планов по развитию и взаимовыгодному использованию потенциала СЭЗ является совместная работа по созданию межгосударственных механизмов, призванных способствовать оптимизации торгово-экономического взаимодействия. На сегодняшний день главными из них являются Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству и её отраслевые подкомиссии — по торговле, транспорту, межрегиональному сотрудничеству, лесной промышленности, науке и технике. Административно-правовой формат задан подписанными в апреле и декабре 2015 г. соглашениями о международном автомобильном сообщении и сотрудничестве в области электроэнергетики. Для практической реализации этих договорённостей были созданы совместные рабочие группы по вопросам организации строительства временного понтонного автомобильного моста через р. Туманная и по изучению вопроса реализации поставок электроэнергии на Корейский полуостров.

Вопросы, связанные с реализацией проектов по поставке электроэнергии из России в СЭЗ «Расон», «Чхончжин» и «Танчхон», а также в район международного туризма «Вонсан — Кымгансан» с погашением расходов медной рудой из месторождения «Онсон» (провинция Северный Хамген),

обсуждаются давно. Предметом переговоров являются создание оптимальной договорной конструкции, определение форм оплаты, а также сроков выполнения сторонами своих обязательств. К настоящему времени российская компания «РАО Энергетические системы Востока» разработала и представила план строительства электроэнергетических объектов для организации поставок электричества из Приморского края в СЭЗ «Расон»[157].

Кроме того, на разных уровнях активно обсуждается ряд других двусторонних проектов, связанных с металлургией, агропромышленным комплексом, геолого-геофизическими исследованиями, туризмом и т.п. Как отмечал глава Минвостокразвития РФ А. Галушка, «российские организации готовы рассматривать обращения корейской стороны по вопросам возобновления оказания технико-экономического содействия в реконструкции предприятий электроэнергетики и металлургии, а также инвестиционного сотрудничества, но для этого, в первую очередь, необходимо определить конкретные источники финансирования соответствующих проектов»[158].

Таким образом, очевидное стремление и попытки руководства КНДР войти в современное международное интеграционное пространство представляют собой один из немногих новых элементов в рамках его традиционной внешнеполитической стратегии. Избрав в качестве одного из приоритетных направлений хозяйственного развития создание и развитие специальных экономических зон, нынешнее северокорейское руководство пытается положить начало выводу внутреннего рынка из самоизоляции без изменения националистических идеологем. Функционирование СЭЗ и финансовая отдача от них призваны способствовать выживаемости КНДР в условиях внешних санкций и недопущению экономического коллапса страны. Северокорейское руководство осознаёт, что исключительная «опора на собственные силы» (чучхе) уже не работает. КНДР не в состоянии самостоятельно модернизировать свою экономику. Стране нужны союзники и надёжные внешние партнёры. Пытаясь освободиться от одностороннего китайского патернализма, Пхеньян берёт курс на сотрудничество

с Россией. После долгого застоя в двусторонних отношениях для российской стороны участие в северокорейских проектах также имеет принципиальное значение: это укрепление авторитета Москвы в регионе, получение доступа к новым источникам сырья стратегического назначения, экспортный манёвр на азиатских рынках, развитие дальневосточного транспортно-логистического потенциала и т.п.

Роль и значение Тихоокеанской России в торгово-экономическом взаимодействии с КНДР важны и не лишены перспектив. Однако пока на этом пути стороны сталкиваются с многочисленными сложностями и ограничениями. Они включают крайне противоречивую военно-политическую ситуацию на Корейском полуострове, позицию Пекина в отношении нынешнего северокорейского руководства и его ракетно-ядерной программы, резкое сокращение притока внешних инвестиций в экономику России вследствие санкций со стороны США и ЕС и т.д. Неудивительно в этой связи, что экономическое сотрудничество РФ и КНДР не отличается устойчивостью и стабильной позитивной динамикой (подробнее см. главу 5).

Всё это указывает на то, что в среднесрочной перспективе интеграционное сотрудничество между Россией и КНДР будет отличаться нестабильностью и с неизбежностью носить ограниченный характер. Вместе с тем у российско-северокорейского интеграционного взаимодействия есть право на существование и предпосылки к обновлению, ограничиваемые двумя главными условиями: миром на Корейском полуострове и политической волей сторон.

Интересы и политика США

Многие десятилетия Соединённые Штаты Америки позиционировали себя в качестве главной тихоокеанской державы, определяющей формат и алгоритм экономического развития и обеспечения безопасности во всём Азиатско-Тихоокеанском регионе. В последней на сегодняшний день «Стратегии национальной безопасности США» (2015) записано, что «США

всегда были и останутся Тихоокеанской державой. ... Американское лидерство необходимо для поддержания в регионе в долгосрочной перспективе стабильности и безопасности, стимулирования торговли и деловой активности в рамках открытой и прозрачной системы рыночных отношений, содействия соблюдению всеобщих прав и свобод граждан»[159].

Все эти годы азиатско-тихоокеанская стратегия Вашингтона была чётко сориентирована на устранение идентифицированных и предотвращение потенциальных угроз интересам и безопасности США в этом районе мира, сохранение «регионального стратегического баланса», расширение и углубление своего экономического присутствия (через развитие транстихоокеанского партнёрства на принципах свободной торговли) и военно-политического доминирования в регионе.

Именно в такой повестке — через призму обеспечения национальной безопасности и американских интересов в АТР — Вашингтон воспринимает Россию и её тихоокеанскую часть. Поскольку реальных угроз безопасности и интересам США в бассейне Тихого океана Россия представить сегодня не в состоянии, данный ракурс её восприятия в Вашингтоне практически не работает. В списке тихоокеанских приоритетов США она представлена не была и в лучшем случае воспринималась как побочный фактор, который приходилось принимать во внимание при решении региональных и — изредка — глобальных проблем. Априори предполагалось, что Москва могла лишь опосредованно и преимущественно негативно влиять на реализацию этих целей, прежде всего через её отношения с третьими странами.

В «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г. было отмечено, что Соединённые Штаты «трудятся» над тем, чтобы «построить более глубокие и эффективные партнёрские отношения с другими ключевыми центрами влияния, включая Китай, Индию и Россию, также как и со всё более и более влиятельными нациями, такими как Бразилия, Южная Африка и Индонезия, — в таком ключе, чтобы «мы могли сотрудничать [с ними] по двусторонним и глобальным проблемам»[160]. Фактически это означало, что место России в политике

Вашингтона было второстепенным и находилось между «ключевыми центрами влияния» в лице Китая и Индии, с одной стороны, и странами «второго эшелона» — с другой. При этом её международная роль оценивалась преимущественно в связи с участием Москвы в решении глобальных проблем. Корейский полуостров — одна из таких проблем, на примере попыток обращения к которой становилось ясно, что вроде очевидная для всех необходимость сотрудничества не воплощалась в реальные действия и заметные результаты.

Будучи частью американской внешней стратегии, политика Вашингтона в отношении Тихоокеанской России никак не выделялась с точки зрения подходов или принципов реализации. Внимание Белого дома непосредственно к этому региону РФ было минимальным и проявлялось реактивно, эпизодически и точечно, главным образом в ответ на события, затрагивавшие интересы США. С одной стороны, всё, что происходило и происходит в этой части России, представляется американской стороне компонентом или аналогом общероссийских процессов. С другой, не рассматривая Россию в качестве составной части АТР и не включая её в свою тихоокеанскую политику[161], Вашингтон под этим же углом зрения воспринимал даже те сюжеты российско-американских отношений, которые непосредственно локализованы или географически «привязаны» к её тихоокеанской части. Это проблемы ядерной безопасности на Корейском полуострове, распространение оружия массового уничтожения, сотрудничество в области энергетики, экспорт углеводородов из России в страны Северной Пацифики, возможности России выступать в качестве транзитно-транспортного коридора между Европой, Азией и Америкой, освоение Арктики и т.д. В такой повестке Россия для Белого дома оказывалась не более чем досадной помехой в выстраивании «правильных» отношений с Китаем и решении (в нужном для него русле) ядерной проблемы Северной Кореи. С третьей стороны, расположенная на востоке России военно-морская группировка не считалась серьёзной военной угрозой для США, а интересы крупного американского бизнеса в зоне ТР в начале 2000-х были минимальны.

Тем не менее в 1990-е гг. США проявляли живой интерес к дальневосточному региону России. Это был период их наиболее активного экономического, политического, гуманитарного присутствия в этой части страны. В 1998 г. Вашингтон даже сформулировал «Американскую правительственную стратегию для российского Дальнего Востока». Стратегия разъясняла, что программа помощи правительства США Дальнему Востоку ведётся с 1992 г. и включает задачи создания базовых институтов рыночной экономики, формирования основных управленческих навыков, обеспечение малому бизнесу доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям в регионе, поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества[162].

Внимание Соединённых Штатов к Тихоокеанской России объяснялось рядом причин. Среди важнейших — ресурсно-сырьевой фактор (значение которого, однако, не следует преувеличивать) и интересы национальной безопасности. В 1990-е гг. обеспечение своей безопасности Вашингтон видел через превращение постсоветской России в рыночно-демократическую страну по типу западных демократий, соответственно, ведя активную деятельность в этом направлении и на территории ДФО. Однако по мере утраты надежд на переустройство России по своему образцу и роста разочарования американского бизнеса в перспективах ведения дел на Дальнем Востоке интерес Вашингтона к этому региону стал в большей степени определяться внешними, чем внутренними факторами. Нынешнее внимание США к российскому Дальнему Востоку детерминировано прежде всего усилением экономического и военно-политического влияния Китая в АТР в целом и в Тихоокеанской России в частности, а также связями Дальнего Востока с Северной Кореей. Сказалось на этом и общее обострение российско-американских отношений.

Если ещё в 2010 г. официальное отношение США к России выглядело в целом достаточно нейтральным, а Вашингтон демонстрировал готовность к сотрудничеству с ней по глобальным и региональным повесткам дня, то уже в «Стратегии национальной безопасности США» 2015 г. Россия представлена как

враждебное государство. Это было во многом связано с ухудшением российско-американских отношений на фоне украинского кризиса и присоединения Крыма к России. Реакция Вашингтона была открыто антироссийской: «Мы будем сдерживать агрессию России, оценивать её стратегические возможности и помогать нашим союзникам и партнёрам противостоять РФ в течение длительного времени, если потребуется»[163].

В контексте «китайского фактора» Вашингтон рассматривал Россию как бы в двух проекциях:

- как потенциального союзника в борьбе с усилением китайского влияния в региональном и глобальном масштабах. Американские эксперты считают, что привлечение России на сторону США в Тихоокеанском регионе логичнее всего начинать через расширение экономического сотрудничества на Дальнем Востоке[164];
- как угрозу Соединённым Штатам, поскольку её военно-техническое сотрудничество с КНР существенно усиливает военную мощь Китая, а их близкая позиция в вопросах будущего устройства мира и обеспечения глобальной и региональной безопасности разрушают существующий мировой порядок. В этом контексте «поворот России на Восток», который часть западного истеблишмента трактует как «поворот в сторону Китая», означает актуализацию угроз для Америки.

По мнению американских экспертов, ряд направлений сотрудничества России и Китая, имеющих прямую территориальную привязку к Дальнему Востоку, создаёт потенциальные угрозы для безопасности США. В их число входят:

- нацеленность экспорта российских углеводородов преимущественно на китайские рынки;
- экспорт вооружений и военных технологий из России в КНР;
- поддержка или нейтралитет России в отношении Китая в так называемых морских спорах с союзниками США (Японией и Республикой Корея) за морские ресурсы Восточной Азии;
- укрепление стратегического союза России и КНР на основе сходства позиций по некоторым международным вопросам, прежде всего по ситуации вокруг КНДР[165].

Поскольку политика США в отношении Тихоокеанской России носила ситуативный характер, то для официального Вашингтона упоминания о ней являются скорее исключением, чем правилом. Таким исключением стало заявление тогдашнего госсекретаря Х. Клинтон на Саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. Проявляя дипломатическую вежливость, глава американского МИДа сообщила, что у США «нет проблем с Россией, играющей ответственную роль в Азии...», заверив аудиторию, что «Соединённые Штаты хотят углубить своё экономическое сотрудничество с Россией в Азии, на Дальнем Востоке»[166]. Последующая риторика кандидата в президенты США Х. Клинтон существенно отличалась от этого заявления, как и практические действия администрации Белого дома.

С приходом к власти в Белом доме администрации Д. Трампа отношение Вашингтона к Тихоокеанской России принципиально не изменилось. Она, как и прежде, не представлена в азиатско-тихоокеанских проекциях американской внешней политики[167].

Возможности российско-американского экономического взаимодействия в зоне Тихоокеанской России видятся Вашингтону также крайне ограниченными. Оно лимитировано такими факторами, как небольшое количество предприятий и проектов, привлекательных для американских инвесторов; слабо развитая инфраструктура региона; нежелание правительства США иметь дело с современной экономикой России в рамках проамериканских интеграционных проектов; неготовность правительства и бизнеса России вступать в эти объединения.

* * *

Проведённый анализ показывает, что ряд ярких демонстрационных и практических шагов, предпринятых РФ в последние годы и призванных убедить политические и деловые круги стран АТР в серьёзности широко анонсированного российским руководством «поворота на Восток» (форум АТЭС 2012 г. во Владивостоке, Восточный экономический форум 2015—2017 гг., Саммит Россия — АСЕАН 2016 г. в Сочи, практические усилия

по социально-экономическому подъёму Дальнего Востока), принесли определённые результаты. Однако на данный исторический момент большинство региональных игроков достаточно сдержанно воспринимают перемены внешнеполитического курса России, не питают чрезмерно оптимистических надежд в отношении собственных приобретений и выгод, хотя и не видят в объявленном «повороте» сколько-нибудь серьёзных угроз собственным интересам. В соответствии с давней традицией страны Северной Пацифики, как правило, воспринимают Россию как «дальнего соседа», особую «ни европейскую, ни азиатскую» цивилизацию, отличную от них своими интересами и ценностями[168]. Выстроив систему в целом более или менее нормального и делового взаимодействия с большинством азиатско-тихоокеанских государств, ни с одним из них Россия не смогла выстроить прочных и тёплых отношений, если под последними понимать особую систему институциональных, деловых и гуманитарных связей. Благодаря развивающимся отношениям с Китаем и отчасти участию в шестисторонних переговорах по проблеме ядерной программы КНДР Москва сумела сохранить определённый политический вес в регионе. Однако торгово-экономические связи России в этом регионе до последнего времени не отличались особой интенсивностью или значимостью. Россия, как констатируют региональные эксперты, остаётся слабо интегрированной в АТР экономикой даже в субрегионе Восточной Азии.

Вместе с тем практически все государства АТР, прежде всего непосредственные соседи России, заявляют о готовности и желании развивать с ней экономичские связи, признавая наличие для этого определённого интереса и потенциала у обеих сторон. В качестве одной из наиболее привлекательных сфер сотрудничества чаще всего рассматривается энергетический сектор. Имеющиеся у России энергетические ресурсы, прежде всего нефть и природный газ, способны, как полагают многие региональные эксперты, не только содействовать экономическому развитию самой России, но и укрепить её политическое влияние на ключевые региональные державы, испытывающие острую потребность в такого рода ресурсах. Последние стано-

вятся не просто экономическим активом, но и важным инструментом упрочения позиций России как в самом регионе, так и за его пределами[169].

Перспективным направлением кооперационного взаимодействия считается агропромышленный сектор. Роль Тихоокеанской России как транзитной зоны, связывающей Японию и Корею с Европой, Северо-Восточный Китай — с той же Европой и всем Азиатско-Тихоокеанским регионом, существенно возрастает в связи с намерениями Китая, России, Южной Кореи реализовать интеграционные проекты в масштабе Большой Евразии, с одной стороны, и перспективами развития Северного морского пути — с другой. Заметный интерес у соседей России по региону вызывают перспективы инвестиционного сотрудничества и хозяйственно-экономической кооперации на локальном, трансграничном уровне, которые увеличиваются вместе с ростом внимания РФ к проблемам развития своих сибирских и дальневосточных территорий.

Тем не менее перспективы сотрудничества с Россией на межгосударственном и региональном уровнях большинство зарубежных политиков и специалистов оценивают без особого оптимизма. Препятствия к этому, по их мнению, слишком велики и труднопреодолимы в обозримом будущем. Некоторые из барьеров способны нивелируют возможности для расширения кооперации даже в наиболее перспективном сырьевом секторе. Простое обладание ресурсами не является сегодня достаточной гарантией спроса. Не менее важными его составляющими выступают благоприятная деловая среда и наличие эффективной инфраструктуры[170], чем Тихоокеанская Россия сегодня не богата. В результате доля российских топливно-энергетических ресурсов на рынке АТР остаётся на сегодняшний день очень незначительной. Её дальнейший рост ограничивается как высоким уровнем конкуренции со стороны поставщиков, так и активным стремлением большинства потребителей к максимальной свободе манёвра и диверсификации источников ресурсов. Кроме того, для успешной реализации имеющегося в этой сфере потенциала Россия нуждается в иностранных технологиях, оборудовании и инвестициях, приток которых во многом ограничивается

неблагоприятной деловой средой в самой России. Отсутствие заметных перемен в этой сфере обусловливается как ещё не закончившимися спорами об оптимальных стратегиях развития восточных территорий и их интеграции в АТР, так и привычным реагированием на вызовы с помощью административных мер. Однако в отсутствии эффективного правления закона и неопределённости прав собственности, при наличии эндемичной коррупции, неразвитой инфраструктуры и других структурных изъянов, перспективы привлечения крупномасштабных азиатских инвестиций будут неизбежно оставаться ограниченными. Инвестиционная и экономическая активность сохранится только в уже развивающихся сырьевых отраслях, которые слабо содействую собственно развитию Тихоокеанской России.

Серьёзным обстоятельством, затрудняющим полноценное вхождение России в АТР и решение с помощью этого важных внутренних и внешнеполитических задач, являются ограниченные возможности Москвы для диверсификации регионального партнёрства. Россия обладает лимитированным набором ресурсов, которые она может предложить своим потенциальным региональным контрагентам. А её всё более очевидная политическая и экономическая зависимость от главного на сегодняшний день стратегического партнёра — КНР — ещё сильнее осложняет проблему диверсификации региональных связей.

В целом сторонний — восточно-азиатский — взгляд на активизацию восточного тренда российской внешней политики показывает, что этот процесс является ответом Кремля на внутренние потребности страны и перемены в регионе. Нынешняя азиатская стратегия России предполагает достижение целого ряда важных целей, начиная с переосмысления собственной идентичности, увеличения международного веса в качестве самостоятельного регионального и глобального игрока и заканчивая подъёмом своих восточных территорий за счёт расширения и разнообразия интеграционных взаимодействий в АТР. На этом пути ей необходимо найти адекватные ответы на множество вызовов. От характера этих ответов в конечном счёте зависят как перспективы России в Северной Пацифике и АТР, так и будущее самого региона.

[1] Lo Bobo. Russia's Eastern Direction — Distinguishing the Real from the Virtual // Russie. Nei Report. 2014. No. 17. 32 c. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr17boboloeasterndirectionjan2014.pdf (accessed 07.05.2016).
[2] Ibid.
[3] Baladas Ghoshal. The Russian Pivot to Asia Pacific // IPCS Issue Brief. 2013. No. 242. Available at: http://www.ipcs.org/issue-brief/china/the-russian-pivot-to-asia-pacific-242.html (accessed 07.05.2016).
[4] Fortescue Stephen. Russia's "turn to the east": a study in policymaking // Post-Soviet Affairs. 2016. Vol. 32. No. 5. P. 423—454.
[5] Rodkiewicz Witold. The Turn to the East. The Flawed Diversification of Russian Foreign Policy. Warsaw: Center for Eastern Studies, 2014. P. 5.
[6] Shin Beom-Shik. Russia's "Return" to Asia: How Should South Korea Respond? // EAI Issue Briefing. No. MASI 2011-09. P. 1.
[7] Blind-sided in Asia // The Economist. 2009. July 9. P. 55.
[8] Hill Fiona, Lo Bobo. Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // Foreign Affairs. 2013. July 31. Available at: http://www.foreignaffairs.com/articles/139617/fiona-hill-and-bobo-lo/putins-pivot (accessed 07.05.2016).
[9] Klein Margarete. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy. SWP Research Paper. Berlin: German Institute for International and Security Affairs. 2014. P. 35.
[10] Sussex M. Russia's Asian rebalance // Analyses. The Lowy Institute for International Policy. December 2015. P. 3.
[11] Fortescue St. Russia's economic prospects in the Asia Pacific Region // Journal of Eurasian Studies. 2016. No. 7. P. 49.
[12] Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 3. P. 471—493.
[13] Sussex M. Russia's Asian rebalance // Analyses. The Lowy Institute for International Policy. December 2015. P. 2.
[14] Ibid. P. 3.
[15] Lo Bobo. Russia's Eastern Direction — Distinguishing the Real from the Virtual // Russie. Nei Report. 2014. No. 17. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr17boboloeasterndirectionjan2014.pdf (accessed 07.05.2016).
[16] Ibid. P. 21—22.
[17] Pang Xingming. China's Approach to China-Russia Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Huang Jing and A. Korolev. Palgrave Macmillan, 2015. P. 100.
[18] Sung Hoon Jeh. Russian Far East Development and Directions for Improvement in Korean-Russian Cooperation: Korea's Perspective // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Huang Jing and A. Korolev. Palgrave Macmillan, 2015. P. 155—156.
[19] 巨大エネルギープロジェクト始動　協力深める中ロ = Старт крупномасштабных проектов в области энергетики. Сотрудничество России и Китая становится более тесным // Телеканал NHK. 2014. 12 сентября.

[20] Lu Nanquan. Chinese Views of the New Russia // Rapprochment or Rivalry: Russia-China Relations in a Changing Asia / ed. by Sherman W. Garnett. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 2000. P. 111.

[21] 面向二十一世纪的中国周边形势 = Обстановка вдоль границ Китая. Перспективы 21 века. Пекин: Шишичубаньшэ, 1995. С. 238.

[22] Akaha T., Vassilieva A. The Russian Presence in contemporary Japan: Case studies in Hokkaido and Niigata // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Tokyo; N.Y.; Paris: United Nations Univ. Press, 2005. P. 114.

[23] Shin Kak-Soo. Japan's Regional Role in Asia: A Korean Perspective // Korea and World Affairs. 1993. Vol. 17. No. 2. P. 290—291.

[24] Han Sung-Joo. Fundamentals of Korea's New Diplomacy: New Korea's Diplomacy toward the World and the Future // Korea and World Affairs. 1993. Vol. 17. No. 2. P. 233.

[25] Lee R. The Far East Between Russia, China, and America. Available at: http://www.fpri.org/article/2012/07/the-far-east-between-russia-china-and-america/ (accessed 31.05.2016).

[26] Joseph Fergusson. The U.S. — Japan Alliance and Russia // The U.S. — Japan Security Alliance: Regional Multilateralism / ed. by Takashi Inoguchi, G. John Ikenberry and Yoichiro Sato. N.Y: Palgrave Macmillan, 2011. P. 213.

[27] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945—1995. М.: Конверт, 1997. С. 59—69.

[28] 韦宗友. 中国新外交: 国内变迁、外部环境与国际秩序 = Вэй Цзунъю. Новая внешняя политика Китая: внутренние сдвиги, внешняя обстановка и международный порядок // Гоцзи Гуанча. Пекин. 2006. № 4. С. 33—34.

[29] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии. 1945—1995. М.: Конверт, 1997. С. 88—89.

[30] Портяков В.Я. Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. С. 7.

[31] 彭沛. 邓小平的周边外交战略及其实践意义 = Пэн Пэй. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в отношении соседних стран и её реальное значение // Лилунь Юекань. Пекин. 2008. № 1. С. 30.

[32] Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Москва. 16 июля 2001 г. // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 32.

[33] Справочный портал таможенной статистики КНР. 2015 г. Available at: http://www.chinacustomsstat.com/aspx/1/NewData/Record_Class.aspx?id=2983&currency=usd); 2016 г. URL: http://www.chinacustomsstat.com/aspx/1/NewData/Stat_Class.aspx?state=1&t=2&guid=7413 (accessed: 03.05.2017).

[34] 石油对外依存度首破60% = Зависимость от импорта нефти впервые превысила 60% // 中国能源报 = Энергетическая газета Китая. 01.02.2016. С. 1.

[35] 中国铁矿石对外依存度首破80% = Зависимость Китая от импорта железной руды впервые превысила 80% // 财新网 = Портал финансовых новостей. 14.04.2016. Available at: http://companies.caixin.com/2016-04-14/100932067.html (accessed 20.11.2016).

[36] 陈喜峰. 中国铝土矿资源勘查开发现状及可持续发展建议 = Чэнь Сифэн. Вопросы разведки и освоения бокситовых месторождений Китая и предложения по их устойчивому развитию // Цзыюань юй чанье. 2016. № 3. С. 16—22.

[37] Рассчитано по: UN Comtrade Database. Available at: http://comtrade.un.org/data/ (accessed 31.03.2017).

[38] 王韬. 马六甲并非中国能源安全重要威胁 = Ван Тао. Малаккский пролив вовсе не основная угроза энергетической безопасности Китая // Центр Карнеги-Цинхуа в Пекине. 14.07.2014. Available at: http://carnegietsinghua.org/publications/?fa=56214 (accessed 20.11.2016)

[39] Рассчитано по: UNComtrade Database. Available at: https://comtrade.un.org/data/ (accessed 31.03.2017).

[40] 2016年俄罗斯成为中国进口原油第一来源国 = В 2016 г. Россия стала поставщиком нефти в Китай № 1. Available at: http://e.icis-china.com/news/detail?id=1114&typeid=15 (accessed 10.09.2017).

[41] Рассчитано по: База данных таможенной статистики Российской Федерации. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3574742622395801::NO (дата обращения: 31.03.2017).

[42] Рассчитано по: UNComtrade Database. Available at: http://comtrade.un.org/data/; Статистические ежегодники КНР. Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/; Статистическая информация о внешней торговле за 4 квартал 2015 г. // Дальневосточное таможенное управление. Available at: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18715:-4-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282 (дата обращения: 30.09.2017).

[43] 陆南泉.有利因素不断增加的中俄区域经贸合作 = Лу Наньцюань. Благоприятные факторы для непрерывного развития российско-китайского регионального экономического сотрудничества // 俄罗斯东部与中国东北的互动发展及能源合作研究 = Взаимное развитие и энергетическое сотрудничество между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая / под ред. Чжу Сяньпин. Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2012. С. 17.

[44] 胡仁霞。中俄地区合作：现实基础与调整方向 = Ху Жэнься. Китайско-российское региональное сотрудничество: реальные основы и пути упорядочения // 俄罗斯东部与中国东北的互动发展及能源合作研究 = Взаимное развитие и энергетическое сотрудничество между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая / под ред. Чжу Сяньпин. Чанчунь: Чанчунь чубаньшэ, 2012. С. 163.

[45] 曲伟。抢抓战略机遇提升中俄合作 = Цюй Вэй. Воспользоваться стратегическим шансом, поднять китайско-российское региональное сотрудничество //

Материалы Шестой Международной конференции по развитию в Северо-Восточной Азии. Харбин: Жибэнь цяо баошэ, 2013. С. 16.

46 国家发展改革委关于印发中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要（2012-2020年）的通知 = Уведомление Госкомиссии по развитию и реформам об опубликовании Программы открытости северо-восточного региона Китая в Северо-Восточной Азии (2012—2020) // Народное правительство города Хулуньбуир. Available at: http://www.hlbe.gov.cn/openness/detail/content/54854e686bb4e70429000008.html (accessed 08.01.2017).

47 国务院办公厅关于支持中国图们江区域（珲春）国际合作示范区建设的若干意见 = Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в бассейне реки Туманган Китая // Global law. Available at: http://policy.mofcom.gov.cn/blank/claw!fetch.action?id=G000139137 (accessed 08.01.2017).

48 中共中央　国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 = Некоторые предложения ЦК КПК и Госсовета по всестороннему возрождению северо-восточного региона и других старых промышленных баз // Государственный комитет по развитию и реформам КНР. 26.04.2016. Available at: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (accessed 31.03.2017).

49 В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин предложил активизировать экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии. Эта инициатива получила название «Экономический пояс Шёлкового пути». Через месяц в Индонезии китайский лидер выступил с инициативой создания «Морского Шёлкового пути XXI века». В результате объединения названия двух проектов появилось новое — «Один пояс, один путь» (далее — Шёлковые пути). Обе инициативы — не только транспортные коридоры, а целый комплекс тесных экономических, политических и культурных связей Китая со странами Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. По крайней мере, так видят Шёлковые пути китайские власти, опубликовав в марте 2015 г. соответствующий программный документ (Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. Available at: http://english.cri.cn/12394/2015/03/29/2941s872030_4.htm (accessed 30.05.2016) / перевод документа на русский язык см.: Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255—270.

50 Там же. С. 267.

51 黑龙江省人民政府办公厅关于印发推进东部陆海丝绸之路经济带建设工作方案的通知 = Уведомление Канцелярии Народного правительства провинции Хэйлунцзян о публикации Программы строительства экономического пояса восточного мультимодального Шёлкового пути // Канцелярия Народного правительства провинции Хэйлунцзян. 24.11.2014. Available at: http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2015/01/30/010705461.shtml (accessed 08.01.2017).

[52] Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве: 1979—2009: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2014. 277 с.

[53] 黑龙江统计年间2015 = Статистический ежегодник Хэйлунцзяна 2015. Пекин, 2016: Чжунго тунцзи чубаньшэ. 1 CD—ROM. Загл. с коробки диска.

[54] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 // Стат. сб. Росстат. М., 2015. С. 802, 804.

[55] 黑龙江2015年对俄备案投资额同比增长1.8倍 = Зарегистрированные инвестиции провинции Хэйлунцзян в 2015 г. в России выросли по сравнению с прошлым годом в 2,8 раза // Министерство коммерции КНР. Available at: http://www.mofcom.gov.cn/article/resume/n/201602/20160201254979.shtml (accessed 08.01.2017). По каким-то причинам российские власти «не видят» этих денег: к началу 2015 г. Росстат показывал, что прямых инвестиций из всего Китая (не только пров. Хэйлунцзян) было накоплено на сумму всего лишь в 1,2 млрд долл. США.

[56] 国务院办公厅关于促进东北老工业基地进一步扩大对外开放的实施意见 = Предложения Канцелярии Госсовета по реализации политики дальнейшего расширения внешней открытости старых промышленных баз Северо-Востока // Госсовет КНР. Available at: http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64320.htm (accessed 08.01.2017).

[57] 吉林省人民政府关于加快推进图们江区域开放开发的意见 = Предложения правительства провинции Цзилинь по ускоренному продвижения открытости и развития в районе реки Тумэньцзян // Цзилинь чжэнбао. 2007. № 4. С. 3—6.

[58] Наиболее интересно схемы производственной кооперации провинции Цзилинь со странами СВА показаны в статье: 陈春林, 刘继生. 东北第二条亚欧大陆桥的开发潜力及推动对策研究 = Чэнь Чуньлинь, Лю Цзишэн. Потенциал освоения и меры по развитию второго евразийского моста на Северо-Востоке // Дунбэйя луньтань. 2010. № 2 (19). С. 21.

[59] 国务院新闻发布会：关于“长吉图”开发开放先导区建设情况 = Пресс-конференция Госсовета: о состоянии строительства пилотной зоны открытости и развития «Чанцзиту» // Агентство «Синьхуа». 18.11.2009. Available at: http://www.xinhuanet.com/zhibo/20091118/wz.htm (accessed 08.01.2017).

[60] Сырцов А. В аренде отказать. URL:http://vladnews.ru/1330/ekonomika-finansy/v-arende-otkazat (дата обращения: 08.01.2017).

[61] 国务院新闻发布会：关于“长吉图”开发开放先导区建设情况 = Пресс-конференция Госсовета: о состоянии строительства пилотной зоны открытости и развития «Чанцзиту». 18.11.2009. Available at: http://www.xinhuanet.com/zhibo/20091118/wz.htm (accessed 08.01.2017).

[62] 刘丽琴, 刘晓辉. 论新时期图们江区域国际合作开发推进战略 = Лю Лицинь, Лю Сяохуэй. Современная стратегия активизации международного освоения зоны Туманган // Тэцюй цзинцзи. 2010. № 10. С. 198.

[63] 马克. 东北亚合作新局面长吉图建设新发展 = Ма Кэ. Новые горизонты сотрудничества в Северо-восточной Азии — новое развитие строительства

[зоны] Чанцзиту // Материалы Шестой Международной конференции по развитию в Северо-Восточной Азии. Харбин: Жибэнь цяо баошэ, 2013. С. 23.

64 Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества / Администрация Президента России. 08.05.2015. Available at: http://kremlin.ru/supplement/4969 (accessed 08.01.2017).

65 中共中央国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 = Некоторые соображения ЦККПК и Госсовета относительно всестороннего развития старой промышленной базы Северо-Восточного Китая. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/2016-04/26/content_5068242.htm (accessed 31.03.2017).

66 丝绸之路经济带对接欧亚经济联盟：共建欧亚共同经济空间 = Сопряжение экономического пояса Шёлкового пути с Евразийским экономическим союзом: совместно создавать общее Евразийское экономическое пространство // SIIS Task Force Report. Shanghai: Shanghai Institutes for International Studies, 2016. С. 95; 于小琴。试析“向东转”战略下俄罗斯远东发展态势 = Юй Сяоцинь. Анализ развития Дальнего Востока России в рамках стратегии «поворота на Восток» // 西伯利亚研究 = Исследование Сибири. 2017. № 2. С. 11.

67 Initiative for the Strengthening Japan-Russia cooperation in the Far East Russia and Eastern Siberia // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 07.07.2007. Available at: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/initiative0706.html (accessed 13.04.2016).

68 Nakano Junzo. Japan's Security and the Russian Far East — Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the "Community of Asia" // Crossroads in Northeast Asia. Vol. 1. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2005. P. 53.

69 Hashimoto Ryutaro. Address by Prime Minister of the Japan Association of Corporate Executives // Cabinet Public Relations Office of the Cabinet Secretariat. 27.07.1997. Available at: www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.htm (accessed 13.04.2016).

70 Arai Nobuo, Hasegawa Tsuyoshi. The Russian Far East in Russo-Japanese relations // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. L.-N.Y.: Routledge, 1999. P. 167.

71 Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в современной политике Японии // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 4.

72 Toyama Kiyohiko. Welcome Address at the Foreign Policy and Energy Security Seminar, 1 March 2006, Tokyo // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: http://www.mofa.go.jp/policy/energy/seminar/address0603.html (accessed 13.04.2016). Энергетическая зависимость Японии от Ближнего Востока является самой сильной в мире. В 2003 г. из этого неспокойного региона Япония получила 85% всего своего импорта сырой нефти и 31% газа. В то же время доля ближневосточной нефти в импорте Южной

Кореи составляла 69%, Китая — 33%, а США — лишь 19% (см.: Energy Statistics Yearbook 2004. N.Y.: United Nations, 2007. P. 218, 219). В настоящее время с неспокойного Ближнего Востока Япония импортирует 80% необходимой ей нефти.

[73] «Большая часть сырой нефти и природного газа, как и высокая доля рыбных ресурсов, сельскохозяйственных продуктов и многих других ресурсов, потребляемых в Японии, поставляется из-за рубежа. Обеспечение стабильной поставки этих ресурсов обязательно для поддержания стабильности экономики и общественной жизни Японии, для исключения угроз жизни и собственности японцев», — констатирует МИД Японии. См.: Diplomatic Bluebook-2005. Tokyo: Ministry of Foreign Affaires, 2005. P. 174.

[74] Подробно об этих аспектах см.: Samuels R.J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaka; London: Cornell Univ. Press, 2007. P. 144—146.

[75] Zhang Jianping. Chinese perceptions of Energy Security and Strategy for the Future of Northeast Asia // ERINA Report. 2007. No. 77. P. 8.

[76] Arai Nobuo, Hasegawa Tsuyoshi. The Russian Far East... P. 173.

[77] Соглашение между нефтяной компанией «ЮКОС», ОАО НК «Транснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) о разработке технико-экономических расчётов строительства нефтепровода от г. Ангарск, конечного пункта существующей магистрали Омск—Иркутск, до г. Дацин, было подписано 25 февраля 1999 г. Проект предусматривал на первом этапе эксплуатации нефтепровода (2005—2009 гг.) продажу Китаю ежегодно 20 млн т углеводородов в год в первые 5 лет с момента ввода трубопровода и до 30 млн т в последующие 20 лет за счёт разработки месторождений в Красноярском крае, Якутии и Иркутской области. Проект обсуждался в ходе переговоров председателя правительства РФ М. Касьянова с премьером Госсовета КНР Чжу Жунцзи в Пекине в ноябре 2000 г. В мае 2003 г. ЮКОС и КННК подписали Генеральное соглашение об основных принципах и договорённостях о долгосрочных поставках нефти по трубопроводу Ангарск — Дацин.

[78] Дословно это звучало так: отношения в целом находятся «на хорошем уровне, на который они до этого не поднимались», а экономические связи «развиваются очень успешно в невиданном масштабе на невиданном уровне». См.: Заявление для прессы и ответы на вопросы по окончании российско-японских переговоров на высшем уровне // Министерство иностранных дел РФ. 21.11.2005. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23291 (дата обращения: 17.07.2016).

[79] См.: Результаты исследования общественного мнения в отношении внешней политики. Сайт премьер-министра Японии. URL: http://survey.gov-online.go.jp/h17/h17-gaikou/2-1.html (дата обращения: 15.09.2015). Любопытно также, что в 2006—2007 гг. (при кабинетах Абэ и Фукуды) эта цифра вновь упала до 21%.

[80] Иркутское заявление Президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора // Посольство Японии в России. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/IrkutskoeZayavlenie.html (дата обращения: 08.07.2012).

[81] Делегация имела правительственный статус. В её состав вошли свыше 200 высокопоставленных представителей крупнейших японских компаний. Часть делегации (в составе 95 чел. во главе с президентом Ассоциации торговли с Россией и странами Восточной Европы Тасуку Такагаки) посетила Южно-Сахалинск, Владивосток, Хабаровск и Иркутск, провела встречи с руководством местных администраций и представителями деловых кругов, познакомилась с промышленными предприятиями, осмотрела с вертолёта нефтедобывающие комплексы на шельфе Сахалина.

[82] См.: Россия в глобальной политике. URL: http://eng.globalaffairs.ru/news/4.html (дата обращения: 23.01.2017). В то же время накануне визита высказывались предположения, что в Хабаровске Коидзуми будет организована встреча с Ким Чен Иром (см.: Brooke J. Koizumi Visits Energy-Rich Russian Region, seeking oil // The New York Times. 2003. Jan. 13. Available at: http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E0CE7D71431F930A25752C0A9659C8B63&sec=&spon=&pagewa nted=all (accessed 23.01.2007).

[83] Brooke J. Koizumi Visits Energy-Rich Russian Region, seeking oil. Available at: http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E0CE7D71431F930A25752C0A9659C8B63&sec=&spon=&pagewanted=all (accessed 13.09.2015).

[84] 13 марта 2003 г. на заседании правительства РФ были рассмотрены и одобрены два документа, предложенные компаниями «Транснефть» и «Газпром»: «Обоснование инвестиций в строительство нефтепровода для транспортировки российской нефти в страны АТР» и «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки и газоснабжения с учётом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР». В документах предлагалось провести нефтепровод по маршруту Ангарск—Казачинское—Тында—Хабаровск—бухта Перевозная и газопровод по маршруту Чаядинское гефтегазоконденсатное месторождение (НГКМ)—Тында—Благовещенск—Хабаровск—Владивосток.

[85] Foreign Minister Yoriko Kawaguchi's visit to the Far Eastern region of the Russia Federation (Overview). 29.07.2003. Available at: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/fmv0306.pdf (accessed 31.03.2017).

[86] Реализация крупнейшего в мире (запасы на месторождении оцениваются в 594 млн т, или 4,5 млрд барр нефти и конденсата и свыше 700 млрд м^3 газа) проекта «Сахалин-2» (Sakhalin Energy), нацеленного на освоение нефти и газа на шельфе Северного Сахалина, начата в 1996 г. датской компанией «Шелл» и японскими «Мицуи» и «Мицубиси». Проект предполагает установку трёх буровых платформ, строительство нефте- и газопровода на юге острова и возведение там первого в России завода по производству

сжиженного природного газа для последующего экспорта в США, Японию и Южную Корею. В декабре 2006 г. акционеры «Сахалин Энерджи», обвинённые российским правительством в грубейшем нарушении природоохранного законодательства и нанесении ущерба экологии острова, были вынуждены не только включить в состав учредителей, но и принять в качестве главного акционера проекта «Сахалин-2» российский «Газпром» и поделиться с ним существенной долей своих акций. Доля «Газпрома» составляет сейчас 50% плюс одна акция, «Шелл» — 27,5% минус одна акция, «Мицуи» — 12,5%, «Мицубиси» — 10% акций (подробнее см.: сайт «Сахалин Энерджи». URL: http://www.sakhalinenergy.com (дата обращения: 31.03.2017). В разработке проекта «Сахалин-1» (потенциальные извлекаемые запасы — 307 млн т (2,3 млрд барр) нефти и 485 млрд м^3 газа, добыча начата в октябре 2005 г.) участвует Консорциум японских компаний (Sakhalin Oil and Gas Development Co., Ltd), владеющий 30% акций. См.: сайт «Эксон Ннефтегаз Лимитед». URL: http://www.sakhalin-1.com/Sakhalin/Russia-Russian/Upstream/about.aspx (дата обращения: 31.03.2017).

87 Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в современной политике Японии // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 7.

88 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р г. Москва // Российская газета. 30.09.2003. URL: https://rg.ru/2003/09/30/energeticheskajastrategija.html (дата обращения: 23.11.2015).

89 李鼎鑫. 石油管线之争考验中国能源 = Ли Динсинь. Китайская энергетика поставлена под угрозу спором о маршруте трубопровода // Цзинцзи цанькао бао. 2004. 12 авг. URL: http://www.cas.ac.cn/html/Dir/2003/08/12/8975.htm (дата обращения: 30.05.2012).

90 Итоговый документ Третьего российско-японского форума «Перспективы российско-японского сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации: стремясь к дальнейшему развитию двусторонних отношений» // Министерство иностранных дел РФ. 17.09.03. URL: http://www.mid.ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/506570/pop_up?_101_INSTANCE_zMUsqsVU9NDU_viewMode=print&_101_INSTANCE_zMUsqsVU9NDU_qrIndex=0 (дата обращения: 25.09.2015).

91 Zha Daojiong, Ivanov V., Itoh S. China, Japan and Russia: Towards a new energy security nexus // ERINA Report. 2005. Vol. 62. No. 3. P. 3.

92 Giragosian R. Sino-Japanese competition for Russia's Far East oil pipeline project // Institute for the Analysis of Global Security. 19.01.2006. Available at: http://www.iags.org/n0119063.htm (accessed 15.05.2015).

93 Отчёт о 5-м японо-российском форуме. Tokyo: The Japan Foundation, 2007. P. 227, 236.

94 Там же. С. 210.

95 Павлятенко В.Н. Энергетическая безопасность Японии и фактор российско-японских отношений // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 795.

[96] Initiative for the Strengthening Japan-Russia cooperation in the Far East Russia and Eastern Siberia. Available at: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/initiative0706.html (accessed 29.01.2017).

[97] Ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы японского агентства «Киодо Цусин» 17 октября 2007 г. URL: http://http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/360392 (дата обращения: 29.01.2017).

[98] С. Абэ вернулся к своим инициативам во время своего второго срока премьерства, предложив новый пакет инициатив России в мае 2016 г.

[99] Summaries and Conference Conclusion // ERINA Report. 2008. Vol. 81. No. 5. P. 90, 91.

[100] Japan—Russia Summit Meeting // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 07.05.2016. Available at: http://www.mofa.go.jp/erp/rss/northern/page4e_000427.html (accessed 28.10.2016).

[101] Владимир Путин принял участие в пленарном заседании Восточного экономического форума во Владивостоке // Администрация Президента России. 07.09.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55552 (дата обращения: 08.09.2017).

[102] Российско-японские переговоры. 07.09.2017 // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/55553 (дата обращения: 09.09.2017).

[103] Diplomatic Bluebook. 2015. Tokyo: Ministryof Foreign Affairs. 2015. P. 138.

[104] 【対独戦勝７０周年記念】中朝など式典に参加　「新冷戦」浮き彫りに = 70-летие окончания Второй мировой войны. Участие в торжествах (в России) Китая и КНДР. Вырисовывается новая «холодная война» // Санкэй Симбун. 10.05.2015. Available at: http://www.sankei.com/world/news/150510/wor1505100013-n1.html (accessed 30.04.2016).

[105] 解体　ロシア老朽原潜～どうする日本の支援～ = Демонтаж старых российских атомных подводных лодок. Помощь из Японии // Телеканал NHK. 27.01.2004. Available at: http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/1855/index.html (accessed 09.09.2016).

[106] ロシアのビジネス環境等に関するアンケート（2015年度）結果 = Результаты анкетирования относительно условий ведения бизнеса в России (2015 г.) // Japan Business Federation. Available at: https://www.keidanren.or.jp/policy/2015/081.pdf (accessed 28.04.2016).

[107] エネルギー大変革～岐路に立つ日本の資源戦略～ = Энергетические катаклизмы: Стратегия Японии на перепутье // Телеканал NHK. 07.01.2013. Available at: http://www.nhk.or.jp/gendai/articles/3289/1.html (accessed 28.04.2016).

[108] 激動の世界経済（１）　石油をめぐる攻防　イラク戦争が変える世界地図 = Потрясения мировой экономики. (Ч. 1). Нефтяные войны. Война в Ираке меняет карту мира // Телеканал NHK. 2004. 1 января; シベリア原油をアジアに = Сибирскую нефть — в Азию // Телеканал NHK. 2004. 24 февраля; 激動する世界経済　エネルギー獲得最前線　その１ =

Потрясения мировой экономики. Передовая борьбы за обладание энергетическими ресурсами // Телеканал NHK. 2006. 2 января; 資源大国ロシア台頭 = Становление великой энергетической державы — России // Телеканал NHK. 2006. 28 октября.

109 シリーズ　シベリア鉄道２００８ = Серия телевизионных программ «Транссибирская магистраль-2008» // Телеканал NHK. 2008. 26—27 января.

110 北朝鮮“開発”を狙え～動き出した中国とロシア～ = КНДР стремится к «развитию». Что делают Китай и Россия // Телеканал NHK. 2008. 10 января.

111 (世界発２０１５) 中ロ蜜月、ＬＮＧ開発も　北極圏の施設、中国企業が出資 = Мир в 2015 г. Медовый месяц Китая и России, добыча СПГ. Предприятия Китая инвестируют в освоение Арктики // Асахи Симбун. 2015. 14 мая. URL: http://www.asahi.com/articles/DA3S11752064.html (дата обращения: 11.04.2016).

112 DiplomaticBluebook 2016. Japanese Diplomacy and International Situationin 2015. Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 2016. P. 270.

113 大地は誰のものか～ロシアを耕す中国人～ = Земля — чья? Китайцы, обрабатывающие российские поля // Телеканал NHK. 2012. 21 июля.

114 ロシア、極東開発に28兆円　日本企業の参画期待 = Россия: 28 триллионов иен на развитие Дальнего Востока. Надежда на участие японских предприятий // Нихон Кэйдзай Симбун. 23.04.2010. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXBASGM2303R_T20C10A4I00000 (accessed 10.04.2016); ロシア、日本に投資リスト　港湾など6500億円　フリステンコ産業貿易相明かす = Министр промышленности и торговли Христенко: Россия передаёт Японии инвестиционный список. 650 миллиардов иен на портовую инфраструктуру и прочие проекты // Нихон Кэйдзай Симбун. 26.04.2010. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNASGM2500Z_W0A420C1NN8000/ (accessed 11.04.2016).

115 Sasaki N. Towards the deepening and broadening of the Japan-Russia Economic Relationship // Japan Business Federation. Available at: http://ru-jp.rg.ru/media/Forum-2014/files/FORUM2014 (accessed 15.03.2016).

116 ＡＰＥＣ開催、極東ロシアに経済協力の機運 = Открытие саммита АТЭС. Возможности для экономического сотрудничества с Россией // Нихон Кэйдзай Симбун. 11.09.2012. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNASGM10005_Q2A910C1FF1000/ (accessed 11.04.2016); ウラジオストクAPECロシアの戦略はСтратегия АТЭС для России // Телеканал NHK. 2012. 4 сентября.

117 初めてのロシア東方経済フォーラム・ロシアの思惑は？ = Первый Восточный экономический форум в России. Его цели для России // Телеканал NHK. 2015. 10 сентября; 旧ソ連を歩いて（２６）極東にみるロシアの戦略なき対日姿勢 = Путешествие по бывшему СССР. Вып. 26. Отсутствие видимой стратегии России на Дальнем Востоке. Ситуация в отношении Японии: что очевидно // Майнити Симбун. 2015. 11 сентября. Available at: http://mainichi.jp/articles/20150908/mog/00m/030/030000c

(accessed 29.04.2016); ロシア人はプーチン大統領のココが好き日本に向けたメッセージを読み取れ！ = Что нравится россиянам в В.В. Путине. Послание Японии: читайте между строк! // Тоё Кэйдзай Симбун. 2015. 28 октября. Available at: http://toyokeizai.net/articles/-/89788 (accessed 29.04.2016).

118 露政権投資呼びかけ　アジアの活力、極東に = Правительство России: привлечение инвестиций. Активность Азии — на Дальний Восток // Майнити Симбун. 05.09.2015. Available at: http://mainichi.jp/articles/20150905/ddm/007/030/139000c (accessed 29.04.2016).

119 ロシア極東発展相「北方領土に経済特区」　日本に制裁解除促す = Министр развития Дальнего Востока России: Территории опережающего развития на Северных территориях. Стремление отменить санкции для Японии // Нихон Кэйдзай Симбун. 2015. 20 июня. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXLASGM20H2M_Q5A620C1MM0000/ (accessed 29.04.2016); ロシア、極東開発に力　今月フォーラム、中韓の投資期待= Россия прилагает усилия для развития Дальнего Востока. Форум, проведённый в этом месяце: надежда на инвестиции Китая и Южной Кореи // Асахи Симбун. 2015. 1 сентября. Available at: http://digital.asahi.com/articles/DA3S11941224.html?_requesturl=articles%2FDA3S11941224.html&rm=150 (accessed 29.04.2016).

120 ウラジオ自由港法を可決　露下院 = Совет Федерации РФ принимает закон о создании свободного порта Владивосток // Санкэй Симбун. 2015. 4 июля. Available at: http://www.sankei.com/world/news/150704/wor1507040016-n1.html (accessed 29.04.2016).

121 旧ソ連を歩いて（２６）極東にみるロシアの戦略なき対日姿勢 = Путешествие по бывшему СССР. Вып. 26. Отсутствие видимой стратегии России на Дальнем Востоке. Ситуация в отношении Японии: что очевидно // Майнити Симбун. 11.09.2015. Available at: http://mainichi.jp/articles/20150908/mog/00m/030/030000c (accessed 29.04.2016).

122 Из 47 префектур Японии к территориям бассейна Японского моря относят 14: Хоккайдо, Аомори, Акита, Ямагата, Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи, Киото, Тоттори, Симанэ, Фукуока, Сага, Нагасаки. В основном за счёт территории Хоккайдо на эти префектуры приходится почти половина (45%) площади страны. Однако проживает там только 22% населения и производится около 19% ВВП Японии.

123 Подробнее см.: Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в современной политике Японии // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 11—12.

124 Там же. С. 13.

125 Сайт Института экономических исследований Северо-Восточной Азии. URL: http://www.erina.or.jp/ (дата обращения: 24.05.2016).

126 北海道貿易概況 = Состояние торговли Хоккайдо // Japan Customs. Available at: http://www.customs.go.jp/hakodate/12toukei/02hokkaido/index.htm (accessed 15.10.2016).

[127] Akaha T., Vassilieva A. The Russian Presence in contemporary Japan: Case studies in Hokkaido and Niigata // Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Tokyo; N.Y.; Paris: United Nations Univ. Press, 2005. P. 103, 107. По некоторым оценкам, российские моряки, завозившие в Вакканаи лес и морепродукты и загружавшие свои суда автомашинами, мебелью, домашними электроприборами, лекарствами и продуктами, только в 1997 г. принесли прибыль городу в размере около 233 млн долл. США, а г. Немуро в 1999 г. — около 78 млн долл. США.

[128] Trade statistics. Values by Customs by Country // Japan Customs. Available at: http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=25&P=1,,,,,,,,,4,1,2014,0,0,0,,,,,,,,,,,,5,103,104,105,108,224,,,,,,1,8,,,,,,,,,,20 (accessed 15.10.2016).

[129] 富山県、伏木富山港からモスクワへ輸送実験　11年２月 = Префектура Тояма: пробная отправка груза из порта Фусики—Тояма в Москву в феврале 2011 года // Нихон Кэйдзай Симбун. 16.11.2010. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNASJB1501T_V11C10A1LB0000/ (accessed 30.04.2016); 北陸３県、海上物流網の充実を推進　試験輸送や寄港など = Три префектуры региона Хокурику стремятся продвигать осуществление проекта организации сети морских перевозок. Пробные отправки груза и порты // Нихон Кэйдзай Симбун. 25.09.2013. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNZO60132430U3A920C1LB0000/ (accessed 30.04.2016).

[130] 秋田県、ロシア沿海地方と協定　相互訪問など協力拡大 = Префектура Акита: соглашение с Приморским краем. Расширение сотрудничества: двусторонние визиты// Нихон Кэйдзай Симбун. 30.03.2010. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNASFB1903U_Z10C10A3L11000/ (accessed 30.04.2016).

[131] 山形の果物でロシア開拓 = Открытие российских рынков для фруктов из Ямагаты // Нихон Кэйдзай Симбун. 20.08.2015. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXLZO90728720Z10C15A8L01000/ (accessed 30.04.2016).

[132] センコン物流、ロシア向け食品輸出拡大 = «Сэнкон Буцурю» увеличивает объём экспорта в Россию // Нихон Кэйдзай Симбун. 20.12.2014. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXLZO81135810Z11C14A2L01000/ (accessed 30.04.2016).

[133] 極東ビジネス新局面（１）= Новые аспекты бизнеса на Дальнем Востоке. Ч. 1 // Нихон Кэйдзай Симбун. 08.12.2013. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXDZO63491100S3A201C1L41000/ (accessed 10.04.2016).

[134] 富山県、ロシアで県内企業支援　ウラジオに要員を配置 = Префектура Тояма оказывает поддержку префектуральным предприятиям в России. Во Владивосток отправлены специалисты // Нихон Кэйдзай Симбун. 07.07.2010. Available at: http://www.nikkei.com/article/DGXNASJB0601U_W0A500C1LB0000/ (accessed 30.04.2016).

[135] Баранник И. Российско-корейские инвестиционные проекты нанизают на ось // Издательская компания «Золотой Рог». 21.05.2013. URL: http://www.zrpress.ru/politics/dalnij-vostok_21.05.2013_60992_rossijsko-korejskie-investitsionnye-proekty-nanizajut-na-os.html (дата обращения: 14.03.2015).

[136] Приветственное слово генерального Консула. URL: http://rus-vladivostok.mofa.go.kr/worldlanguage/europe/rus-vladivostok/mission/greetings/index.jsp (дата обращения: 03.05.2017).

[137] Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином. 06.09.2017 // Администрация Президента России. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/55541 (дата обращения: 08.09.2017).

[138] Во время короткой беседы с Президентом РФ В.В. Путиным 6 сентября 2013 г. Президент Республики Корея Пак Кын Хе высказала свою давнюю мечту, напрямую связанную с этим проектом: «соединение железной дороги, чтобы, отправляясь из Пусана, через Россию можно было до Европы доехать на поезде» (Встреча с Президентом Республики Корея Пак Кын Хе // Администрация Президента России. 06.09.2013. URL: http://kremlin.ru/transcripts/19170 (дата обращения: 14.03.2015)).

[139] Na Hee-Seoung. Integrated International Intermodal Transport of Russia's Far East, Siberia and Korean Peninsula // The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / ed. by Jing Huang, Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 203.

[140] Sung Hoon Jeh. Russian Far East Development... P. 155.

[141] Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Основы политики Республики Корея по вопросу освоения Арктики // У карты Тихого океана. 2014. № 36 (234). С. 31—38.

[142] Lee Jae-Young. Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia // The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / ed. by. Jing Huang, A. Korolev. London: Palgrave-Macmillan, 2016. P. 115.

[143] В 2015 г. по этому маршруту транзитом через Раджин в Южную Корею было доставлено 1,2 млн т угля // Торгово-экономическое сотрудничество. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 03.02.2017).

[144] Na Hee-Seoung. Integrated International Intermodal Transport. P. 215—220.

[145] Протокол 22-й Российско-Корейской комиссии по рыбному хозяйству от 16 мая 2013 г. в Москве // Минвостокразвития России. URL: http://minvr.ru/upload/iblock/3ac/Korea_2013_ru.pdf (дата обращения: 05.12.2015).

[146] Толстокулаков И.А. Интересы и стратегии государств Корейского полуострова // У карты Тихого океана. 2013. № 32 (230). С. 24.

[147] На территории края (в г. Владивосток) расположено Генеральное консульство КНДР, существует регулярное авиасообщение Пхеньян — Владивосток.

[148] Чеков А. Логика внешней политики КНДР // Внешняя политика. Аналитическое агентство. 05.04.2014. URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/logika-vneshney-politiki-kndr/ (дата обращения: 23.03.2015).

[149] Надеж Ролланд. Россия — новый лучший друг Северной Кореи? // Интернет-проект «ИноСМИ.RU». 30.04.2015. URL: http://inosmi.ru/world/20150430/227790653.html (дата обращения: 13.04.2016).

[150] Новое руководство КНДР не отказывается от проекта российского газопровода // Russia Today. 27.01.2012. URL: https://russian.rt.com/inotv/2012-01-27/Novoe-rukovodstvo-KNDR-ne-otkazivaetsya (дата обращения: 13.04.2016).

[151] Чо Чхан Чжун. О создании районов экономического развития // Страноведческий каталог «Econrus». URL: http://catalog.fmb.ru/North%20Rorea2013-6.shtml (дата обращения: 27.02.2016).

[152] КНДР представила новый план развития экономической зоны Насон // РИА-Новости. URL: http://onekorea.ru/2015/11/22kndr-predstavila-novyj-plan-razvitiya-ekonomicheskoj-zony-nason (дата обращения: 22.11.15).

[153] Кимам простили долг, Россия спишет долги КНДР // Информационный портал «Газета.ру» URL: http://www.gazeta.ru/business/2014/02/1915916573.shtml (дата обращения: 19.02.2014).

[154] Россия и КНДР: торгово-экономическое сотрудничество // Посольство России в КНДР. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 31.03.2017).

[155] Черкашин П.В. Российско-северокорейские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Известия Восточного института. Владивосток, 2015. С. 30—33.

[156] Там же. С. 34.

[157] Там же.

[158] МПК Россия — КНДР: главный принцип — равноправие отношений и реализация экономически оправданных проектов // Информационный портал Минвостокразвития РФ. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3131 (дата обращения: 27.04.2015).

[159] National Security Strategy of the United States of America, Feb. 2015 // The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 15.08.2016).

[160] The National Security Strategy of the United States of America, May 2010 // The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 15.08.2016).

[161] Гарусова Л.Н. Россия в современной тихоокеанской политике США // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 263.

[162] Гарусова Л.Н. Россия и США: Тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 83.

[163] National Security Strategy of the United States of America, Feb. 2015 // The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (accessed 15.08.2016).

[164] Lee Rens. The Far East between Russia, China, and America. Foreign Policy Research Institute. July 2012. Available at: http://www.fpri.org/article/2012/07/the-far-east-between-russia-china-and-america/ (accessed 15.08.2016).

[165] Гарусова Л.Н. Интересы и стратегия США // Тихоокеанская Россия в планах и стратегиях государств Азиатско-Тихоокеанского региона // У карты Тихого океана. 2013. Вып. 32 (230). С. 8.

[166] Press availability in Vladivostok, Russia. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Available at: https://www.state.gov/secretary/travel/rm/2012/09/197534.htm (accessed 01.10.2012).

[167] См.: Колегова Е.А. Новая администрация США и вероятная трансформация двусторонних отношений США со странами АТР // У карты Тихого океана. 2017. № 47 (245). С. 12—16.

[168] Tsuneo Akaha. A Distant Neighbor. Russia's Search to Find Its Place in East Asia // Global Asia. 2012. Vol. 7. No. 2. P. 8.

[169] Там же.

[170] Baladas Ghoshal. The Russian Pivot to Asia Pacific // IPCS Issue Brief. 2013. No. 242. Available at: http://www.ipcs.org/issue-brief/china/the-russian-pivot-to-asia-pacific-242.html (accessed 07.05.2016).

Глава 4

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ В ПРОЦЕССАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Внимание федеральной власти к Тихоокеанской России крайне важно для развития региона. Однако финансовые и административные ресурсы Центра небезграничны. В последние полтора десятилетия Москве и крупным государственным корпорациям удалось привлечь значительные средства из-за рубежа в добычу ресурсов и связанные с ней инфраструктурные проекты. Причём для этого не потребовались напряжённая работа над совершенствованием инвестиционного климата и выстраивание эффективной системы поддержки международных связей на местах. Как правило, государственных гарантий и усилий госкомпаний было для этого вполне достаточно. Однако развитие Тихоокеанской России и её интеграция в АТР через реализацию крупных проектов — это не что иное, как хорошо знакомая политика сырьевого освоения, ставящая регион в зависимость от товарных циклов и колебаний региональных приоритетов Москвы. Постановка и решение задачи ухода от сырьевой модели развития национальной экономики и придания нового качества развитию Тихоокеанской России априори предполагает, что малый и средний бизнес должен стать значимым драйвером экономического прогресса. Но если крупные международные проекты продвигаются под опекой центральной власти и госкорпораций, то малый и средний

бизнес — предмет заботы совсем других игроков. В таком случае можно допустить, что развитие и диверсификация экономики региона с постепенным снижением доли сырьевого экспорта не является пустым лозунгом, интеграция в Азиатско-Тихоокеанский регион должна осуществляться не только на основе крупных проектов.

Кто же тогда должен заниматься привлечением некрупных иностранных инвестиций и развитием несырьевого экспорта на Дальнем Востоке? В условиях отсутствия здесь крупного доморощенного бизнеса и отраслей с конкурентоспособной продукцией ответ почти очевиден: это региональная и местная власть. Но тогда встаёт целый ряд вопросов: какими полномочиями реально наделены эти акторы во внешнеэкономической сфере, каким они видят своё международное окружение и через какие каналы могут развивать сотрудничество?

Не менее важно иметь представление о степени готовности дальневосточного общества к большей интеграции с соседними государствами и активному развитию международного взаимодействия. Только хорошо информированное, профессионально подготовленное и лояльное к иностранному влиянию принимающее сообщество способно обеспечить эффективную международную интеграцию. В связи с этим данная глава посвящена анализу готовности власти и общества Тихоокеанской России развивать международное сотрудничество.

4.1. Возможности региональных администраций Тихоокеанской России в международном сотрудничестве

В 1990-е гг. слабый федеральный центр наделял местные власти значительными полномочиями для ведения международной деятельности. Конституция 1993 г. относила международное сотрудничество и внешнеэкономические связи к сфере совместных полномочий центрального и региональных правительств, хотя чёткого разделения обязанностей не было

проведено. В этих условиях региональная власть, как правило, вместо того чтобы аккуратно работать с иностранными инвесторами и развивать внешнюю торговлю, стремилась путём протекционизма поддержать доморощенный и близкий ей бизнес[1], который, с одной стороны, обеспечивал социальную стабильность на территории, а с другой — укреплял экономические позиции региональной элиты. Власти граничащих с Китаем территорий использовали возникавшие в отношениях двух государств проблемы для укрепления собственных позиций, привлечения электората, в частности, критикуя Москву за слишком тесную «дружбу» с Пекином в ущерб национальным или дальневосточным интересам. Экономический ресурс приграничья в лучшем случае «проедался», что было практически неизбежно в экономических и политических условиях того времени[2].

С приходом В.В. Путина в правительство и затем в Кремль началась централизация власти и управления. Отмена региональных выборов и укрепление административно-политической вертикали отбили у местной элиты желание использовать проблемы политического диалога России со странами Северной Пацифики в популистских целях. Даже такие «тяжеловесы», как губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев, который ещё в начале 2000-х гг. критиковал решения Москвы в отношении Китая[3], в дальнейшем себе такого не позволяли. Ситуация не изменилась и после того, как в 2012 г. вернули прямые выборы глав субъектов РФ, т.к. политический контроль Центра над регионами сохранился. По крайней мере, ещё ни один губернатор Тихоокеанской России (как и других частей страны) открыто не высказался против действий президента или правительства в сфере международных отношений.

Централизация власти в РФ неизбежно затронула всю региональную систему международных связей. В 1999 г. был принят Закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», который юридически исключил возможность регионов проводить самостоятельную внешнеэкономическую политику и фактически перераспределил полномочия в этой сфере в пользу

Центра. Закон разрешил местным властям устанавливать все виды международных связей (кроме военно-политических), но заключать официальные соглашения они правомочны только при одобрении Центра. Партнёрами субъекта РФ могут быть только субъекты и административно-территориальные образования других федеративных государств (прочие органы власти — только с согласия Центра)[4]. С зарубежными корпоративными структурами и физическими лицами соглашения заключать запрещено.

В настоящее время власти субъектов Федерации могут предложить иностранным партнёрам немногое: сокращение региональных налогов для инвесторов, предоставление субсидий и гарантий под кредиты, софинансирование при строительстве базовой инфраструктуры, оказание консалтинговых услуг. Анализ архивных документов исполнительной и законодательной власти Амурской обл. и Приморского края за 1990-е и первую половину 2000-х гг. показал, что во внешнеэкономической сфере регионов такие меры системно никогда не применялись[5]. Более того, внешняя торговля и привлечение иностранных инвестиций как объекты экономической политики в субъектах РФ фактически отсутствовали. В настоящее время местные администрации в условиях высокодотационных бюджетов ещё более ограничены в применении этих механизмов поддержки.

Меры административного регулирования — участие в квотировании иностранной рабочей силы, выдача лицензий на лесопользование, передача в аренду сельскохозяйственных земель и другие полномочия — могут временно стимулировать или ограничивать деятельность конкретных фирм[6], однако нам неизвестны случаи их долгосрочного системного применения по отношению к компаниям с иностранными инвестициями.

В последнее десятилетие федеральное правительство пытается переложить на регионы ответственность за их экономическое развитие, не перераспределяя на места финансовые и административные ресурсы[7]. Бюрократию мобилизуют, усиливая политическое давление, в частности, формируя систему показателей эффективности работы руководителей субъектов

Федерации. Ни один из этих критериев напрямую не затрагивает внешнеэкономическую деятельность. Косвенно к таковым можно отнести объём инвестиций в основной капитал, объём налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, оборот продукции, производимой малыми предприятиями[8]. Внешнеэкономические показатели также отсутствуют в официальной системе оценки деятельности руководства субъектов Федерации по созданию благоприятных условий для бизнеса[9]. По существу, внешнеэкономическая деятельность не является ключевым мерилом оценки деятельности региональной бюрократии. Однако, поскольку внешняя торговля и иностранные инвестиции влияют на развитие экономики в целом, то руководство субъектов РФ не может не проявлять активность в этом направлении.

Дальневосточная политика Москвы также стимулирует регионы к активизации международного сотрудничества. Исторически центральная власть (в зависимости от состояния государственных ресурсов) то прибегала к патронажу Дальнего Востока, установив контроль над его взаимодействием с другими странами, то, наоборот, пыталась мобилизовать внутренний потенциал региона, нередко через хаотичные внешнеэкономические связи[10]. На рубеже 2000—2010-х гг. в связи с кризисными явлениями в российской экономике действовала промежуточная стратегия, предполагавшая развитие международных связей региона под контролем Москвы. В июле 2010 г. Президент Д.А. Медведев раскритиковал руководителя Минрегиона РФ В.Ф. Басаргина за его презентацию о перспективах модернизации Дальнего Востока, в которой не было «ни слова про развитие сотрудничества с АТР»[11].

Следуя установкам из Центра, региональные администрации разрабатывали и принимали международные стратегии, работали над улучшением имиджа своих регионов, формировали списки приоритетных инвестиционных проектов и публиковали их на своих официальных сайтах (иногда даже на китайском языке)[12]. Другим заметным направлением работы региональной власти стало создание специальных бюрократических

и общественных структур для развития бизнес-активности. Например, в Приморском крае, достигнувшем в этом самых высоких результатов, за последние три года появились: АНО «Центр развития экспорта Приморского края», Инвестиционное агентство Приморского края, ОАО «Корпорация развития Приморского края», Совет по привлечению инвестиций в экономику Приморского края при губернаторе Приморского края, Общественный экспертный совет по привлечению инвестиций в Приморский край, Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов в ДФО, Общественный экспертный совет по привлечению инвестиций в Приморский край. Создан режим «одного окна» для инвесторов: АНО «Инвестиционное агентство Приморского края» на бесплатной основе оказывает широкий спектр информационных и консалтинговых услуг, а на платной — делает всю организационную, юридическую, рекламную работу по продвижению инвестиционного проекта[13]. Перечень таких структур в несколько усечённом виде присутствует в других тихоокеанских регионах[14].

Вышеуказанные меры формально свидетельствуют об активизации работы региональных администраций по привлечению иностранных инвестиций и развитию экспортно-ориентированных производств. Во многом эта работа идёт посредством использования административного нажима и политической мобилизации сверху. Однако смогут ли вновь созданные организации и институты выйти за рамки бюрократической логики следования указаниям Москвы? Прошло слишком мало времени, чтобы можно было однозначно ответить на этот вопрос.

«Полпредская» надстройка

До начала 2000-х гг. региональные администрации были единственными структурами, представлявшими интересы регионов на международной арене. С введением в 2000 г. института полномочного представителя президента Дальневосточный макрорегион приобрёл более серьёзного — с позиции

его политического статуса — игрока в международных делах*. Формально в полномочиях полпреда не прописано участие во внешних сношениях[15], его первостепенная задача заключается в централизации и консолидации власти. В аппарате полномочного представителя президента по ДФО нет и специальных структур, которые должны были бы заниматься международными связями. Скорее всего, международные экономические связи курируют департамент по вопросам экономической и социальной политики, а также один из заместителей полпреда, являющийся по совместительству инвестиционным уполномоченным в федеральном округе.

Ещё в 2003 г., на заре деятельности института полномочного представителя, в его рамках была создана межведомственная комиссия по пограничной политике. Она обеспечивала взаимодействие между различными ведомствами, так или иначе связанными с вопросами функционирования границы. Необходимость такой структуры можно проиллюстрировать на примере заседания комиссии в мае 2015 г. На нём руководство Росграницы рекомендовало закрыть часть пунктов пропуска в ДФО. По мнению ведомства, в пользу такого шага говорило то, что 15 пунктов пропуска из 64 в регионе фактически не работали, и при этом 90% всех международных переходов не соответствовали установленным нормам. Против этого предложения выступило Минвостокразвития, указавшее на будущие нужды проектов становления региона, которые невозможно реализовать без удобной логистики и законсервированных на текущий момент пунктов пропуска[16]. Таким образом, комиссия выполняет функцию совещательной площадки.

Если взглянуть на институт полномочного представителя через фактически выполняемые функции, то таковых можно выделить три: представительская, координирующая и мобилизационная.

---

* Как заявлено в официальном статусе дальневосточного полпреда, он является «руководящим сотрудником Администрации Президента Российской Федерации». Сама администрация не является органом власти, и полпреды — это фактически одна из неотъемлемых составляющих власти президента.

Представительская функция реализуется через формально высокое положение полпреда в вертикали российской власти. Прямая связь с высшим руководством страны позволяет ему проводить встречи как с региональными властями, так и с представителями высшего руководства соседних стран. Все пять полпредов Президента по ДФО — К. Пуликовский*, Ш. Исхаков, О. Сафонов, В. Ишаев** и Ю. Трутнев*** — вели себя на этом поприще весьма активно.

---

* Самым ярким эпизодом внешнеполитической деятельности К. Пуликовского был его визит в КНДР по приглашению Ким Чен Ира в октябре 2005 г. Ему предшествовало личное сопровождение северокорейского лидера в течение трёх недель на поезде, следовавшем по Транссибу из КНДР в Москву в июле—августе 2001 г. В 2001—2004 гг. К. Пуликовский встречался с заместителем премьера Госсовета КНР У И, с первым заместителем министра иностранных дел КНР Дай Бинго, председателем госкомитета по развитию и реформам Ма Каем.

** В августе 2009 г. делегация во главе с В. Ишаевым побывала в Сеуле. В ходе встречи В. Ишаева с Ли Мён Баком обсуждались вопросы трёхстороннего взаимодействия между РФ, КНДР и РК в схеме «ресурсы России, технологии Южной Кореи и трудовые ресурсы Северной Кореи», сотрудничество в сфере нефтегазодобычи, развития угольных месторождений, строительства нефте- и газопроводов, железной дороги из России через Корейский п-ов. См: Дальневосточный полпред обсудил с президентом Республики Корея вопросы сотрудничества // ИА REGNUM. 27.08.2009. URL: https://regnum.ru/news/1200143.html (дата обращения: 22.12.2017). Делегацию, в которую также входили губернаторы Приморского края (С. Дарькин), Хабаровского края (В. Шпорт) и Сахалинской обл. (А. Хорошавин), другие официальные лица и представители деловых кругов, помимо этого принимали министр иностранных дел и внешней торговли Ю Мён Хван, министр инновационной экономики Ли Юн Хо, министр государственных территорий и морских дел Чон Чжон Хван, президент корпорации «STX group», президент Корейской ассоциации международной торговли Са Гон Иль. В апреле 2010 г. В. Ишаев находился с визитом в Токио, где, помимо встреч на высоком уровне, провёл в Федерации экономических исследований «Кэйданрэн» презентацию «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года».

*** Ю. Трутнев только в 2016 г. провёл встречу в Сеуле с премьер-министром Республики Корея Хван Гё Аном, в китайском Тяньцзине принял участие во Всемирном экономическом форуме («Летний Давос»), на котором председательствовал премьер Ли Кэцян, в Сингапуре и Гонконге встретился с местным руководством и крупным бизнесом, в Токио — с Генеральным секретарём японского кабинета министров Ёсихидэ Сугой. Во всех

Координирующая и мобилизующая функции полномочного представителя Президента позволяют, во-первых, «объединять» региональные элиты для решения каких-либо проблем; во-вторых, курировать наиболее серьёзные вопросы взаимодействия с соседними государствами. Например, в 2004 г. полпред Президента К. Пуликовский обязался обеспечить широкое участие российской стороны в 15-й Харбинской торгово-экономической ярмарке. В результате ДФО впервые был представлен на ней не разрозненными бизнесменами, а организованной делегацией из 430 чел. под личным патронажем полпреда. Причём «сразу же согласились везти на ярмарку свои стенды и проекты только Приморье и Якутия. Некоторые другие территории полпреду пришлось „уговаривать“ с применением некоторого административного ресурса»[17]. Примером «опеки» полпредом крупных международных проектов может служить личный контроль Ю. Трутнева за строительством моста Нижнеленинское — Тунцзян. В 2015—2016 гг. он был главным «ньюсмейкером» проекта: в августе 2015 г. заявил о готовности начать стройку до конца года[18]; в феврале 2016 г. пригрозил наказать лиц, затягивающих строительство[19], обвинил российские госфонды в «не очень конструктивной» позиции и напомнил об их обязательстве профинансировать проект[20], объявил о решении назначить российского, а не китайского подрядчика[21], в августе 2016 г. обвинил китайскую сторону в затягивании проекта[22] (очевидно, Китай настойчиво предлагал своего подрядчика для строительства российской части моста, за что и подвергся критике). В целом даже схематичное описание работы полпреда с проектом трансграничного моста показывает его стремление мобилизовать государственные структуры на ускорение работы. Он имеет для этого все полномочия и политическую власть. Однако и это не позволило быстро «раскрутить» бюрократическую машину, и активная фаза строительства моста началась на российской стороне только в самом конце 2016 г.

случаях он преследовал одну цель — пригласить руководство и бизнес посещаемых государств и территорий на II Восточный экономический форум и обсудить этот визит.

4.2. Международные приоритеты местных администраций

Официальные взгляды и предпочтения региональных правительств представлены в большом количестве их стратегий, планов и отчётов, а также интервью руководящего состава администраций. При этом вопросы и перспективы международного сотрудничества занимают в официальном дискурсе регионов важное место. В стратегиях долгосрочного развития всех территорий Тихоокеанской России близость к АТР указывается в качестве основного фактора, влияющего на модель развития регионов*. Сама эта модель может быть двух видов: интеграционная и охранительная. Безусловно, в чистом виде они не представлены ни в одном регионе, при этом интеграционный вариант является доминирующим почти у всех территорий.

Наибольшую приверженность идеям интеграции в АТР демонстрирует администрация Приморского края. Как указывает стратегия развития Приморья, его миссия в РФ заключается в том, чтобы «обеспечить взаимодействие РФ с АТР за счёт наиболее продуктивного включения Российской Федерации в азиатские рынки товаров, финансов, рабочей силы,

* В качестве основного источника для анализа взглядов региональных властей на проблемы и перспективы международного сотрудничества мы выбрали долгосрочные стратегии/схемы развития регионов. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, документы долгосрочного планирования есть у всех дальневосточных территорий. Во-вторых, они идентичны по причине появления, задачам (обеспечить системное, устойчивое и долгосрочное развитие территории) и структуре. В-третьих, их форма предполагает «глобальный» взгляд на свой регион и мир, нивелирующий личные пристрастия отдельных чиновников. Все эти факторы позволяют провести типологизацию и сравнительный анализ официальных представлений о положении Дальневосточных регионов в мировой экономической системе. Мы, безусловно, учитываем, что стратегии, схемы и программы развития регионов, за редким исключением, разрабатываются не властями, а «экспертами». Тем не менее власти утверждают «технические задачи», задают базовые принципы и идеи будущих документов и затем санкционируют их, тем самым соглашаются с тезисами, которые заложены в этих документах.

технологий и информации»[23]. Схожее отношение демонстрирует Чукотка, которая в принципе не видит перспектив своего развития без создания хозяйства, полностью ориентированного на экспорт в рынки АТР[24]. Яркий пример переплетения охранительной и интеграционной моделей можно найти у Камчатского края. Официальная стратегия развития региона до 2025 г. утверждает, что «Камчатский край — форпост безопасности и опорная точка для выражения экономических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе вообще и в северной части Тихого океана в частности»[25]. К позиции Камчатки близка установка Забайкальского края, миссия которого «определяется ролью, которую должен исполнять край в обеспечении целостности и стратегической безопасности России на её восточных рубежах» и «обусловлена близостью к стремительно развивающемуся региону АТР, высокой степенью воздействия этого региона на современное мировое развитие...»[26].

Существует определённый набор общих мест, характерный для представлений властей Тихоокеанской России о месте их территорий в мировой геополитической и экономической системе. Во-первых, все региональные администрации Тихоокеанской России указывают на свою близость к рынкам стран АТР в качестве основного преимущества их дальнейшего развития. По их мнению, огромный рынок, технологии и инвестиции стран АТР дают возможность ускоренного развития регионов.

Во-вторых, все администрации, кроме Приморского края, рассматривают свой природно-ресурсный потенциал как основу развития регионального хозяйства и интеграции в АТР. К группе регионов, которые полагаются в основном на развитие добывающих отраслей, ориентированных на рынки АТР, можно отнести Чукотку, Республику Саха, Забайкальский край, ЕАО. Власти Якутии считают свою территорию «богатейшей ресурсной базой не только российского, но и мирового значения»[27]. Сахалинская обл. и Хабаровский край указывают на минерально-сырьевые ресурсы как одно из основных конкурентных преимуществ в международной системе разделения труда.

В-третьих, власти притихоокеанских регионов России считают, что обладают большим транзитным потенциалом. Во всех

региональных стратегиях долгосрочного развития предполагается, что территория края/области является частью евразийского коридора, идущего вдоль Транссибирской железной дороги, БАМа или Северного морского пути. Даже власти Якутии, которая только выходит на Северный морской путь и обладает слабо развитой транспортной системой, наделяют свой регион «колоссальным потенциалом международного и межрегионального транзита», отмечая, что он находится «на пересечении кратчайших путей между Европой, Азией и Америкой»[28]. Природно-ресурсный и транзитный потенциалы, ориентированные на внешнего потребителя — это та пара преимуществ, на которые полагаются региональные власти Тихоокеанской России, определяя своё место в системе международных связей и основные направления развития территорий.

В-четвёртых, СНГ и Европа, которые представлены как приоритетные направления во внешнеполитической стратегии России, практически не интересуют дальневосточные и забайкальские власти. Географическая удалённость и слабые экономические связи делают своё дело. В стратегиях долгосрочного развития субъектов ДФО и Байкальского региона СНГ упоминается в основном через призму миграции, привлечения трудовых ресурсов и переселения соотечественников. Отсылки к Европе обычно появляются тогда, когда речь заходит о евразийском транспортном коридоре.

Концептуальных различий в региональных стратегиях не так много. Кроме уже упоминаемых расхождений в видении моделей взаимодействия с внешним окружением (о них мы поговорим далее на примере Китая), мнения властей сильно разнятся в том, на какую страну или группу стран они в первую очередь ориентируются. Географическое положение региона в данном случае играет определяющую роль (рис. 1).

«Приморская» группа регионов — Хабаровский и Приморский края, Чукотка, Сахалинская и Магаданская области, а также Якутия — в той или иной степени ориентируется на весь АТР. Сам термин «АТР» упоминается в текстах программ их долгосрочного развития чаще других стран и регионов. Например, основной задачей властей Приморья на долгосрочную перспективу

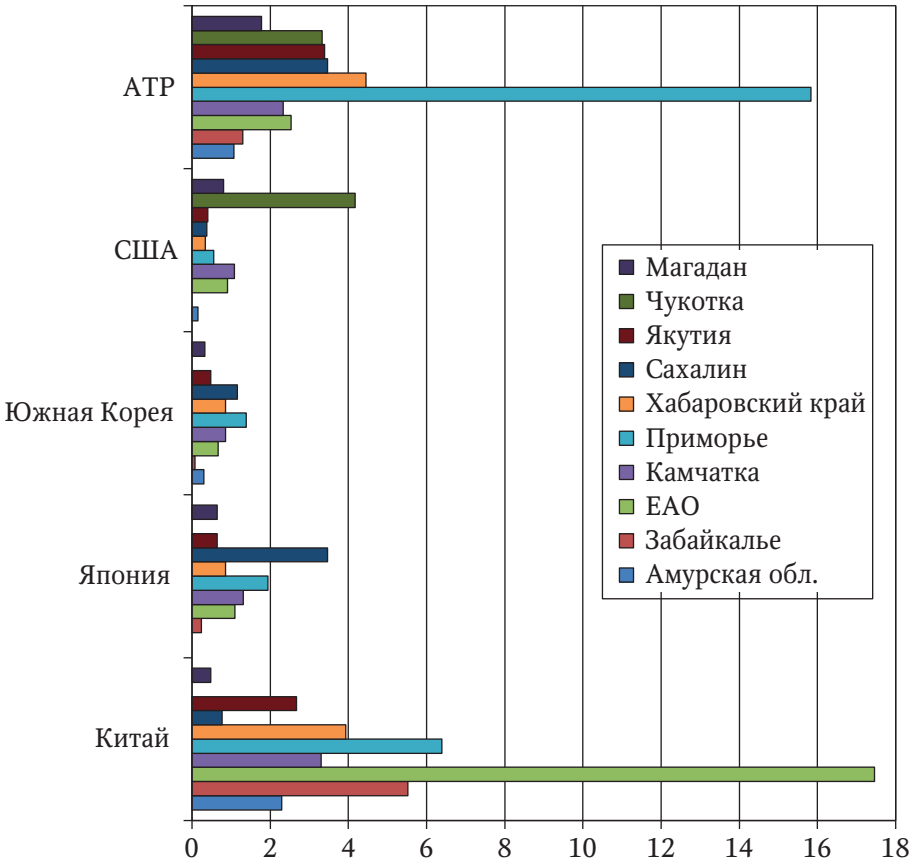


Рис. 1. Количество упоминаний стран/регионов в стратегиях долгосрочного развития регионов Тихоокеанской России, число упоминаний на 1 а.л. текста

является «...оптимальное размещение экономики на территории Приморского края, обеспечивающее запуск её бездотационного роста и возможность интеграции с экономиками приграничных провинций стран Северо-Восточной Азии»[29]. Её выполнение, по мнению приморского руководства, должно базироваться в первую очередь на «...позиционировании Приморского края центром интеграции России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в т.ч. посредством усиления коммуникации и кооперации Приморского края с экономиками западных провинций Японии, Республики Корея, восточных провинций КНР и других

стран АТР»[30]. Для континентальных регионов — Забайкалья, Приамурья и ЕАО — китайское направление сотрудничества указывается в качестве основного. Эту особенность хорошо отражает анализ количества упоминаний стран/регионов в программах долгосрочного развития: оно превосходит упоминание об АТР и конкретных странах региона в разы. Власти Амурской области, отмечая своё выгодное геополитическое положение, позиционируют Благовещенск «...воротами России в Китай и страны Юго-Восточной Азии»[31]. Забайкальский край считает важным преимуществом «...выгодное геополитическое, приграничное расположение края с постоянно растущим потенциалом „китайского фактора“»[32]. Постоянные отсылки к Китаю в стратегии развития ЕАО говорят о том, что её разработчики в принципе не видят будущего без КНР. В программах развития Хабаровского края и Республики Саха Китай также встречается на порядок чаще, чем другие страны.

Китай в официальном дискурсе Тихоокеанской России

Если рассматривать стратегии регионов Тихоокеанской России как единый текст, то Китай упоминается в нём в 4—5 раз чаще Японии и США, в 7 раз чаще Республики Корея, в 28 раз чаще КНДР и на 8% больше, чем АТР в целом. Только Сахалин больше внимания уделил Японии, а не Китаю, и Чукотка не упомянула КНР ни разу, сравнивая своё геоэкономическое положение с северными территориями США и Канады и ориентируя продукцию на рынки стран АТР в целом. Более внимательный взгляд на все региональные стратегии развития показывает, что если в отношении Китая у большинства администраций Тихоокеанской России уже сложилась более или менее целостная система взглядов и представлений, то остальные соседи больше выступают в роли «статистов», их упоминают лишь при перечислении потенциальных партнёров или в отчётах о торговле и инвестициях.

Мнения региональных администраций достаточно сильно разнятся в вопросах преимуществ, которые заложены в близости к КНР и возможностях сотрудничества с ней (табл. 1). Например, Приморье ожидает от Китая одновременно и рабочую силу, и инвестиции. ЕАО видит самый широкий набор выгод и преимуществ от близости и тесного взаимодействия. Это и инвестиции, и потенциальная производственная кооперация, и рабочая сила, и инновации, и источник грузов и людей для реализации транзитной функции и развития туристической отрасли региона.

Чаще всего власти Тихоокеанской России видят в территориальной близости к Китаю одновременно и риски, и возможности. По их мнению, КНР может препятствовать индустриализации Дальневосточных регионов, но одновременно сотрудничество с ней может способствовать развитию местной промышленности за счёт инвестиций и развития кооперации. Близость к Китаю даёт возможность для реализации транзитного потенциала региона, но одновременно, по мнению администраций двух наиболее развитых регионов Дальнего Востока — Приморского и Хабаровского краёв, — превращение этих территорий в транзитную зону для китайских товаров несёт в себе политические и геополитические риски.

Набор рисков, которые, как полагают региональные власти, несёт в себе близость к Китаю, сильно размыт (табл. 1). Для многих правительств краёв и областей Китай — конкурент в деле привлечения инвестиций, развития промышленности, транспортных перевозок и сельского хозяйства. С соседством с КНР также связывают угрозы избыточной миграции и загрязнения окружающей среды своих территорий. Администрации ЕАО и Камчатского края уверены, что китайские власти проводят специальную политику по включению их территории в зону своих экономических интересов.

Вся сложность и вариативность представлений региональных властей Дальнего Востока о Китае отражена в стратегии развития Еврейской автономной области до 2020 г. В ней указывается, что стратегически мыслящее руководство КНР нацелено на выкачивание природных ресурсов из Дальнего Востока

Таблица 1

Представления региональных администраций о Китае как факторе регионального развития

Регион	КНР как источник возможностей	КНР как источник рисков/угроз
Приморский край	- Источник дешёвой рабочей силы - Потребитель природных ресурсов - Источник инвестиций - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края	- Источник политических рисков (особенно в случае превращения Приморья в транзитную зону для китайских товаров) - Препятствие для индустриализации края
Сахалинская область	- Потребитель природных ресурсов	
Хабаровский край	- Потребитель природных ресурсов и электроэнергии - Потенциальный потребитель промышленной продукции	- Конкурент в области транспортных перевозок - Источник геополитических рисков (особенно в случае увеличения китайского транзита и экспорта в Китай российских энергоносителей)
Забайкальский край	- Источник инвестиций - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края	- Зависимость от Китая как единственного потребителя экспортной продукции края - Конкурент в агропромышленном секторе - Китайские компании создали схемы вывоза древесины по заниженным ценам или нелегальным каналам
Амурская область	- Источник инновационного развития области - Потребитель электроэнергии - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли - Потенциальный потребитель экспортно-ориентированной продукции области - Источник современных технологий, оборудования, инвестиций для развития новых производств	- Конкурент с более льготными условиями для инвесторов - Конкурент в области сельского хозяйства - Источник угрозы вытесняющей миграции за счёт притока граждан КНР
Якутия	- Потребитель природных ресурсов и электроэнергии - Потенциальный потребитель промышленной продукции	

ЕАО	- Источник дешёвой рабочей силы - Источник инвестиций - Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли области - Потенциальный потребитель воды области - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал области - Привлекательный партнёр для налаживания производственной кооперации	- Конкурент в области туризма - Источник угрозы экологической безопасности региона - Источник угрозы избыточной вытесняющей миграции на территорию Дальнего Востока - КНР проводит политику, направленную на: 1) поощрение ввоза сырья и продукции с низкой степенью переработки; 2) вывоз своей промышленной продукции; 3) трудоустройство за рубежом низкоквалифицированных кадров; 4) аренду российских пахотных земель; 5) максимальное снижение барьеров для вывоза в область товаров и людей - Источник угрозы нелегального освоения лесных ресурсов области - Источник угрозы применения китайскими трудовыми мигрантами земледельческих технологий, приводящих к полному истощению земель - Источник угрозы снижения транзита грузов через территорию области из-за развития Китаем альтернативных транспортных путей из Азии в Европу - Источник угрозы снижения качества жизни населения в силу конкуренции с китайскими мигрантами и ухудшения экологии - Источник угрозы продовольственной безопасности
Магаданская область	- Источник инвестиций	
Камчатский край	- Близость к Китаю позволяет реализовать транзитные функции транспортно-логистической отрасли края - Близость к Китаю позволяет реализовать туристический потенциал края	- Государство, осуществляющее программу по включению Дальнего Востока в сферу «реальных жизненных интересов» - Источник угрозы захвата китайскими компаниями строительного рынка России

Составлено по: Стратегии и программы регионального развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья в системе Базы «Гарант»[34]

и экспорт трудовых ресурсов, использование региона в качестве транспортной площадки для продвижения своих товаров на другие рынки, но одновременно декларируется, что без взаимодействия с КНР развитие области невозможно[33]. Не менее остросюжетны некоторые пассажи о международном окружении стратегии Камчатского края: «В результате глобализации мировой экономики, особенно благодаря наращиванию Россией объёмов международного сотрудничества в области энергетики, добычи ресурсов и транспорта, пространство жизненных интересов Китая, Кореи и Японии всё больше и дальше распространяется на восточные территории РФ...». В стратегиях не указывается, насколько возможности и угрозы значительны и реальны. В результате создаётся устойчивое впечатление, что целью таких официальных репрезентаций является не создание чёткой системы реализации возможностей и отражения рисков, возникающих от соседства с КНР, а демонстрация того, в какой сложной геополитической и геоэкономической ситуации приходится работать дальневосточным чиновникам, а также ответ на призыв Москвы к стратегическому мышлению (проявлением которого выступает рост финансовых вливаний из Центра), столь свойственному, по мнению многих в России, китайским властям.

Япония и Республика Корея в официальном дискурсе Тихоокеанской России

В своём «долгосрочном взгляде» на будущее региональные власти Тихоокеанской России намного меньше внимания уделяют двум другим своим соседям — Японии и Республике Корея. Это видно и по простому количеству упоминаний названных стран в программах развития, и по тому, в каком контексте и какой тональности они упоминаются. В большинстве случаев о Японии и Южной Корее вспоминают лишь при перечислении потенциальных партнёров или же во внешнеторговой или инвестиционной отчётности. Чаще всего в обеих странах видят рынок сбыта дальневосточной продукции (обычно сырья),

в единичных случаях — поставщиков туристов (Камчатка), инвестиций (Якутия) и технологий (Забайкалье).

Кроме вышеуказанных опасений властей Камчатки по поводу включения восточных районов России в сферу жизненных интересов стран Северо-Восточной Азии, в негативном ключе ни Японию, ни Южную Корею власти Дальнего Востока и Забайкалья не воспринимают. Региональные администрации не воспринимают их как конкурентов, не видят в них и угроз собственной экономической безопасности.

Изменчивые планы долгосрочного развития

Насколько взгляды региональных властей на международное окружение и сотрудничество с ним долгосрочны и неизменны? Безусловно, пристрастия меняются в зависимости от ротации кадров: у каждого вновь приходящего к власти руководителя могут быть свои индивидуальные интересы, предпочтения и антипатии. Поэтому мы строили свой анализ представлений руководителей территорий Тихоокеанской России о международном окружении на основе стратегий долгосрочного развития их территорий, которые призваны исключать или хотя бы нивелировать личный фактор. Проблема, однако, заключается в короткой «жизни» самих стратегических документов. В Забайкальском крае программа развития региона до 2025 г., принятая в 2009 г., была замещена в 2013 г. стратегией до 2030 г. Причём в течение двух лет — с 2013 по 2015 г. — эти документы сосуществовали параллельно. Схожие процессы наблюдаются в других территориальных образованиях. В Камчатском крае при действующей до 2025 г. стратегии (утверждена в 2009 г.) почти год обсуждается проект развития региона до 2030 года[35]. С 2015 г. в Приморском и Хабаровском краях также началась подготовка стратегий развития регионов до 2030 г. (иногда границей планирования называют 2035 г.)[36].

Соответственно, даже долгосрочные цели и задачи могут меняться с принятием новой стратегии. Это видно на примере сравнения двух программ развития Забайкалья. В документе,

принятом в 2009 г., инновационный сценарий развития региона предполагал создание российско-китайского научно-исследовательского центра, который должен был стать важнейшим инструментом краевого правительства в области инноваций до 2014 года[37]. К началу 2015 г., когда появилась новая программа, этот центр «нового китаеведения», как его в дальнейшем назвало руководство края, так и не был создан, хотя и активно продвигался властями Забайкалья[38]. В новой стратегии Забайкальского края от этой инициативы либо отказались, либо сочли её выполненной, при этом как свершившийся факт она не обозначается.

Сама идея позиционирования Забайкальского края как площадки для тесной интеграции с Китаем показала свою несостоятельность ещё до принятия новой программы развития. Причина кроется не в непродуманности действий руководства региона, а в неготовности российского общества принять факт близких экономических связей с Китаем. В середине июня 2015 г. в российском информационном пространстве стала муссироваться новость, что правительство Забайкальского края подписало соглашение о передаче китайской компании в аренду более 100 тыс. га пахотных земель сроком на 49 лет по крайне низкой цене. Информация вызвала резонанс общероссийского масштаба, подняв волну патриотических материалов о недопустимости передачи Китаю русских земель, о продажности чиновников и защите национальных интересов в целом[39]. Официальное сообщение властей региона частично опровергло опасения: подписано не соглашение, а протокол о намерениях; земля должна будет передаваться в аренду в ходе аукционов, поэтому конечной цены на неё быть не может[40]. Тем не менее вспыхнувшая истерия показала, что тесная международная интеграция, особенно с Китаем, вряд ли станет оптимальной стратегией для региональных властей.

Но самое важное заключается в том, что каковы бы ни были представления региональных властей о проблемах и перспективах международного сотрудничества, они преимущественно носят виртуальный характер и практически не переходят в плоскость конкретных действий. Администрации территорий

Тихоокеанской России за последнее десятилетие не приняли ни одного закона или административного акта, поощряющего или ограничивающего деятельность китайских трудовых мигрантов, коммерческих предприятий или других организаций, а также российских компаний, развивающих экономические связи с Китаем[41]. Постановления губернаторов и приказы департаментов касаются только оперативных мероприятий: организации встреч и визитов, создания комиссий по проверке экологической обстановки на границе, проведения мер, связанных с выполнением межгосударственных договорённостей, и т.д.

4.3. Международные политико-административные связи и народная дипломатия

При ближайшем рассмотрении оказывается, что административно-бюрократический компонент приграничных и межрегиональных связей в зоне Северной Пацифики достаточно развит как на уровне двусторонних, так и в масштабе многосторонних связей. Региональные институты взаимодействия и инструменты народной дипломатии зачастую используются как вспомогательные средства. Нередко их активность воспринимается в столицах как усилия дилетантов, мешающие воплощению высоких идей и реализации глобальных проектов. Между тем в современных международных отношениях в Северной Пацифике эти акторы и институты, завязанные на приграничные и межрегиональные связи, играют немалую роль. Построенные на совпадении прагматичных интересов соседей, отношениях и симпатиях между людьми, они менее формализованны, чем межгосударственные связи, формируют общую атмосферу и среду международного взаимодействия, способствуют укреплению положительного имиджа России в странах СВА.

В последние десятилетия в Северной Пацифике сложились несколько форматов и институтов межрегиональных связей,

в которые вовлечены территории Тихоокеанской России. Априори они уже работают — в разной степени и с разной эффективностью — на интересы государств и развитие межгосударственных взаимодействий. Первый формат — это двусторонние отношения между территориями, закреплённые двусторонними соглашениями между ними. Второй — побратимские связи (породнённые города и территории). Третий — участие регионов в организациях, созданных на уровне субнациональных правительств СВА и АТР. Четвёртый — система общественных и полуофициальных организаций, нацеленных на развитие дружественных отношений между народами (общества дружбы, взаимодействия и пр.). Пятый — международные форумы.

Все эти организации и институты выступают как элемент мягкой силы в продвижении России в АТР и играют огромную роль как в подготовке самих россиян к взаимодействию со специфическим восточноазиатским миром, так и в актуальном для современности процессе самоидентификации народов, в формировании адекватного имиджа России в странах Северной Пацифики. Особенно важно это для приграничных с Россией территорий, экономически и социально зависящих от связей с Тихоокеанской Россией (Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия в КНР, западные префектуры Японии и ряд городов Хоккайдо) или выстраивающих своё будущее с ориентацией на российское экономическое пространство (Корейский полуостров).

Взаимодействие на политико-административном уровне

У администраций Тихоокеанской России сложились устойчивые каналы взаимодействия с близлежащими территориями стран Северной Пацифики. Связи с Китаем в основном ограничиваются северо-восточными провинциями, с Японией — префектурами западного побережья Хонсю и Хоккайдо. С регионами Южной Кореи взаимодействие более хаотичное, и здесь сложно выделить каких-либо лидеров. Приморье единственное вышло за рамки Северной Пацифики и имеет постоянно

действующее соглашение о сотрудничестве с вьетнамской провинцией Кханьхоа. Амурская область и Хабаровский край в 2014 и 2015 гг. соответственно подписали соглашения об экономическом взаимодействии не с субнациональными органами власти других государств, а с центральным органом власти — Министерством внешних экономических дел КНДР. Ни один регион Тихоокеанской России не имеет соглашений с территориями всех стран Северной Пацифики, не говоря уже об АТР.

По данным МИД РФ, на конец февраля 2014 г. 12 территорий Тихоокеанской России имели 28 действующих соглашений с зарубежными партнёрами, в большинстве своём из стран СВА[42]. Однако проведённый в середине 2016 г. анализ (табл. 2) позволил выявить лишь 22 действующих договора. Около 60% из них приходится на Китай, в том числе более половины заключены с пров. Хэйлунцзян, по два — с пров. Цзилинь и автономным районом Внутренняя Монголия (АРВМ), и лишь один заключён с регионом за пределами Северо-Востока КНР — с пров. Гуандун. Ориентация на приграничные регионы Поднебесной характерна для всех регионов ТР, вне зависимости от того, имеют ли они границу с КНР или прямой выход в Тихий океан. Таблица 2 отчётливо демонстрирует эту особенность.

Если исходить из позиционирования субъектов Тихоокеанской России в мире и географической нацеленности их международных соглашений, то, пожалуй, только Приморский край имеет объективную возможность ориентироваться в равной степени на все страны АТР (или как минимум на ведущие экономики региона). Однако в реальности и эта территория также имеет сильный «китайский» крен. Внимательный анализ встреч представителей властей Приморья[44] с тремя крупнейшими внешнеторговыми партнёрами — Китаем, Японией и Кореей — наглядно демонстрирует, насколько КНР доминирует в его международных связях (табл. 3). По крайней мере, по данным официального портала администрации края, за два года его представители встречались с китайскими партнёрами более 30 раз, намного чаще, чем с представителями Японии (6 раз) и Южной Кореи (5 раз). При этом сам характер встреч был достаточно разнообразным: 11 из них было проведено с властями

Таблица 2

Действующие соглашения краёв и областей Тихоокеанской России с регионами КНР (на сентябрь 2016 г.) [43]

Регион ТР	Год заключения	Регион с китайской стороны	Название соглашения
Амурская область	2009	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
	2014	КНДР	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве
ЕАО	2010	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение об установлении побратимских отношений
	2004, 2010	Хэйлунцзян, КНР	Соглашения с тремя городскими округами провинции Хэйлунцзян: Цзямусы, Хэган, Ичунь
Забайкальский край	2010	АРВМ, КНР	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
	2015	АРВМ, КНР	Соглашение о создании механизма регулярных встреч руководителей регионов
	2010	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
Камчатский край	2010	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах

Приморский край	2000	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве
	1999	Цзилинь, КНР	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве
	2010	Тоттори, Япония	Соглашение о дружественных связях и сотрудничестве
	2010	Акита, Япония	Соглашение о дружественных связях и сотрудничестве
	2013	Кёнги, Р. Корея	Протокол о намерениях по развитию сотрудничества
	2012	Кханьхо, СРВ	Протокол о намерениях по развитию сотрудничества
Республика Саха (Якутия)	2004	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве
Сахалинская область	2014	Хэйлунцзян, КНР	Соглашение об установлении побратимских отношений
	2010	Чеджу, Р. Корея	Соглашение о дружбе и экономическом сотрудничестве
	2000	Хоккайдо, Япония	Соглашение об открытии представительства губернаторства Хоккайдо на территории Сахалинской области
Хабаровский край	2012	Гуандун, КНР	Соглашение об установлении дружественных связей
	2016	Цзилинь, КНР	Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве
	2015	КНДР	Соглашение о торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве

пров. Хэйлунцзян, 8 — с властями пров. Цзилинь, 16 — с бизнесменами, несколько встреч было проведено с представителями центральной власти, а также властями уездного уровня. Япония и Республика Корея на встречах с представителями администрации в основном были представлены бизнесменами.

Таблица 3

Встречи представителей Администрации Приморского края с представителями властей и бизнеса Японии, Китая и Южной Кореи (апрель 2014 г. — апрель 2016 г.)[45]

	Китай	Япония	Республика Корея
Власти центрального уровня страны-партнёра	2	1	0
Власти регионального уровня страны-партнёра	16	0	1
Власти уездного уровня страны-партнёра	2	0	0
Бизнес страны-партнёра	11	5	4
Всего	31	6	5

Континентальные районы Тихоокеанской России в большей степени ориентированы на Китай, чем территории, имеющие выход к морю. Удалённость от Тихого океана и слишком большая разница в социально-экономическом потенциале приграничных территорий формирует ассиметричную схему политико-административного взаимодействия. Она выражается в том, что на сегодняшний момент основные контакты властей таких регионов сконцентрированы по линии «субъект РФ — округ (уезд) КНР», а не по линии «субъект РФ — провинция КНР». В этом формате доминируют связи российских краёв и областей с близлежащими округами Китая. Для Амурской области — это Хэйхэ, для Забайкальского края — Маньчжоули, для ЕАО — Хэган и Цзямусы. По нашим подсчётам, в 2004—2008 гг. власти Амурской обл. провели 117 встреч с официальными лицами Хэйхэ и всего 20 — с хэйлунцзянской бюрократией[46]. Между парами приграничных регионов, не имеющих выхода к морю — Амурской обл. и Хэйлунцзяном[47], Амурской обл. и г. Хэйхэ, Забайкальским краем

и АРВМ[48], Забайкальским краем и г. Маньчжурией[49], — были сформированы совместные рабочие/координационные группы правительств, которые решают вопросы грузоперевозок или реализации двусторонних договорённостей, прежде всего в торгово-экономической сфере. По мнению властей пров. Хэйлунцзян, созданная ими система регулярных встреч с приграничными регионами РФ в дальнейшем будет способствовать формированию Восточного шёлкового пути[50].

Ориентация политико-административных контактов Тихоокеанской России на Китай и прежде всего на его приграничные провинции обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, с конца 1980-х гг. в российско-китайском приграничье на низовом уровне сложилась устойчивая система легальных, нелегальных и полулегальных экономических связей. Их развитие происходило в условиях проблем с китайской трудовой миграцией, коррупции, низкого качества импортируемых товаров, недобросовестной конкуренции и т.д. Связи с Кореей или Японией были по широте и разнообразию несопоставимы со спектром российско-китайского взаимодействия.

Во-вторых, развитию двусторонних контактов способствовало наличие «исторического наследия» в виде многосторонних институтов сотрудничества между ДФО и СВК (Расширенная Туманганская инициатива, Рабочая группа и Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству, о которых речь пойдёт далее).

В-третьих, свою роль сыграла высокая активность китайской стороны. Если бы представители китайской власти и бизнеса не были столь энергичны и не ездили так часто в российские регионы, вряд ли существовало бы такое количество политико-административных контактов (табл. 4).

И, наконец, Москва была убеждена, что основным направлением международного сотрудничества для Дальнего Востока России являются приграничные связи и, следовательно, контакты с Северо-Востоком КНР. Это убеждение красной нитью проходит через все официальные российские документы, регулирующие межрегиональное и приграничное взаимодействие России с КНР. В совокупности весь этот комплекс институтов

Таблица 4

Официальные встречи администрации Приморского и Хабаровского краёв с чиновниками и бизнесменами КНР (с 1 января 2014 по 25 апреля 2015 г.) [51]

Дата	Место мероприятия	Территориальная принадлежность китайских чиновников	Уровень встречи/визита
Приморский край			
18.04.2014	Владивосток	Хэйлунцзян	Губернаторы
14.05.2014	Владивосток	ЯКАО Цзилинь	Глава департамента (РФ) и замглавы округа (КНР)
19.05.2014	Владивосток	КНР	Форум с разнообразным представительством
28.05.2014	Владивосток	Суйфэньхэ (Хэйлунцзян)	Представители департамента (российская сторона) и представители управления (китайская сторона)
30.06.2014	Харбин	Хэйлунцзян	Губернаторы
07.08.2014	Суйфэньхэ	Хэйлунцзян	Руководство департамента (РФ) и вице-губернатор (КНР)
14.10.2014	Владивосток	Провинции СВК	Форум с разнообразным представительством
19.11.2014	Владивосток	Хэйлунцзян	Руководители департаментов
27.11.2014	Владивосток	КНР	Вице-губернатор (РФ) и журналисты, бизнесмены (КНР)
04.12.2014	Владивосток	КНР	Вице-губернатор (РФ) и бизнесмены (КНР)
12.12.2014	Пекин	КНР	Губернатор (с российской стороны). Участие в составе делегации Ю. Трутнева
22.01.2015	Владивосток	Цзилинь	Руководители департаментов
23.01.2015	Владивосток	Хэйлунцзян	Вице-губернатор (РФ) и руководство филиала госбанка (КНР)
10.02.2015	Владивосток	КНР	Глава департамента (РФ) и бизнесмены (КНР)
05.03.2015	Владивосток	Цзилинь	Вице-губернаторы
17.03.2015	Владивосток	КНР	Вице-губернатор (РФ) и бизнесмены (КНР)
07.04.2015	Владивосток	КНР	Руководство департамента (РФ) и китайский бизнесмен (КНР)

Хабаровский край			
10.01.2014	Харбин	Хэйлунцзян	Вице-губернаторы
30.01.2014	Хабаровск	Цзилинь	Главы департаментов
02.06.2014	Харбин	Хэйлунцзян	Губернатор (РФ) и первый секретарь (КНР)
04.08.2014	Фуюань	Фуань (Хэйлунцзян)	Вице-губернатор (РФ) и руководство уезда (КНР)
24.09.2014	Хабаровск	Хэйлунцзян	Губернаторы
19.11.2014	Шэньян	Ляонин	Губернаторы
12.12.2014	Пекин	КНР	Губернатор (с российской стороны). Участие в составе делегации Ю. Трутнева
15.12.2014	Хабаровск	Фуань (Хэйлунцзян)	Начальники управлений
19.12.2014	Хабаровск	Хэйлунцзян, Ляонин	Начальники управлений
26.02.2015	Харбин, Шэньчжэнь	Хэйлунцзян, Гуандун	Вице-губернатор (с российской стороны), с китайской — нет данных
04.03.2015	Хабаровск	Цзилинь	Вице-губернаторы
25.03.2015	Хабаровск	Цзилинь	Начальники управлений
31.03.2015	Хабаровск	Цзилинь	Вице-губернатор (РФ) и бизнесмены (КНР)
16.04.2015	Хабаровск	Цзямусы (Хэйлунцзян)	Начальник управления (РФ) и заместитель мэра (КНР)

и представлений закономерно стимулировал развитие приграничных, а не тихоокеанских контактов Дальневосточных регионов с Китаем.

И всё же не для всех субъектов Тихоокеанской России Китай был главным и неоспоримым партнёром. Для Сахалинской области приоритетом в отношениях является Япония. Область имеет тесные экономические и гуманитарные связи с преф. Хоккайдо. Поскольку Курильские о-ва территориально входят в состав Сахалинской области, она самым непосредственным образом вовлечена в территориальный спор Японии с Россией, и это обстоятельство сказывается на различных аспектах: экономических, административно-политических и гуманитарных отношений Сахалина с японским соседом[52].

Чукотский автономный округ имеет тесные связи с наиболее близким к нему географически штатом Аляска. Их связи развиваются в рамках Региональной комиссии Берингова пролива (*Bering Straits Regional Commission*), созданной ещё в советское время на основе соглашения между СССР и США от 23 сентября 1989 г. В комиссию входят по три представителя от Аляски и Чукотки. Именно в рамках этой комиссии был решён вопрос о двустороннем безвизовом режиме для коренных жителей данных регионов.

Правительства некоторых территорий, в наибольшей степени заинтересованных в установлении тесных международных связей, создают свои представительства в соседних странах. Так, Сахалин имеет своё представительство в Саппоро (с 2006 г.), а преф. Хоккайдо, г. Вакканаи (также преф. Хоккайдо) и штат Аляска — в Южно-Сахалинске. Японская префектура Тоттори учредила представительство во Владивостоке[53], а уезд Хэган (Хэйлунцзян, КНР) — в Биробиджане.

Институты многостороннего сотрудничества

Взаимодействие органов власти Тихоокеанской России с коллегами из близлежащих стран происходит не только на двусторонней основе, но и в формате многостороннего сотрудничества. Во-первых, представители региональных властей включены

в состав межправительственных комиссий, которые объединяют органы исполнительной власти центрального и регионального уровня двух стран. Во-вторых, они участвуют в ассоциациях, состоящих из региональных правительств. Эти институты действуют на постоянной основе, имеют специальную внутреннюю бюрократию или систему переходящего председательства, что формально обеспечивает их постоянную работу. Одновременно существуют регулярные, но непостоянные и не обязывающие к участию формы сотрудничества — международные форумы, конгрессы и ярмарки.

Межправительственные комиссии созданы Россией с Японией, Китаем и Южной Кореей. В их числе Межрегиональная подкомиссия Российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам; Российско-китайская постоянная рабочая группа по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству; Комитет по Дальнему Востоку и Сибири Российско-корейской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Все они функционируют под руководством центральных властей (заседания возглавляют заместители министров) и с участием местных администраций. Их основной задачей является выработка предложений для переговоров на высшем уровне, а также обмен информацией и опытом.

С точки зрения эффективности решения проблем, возникающих в процессе межрегионального и приграничного взаимодействия, такие институты должны иметь наибольшее значение, т.к. они обеспечивают представительство различных уровней власти и ведомств в обсуждении текущих вопросов. Однако в силу отсутствия соответствующей информации оценить эффективность этого в реальности невозможно. Если мероприятие проходит в стране-партнёре (Китае, Японии, Южной Корее), то, как правило, информация о заседаниях на русском языке отсутствует. При этом подкомиссии собираются на встречи нерегулярно, что говорит о некритическом характере таких институтов для реального экономического или культурного сотрудничества. Например, в 2007 г. Дальневосточная

подкомиссия Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам была преобразована в Подкомиссию по межрегиональному сотрудничеству для усиления межрегиональных связей и их расширения за счёт включения в них регионов со всей России[54]. Однако заседания подкомиссии проводились с вольной периодичностью: в 2007, 2008, 2011, 2014 и 2016 гг. Вряд ли это может говорить о высокой степени планирования и согласованности в решении общих вопросов взаимодействия.

С начала 1990-х гг. в дополнение к межправительственным институтам органы власти Тихоокеанской России совместно с органами исполнительной и законодательной власти других стран начали формировать институты многостороннего межрегионального сотрудничества. В подавляющем большинстве случаев такие структуры до распада СССР не существовали и появились лишь как результат взаимодействия региональных властей Южной Кореи, Японии, Китая, России и других стран в целях регулирования, стимулирования и развития стихийно складывавшихся или желаемых (например, в случае с проектом «Туманган») тенденций экономического регионализма на границах двух или нескольких соседних государств, в бассейне Японского моря или на более широком пространстве — СВА или АТР.

Самой масштабной по географическому охвату платформой межрегиональных связей сегодня является Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА). В АРАССВА входит большинство регионов Тихоокеанской России и Сибири, северо-восточные и центральные провинции Китая, практически все префектуры западного побережья Японии, все провинции и города прямого подчинения Республики Корея (кроме Сеула), окраинная провинция КНДР Хамкёнбук-до вместе с г. Расон, все аймаки Монголии. Организация объявила своей целью «внести совместный вклад в развитие региона Северо-Восточной Азии, установление мира во всём мире путём создания механизмов обмена и сотрудничества между региональными администрациями»[55]. Её деятельность в основном ограничивается заседаниями представителей региональных администраций, на которых стороны

обмениваются информацией и опытом и обсуждают проблемы и перспективы реализации совместных проектов.

АРАССВА ежегодно проводит Саммит по международному обмену и сотрудничеству региональных администраций стран Северо-Восточной Азии. Впервые Саммит был проведён в 1994 г. с целью развития регионального экономического сотрудничества между территориями бассейна Японского моря, углубления взаимопонимания и укрепления дружественных связей между регионами-соседями. Участниками Саммита являются территории стран бассейна Японского моря: Приморский край (Россия), пров. Цзилинь (КНР), пров. Кангвон (Республика Корея), префектура Тоттори (Япония), Центральный Аймак (Монголия) [56]. Какая-либо подробная информация о работе этого механизма многостороннего сотрудничества в открытом доступе отсутствует.

Менее масштабными и амбициозными организациями являются Саммит азиатско-тихоокеанских городов (*Asian Pacific City Summit:* 31 город из 13 стран) и Организация по развитию туризма городов АТР (*Tourism Promotion Organization for Asia Pacific Cities:* 75 городских правительств и 37 представителей промышленности из 10 государств). Только два российских города — Владивосток и Иркутск — участвуют в первом из них.

Две другие организации — Северный форум (*Northern Forum*) и Конференция мэров городов бассейна Японского моря (*Conference of Mayors of Japan Sea Rim*) — ограничены по числу участников и ещё менее известны, хотя в первой и доминируют представители России*. Кроме того, существуют организации, построенные под пространство Северной Пацифики. Наиболее значимые из них — это Форум пограничной охраны Северной Пацифики (*The North Pacific Coast Guard Forum — NPCGF*) и Комиссия по анадромным рыбам Северной Пацифики (*North Pacific Anadromous Fish Commission*).

Институтом многостороннего сотрудничества является также Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). Она стала

---

* В настоящее время Республика Саха (Якутия) является наиболее активным участником данного форума.

наследницей проекта «Туманган»[57], который возник в начале 1990-х гг. в целях формирования особой экономической зоны на границе РФ, КНР и КНДР. В настоящее время эта организация является площадкой для проведения правительственных и экспертных обсуждений интеграционных инициатив в сфере транспорта, логистики, энергетики, финансов на территории Северо-Восточного Китая, Приморского края и восточной части Монголии. Из всех участников проекта он по-настоящему интересен лишь Китаю, в частности — пров. Цзилинь[58], тогда как российская сторона внимания к нему не проявляет[59] и, скорее всего, сохраняет там своё участие в силу бюрократической инерции. В 2011 г. в рамках РТИ был создан Комитет местного сотрудничества РТИ в Северо-Восточной Азии, в который вошли Приморский край, северо-восточные провинции Китая, территории Южной Кореи, Японии и Монголии.

Ряд институтов двустороннего сотрудничества (Россия — Китай, Россия — Япония, Россия — США) создан региональными администрациями Северной Пацифики (без участия центральных властей). В настоящее время функционируют четыре таких механизма: Российско-американское тихоокеанское партнёрство; Постоянная смешанная комиссия «Дальний Восток России — Хоккайдо»; Российско-японская инициативная рабочая группа по межрегиональному сотрудничеству; Российско-китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству.

Исторически первым таким институтом стала Постоянная смешанная комиссия «Дальний Восток России — Хоккайдо». Она возникла в 1992 г. С японской стороны комиссию возглавляет губернатор Хоккайдо, с российской — губернатор Сахалинской области. В соответствии с положением об этом институте председатель каждой из частей комиссии определяет заместителей председателя. Заместителями председателя российской части ПСК являются руководители внешнеэкономических органов администраций (правительств) краёв и областей. Кроме того, для обеспечения непрерывного осуществления экономических контактов назначаются координаторы — по 1 человеку от Приморского, Хабаровского краёв, Сахалинской области

и Хоккайдо. В 2012 г. была принята пятая программа экономического сотрудничества между Дальневосточными регионами России и Хоккайдо. Она нацелена на развитие межрегиональной интеграции и предполагает сотрудничество по следующим направлениям: совершенствование деловой среды и условий для инвестиций, развитие логистики и кадровых обменов, обеспечение комфортных условий для населения, включая развитие связей в области медицины, и другие.

Вторым институтом многостороннего межрегионального сотрудничества России и Японии является Российско-японская инициативная рабочая группа по межрегиональному сотрудничеству. Она была создана в 2007 г., через год после встречи В. Путина и Синдзо Абэ, на которой стороны подтвердили необходимость развития межрегиональных связей. Принципы функционирования группы не описаны в литературе или публичном пространстве. Так, на её третьем заседании в 2010 г. главную организующую роль с японской стороны играл Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии, с российской — Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье»[60]. На четвёртом заседании в 2011 г. собрались только представители нескольких регионов Дальнего Востока России и западного побережья Японии[61]. После проведения этого мероприятия организация, по всей видимости, собираться перестала, т.к. нам не удалось найти никаких признаков её деятельности в открытом информационном пространстве.

Отсутствие специальных механизмов регулирования межрегиональных связей РФ и США на высшем уровне компенсируется ежегодными заседаниями Российско-американского тихоокеанского партнёрства (РАТОП), история которого начинается в 1994 г. После прекращения заседаний Межправительственной комиссии «Гор — Черномырдин/Кириенко/Примаков» в конце 1990-х гг. РАТОП стал играть ключевую роль во взаимодействии двух стран на Тихом океане, т.к. в состав делегаций входили представители центральных и местных (восточных районов РФ и западного побережья США, в т.ч.

штата Техас, участие которого, очевидно, обусловлено интересом к нефтегазовым проектам) правительств, а также бизнеса и исследовательского сообщества. Это позволяло участникам доносить свою позицию до федеральных центров двух стран, что превращало площадку РАТОП в значимый лоббистский ресурс для Дальневосточных регионов. Конечно, большую роль играл тот факт, что совпадение повестки переговоров по вопросу о добыче энергоресурсов в Охотском море способствовало американским инвестициям в сахалинскую нефтегазовую отрасль. Вероятно, заседания партнёрства стали одним из каналов для поиска компромисса интересов, что позволило вывести проект «Сахалин-1» из-под антироссийских санкций.

В настоящее время работают только три сектора РАТОП: транспорта и торговли, энергетики и высоких технологий, природоохранной деятельности и туризма. Эти секторы отражают сохранившиеся экономические связи двух стран в Тихоокеанской России, а также заинтересованность США в данных сферах дальневосточной экономики. На заседании организации в июле 2016 г. в Сан-Франциско стороны обсуждали вопросы сотрудничества в Арктике, влияние взаимных санкций на двустороннюю торговлю, упрощение визового режима, продвижение бренда дальневосточных территорий на США. В частности, стороны рекомендовали «...объединить усилия с целью выработки единых правил пользования и управления Северным морским путём», «...правительствам США и Российской Федерации, при наличии возможности, и в возможно короткие сроки рассмотреть вопрос об отмене или значительном ослаблении...» санкций. Были и такие предложения: «рекомендовать российским федеральным и региональным властям привлекать владельцев малых предприятий к разработке законодательства и создавать необходимые условия для развития малого бизнеса»[62]. Призывы американской стороны к либерализации экономики России занимают устойчивое место в отчётных документах собраний партнёрства.

В июле 2017 г. в Якутске состоялось 22-е заседание РАТОП, на котором обсуждались вопросы энергетики, энергоэффективности, охраны окружающей среды, проблемы освоения

Арктики, виз и пропуска в пограничные зоны, научное сотрудничество, обмены, транспорт, санкции, двустороннее взаимодействие, туризм, сотрудничество в сфере образования и изучение исторически значимых событий[63].

Российско-китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству возник в 1998 г., через год после подписания на межправительственном уровне соглашения о принципах сотрудничества между региональными правительствами РФ и КНР. Последние протоколы встреч в рамках этого формата взаимодействия отчётливо показывают совпадения и разногласия в позиции властей ТР и КНР в двустороннем сотрудничестве. Китайская сторона продолжает настаивать на большей прозрачности российских границ, увеличении количества пунктов пропуска, устранении таможенных барьеров и т.д., а российская делает упор на привлечение китайских инвестиций и расширение своего экспорта[64]. Эффективность работы организации оценить достаточно сложно. На сайте российского координатора указано, что «за прошедшие годы с момента создания... товарооборот между территориями Дальнего Востока и Забайкалья и северо-восточными провинциями КНР вырос в два раза, принят ряд мер по совершенствованию законодательной базы приграничного сотрудничества»[65]. Однако если унификация законодательства на самом деле являлась прямым следствием работы Координационного совета, то прямую связь между ростом товарооборота и работой данного органа проследить вряд ли возможно.

Схожие формулировки можно встретить и при описании деятельности Российско-японской инициативной рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству. «Правительством Российской Федерации, местными органами власти, деловыми кругами за период после 3-го заседания ИРГ проделана определённая работа по снятию ограничений в области транспортной инфраструктуры: введены в эксплуатацию первая очередь ВСТО, ж/д „Томмот — Якутск“, нефтепорт Козьмино, газопровод „Сахалин — Хабаровск — Владивосток“, автодорога „Чита — Хабаровск“; завершена проходка Кузнецовского тоннеля, расширяются мощности портов в Ванино и Совгавани.

Минтрансом РФ принято решение о введении режима „открытое небо“ для Владивостокского аэропорта» — сообщалось на заседании рабочей группы[66]. Группа не информирует о характере своей причастности к этим делам, о том, что именно было сделано в результате её работы, но охотно перечисляет события, к которым ИРГ не имеет никакого отношения.

В той или иной степени все эти структуры действуют. Проводятся совещания, принимаются решения, публикуются материалы заседаний и программы работы. Однако практически невозможно вывести какие-то прямые связи между результатами их работы и состоянием приграничных и межрегиональных связей.

Международные форумы как элемент интеграции

Другим форматом взаимодействия властей Дальневосточных регионов с зарубежными политическими структурами являются международные форумы. В Восточноазиатском регионе сложился целый набор таких площадок, включая Восточный экономический форум, активно продвигаемый российской стороной с 2014 г. Всех их объединяет общая цель — поиск путей для экономической интеграции заинтересованных государств и территорий.

На китайской стороне самым массовым и влиятельным мероприятием такого формата является Харбинская торгово-экономическая ярмарка (ХТЭЯ)[67]. Ещё в начале 1990-х гг. она позиционировалась как площадка для развития приграничного сотрудничества, однако в дальнейшем несколько раз меняла свой географический охват и в последние годы больше ориентируется на всю Северо-Восточную Азию[68]. Успех ХТЭЯ объясняется найденным балансом между политической и экономической составляющими мероприятия, т.к. она фактически стала одним из ведущих мероприятий на территории регионов, географически близких к Японскому морю, на котором местные бизнесмены и политики могут обсудить разнообразные вопросы взаимодействия. Её политическую силу

доказывает регулярное участие в ней руководителей территорий ТР. Три из семи международных соглашений пров. Хэйлунцзян с регионами Тихоокеанской России были подписаны в рамках ХТЭЯ (табл. 2).

Экспо «Китай — Северо-Восточная Азия»[69], проводимое раз в два года в столице пров. Цзилинь г. Чанчунь, также претендует на интеграционную площадку взаимодействия властей и бизнеса СВА. Из регионов ТР мероприятие интересно в основном Приморскому краю, т.к. фактически направлено на реализацию инициатив, прямо выходящих на пограничные районы Приморья.

В Японии в г. Ниигата ежегодно проводится Международная конференция по экономическому развитию Северо-Восточной Азии. Она менее масштабна, чем китайские мероприятия, и в основном имеет экспертный уклон с небольшим представительством официальных органов власти России и других стран. В последние годы в конференции принимают участие порядка 300 представителей Японии, Китая, России и других государств[70]. Непосредственный организатор мероприятия — Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии (Ниигата, Япония).

Со второй половины 2000-х гг. повысилась активность российской стороны в организации международных Дальневосточных форумов. Наиболее успешным был Дальневосточный международный экономический форум, проводившийся в Хабаровске до 2011 г. Он пользовался поддержкой Москвы и был ориентирован на неё[71], хотя и привлекал иностранные делегации, включая представителей центральной власти соседних государств и, конечно, чиновников и бизнесменов приграничных и прибрежных регионов Китая, Японии и Кореи. Тихоокеанский экономический конгресс во Владивостоке и другие менее значимые региональные мероприятия также были ориентированы на Москву[72] и замыкались на конкретный регион (другие Дальневосточные регионы были слабо представлены на этих мероприятиях).

В 2010-е гг. «поворот России на Восток» изменил концепцию и формат международных форумов Тихоокеанской России. После Саммита АТЭС во Владивостоке центральная власть

обязалась ежегодно проводить общий для Тихоокеанской России Восточный экономический форум (ВЭФ). В 2014 г. он по техническим причинам не состоялся и был перенесён на 2015 год[73]. Его главной задачей стало «позиционирование Дальнего Востока России как образца новой модели развития, направленного на более активную интеграцию России в АТР за счёт активного международного сотрудничества, привлечения российских и иностранных инвестиций и технологий, передовых практик, развития новых схем взаимоотношений государства, бизнеса и общества»[74]. Мероприятие изначально позиционируется Москвой как экономическое и общероссийское, поэтому вряд ли ВЭФ станет драйвером политико-административных контактов собственно Тихоокеанской России с соседними странами, хотя первое заседание Форума губернаторов Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая состоялось в сентябре 2015 г. именно в рамках ВЭФ.

Побратимские связи

Территории и города Тихоокеанской России активно развивают побратимские связи с партнёрами из зарубежных стран. География связей вполне предсказуема — в основном это страны Северной Пацифики, среди которых преобладают провинции, округа и города Северо-Восточного Китая и Южной Кореи, префектуры и города западного побережья Японии.

В общей сложности территории России к востоку от Байкала имеют в Северной Пацифике более 100 партнёров[75]. Эти регионы лидируют по числу побратимских отношений России со странами СВА: на них приходится более 84% соглашений этого характера с Японией (36 из 43), 65% — с Южной Кореей и 28% — с Китаем (32 из 114 соглашений)[76]. Можно по-разному оценивать результативность этих связей, но то, что они являются важнейшим инструментом организации гуманитарного обмена и формирования отношений между людьми, — бесспорный факт.

Побратимские связи используются не только для гуманитарного обмена, но также для поддержания взаимных контактов на уровне бюрократии. Например, в 2012 г. 25% российско-японских

мероприятий, организованных в рамках побратимских связей, можно отнести к чисто бюрократическим контактам, 23% мероприятий проходило по линии образования, 17% — по линии культуры[77].

У крупнейших городов Дальнего Востока имеются от 2 до 11 побратимов. Безусловно, важную роль в количестве и качестве связей играют экономические возможности, особенности историко-культурного развития и географическое положение муниципалитета. Самый большой и разнообразный набор городов-побратимов имеет крупный портовый г. Владивосток. Нижеприведённая таблица показывает, что определённую роль в побратимских связях играет и активность властей. По крайней мере, только так можно объяснить разницу в количестве побратимских городов, например, Благовещенска и Магадана: у первого их два, и оба из КНР, у второго — пять, включая совершенно неожиданные муниципалитеты Болгарии и Латвии.

Таблица 5

Побратимские связи муниципалитетов Тихоокеанской России[78]

Город ТР	Зарубежные города-побратимы
Владивосток	Далянь (КНР), Пусан (РК), Джуно (США), Сан-Диего (США), Такома (США), Акита (Япония), Ниигата (Япония), Хакодатэ (Япония), Вонсан (РК), Манта (Эквадор), Яньбянь — Корейский автономный округ (КНР), Инчон (РК)
Хабаровск	Ниигата (Япония), Портленд (США), Виктория (Канада), Харбин (КНР), Пучон (РК), Санья (КНР)
Благовещенск	Удаляньчи (КНР), Хэйхэ (КНР)
Магадан	Шуаняшань (КНР), Златица (Болгария), Тунхуа (КНР), Елгава (Латвия), Анкоридж (США)
Биробиджан	Бивертон (США), Маалот-Таршиха (Израиль), Хэган (КНР), Ниигата (Япония), Ичунь (КНР)
Южно-Сахалинск	Вакканай, Асахикава, Хакодатэ (Япония), Ансан (Корея), Яньцзи (КНР)
Петропавловск-Камчатский	Уналашка (США), Кусиро (Япония)
Якутск	Фэрбанкс (США), Йеллоунайф (Канада), Мураяма (Япония), Чханвон (РК), Хэйхэ (КНР), Харбин (КНР), Древняя Олимпия (Греция)
Чита	Маньчжоули (КНР), Абилин (США), Чойбалсан (Монголия), Тита (Япония), Хайлар (КНР)

Перечислить все пары побратимов ТР крайне сложно в силу того, что специальный подсчёт этого вида связей ведётся только в регионах и крупных городах Тихоокеанской России. Малые муниципалитеты и районы обычно не попадают в официальные списки соответствующих ведомств России и других стран, хотя и стали особенно активны в сфере побратимских отношений в последние годы. Таких примеров достаточно: хэйлунцзянский город Суйхуа и амурский Белогорск стали побратимами в 2009 г.[79], якутский Верхневилюйск и хэйлунцзянский Тунцзян — в 2012 г.[80], Хасанский р-он Приморского края и цзилиньский Хуньчунь — в 2014 г.[81] В большинстве случаев пары малых городов отвечают символическим интересам одной из сторон. Например, Хуньчунь уже давно заявляет о планах по созданию особой экономической зоны с участием Хасанского района и северо-корейского приграничья. Тунцзян позиционирует себя в качестве узлового пункта на пути к р. Амур и в северные районы Дальнего Востока России.

Безусловно, на муниципальном уровне побратимские отношения стали основой не только политико-административного, но также культурного и экономического сотрудничества. Однако нельзя преувеличивать их значение. Не всегда у муниципалитетов есть финансовые средства, чтобы поддерживать контакты. Более того, иногда побратимские связи могут являться следствием бюрократической работы. Хэйлунцзянский Суйхуа ещё в 2005 г. начал искать побратимский город в Амурской области, но не напрямую, а через Генеральное консульство КНР в Хабаровске. В процессе поиска сформировалась целая цепочка: генконсульство обратилось в представительство МИД в г. Благовещенске, представительство МИД — в администрацию Амурской области, область — к главе Благовещенского района, который дал согласие, и цепочка заработала в обратном направлении[82]. Однако связи с Благовещенским р-ном по неизвестным причинам так и не были установлены, и только через четыре года Суйхуа «породнился» с Белогорском. Бюрократические инициативы проявляются не только на муниципальном уровне и свойственны не только китайской стороне. На 14-м заседании Координационного совета у российской

стороны возникло предложение «создать Подкомиссию по развитию побратимских связей Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств»[83].

Насколько эффективно используются эти институты и организации для решения региональных и общенациональных задач? Очевидно, что говорить о каких-то значимых результатах будет лукавством. К сожалению, обширная сеть административно-политических и общественных связей, которые субнациональные правительства и Тихоокеанская Россия уже выстроили по всей Северной Пацифике, не используется в общенациональных целях для решения государственных задач и лишь в минимальной степени вносит вклад в продвижение России в АТР. Российское правительство рассматривает эти институты и организации лишь как инструменты для развития региональных связей, решения локальных задач, а не как действенные средства внешней политики государства[84].

В целом в настоящее время региональные администрации лишены возможности стать влиятельным игроком в деле экономической интеграции Тихоокеанской России в зону Северной Пацифики. В их арсенале существует небольшой ряд полномочий, которые могут быть задействованы для активизации внешнеэкономического сектора региона, но в условиях дефицитных бюджетов их применение нерационально. Существующие меры поддержки экономики в регионах не дифференцируют бизнес по государственной принадлежности, поэтому иностранный инвестор не является ни объектом системных преференций, ни объектом системной дискриминации.

Взгляды дальневосточных администраций на международное сотрудничество крайне разнообразны и непоследовательны. Консенсус существует только в представлении о важности взаимодействия со странами АТР для будущего регионов. В официальных концепциях администраций отсутствуют конкретные меры, которые они готовы предпринять для привлечения иностранного инвестора или развития конкретной отрасли, ориентированной на экспорт. Ни у одного региона нет развёрнутой программы действий по сотрудничеству со странами АТР, хотя подобная стратегия в отношении России есть,

например, у китайской пров. Хэйлунцзян — главного соседа пяти территорий ТР. Китайский опыт не обязательно копировать, однако очевидно, что системная политика в отношении иностранных партнёров не может сформироваться в хаосе подходов к международному взаимодействию.

Самая большая проблема политико-административных контактов регионального масштаба заключается в невозможности оценить их экономическую эффективность. В отличие от диалога на высшем уровне, который нередко сопровождается обсуждением серьёзных экономических проектов и подписанием сделок между крупными компаниями, межрегиональные политико-административные связи не характеризуются насыщенной экономической повесткой.

Тем не менее вовлечение территорий Тихоокеанской России в деятельность этих институтов и организаций уже сформировало платформу для взаимодействия России со странами региона. Связи между региональными элитами Тихоокеанской России, с одной стороны, и провинциями, префектурами и городами Северной Пацифики, с другой, много плотнее и глубже, чем аналогичные связи Центра и прочих территорий России.

4.4. Атмосфера для международного взаимодействия Тихоокеанской России: общественные настроения, предпочтения, барьеры

В 90-е гг. XX в. характер трансграничных и межрегиональных связей Тихоокеанской России в значительной степени определялся интересами и действиями представителей разных слоёв населения, в обычной жизни слабо вовлечённых в международное взаимодействие. В условиях глубокого экономического кризиса, близости и открытости границ они были вынуждены самостоятельно искать средства к существованию, поддержанию и развитию своих отраслей, предприятий, организаций и территорий за пределами страны. Значительная часть населения Тихоокеанской России в той или иной степени

не только оказалась вовлечена в международные отношения, но и определяла их содержание, глубину и направленность. Соответственно, от взглядов этого населения на внешнее окружение, на нынешних и потенциальных партнёров и соперников, от его предрасположенности к одним странам и народам и антипатии к другим в немалой степени зависит будущее международных связей Тихоокеанской России.

Характер этих взглядов, их состояние и динамика с середины 1990-х гг. являются предметом мониторинга Лаборатории изучения общественного мнения ИИАЭ, проводившегося на основе регулярных опросов населения юга ДФО. Подробные итоги опросов опубликованы[85], за исключением результатов последнего, состоявшегося весной 2016 г. в южной части Дальневосточного федерального округа[86]. Представленный в этом разделе анализ динамики и нынешнего состояния взглядов жителей Тихоокеанской России на её внешнее окружение, друзей и врагов, партнёров и соперников основан на результатах опросов 2013 и 2016 гг., а также специального опроса экспертов 2015 г.[87]

Общие настроения: нужны ли интеграция и международное взаимодействие?

Начнём с общего вопроса: существует ли общий настрой жителей региона на международное и межрегиональное взаимодействие, способный служить основой для развития его контактов с внешним окружением? Совершенно очевидно, что такой настрой есть. «Россия — это Тихоокеанская держава», — так ответили 51% опрошенных жителей Дальнего Востока в 2010 г. и 64% экспертов в 2015 г. 83% экспертов также считают, что намерения Кремля интегрировать Россию в Азиатско-Тихоокеанский регион соответствуют интересам страны.

В понимании большинства экспертов, тренды развития Дальнего Востока определяются двумя главными интересами Москвы: превратить регион в платформу для интеграции России в АТР и сохранить территорию в составе страны. Обе позиции

имеют мощную внешнюю составляющую и предполагают нахождение зыбкой грани между глубиной вовлечения территории в региональные и глобальные процессы, с одной стороны, и обеспечением её самостоятельности и минимальной внешней зависимости — с другой. Для многих жителей региона вполне очевидно, что Тихоокеанская Россия уже испытывает мощное влияние извне. Степень такого влияния эксперты оценивают по-разному. В области политики его присутствие обнаружили 35% респондентов, в экономике — 84%, в финансовой сфере — 48%, в культурной жизни — 25% (рис. 2).

Поддерживая курс Кремля на интеграцию России в АТР, эксперты трезво оценивают её потенциал и возможности. Две сферы экономической деятельности — совместную разработку природных ресурсов и взаимодействие в сфере транспорта и логистики — они считают реально доступными для РФ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В возможность производственной кооперации верит лишь каждый четвёртый (27%), а в сотрудничество в сфере высоких технологий — каждый шестой (15%) (рис. 3). Некоторые также считают возможным взаимодействие по обеспечению региональной безопасности (18%) и защите окружающей среды (12%).

Главным препятствием для эффективного развития международных связей Дальнего Востока его жители называют низкий уровень экономического развития региона (72% респондентов в 2016 г.) и незаинтересованность Москвы в развитии этих отношений (39%) (рис. 4).

Первый фактор практически в равной степени (от 68 до 73% респондентов) преобладает во всех точках опроса. Обида на Москву сильнее всего видна в Биробиджане (47% респондентов), в наименьшей степени — во Владивостоке (31%). 29% опрошенных констатировали отсутствие желания местных властей, причём в Биробиджане таковых почти в два раза больше, чем во Владивостоке (41 против 21%). Фактор требует внимания, поскольку власти каждой из территорий публично и систематически декларируют свою приверженность развитию международных связей, но не у всех в одинаковой степени это получается.

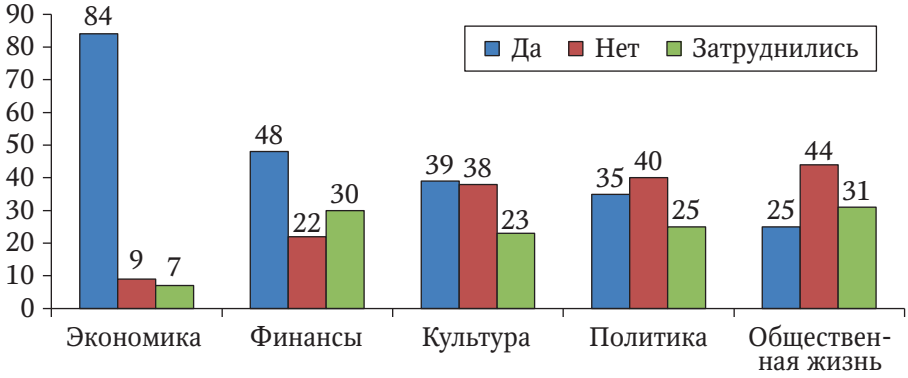


Рис. 2. В каких областях Вы замечаете иностранное присутствие на Дальнем Востоке? (эксперты, в % от числа опрошенных)

Рис. 3. Доступные для России сферы взаимодействия со странами АТР (эксперты, в % от числа опрошенных)

Рис. 4. Главные препятствия для эффективного развития международных связей Дальнего Востока (2016 г., в % от числа опрошенных)

Однако эксперты не разделяют мнение о пассивности Москвы. В большинстве своём они не согласны с тезисом, что *«отсутствие интереса к АТР у российского руководства»* является препятствием на пути к полнокровному присутствию России в этом регионе: в опросе экспертов этот ответ получил поддержку только 5% опрошенных. Почти две трети экспертов также указывают на проблемы в сфере экономики: на первом месте, по мнению опрошенных, стоит *«экономическая неразвитость Дальнего Востока»* (этот фактор отметили 34%), на втором — *«слабое экономическое присутствие России в АТР»* (28%). 24% делают акцент на демографию, отмечая *«малую численность населения Дальнего Востока»*. *«Культурная непохожесть России»*, как препятствие к международному взаимодействию, набрала только 6% голосов экспертов.

Почти две трети жителей и 90% экспертов Тихоокеанской России рассчитывают на содействие внешнего мира в развитии её экономики и внешних связей. Отвечая на вопрос *«Какие из государств заинтересованы в интеграции России в АТР и развитии Дальнего Востока?»* (табл. 6), более половины (52%) первых и 80% вторых указали на Китай. Половина экспертов также надеется на заинтересованность Сеула, 40% — Ханоя и 29% — Токио. Взгляды рядового жителя Тихоокеанской России менее оптимистичны.

Таблица 6

«Какие из государств заинтересованы в интеграции России в АТР и развитии Дальнего Востока?» (в % от числа опрошенных)

	Население (2013 г.)	**Эксперты (2015 г.)**	**Население (2016 г.)**
Китай	38	80	**52**
Южная Корея	16	50	16
Вьетнам	нет данных	40	19
Япония	24	29	19
Сингапур	нет данных	12	7
США	5	4	1
Никакие	20	5	9
Затруднились с ответом	24	7	28

Приоритеты: с кем сотрудничать?

На протяжении 1990-х гг. и начала нового века очевидным приоритетом в развитии отношений для жителей Тихоокеанской России являлась Япония. В 2008 г. на первое место вышел Китай, оттеснив своего восточного соседа на вторую строчку (рис. 5).Тогда 50% жителей юга Дальнего Востока заявили, что именно с ним необходимо развивать связи в первую

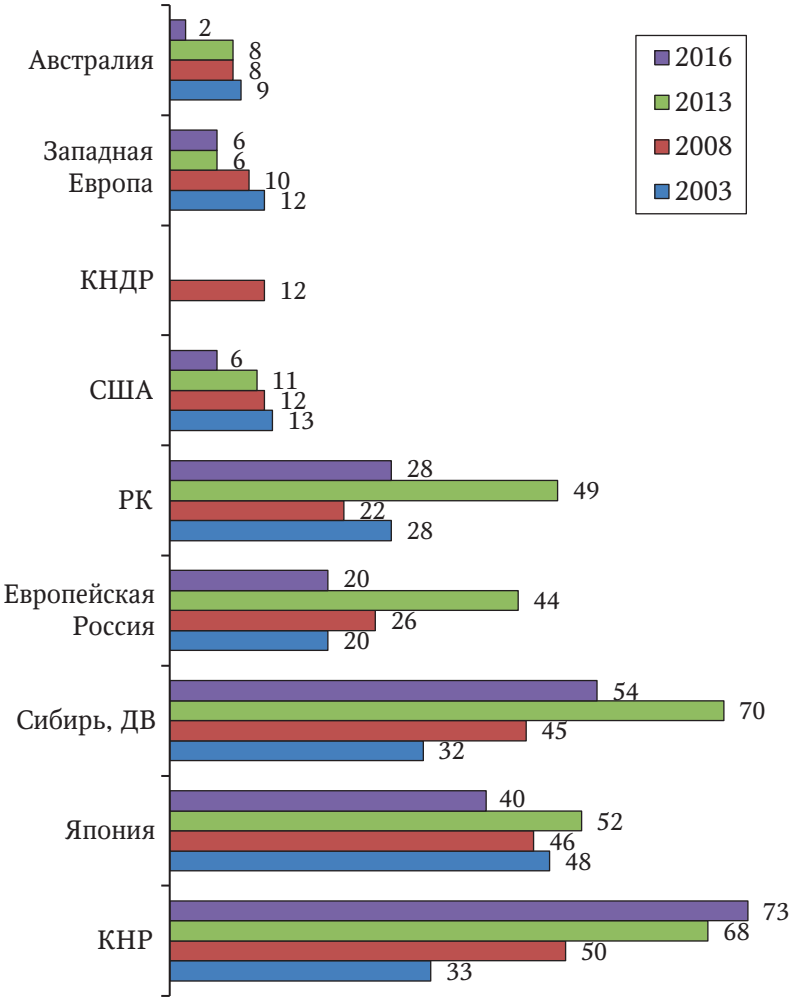


Рис. 5. Приоритетные страны и территории для развития отношений (не более трёх ответов, в % от числа опрошенных)

очередь. Лидерство Китая упрочилось в середине второго десятилетия: в 2013 г. 68% респондентов указали на эту страну, в 2016 г. — 73%. В 2013 г. резко подскочил рейтинг Южной Кореи. Интерес к последней, видимо, был связан с тем, что в том году южнокорейские бизнес и дипломатия заметно повысили свою активность, особенно в Приморском крае, что нашло своё отражение в СМИ и, соответственно, в сознании людей. Однако в дальнейшем всё вернулось на свои места.

Место жительства респондентов лишь в незначительной степени определяет выбор их приоритетов. Даже для экспертов Магадана, в экономической жизни которого, как и Магаданской области, КНР играет незначительную роль (табл. 7), Китай выступает как главный ориентир в развитии экономических связей. Уверенность экспертов, как и жителей региона в целом, в заинтересованности Пекина в сотрудничестве с Москвой и освоении Россией дальневосточных территорий, заметно повышает уровень доверия населения к предложениям и инициативам Китая и делает его приоритетом для развития отношений.

Таблица 7

Приоритетные направления развития экономических отношений и доля стран Северной Пацифики во внешней торговле территорий (в %)

	Доля экспертов (2015 г.) / населения (2016 г.), выступающих за первоочередное развитие отношений со страной				**Доля страны во внешней торговле территории (2014 г.)** [88]			
	Хабаровск	**Владивосток**	**Магадан**	**Благовещенск**	**Хабаровский край**	**Приморский край**	**Магаданская обл.**	**Амурская обл.**
КНР	87 / 73	89 / 65	77 / нд	88 / 81	41,1	52,4	5,6	87,5
РК	39 / 29	50 / 45	38 / нд	47 / 18	18,3	17,0	60,3	2,2
Япония	33 / 46	42 / 51	29 / нд	16 / 38	8,6	16,9	11,9	0,4
3 страны					**68,0**	**86,3**	**77,8**	**90,1**
США	0 / 6	8 / 9	4 / нд	3 / 3	13,7	2,5	3,9	0,0
КНДР	14 / 6	10 / 7	4 / нд	3 / 5	0,1	0,2	0,0	0,3

Если отдаваемое респондентами предпочтение Китаю в качестве приоритетного направления развития международных связей обусловлено прагматическими соображениями, то выбор Японии, особенно среди населения Тихоокеанской России, определяется преимущественно эмоциональным фактором — устойчивыми симпатиями к этой стране, стабильно зафиксированными в ходе всех опросов.

Эти пристрастия выявляются на основании ответов респондентов на следующие вопросы: 1) *Какие страны вызывают у Вас наибольшие симпатии?* 2) *Куда бы Вы хотели съездить в качестве туриста?* 3) *Где бы Вы хотели временно поработать?* 4) *В какую страну Вы хотели бы переехать на постоянное жительство?*

Необходимо учитывать, что каждый из опрашиваемых мог выбрать не более трёх стран, которые казались ему наиболее привлекательными, поэтому выстроенная таблица приоритетов выявляет только симпатии, а не антипатии россиян.

Результаты опросов говорят о стабильности симпатий и приоритетов жителей Дальнего Востока. На протяжении последних 15 лет перечень наиболее привлекательных стран АТР практически не менялся (рис. 6).

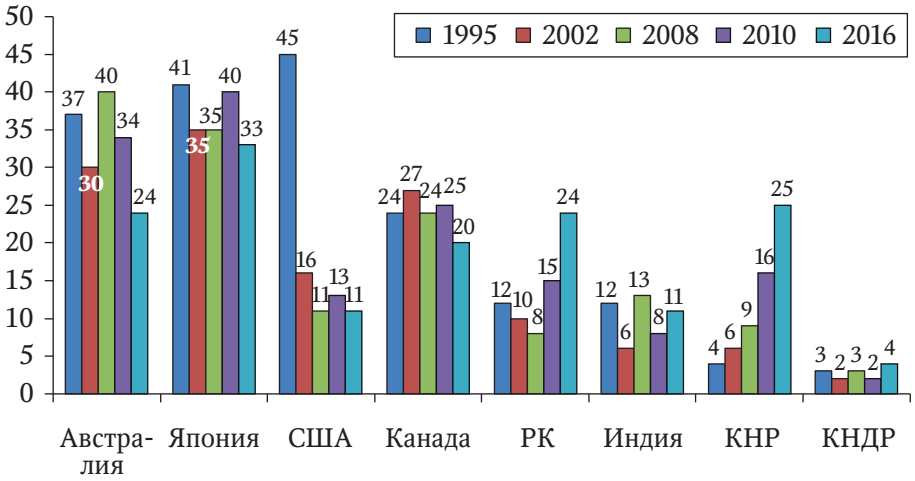


Рис. 6. Страны АТР, вызывающие наибольшие симпатии у жителей юга ДФО (в % от числа опрошенных, не более трёх ответов)

Первые две позиции стабильно занимали Япония и Австралия. Первой из них в ходе пяти опросов с 1995 по 2016 гг. отдавали свои голоса от 33 до 40% респондентов, второй — от 24 до 40%. Канада в этот же период набирала 20—27% голосов, Индия — от 6 до 13, Северная Корея — от 1 до 4, Южная Корея — от 8 до 24, Северная Корея — от 1 до 4%. Очевидную тенденцию роста популярности продемонстрировали Южная Корея (с 8 до 24% в 2002 и 2016 гг.) и КНР (с 6 до 24%).

Япония представляется дальневосточникам наиболее интересной страной с точки зрения туризма; Япония, США и Канада — предпочтительными местами для временной работы; Австралия и Канада — территориями возможной эмиграции. Ответы респондентов сведены нами в шкалу страновых пристрастий жителей региона на основе методики, к которой мы прибегли, анализируя результаты опроса 2008 г.[89] На сегодняшний день эта шкала выглядит следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Шкала приоритетов жителей юга Дальнего Востока (2016 г., в % от числа опрошенных)

	Страны, вызывающие наибольшие симпатии	Страны, привлекательные для туризма	Страны, привлекательные для временной работы	Страны, привлекательные для постоянного проживания	Общий рейтинг (сумма процентов/баллов)
1	Япония (33)	Франция (37)	Германия (27)	Австралия (20)	Япония (100)
2	КНР (25)	Япония (34)	Япония (22)	Канада (19)	Австралия (91)
3	Австралия (24)	Индия (34)	США (21)	Германия (15)	Франция (80)
4	РК (24)	Австралия (32)	Канада (19)	Япония (11)	Германия (79)
5	Франция (21)	РК (18)	Австралия (15)	Франция (11)	Канада (67)
6	Канада (20)	Германия (18)	РК (15)	США (10)	РК (61)
7	Германия (19)	КНР (17)	КНР (12)	РК (6)	КНР (59)
8	США (11)	США (13)	Франция (11)	КНР (5)	США (55)
9	Индия (11)	Канада (9)	КНДР (2)	Индия (1)	Индия (47)
10	КНДР (4)	КНДР (5)	Индия (1)	КНДР (0)	КНДР (11)

Принципиально важно, что главным критерием, который служит респондентам в определении наиболее привлекательных стран, являются представления об уровне их экономического развития. Вторым (и достаточно умозрительным) критерием являются культурные традиции (табл. 9).

Таблица 9

Основания для симпатий дальневосточников (в % от числа опрошенных)

	Япония			КНР			США			РК		
	2003	2013	2016	2003	2013	2016	2003	2013	2016	2003	2013	2016
Уровень экономического развития	53	47	35	22	24	17	28	22	14		24	20
Культура, традиции	42	45	31	21	20	16	2	6	3		22	8
Природное разнообразие		10	6		12	11		10	7		10	4
Дружелюбие и гостеприимство народа	нет	19	14	нет	13	16	нет	4	4		10	10
Общественно-политический строй	8	7	8	5	11	9	19	13	5		6	4
Военная мощь	2	1	4	2	4	6	21	7	4		2	2
Необъяснимые симпатии	6	3	5	2	3	4	5	3	4		4	5

Доминанта экономических мотивов в выборе приоритетов подкрепляется ответами на вопрос: *«Товары и продукты какой страны Вы предпочитаете?»*, предложенный в анкете 2016 г. Лидерство Японии с 38% ожидаемо, а вот выход на третью позицию Китая, которую он делит с Германией, — это серьёзный сигнал для тех, кто по-прежнему рассуждает о низком качестве китайских товаров, и ещё один аргумент в пользу расширения взаимодействия с этой страной (рис. 7).

Уровень симпатий к зарубежным государствам определяется также совокупностью таких факторов, как готовность респондентов доверять правительствам (табл. 10), оценка состояния и перспектив отношений России с этими государствами (табл. 11), а также представлениями о наличии или отсутствии угроз интересам России.

Таблица 10

Уровень доверия к странам АТР (в % от числа опрошенных)

	КНР		Япония		США		Республика Корея	
	2013	**2016**	**2013**	**2016**	**2013**	**2016**	**2013**	**2016**
Можно доверять	11	18	20	13	11	3	18	16
Скорее можно, чем нельзя доверять	32	31	29	28	14	9	29	24
Скорее нельзя, чем можно доверять	24	17	16	19	27	25	11	12
Нельзя доверять	15	9	11	12	28	47	9	8
Разница между «доверием» и «недоверием»	**+4**	**+23**	**+22**	**+10**	**–30**	**–60**	**+27**	**+20**
Затруднились с ответом	18	25	16	28	20	16	33	40

Таблица 11

Оценка состояния и перспектив отношений России со странами АТР (в % от числа опрошенных)

	КНР					Япония					США				
	2003	**2008**	**2013**	**2016**	**Эксперты**	**2003**	**2008**	**2013**	**2016**	**Эксперты**	**2003**	**2008**	**2013**	**2016**	**Эксперты**
Состояние															
Хорошие	**42**	**44**	**39**	**69**		29	33	18	18		23	17	9	1	
Удовлетворительные	46	43	48	25		**52**	**51**	**64**	**61**		**56**	**56**	**49**	20	
Плохие	5	4	1	0		7	5	9	9		11	14	23	**65**	
Затруднились	7	9	7	6		12	11	7	12		10	13	12	14	
Перспективы															
Хорошие	**48**	**54**	**59**	**77**	**88**	**44**	**50**	30	32	15	32	26	22	3	2
Неопределённые	33	27	28	14	9	37	32	**50**	**46**	**69**	**41**	**39**	**47**	**44**	34
Плохие	7	6	1	1	0	6	5	4	4	8	11	16	17	34	**53**
Затруднились	12	11	12	8	3	13	13	16	18	8	16	19	14	19	11

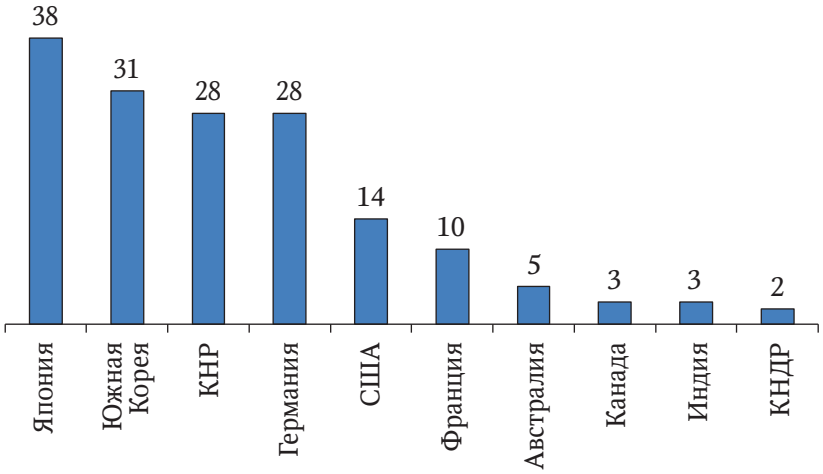


Рис. 7. «Товары и продукты какой страны Вы предпочитаете?» (2016 г., в % от числа опрошенных)

Результаты опросов последних лет свидетельствуют о возрастании авторитета и влияния Китая в Тихоокеанской России, что происходит на фоне кардинального разочарования жителей региона в Соединённых Штатах Америки, более настороженного отношения к Японии и преимущественно нейтрального, но доброжелательного и нацеленного на взаимодействие — с Южной Кореей.

Угрозы и барьеры для интеграции и сотрудничества

Проблема внешней угрозы и обеспечения безопасности всегда была одной из ключевых в выборе экономической, демографической и социальной политики Москвы в отношении Дальнего Востока. Соответственно, формулирование внешних угроз государством, поиск на них адекватного ответа и трансляция этих формулировок на население страны напрямую сказывались на международном взаимодействии территорий региона.

Уже само по себе соседство с взрывоопасным Корейским полуостровом делает проблему внешней угрозы зримой и актуальной, особенно для жителей южной части Тихоокеанской

России, а происходящий в последнее десятилетие рост военной мощи КНР, обострение территориальных споров в Восточной Азии и ухудшение на этой почве отношений между Японией, с одной стороны, и Китаем и Южной Кореей, с другой, заставляют обращать на всё это пристальное внимание.

Напрямую заданный респондентам вопрос о наличии или отсутствии угроз безопасности России со стороны конкретных государств даёт ожидаемый результат: на нынешний день угрозой № 1 для дальневосточников являются США (табл. 12). В этом уверены или почти уверены три четверти (74%) респондентов, что заметно больше, чем за три года до этого. Для каждого третьего респондента угрозу представляют Китай и Япония (34 и 32% соответственно).

Таблица 12

«Существуют ли угрозы безопасности России со стороны?..» (июль – август 2013 г., в % от числа опрошенных)

	КНР		Япония		Южная Корея		КНДР		США	
	2013	2016	2013	2016	2013	2016	2013	2016	2013	2016
Существуют	16	9	6	5	2	3	14	9	25	43
Скорее существуют	34	25	25	27	9	8	22	20	30	31
Не существуют	29	30	37	24	59	41	34	33	24	7
Затруднились с ответом	21	36	32	44	30	48	30	38	21	19

Представления дальневосточников о главных источниках угроз менялись в последние полтора десятилетия под воздействием различных внешних и внутренних факторов. В начале второго десятилетия XXI в. наибольшую тревогу респондентов порождали зарубежная миграция (49% в 2013 г. и 51% в 2010 г.)[90] и соседство с быстро растущим Китаем (43 и 55%). Обострение отношений между Москвой и Вашингтоном после событий в Грузии 2008 г. усилило антиамериканские настроения, а политика санкций, антироссийский подход Обамы и антиамериканская пропаганда СМИ довели их до крайне высокой точки. В результате каждый третий респондент в 2013 г. (34%)

и половина опрошенных (51%) в 2016 г. согласились с тезисом о «стремлении США к гегемонии» как угрозе России. Вызывающая политика Пхеньяна и резкое обострение напряжённости на Корейском полуострове в начале 2013 г. существенно повысили озабоченность дальневосточников такими проблемами, как сам корейский конфликт и угроза распространения ядерного оружия. Если в 2003 и 2008 гг. военное противостояние на полуострове рассматривали как угрозу России от 6 до 15% респондентов, то в 2013 г. их доля увеличилась до 30%. События на Ближнем Востоке и террористические атаки в Европе начала 2016 г. вывели международный терроризм на вторую позицию в ходе опроса этого года (рис. 8). В итоге до 2% сократилось число людей, которые вообще не видят угроз территориям России и её планам на Тихом океане.

Рис. 8. Угрозы безопасности Тихоокеанской России
(в % от числа опрошенных, не более трёх ответов)

Примечательно также, что «недостаточный учёт интересов Дальнего Востока федеральной властью» неизменно оценивается как одна из ключевых угроз безопасности Тихоокеанской России.

На фоне обстановки на Корейском полуострове отошла на второй план проблема территориального спора с Японией из-за Курильских островов, которая серьёзно влияет на характер российско-японских отношений в целом и активность японского бизнеса на Дальнем Востоке в частности. Только 17—18% респондентов усматривают в ней угрозу безопасности России, тогда как в 2003 г. таковых было 40% (рис. 9). Пропасть в разнице общественного мнения на противоположных берегах Японского моря в отношении решения Курильской проблемы сохраняется.

Подводя итог анализу общественного мнения о международном сотрудничестве Тихоокеанской России, можно выделить следующие очевидные тенденции последних лет:

1. Рост «интеграционных настроений» дальневосточников, направленных не только в сторону ближних соседей по Азии, но и на запад — в Сибирь и Европейскую Россию. Хотя развитие экономических связей с ближайшими зарубежными соседями, прежде всего с Китаем, представляется всё же более важным. При этом не только у подготовленных экспертов, но и у основной массы населения такой выбор определяется не абстрактными симпатиями, как это было в 90-е гг. XX в. и даже начале XXI в., а прагматическими соображениями.
2. Положительное восприятие Китая значительной частью населения Тихоокеанской России. В 2016 г. доля тех, кто готов доверять Пекину, превышает долю недоверчивых на 23%. Нынешнее состояние российско-китайских отношений как «хорошее» оценивают более двух третей (69%) респондентов, а их перспективы видят как «хорошие» 77% населения и 88% экспертов. Китай безоговорочно лидирует как самое заинтересованное в интеграции России в АТР государство (52% населения и 80% экспертов). Существенно (с 55% в 2010 г. до 43% в 2013 г. и 22%

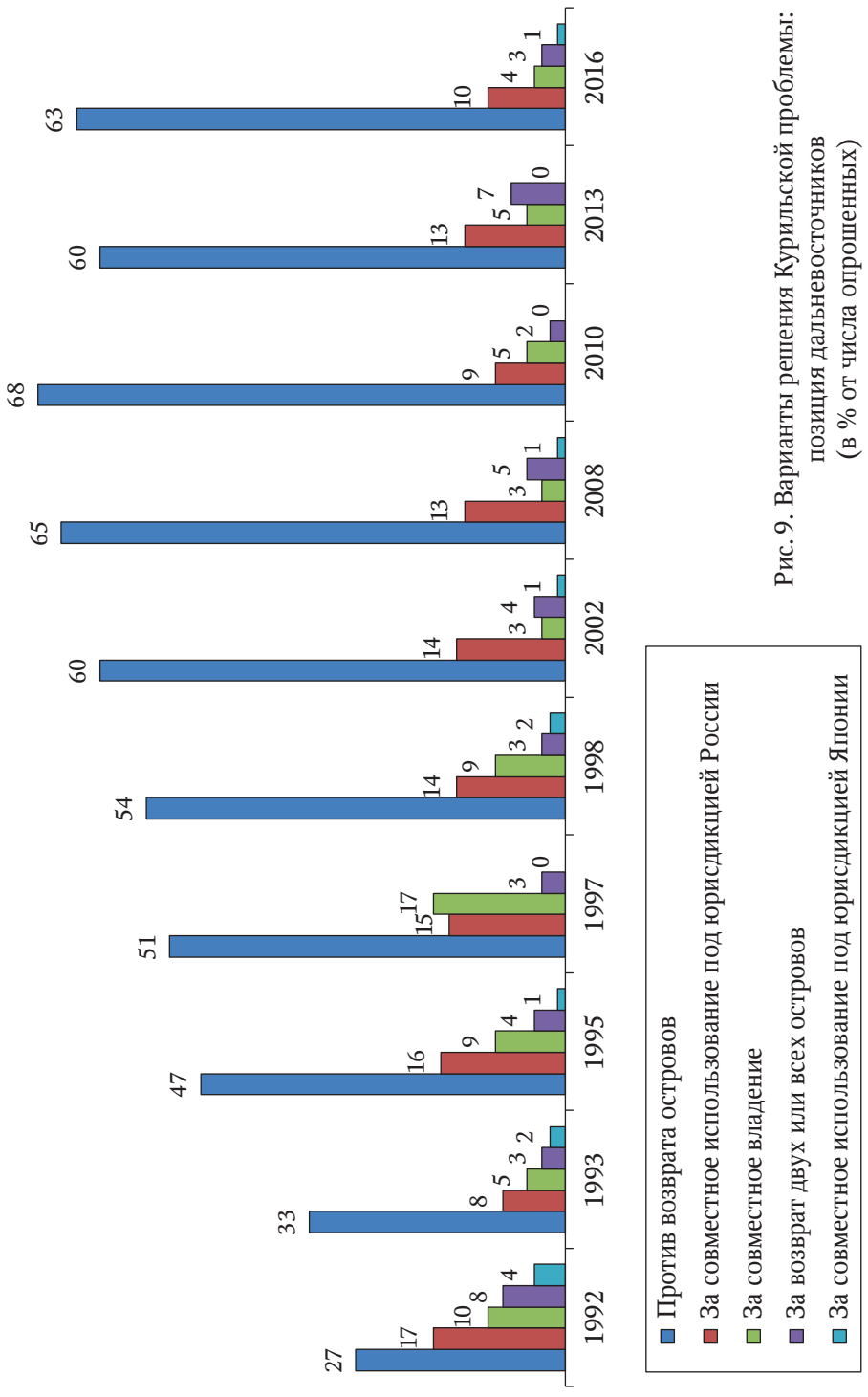


Рис. 9. Варианты решения Курильской проблемы: позиция дальневосточников (в % от числа опрошенных)

в 2016 г.) снизилась доля тех, кто рассматривает рост экономической и военной мощи КНР как угрозу безопасности Тихоокеанской России; с 40 до 34% сократилось число уверенных в наличии угрозы России со стороны Китая как таковой. Закономерно, что Китай рассматривается как приоритетное направление развития экономических связей практически всеми территориями Тихоокеанской России.

3. Снижение уровня доверия к странам, в той или иной мере присоединившимся к политике санкций против России, в первую очередь к США, что сопровождается более пессимистическими оценками состояния и перспектив взаимодействия России с этими государствами и падением их рейтинга в списке приоритетных территорий для развития отношений. Рейтинг Японии опустился до 40% — самой низкой оценки за весь период опросов, хотя она по-прежнему занимает лидирующие позиции в шкале приоритетов жителей региона.

Прямой взаимосвязи между представлениями дальневосточников о внешних угрозах и их выбором государств-партнёров не прослеживается. В большей степени на это влияет имидж страны, но это, как показывает опыт США, величина непостоянная.

---

[1] Маммен А. Заявка Путина на власть: конец российского федерализма? // Полис. 2000. № 5. С. 76.

[2] Савченко А.Е., Иванов С.А. Эффективность государства как проблема новейшей истории России и Китая: сравнительный анализ // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 160—161.

[3] Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 263—265.

[4] Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/179963 (дата обращения: 07.03.2016).

[5] См.: Государственный архив Амурской области. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 5617—5618; Оп. 2. Д. 5627, 5628, 5655, 5656, 5684, 5685, 5718, 5719, 5720, 5757, 5792, 5838; Оп. 21. Д. 43—47; Р-81. Оп. 21. Д. 1115, 1114; Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 2, 6, 21, 39, 70, 84, 181, 200, 303, 321, 322, 421, 437, 438, 544, 563, 564, 676, 695, 696, 814, 832, 943, 962, 963, 1071, 1084, 1164; Оп. 4. Д. 50а, 64а, 66а, 261а, 233а, 235; 6.

[6] Например, в 2015 г. общее сокращение квоты на иностранную рабочую силу в Приморском крае не коснулось северокорейских трудовых мигрантов, хотя других работников из-за рубежа, в т.ч. из КНР, это изменение затронуло См.: Интервью. Представитель федерального органа государственной власти в Приморском крае. Владивосток. Февраль 2015 г.

[7] Минакир П.А. Региональные стратегии и имперские амбиции // Пространственная экономика. 2015. № 4. С. 10.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Сайт администрации Президента РФ. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201208230005.pdf (дата обращения: 12.01.2016).

[9] Оценка эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и глав субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности по итогам 2014 года // Сайт Министерства экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91/ddock251.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=00b18a39-7c48-4f5c-a5c8-01aea75d1e91 (дата обращения: 05.02.2016).

[10] Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28.

[11] Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Сайт администрации Президента РФ. 02.07.2010. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234 (дата обращения: 05.11.2015).

[12] Каталог инвестиционных проектов Приморского края Российской Федерации // Инвестиционный портал Приморского края. URL: http://www.invest.primorsky.ru/images/textdoc/Invest_Guide.pdf (дата обращения: 14.04.15).

[13] Постановление администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 382-па «Об утверждении государственной программы Приморского края „Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края“ на 2013—2017 годы» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/30163950/ (дата обращения: 05.07.2015).

[14] Тенденция создания агентств развития, затрагивающих различные аспекты региональной экономики, имеет общероссийский характер. См.: Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 11. С. 17—29.

[15] Статус и полномочия // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в ДВО. URL: http://dfo.gov.ru/polpred/status/ (дата обращения: 22.11.2016)

[16] Воскресенская О. Граница открыта // Российская Бизнес-газета. 2015. № 998(19). С. 5.

[17] Авченко В. Китайский сезон // Сайт ИА Vladnews. URL: http://vladnews.ru/1575/politika/kitajskij-sezon (дата обращения: 15.11.2016).

[18] Сообщения информационных агентств. 13 августа 2015 г. // Сайт Министерства финансов. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2015/08/main/13.08.2015.pdf (дата обращения: 15.11.2016).

[19] Трутнев: лиц, затягивающих строительство моста в КНР, могут уволить // Сайт РИА Новости. 12.02.2016. URL: https://ria.ru/society/20160212/1373389218.html (дата обращения: 11.01.2017).

[20] Китай уже построил свою часть моста через Амур, Россия медлит // Сайт ИА Regnum. URL: https://regnum.ru/news/economy/2078221.html (дата обращения: 11.01.2017).

[21] Трутнев: мост через Амур будут строить российские подрядчики, однако они пока не выбраны // Сайт ИА ТАСС. 26.03.2016. URL: http://tass.ru/ekonomika/3153290 (дата обращения: 11.01.2017); В октябре 2015 г. губернатор ЕАО Левинталь договорился с китайской стороной о строительстве российской части моста китайским подрядчиком. Очевидно, такое решение не устроило президентскую администрацию. См.: Путь через реку // Сайт Interfax-Russia. 03.11.2015. URL: http://interfax-russia.ru/FarEast/print.asp?id=669370&type=view (дата обращения: 11.01.2017).

[22] Дзядко Т., Дербышева Н. Трутнев обвинил Китай в задержке строительства моста через Амур // Информ.портал РБК. 26.08.2016. URL: http://www.rbc.ru/business/26/08/2016/57bf681b9a79470951fb29f7 (дата обращения: 22.02.2017).

[23] Постановление администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 382-па «Об утверждении государственной программы Приморского края „Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края“ на 2013—2017 гг.» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 22.02.2017).

[24] Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года // Портал государственных органов Чукотского автономного округа. URL: http://чукотка.рф/power/priority_areas/priorities_for_development/strategiya-razvitiya-chao-do-2030.docx (дата обращения: 22.02.2017).

[25] Постановление правительства Камчатского края от 27 июля 2010 г. № 332-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2025 года» // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/25912471 (дата обращения: 04.05.2015).

[26] Постановление правительства Забайкальского края № 586 от 26 декабря 2013 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года» // Сайт Министерства

экономического развития Забайкальского края. URL: http://минэконом.забайкальскийкрай.рф/u/files/MERZK/Strateg/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D1%8B/05_02_2015%20%E2%84%96%2044.zip (дата обращения: 22.02.2017).

[27] Постановление правительства Республики Саха (Якутия) от 6 сентября 2006 г. № 411 «О Схеме комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/26719496 (дата обращения: 05.07.2015).

[28] Постановление правительства Республики Саха (Якутия) от 6 сентября 2006 г. № 411 «О Схеме комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) // Система «Гарант». URL: http://base.garant.ru/26719496 (дата обращения: 05.07.2015).

[29] Постановление администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 382-па «Об утверждении государственной программы Приморского края „Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края“ на 2013—2017 годы» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 18.07.17).

[30] Постановление администрации Приморского края от 7 декабря 2012 г. № 382-па «Об утверждении государственной программы Приморского края „Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края“ на 2013—2017 годы» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 15.11.2016).

[31] Постановление правительства Амурской области от 25 сентября 2013 г. № 445 «Об утверждении государственной программы „Экономическое развитие и инновационная экономика Амурской области на период 2014—2020 годы“» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 15.11.2016).

[32] Постановление правительства Забайкальского края № 586 от 26 декабря 2013 года «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года» // Сайт Министерства экономического развития Забайкальского края. URL: http://минэконом.забайкальскийкрай.рф/u/files/MERZK/Strateg/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7%D1%8B/05_02_2015%20%E2%84%96%2044.zip (дата обращения: 15.11.2016).

[33] Постановление правительства Еврейской автономной области от 20 марта 2012 г. № 118-пп «О Стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2020 года» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 15.11.2016).

[34] Стратегии и программы регионального развития регионов Дальнего Востока и Забайкалья в системе База Гарант // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru дата обращения: 15.11.2016).

[35] Проект Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года вынесен на общественное обсуждение // Официальный

сайт Камчатского края. URL: http://www.kamgov.ru/news/proekt-strategii-socialno-ekonomiceskogo-razvitia-kamcatskogo-kraa-do-2030-goda-vynesen-na-obsestvennoe-obsuzdenie-1165 (дата обращения: 15.11.2016).

[36] Стратегию развития России разработают с учётом особенностей каждого региона // Официальный сайт администрации Приморского края. URL: http://primorsky.ru/news/95270/ (дата обращения: 15.11.2016); Проект Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 года // Официальный сайт правительства Хабаровского края. URL: https://www.khabkrai.ru/officially/Gosudarstvennye-programmy/Dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya/151144 (дата обращения: 15.11.2016).

[37] Закон Забайкальского края от 25 ноября 2009 г. № 295-ЗЗК «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010—2014 годы» // База «Гарант». URL: http://ivo.garant.ru (дата обращения: 15.11.2016).

[38] Ильковский К., Жданова Н. Сон в красном тереме, или Новое китаеведение // Спец. проект журнала «Россия в глобальной политике». 13.04.2015. URL: http://ni.globalaffairs.ru/son-v-krasnom-tereme-ili-novoe-kitaevedenie/ (дата обращения: 10.09.2016).

[39] О патриотическом мифотворчестве, связанном с этим событием, см.: Кононков С.В. Современный китайский миф на территории Забайкалья // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, религиоведение. 2016. Т. 16. С. 65—73.

[40] Баир Галсанов прокомментировал подписание протокола о намерениях между правительством края и китайской компанией «ХуаэСинбан» // Официальный сайт Забайкальского края. 16.06.2015. URL: http://www.забайкальскийкрай.рф/news/2015/06/16/27590.html (дата обращения: 05.02.2016).

[41] КонсультантПлюс: Региональное законодательство // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/review/reg/ (дата обращения: 03.10.2016).

[42] Рассчитано по материалам официального сайта Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-dipecon.nsf/ (дата обращения: 03.10.2016).

[43] Реестр соглашений субъектов Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://zakon.scli.ru/ru/analytics_statistics/report_forms/agreement_registry_report (дата обращения: 15.01.2017); Перечень меморандумов и соглашений, заключённых между Приморским краем и административно-территориальными образованиями зарубежных стран // Официальный сайт администрации Приморского края. URL: http://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/agreements.php (дата обращения: 15.01.2017).

[44] Мы выбрали этот регион, т.к. в силу развитой экономики и прямого выхода в Тихий океан имеют возможность развиваться контакты не только с приграничными районами КНР.

[45] Настоящая таблица составлена на основе данных официального портала администрации Приморского края. См.: Официальный сайт администрации Приморского края. URL: http://www.primorsky.ru.

[46] Иванов С.А. Проблема дисбаланса политико-административных связей приграничных территорий России и Китая // Россия и Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. Ч. 1. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. С. 209—211.

[47] О состоянии и перспективах международных и внешнеэкономических связей Амурской области // МИД РФ. 17.07.2013. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-amu/-/asset_publisher/eQKL76ZCyr2N/content/id/101734 (дата обращения: 27.03.2017).

[48] Встречи транспортных делегаций Забайкальского края, РФ и автономного района Внутренняя Монголия, КНР по вопросам приграничных перевозок грузов и пассажиров // Сайт Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края. URL: http://минмсвэст.забайкальскийкрай.рф/international_cooperation/activity_organizations/meetings_of_transport_delegations.html (дата обращения: 26.11.2016).

[49] Региональный российско-китайский комитет регулярных встреч по вопросам координации и взаимодействия между Забайкальским краем и городом Маньчжурия // Сайт Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края. URL: http://минмсвэст.забайкальскийкрай.рф/international_cooperation/activity_organizations/regional_Russian-Chinese_committee.html (дата обращения: 24.11.2016).

[50] 王宪魁：黑龙江倾力构建东部陆海丝绸之路经济带 = Ван Сяньвэй: Хэйлунцзян работает над созданием экономического пояса Восточного Шёлкового пути по суше и морю // Жэньминь Жибао. 06.11.2014. С. 21.

[51] В таблице не указаны встречи с представителями дипломатических и консульских представительств КНР в РФ. Поиск данных производился непосредственно через новостную ленту Интернет-порталов администраций Хабаровского и Приморского краёв. См.: Официальный сайт администрации Приморского края. URL: http://www.primorsky.ru; Официальный сайт правительства Хабаровского края. URL: https://www.khabkrai.ru.

[52] Подробнее о связях Сахалин — Хоккайдо см.: Brad Williams Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute. Hokkaido — Sakhalin Relations. London and New York: Routledge, 2007. 240 p.

[53] Всего японские префектуры учредили в РФ три представительства — все в городах Тихоокеанского побережья России. См.: 自治体の海外拠点一覧【地域別（欧州）】平成２６年９月末時点 = Таблица зарубежных представительств органов самоуправления (по регионам Европы) по состоянию на сентябрь 2014 г. // Совет местных органов власти по международным связям. Available at: http://www.clair.or.jp/docs/tiikibetu2.pdf (accessed: 01.11.2016).

[54] Россия и Япония: в преддверии знаменательной даты. Статья Торгового представителя Российской Федерации в Японии А.Б. Лаврентьева // Портал Минэкономразвития РФ. 04.12.2007. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/interview/doc1196781649922 (дата обращения: 13.09.2016).

[55] Устав // Сайт Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии. URL: http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2828& (дата обращения: 01.11.2016).

[56] Саммит по международному обмену и сотрудничеству региональных администраций стран Северо-Восточной Азии // Сайт администрации Приморского края. URL: http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/inter/foreign-affairs/organizations/LGS-NEA.php (дата обращения: 13.09.2016).

[57] За время своего существования Туманганский проект несколько раз радикально менял концепцию, был на грани закрытия, однако продолжает функционировать. В 2009 г. КНДР вышла из РТИ. См.: Гулидов Р.В. Мифы и реалии Туманганского проекта // Неопубликованный доклад на конференции «Проект „Туманган“: история вопроса, текущее положение и потенциал». 25 февраля 2011 г. Владивосток.

[58] Freeman C.P. Neighborly Relations: the Tumen development project and China's security strategy // Journal of Contemporary China. 2010. № 19(63). January. P. 145—151.

[59] Гулидов Р.В. Проект «Туманган»: вымысел и реальность // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 92.

[60] Yoshida Susumu, Maeda Toshiji. The Third Japan—Russia Conference to Promote Interregional Economic Cooperation // ERINA report. 2010. Vol. 93. P. 110—112; Информация о проведении Третьего заседания Российско-Японской Инициативной рабочей группы по региональному сотрудничеству // Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» (МАДВиЗ). 10.02.2010. URL: http://assoc.khv.gov.ru/news/121 (дата обращения: 25.12.2016).

[61] Протокол 4-го заседания Российско-Японской Инициативной рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству // Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» МАДВиЗ. 24—25.11.2011. URL: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/asia-pacific-cooperation/520 (дата обращения: 07.09.2015).

[62] Итоговый отчёт. 21-е ежегодное заседание. Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство // Совет по отношениям США—Россия. URL: www.usrussia.org/s/SUM2016RU.pdf (дата обращения: 09.09.2016).

[63] http://prim.tpprf.ru/ru/news/199307/ (дата обращения: 11.09.2017).

[64] Протокол 14-го заседания Российско-Китайского Координационного совета по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству. Якутск // Сайт Межрегиональной ассоциации

экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» (МАДВиЗ). 23.08.2013. URL: http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/03a09178b95465c0dde6.pdf (дата обращения: 22.09.2016).

[65] Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Общие сведения // Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» (МАДВиЗ). URL: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/asia-pacific-cooperation/522 (дата обращения: 22.09.2016).

[66] Протокол 4-го заседания Российско-Японской Инициативной рабочей группы по межрегиональному сотрудничеству // Сайт Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» (МАДВиЗ). URL: http://assoc.khv.gov.ru/regions/foreign-economic-activities/asia-pacific-cooperation/520 (дата обращения: 22.09.2016).

[67] В 2014 г. на базе ХТЭЯ проводилось I Российско-китайское ЭКСПО.

[68] Иванов С.А. Восток России в пространственной организации внешней политики КНР // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 89—96.

[69] До 2014 г. данное ЭКСПО называлось «Цзилиньская торгово-инвестиционная ярмарка стран Северо-Восточной Азии».

[70] Власти Амурской области налаживают контакт с Японией // Сайт ИА ФедералПресс. 05.02.2010. URL: http://fedpress.ru/28/polit/vlast/id_171261.html (дата обращения: 12.05.2015).

[71] Эта специфика отчётливо проявляется в девизах форума: 2006—2007 гг. — «Через развитие Сибири и Дальнего Востока — к модернизации страны», 2008 г. — «Стратегия 2020: региональное измерение», 2009 г. — «Стратегия развития Востока России: антикризисные ориентиры и новые подходы», 2010 г. — «Дальневосточные приоритеты в Стратегии 2020».

[72] Здесь показательным является случай, произошедший на одном из дальневосточных форумов во второй половине 2000 г. По договорённости с китайской стороной, губернатор одной из северо-восточных провинций КНР должен был сидеть в президиуме пленарного заседания форума. Однако за несколько часов до начала мероприятия выяснилось, что места в президиуме для китайского чиновника нет. Помимо этого, была сильно изменена программа его пребывания. Официально российская сторона объяснила свои действия техническими накладками, хотя фактически они были обусловлены прибытием на мероприятие важного московского чиновника, от которого напрямую зависело финансирование государственных проектов в субъекте Федерации. См.: Интервью. Представитель администрации одного из регионов Дальнего Востока. Май 2010 г.

[73] Милюкова Я. Россия отказалась от проведения Восточного экономического форума в 2014 г. // Информ. портал РБК. URL: http://www.rbcdaily.ru/economy/562949991951759 (дата обращения: 15.09.2016).

[74] На Восточном экономическом форуме будут сформированы портфели конкретных предложений для инвесторов // Минвостокразвития

России. 04.04.2015. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3085 (дата обращения: 27.03.2017).

[75] Породнённые города России // Сайт городов-побратимов. URL: http://goroda-pobratimy.ru/index/spisok_porodnennykh_gorodov (дата обращения: 05.07.2016).

[76] 友城统计. 俄罗斯 = Статистика городов-побратимов. Россия // Международная ассоциация городов-побратимов Китая. Available at: http://www.cifca.org.cn/Web/SearchByZhou.aspx?guojia=%b6%ed%c2%de%cb%b9 (accessed: 05.07.2016).

[77] 平成２４年度姉妹（友好）提携自治体の活動概況について（結果概要） = Обзор деятельности муниципалитетов в сфере побратимских связей в 2012 финансовом году. С.р. 7. // Совет местных органов власти по международным связям. Available at: http://www.clair.or.jp/j/exchange/docs/simai-gaiyo_2012.pdf (accessed: 08.09.2016).

[78] Города-побратимы // Официальный сайт администрации г. Владивостока. URL: http://www.vlc.ru/life_city/international_relations/brohers_cities/; Города-побратимы // Сайт администрации г. Хабаровска. URL: http://www.khabarovskadm.ru/tourism/turisticheskiy-khabarovsk/goroda-porbatimy/index.php?ELEMENT_ID=109647 (дата обращения: 15.12.2016).

[79] Руководители городов Белогорск и Суйхуа подпишут соглашение об установлении дружеских отношений // Официальный портал г. Белогорска. URL: http://www.belogorck.ru/novosti/arkhiv-novostej/42-novosti/arkhiv-novostej/12552-rukovoditeli-gorodov-belogorsk-i-sujhua-podpishut-soglashenie-ob-ustanovlenii-druzheskih-otnoshenij (дата обращения: 15.12.2016).

[80] Верхневилюйцы подписали соглашение с администрацией китайского города // Администрация Главы и Правительства РС(Я). 2015. URL: http://old.sakha.gov.ru/special/en/node/246508 (дата обращения: 09.11.2016).

[81] Хасанский район Приморья и город Хуньчунь КНР стали побратимами // Сайт ИА Primamedia. 09.04.2014. URL: http://primamedia.ru/news/primorye/09.04.2014/349002/hasanskiy-rayon-primorya-i-gorod-hunchun-knr-stali-pobratimami.html (дата обращения: 24.11.2016).

[82] Государственный архив Амурской области. Ф. Р-2268. Оп. 1. Д. 1234. Л. 113—125.

[83] Протокол 14-го заседания Российско-Китайского Координационного совета по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству. Якутск. 23.08.2013 // Сайт межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье (МАДВиЗ). URL: http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/03a09178b95465c0dde6.pdf (дата обращения: 13.10.2016).

[84] Larin V. Pacific Russia in the New Regionalism of North Pacific: Cross-Border and Interregional Relations // The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / ed. by Jing Huang, Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 33.

[85] Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5—19; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 325 с.

[86] Опросом охвачены 200 респондентов в г. Владивостоке, 186 — в Хабаровске, 106 — в Благовещенске, 76 — в Биробиджане и 50 — в Находке (всего 618 чел.). Из них 43% мужчины и 57% женщины (как показывает весь предыдущий опыт исследований, гендерный фактор лишь в минимальной степени влияет на результаты). По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 20 лет — 8%, 20—30 лет — 22%, 31—40 лет — 26%, 41—50 лет — 18%, 51—60 лет — 16%, старше 60 лет — 10%. Среднее и неполное среднее образование имеют 6% опрошенных, среднее специальное — 23%, незаконченное высшее — 18%, высшее — 51%. По роду деятельности к студентам и учащимся отнесли себя 19%, к рабочим — 16%, к представителям интеллигенции в сфере науки, культуры, искусства, образования, медицины — 14%, к служащим, специалистам, ИТР — 22%, руководителям и их заместителям — 6%, предпринимателям — 9%, военнослужащим — 5%, пенсионерам — 6%, домохозяйкам — 2%.

[87] К категории экспертов были отнесены представители органов власти и управления, местной политической элиты, лидеры делового мира и академической среды (сфера науки и образования). Всего в 2015 г. были охвачены опросом 326 экспертов в гг. Владивосток, Хабаровск, Благовещенск и Магадан. Подробные результаты см.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014—2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5—29.

[88] Статистическая информация о внешней торговле за январь—декабрь 2013—2014 гг. // Дальневосточное таможенное управление. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view= article&id=16016:2013-2014-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=90 (дата обращения: 27.07.2016).

[89] См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников (по итогам опроса населения 2008 г.) // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 33—58.

[90] Подробнее результаты опроса 2010 г. см.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Внешняя политика России, безопасность и сотрудничество в АТР в зеркале общественного мнения (по результатам опроса жителей Дальнего Востока, 2010 г.) // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 49—69.

Глава 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Уровень интеграционного взаимодействия стран и территорий в любом конкретном регионе мира, в нашем случае — Тихоокеанской России и Северной Пацифики, определяется степенью их вовлечённости в общий поток движения товаров, людей и капиталов. Открыта ли Россия для свободного их перемещения, какова степень влияния этих потоков на экономику дальневосточных районов и их социальное развитие? В какой степени товары, финансы, трудовые и интеллектуальные ресурсы Тихоокеанской России присутствуют на региональных рынках? Какие инструменты использует Россия, чтобы обеспечить исполнение одной из главных своих геополитических задач — интеграцию в АТР, и насколько эти инструменты эффективны? Наконец, в какой степени ТР влияет на собственно российское присутствие в интеграционном пространстве Северной Пацифики?

По сути, это ключевые вопросы, ответы на которые дают представление о состоянии того самого присутствия Тихоокеанской России в интеграционном пространстве Северной Пацифики, которому посвящена данная монография. Задача этой главы — с максимальной полнотой (которая в немалой степени зависит от открытости, доступности и достоверности имеющейся статистики) подвести читателя к заключительным оценкам и выводам.

5.1. Исторический фундамент

Торгово-экономическое сотрудничество с зарубежными странами и соседними (прежде всего приграничными) территориями всегда играло в жизни Тихоокеанской России исключительно важную роль. За всю историю своего пребывания в российском национальном пространстве регион никогда не был самодостаточным, в том числе с точки зрения обеспечения товарами первой необходимости. Его благосостояние и развитие в значительной степени зависели от экономических связей с соседями (в до- и постсоветское время) и централизованных поставок из западных регионов страны (в советский период). Сложные природно-климатические условия, низкая плотность населения и географическая удалённость от мировых экономических центров предопределили экстенсивный характер освоения региона, а также развитие в нём ограниченного количества отраслей, связанных с добычей и вывозом природных ресурсов и нуждами оборонного комплекса, использование преимущественно российских бюджетных средств и трудовых ресурсов.

1980-е гг. стали переломными в официальном российском видении потенциала международного сотрудничества для развития восточных районов страны. Важнейшую роль в этом сыграли два фактора. Во-первых, Восточная Азия с 1970-х гг. стала превращаться в один из локомотивов мировой экономики. Если ещё в 1960-е гг. восточноазиатская экономика составляла 10—13% мировой, то в 1980 г. — более 16%, в 1990 г. — почти 21%, в 2000 г. — более 24%, а в 2015 г. — почти 29%[1]. В 2014 г. на страны АТЭС, ведущей многосторонней организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приходилось 39% мирового населения, 57% — мирового ВВП и почти половина мировой торговли[2]. Эти тенденции оказались в фокусе научной, экспертной и политической дискуссии о глобальной экономике в 1980-е гг., и в последующие десятилетия тезисы о смещении центра мирового развития в АТР стали трюизмом.

Во-вторых, предпринимавшиеся с середины 1980-х гг. попытки советских, а потом российских лидеров создать новую

модель развития страны, основанную на рыночных, а не мобилизационных формах хозяйствования, предполагавшую интеграцию в мировую экономику, привели к переоценке региональной политики как таковой. Экономический обмен с соседями по региону стал рассматриваться в качестве альтернативы централизованному обеспечению. Особенно популярным этот подход становился тогда, когда многократно ослабевали бюджетные и организационные возможности Москвы.

Ставка на внешний фактор чётко проявилась в политической риторике. В июне 1986 г. М. Горбачёв во Владивостоке предложил «в полной мере использовать возможности экспортной направленности развития дальневосточного хозяйства» и заявил, что «здесь необходимы кардинальные изменения, новые подходы с тем, чтобы оживить и прибрежную, и приграничную торговлю, осваивать прогрессивные формы экономических связей с зарубежными странами, в том числе производственную кооперацию, создавать совместные предприятия, специализированную экспортную базу»[3].

Заявление генерального секретаря не было чистой импровизацией. О необходимости превращения восточной окраины страны в «мощную экономическую базу освоения природных ресурсов и сотрудничества с сопредельными государствами» говорили ранее учёные. Предпосылки возникновения данной стратегии можно найти в работах советских географов 1970-х гг.[4] А ведущие дальневосточные экономисты середины 1980-х гг. считали, что усиление внешнеэкономических связей Дальнего Востока со странами АТР должно стать одним из принципов новой программы развития этой территории[5].

Сложно однозначно сказать, чего было изначально больше в идее открыть Дальний Восток для международного сотрудничества — экономического расчёта, внешнеполитического позиционирования или воплощения на Дальнем Востоке идеологии «нового мышления». Однако очевиден факт, что последующие российские руководители неизменно рассматривали экономический потенциал АТР как ресурс развития Тихоокеанской России (более подробно см. главу 2).

5.2. Поляризация субъектов международного экономического сотрудничества Тихоокеанской России

Международное экономическое взаимодействие тихоокеанских регионов России можно рассматривать с двух ракурсов. В первом случае ТР предстаёт перед нами территорией, транзитный и природно-ресурсный потенциал которой может быть использован в качестве альтернативы европейскому рынку для российского сырья — основного источника доходов государства и бизнеса в стране.

Данное направление развивают крупные государственные корпорации, попутно привлекая большие объёмы британского, голландского, американского, китайского, японского, индийского капиталов. Осуществляя корпоративный «поворот на Восток», Роснефть (вместе с Транснефтью) за последние десять лет получила более 27 млрд долл. кредитных средств от госбанков КНР для запуска проекта «Восточная Сибирь — Тихий Океан»; совместно с американской («Exxon Mobil»), индийской (ONGC) и японской («Sodeco») корпорациями инвестировала в проект «Сахалин-1», с китайской «Sinopec» — в «Сахалин-3». Газпром совместно с нидерландско-британской «Royal Dutch Shell», японскими «Mitsui» и «Mitsubishi» в рамках проекта «Сахалин-2» развивает нефтегазовые проекты на Сахалине и морском шельфе. В марте 2016 г. Газпром заключил с китайским «Bank of China» соглашение о предоставлении кредита в размере 2 млрд евро сроком на пять лет, в том числе и для финансирования строительства газопровода «Сила Сибири», идущего в КНР[6]. «Интер РАО», поставляющее электроэнергию в Китай через дочернюю «Восточную энергетическую компанию», собирается создавать совместное предприятие с Государственной электросетевой корпорацией КНР для разработки угольных месторождений на территории Дальнего Востока и строительства в Амурской области крупнейшей в мире электростанции с последующим экспортом электроэнергии в КНР[7]. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) вместе

с Китайской инвестиционной корпорацией приобрели 42% акций «Russian Forest Product Group», крупнейшего холдинга в лесной отрасли Дальнего Востока[8] (контролирует более 20% всего арендуемого лесного массива на Дальнем Востоке), а также завершили сделку по инвестициям в разработку Нойон-Тологойского рудного месторождения в Забайкальском крае[9]. Ключевым акционером другой крупнейшей лесопромышленной компании Дальнего Востока — Тернейлес — многие годы является японская корпорация «Sumitomo».

Приход крупного российского капитала в связке с иностранными инвестициями в природно-ресурсный и перерабатывающий сектора Тихоокеанской России стал важным фактором её развития. С 2005 по 2014 гг. добывающая промышленность Дальнего Востока росла в два раза быстрее, чем в среднем по России[10]. Однако нельзя переоценивать влияние этого фактора и тем более предполагать, что таким путём компенсируется уход государства от финансирования крупных промышленных проектов. Маловероятно, что даже в таких крупных проектах иностранный капитал жаждет и может радикально улучшить положение российской периферии и сформировать новую модель её развития. В пользу этого тезиса есть несколько аргументов.

Во-первых, крупные проекты в добывающей сфере необязательно сильно привязаны к местной экономике и населению. Завоз сырья и оборудования для объектов добычи из-за рубежа, новейшие технологии и вахтовый метод работы сотрудников фактически минимизируют участие в них местных экономических структур и трудовых ресурсов. В качестве примера лучше всего обратиться к опыту Сахалинской области. Несмотря на реализацию нефтегазовых проектов и формальный рост экономических показателей, значительно превышающих средний уровень по ДФО, отток населения с острова продолжается, а уровень безработицы вполне соотносится с аналогичными показателями других районов Дальнего Востока и Забайкалья[11]. Другой пример дают крупнейшие проекты, реализуемые в сотрудничестве с Китаем: нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» и будущий газопровод «Сила Сибири». На этапе

строительства трубопроводов и сопутствующей инфраструктуры они способны существенно пополнить бюджет районных администраций и повысить благосостояние активной части местного населения, но как только стройка заканчивается, рентный доход и высокие заработки «улетучиваются»[12]. Таким образом, хотя эти проекты являются стратегически важными для российского государства и существенно улучшают статистическую картину региона, они мало связаны с экономикой отдельных территорий и региона.

Во-вторых, международные проекты, которые не интересны крупным российским госпредприятиям, остаются нереализованными. Показателен пример строительства моста через р. Амур в районе Тунцзян — Нижнеленинское. Этот проект был инициирован в 2007 г. С российской стороны заказчиком выступала компания «Петропавловск» в лице своей дочерней фирмы «Рубикон», которая намеревалась отправлять по мосту сырьё в Китай на дальнейшую переработку. После мирового финансового кризиса произошло падение цены на сырьё, и проект стал нерентабельным. В 2014 г. «Петропавловск» продала «Рубикон» Российскому фонду прямых инвестиций, который должен был продолжить стройку, реализуя достигнутые на высшем уровне договорённости. В сентябре 2015 г. на Восточном экономическом форуме В. Путин заявил, что проект будет профинансирован РФПИ и Фондом развития Дальнего Востока[13]. Однако уже в феврале 2016 г. стало очевидным, что фонды «не горят желанием» финансировать проект в связи с ограниченным объёмом имеющихся у них средств, а «Рубикон» выбрал нового подрядчика строительства — одно из подразделений Российских железных дорог[14]. В начале июня 2016 г. у будущей стройки опять сменился подрядчик — им стал УСК «Мост»[15]. Некоторые эксперты пытаются объяснить такие действия российской стороны недоверием и страхом перед Китаем, но очевиден совсем другой вывод: российскому бюджету такие проекты не под силу, а крупному российскому бизнесу они не интересны, поскольку не приносят прямой экономической выгоды. Иностранный инвестор, который мог бы финансировать проект, в транспортную инфраструктуру не допускается[16].

В результате госфонды затягивают сроки выделения средств, не торопятся с поиском подрядчиков, способных и готовых приступить к строительству за «небольшие» деньги.

В-третьих, политические гарантии способны стимулировать развитие крупных проектов, но при этом они не в состоянии радикально улучшить общую систему взаимодействия Тихоокеанской России со странами АТР. Формально в политическом диалоге всегда звучали слова о необходимости поощрения и активизации межрегионального и приграничного сотрудничества (см. главу 2). Однако громкие заявления и высокий слог не подкреплялись конкретными мерами. И даже когда решения принимались, то моментально становилась очевидной нехватка бюрократических энергии, сил, а также должной квалификации для их исполнения.

Если рассматривать международное экономическое взаимодействие тихоокеанских регионов с другого ракурса, то современная Тихоокеанская Россия предстаёт территорией с «доморощенным» малым и средним бизнесом, который в немалой степени обязан своему существованию инициативным и хаотичным связям предприимчивых людей со странами АТР. Этот сегмент экономического сотрудничества обеспечивал трудоустройство значительных масс дальневосточников. От него в 1990—2000 гг. зависело текущее благосостояние местного населения, будь то «челночный» бизнес на китайском направлении[17] или ввоз подержанных и «распиленных» автомашин из Японии и Южной Кореи (рис. 1). Но при этом суть развития экономического обмена дальневосточных предпринимателей с Китаем, Японией или Южной Кореей немногим отличалась от международного взаимодействия крупного бизнеса: использовался тот же транзитный и природно-сырьевой потенциал региона, причём без какой-либо надежды на трансформацию во что-то большее: слишком уж малы были масштабы каждой отдельной дальневосточной экспортно-импортной или ресурсодобывающей компании.

Это направление международного экономического взаимодействия долгое время оставалось вне государственного контроля. «Свобода» от налоговых обязательств и чётких

Рис. 1. Количество ввезённых в Россию легковых автомобилей и кузовов из Японии и Южной Кореи, шт. Сост. по: UN Comtrade Database[18]

правил хозяйственной деятельности являлись главным конкурентным преимуществом местного бизнеса. Однако укрепление российского государства, его способность контролировать экономические процессы в стране, дальнейшая централизация политической и экономической сферы в 2000-е гг. оказали значительное давление на это направление бизнеса. Ушло ли оно в прошлое? Челночный поток схлынул, но на его место пришла трансграничная интернет-торговля (например, через электронную площадку «Таобао») — явление, действие которого в России совсем не изучено. Борьба с импортом подержанных японских автомобилей ведётся активно, но машины с правым рулём, пусть и в уменьшенных по сравнению с пиковыми значениями второй половины 2000-х гг. масштабах, продолжают поступать на российский рынок.

Никуда не исчезли такие явления, как контрабанда и «серый импорт», что демонстрирует сопоставление статистики

российско-китайской торговли[19]. Дальневосточная таможня, на которую приходится подавляющая часть сделок малого и среднего бизнеса Дальнего Востока, ведёт серьёзную борьбу с нелегальными товарными потоками намного интенсивней, чем это делается в среднем по России (см. табл. 1).

Таблица 1

Правовая работа Дальневосточного таможенного управления в отношении участников ВЭД, 2007–2014 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Доля регионов ДФО во внешнеторговом обороте РФ, %	3,1	3,7	4,2	4,2	4,3	4,8	н/д
Доля ДВТУ в общем количестве жалоб на действия/бездействия таможенных органов РФ, %	13,3	5,9	25,2	26,8	36,0	42,7	51,0
Доля ДВТУ в общем количестве дел по искам таможенных органов РФ, %	14,3	17,6	19,5	24,4	16,0	18,6	15,6
Доля ДВТУ в общем количестве дел по искам к таможенным органам РФ, %	18,4	31,2	31,7	34,4	н/д	н/д	н/д

Сост. по: Регионы России: социально-экономические показатели[20].

На расширенном заседании коллегии Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ) было подтверждено, что «с учётом особенностей российско-китайской приграничной торговли на особом контроле ДВТУ в 2015 г. находился вопрос перемещения товаров физическими лицами для личного пользования»[21]. Одновременно ведётся активное сотрудничество таможенных органов с зарубежными партнёрами в налаживании работы по контролю товарных потоков[22]. Однако для решения проблемы этих мер недостаточно: нелегальный экспорт леса, пиломатериалов[23] и морепродуктов[24] продолжается.

В целом можно констатировать, что местный бизнес в силу относительно малых масштабов не способен перевести Тихоокеанскую Россию на качественно новый уровень сотрудничества со странами Северной Пацифики. У крупного «пришлого» бизнеса есть такой потенциал, но о его реализации говорить пока рано.

5.3. Движение товаров: особенности внешней торговли Тихоокеанской России

В 2014 г. внешнеторговый оборот Тихоокеанской России (Дальневосточный федеральный округ, а также три территории Сибирского федерального округа: Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край) составил 49,7 млрд долл. США, из которых 40 млрд долл. пришлось на ДФО и 9,7 млрд — на Прибайкалье. В последующие два года под влиянием мирового экономического кризиса и неблагоприятной экономической ситуации в России объёмы внешней торговли региона существенно упали: до 35,7 млрд в 2015 г. и 32,2 млрд долл. в 2016 г. Непосредственная причина этого падения — снижение стоимости основных экспортных товаров региона ввиду девальвации рубля и сокращение внутреннего спроса на импортные товары по причине резкого повышения их рублёвой стоимости. Более того, в 2015 г. наиболее снизились именно объёмы внешней торговли среди основных показателей развития Дальнего Востока[25].

В общей структуре внешнеэкономических связей РФ Тихоокеанская Россия играет незначительную роль: на неё в 2015 г. приходилось 8,2% российского экспорта и только 4,2% импорта (табл. 2). Эти цифры сопоставимы с численностью населения ТР (7,3% от населения России), хотя доля приходящегося на одного жителя региона импорта (в стоимостном эквиваленте) выглядит заметно меньше, чем в среднем по России.

В то же время роль ТР в торгово-экономических связях РФ со странами Северной Пацифики существенно больше. В 2015—2016 гг. на неё приходилось 22—24% российского экспорта в Китай, 29—30 — в Северную Корею, 48—52 — в Южную Корею и 53—59% — в Японию. В совокупности без малого треть (30,4% в 2015 г.) российского экспорта в страны региона идёт из восточных районов страны. Четверть этого экспорта (24%) приходится на Дальневосточный федеральный округ, ещё 6,4% — на Прибайкалье. Таким образом Тихоокеанская Россия уже обеспечивает стабильные каналы той

Таблица 2

Тихоокеанская Россия в торгово-экономических отношениях РФ со странами и территориями Северной Пацифики (2015 г., млн долл. и %)

		РФ	ДФО	Доля ДФО в торговле РФ (%)	Иркутская обл., Забайкальский край, Бурятия	ТР	Доля ТР в торговле РФ (%)
Весь мир	Экспорт	343,427	20,391	5,9	7,739	28,130	8,2
	Импорт	182,403	5,709	3,1	1,873	7,582	4,2
	Всего	525,830	26,100	5	9,612	35,712	6,8
КНР (включая Гонконг)	Экспорт	29,383	4,052	13,8	2,431	6,483	**22,0**
	Импорт	35,138	2,529	7,2	789	3,318	9,4
	Всего	64,521	6,581	10,2	3,220	9,801	15,2
Япония	Экспорт	14,499	6,527	45	1,131	7,658	**52,8**
	Импорт	6,813	717	10,5	13	730	10,7
	Всего	21,312	7,244	34	1,144	8,388	**39,4**
РК	Экспорт	13,501	5,936	44	589	6,525	**48,3**
	Импорт	4,560	445	9,8	29	473,9	10,4
	Всего	18,061	6,381	35	618	6,999	**38,8**
КНДР	Экспорт	78,3	11	13,8	12	23	28,9
	Импорт	6	2	33,3	0	2	33,3
	Всего	84,3	13	15,2	12	25	**29,2**
США	Экспорт	9,506	148	1,6	211	359	3,8
	Импорт	11,453	615	5,4	34	649	5,7
	Всего	20,959	763	3,6	245	1,007	4,8
Канада	Экспорт	535	54	10,1	1	55	10,2
	Импорт	838	53	6,3	5	58	6,9
	Всего	1,373	107	7,8	6	113	8,2
Тайвань	Экспорт	2,626	89	3,4	134	223	8,5
	Импорт	1,315	51	3,9	3	54	4,2
	Всего	3,942	140	3,6	137	277	7,0
7 стран	Экспорт	70,129	16,817	24,0	4,509	21,326	**30,4**
	Импорт	60,123	4,412	7,3	873	5,285	**8,8**
	Всего	130,252	21,229	16,3	5,382	26,611	**20,4**

Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[26].

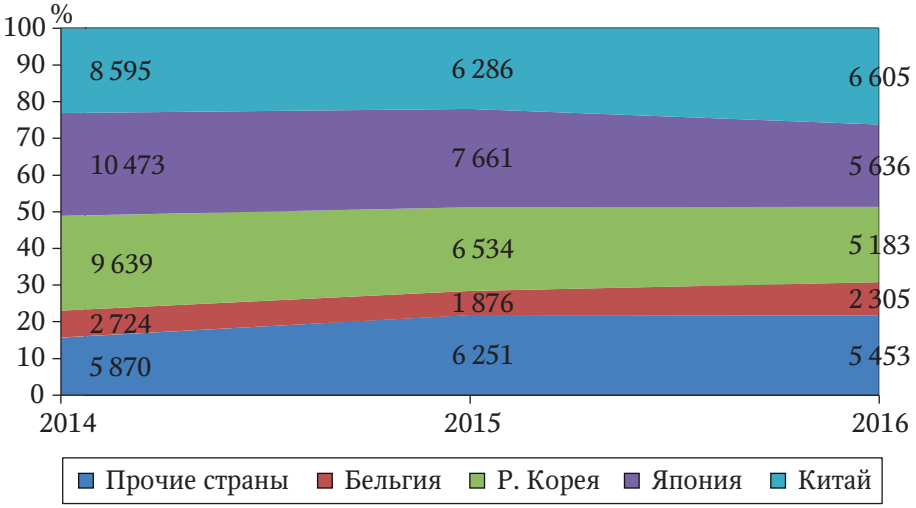


Рис. 2. Страны-контрагенты в экспортных операциях Тихоокеанской России (ДФО, Забайкальского края, Бурятии и Иркутской области), 2014—2016 гг. Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[28]

самой экономической интеграции в АТР, о которой так мечтают в российской столице.

Страновая ориентация и товарная структура международных экономических связей Тихоокеанской России обусловлены географическим положением, структурой экономики и запросами (прежде всего ресурсными) стран Северной Пацифики. В 2016 г. более 70% экспорта и свыше 62% импорта Тихоокеанской России приходилось именно на страны этого региона, а среди них доминировали Китай, Япония и Южная Корея. Такая структура сохраняется многие годы[27] (см. рис. 2).

Специфика экспорта

Значительную долю экспорта Тихоокеанской России составляют энергетические ресурсы (нефть, газ, уголь). При этом если около половины российского экспорта в Японию и Южную Корею обеспечивает Дальневосточный федеральный округ, то более 50% экспортного потока в КНР (также в значительной степени энергетического) идёт из Центрального федерального округа — преимущественно Москвы и Московской области (рис. 3).

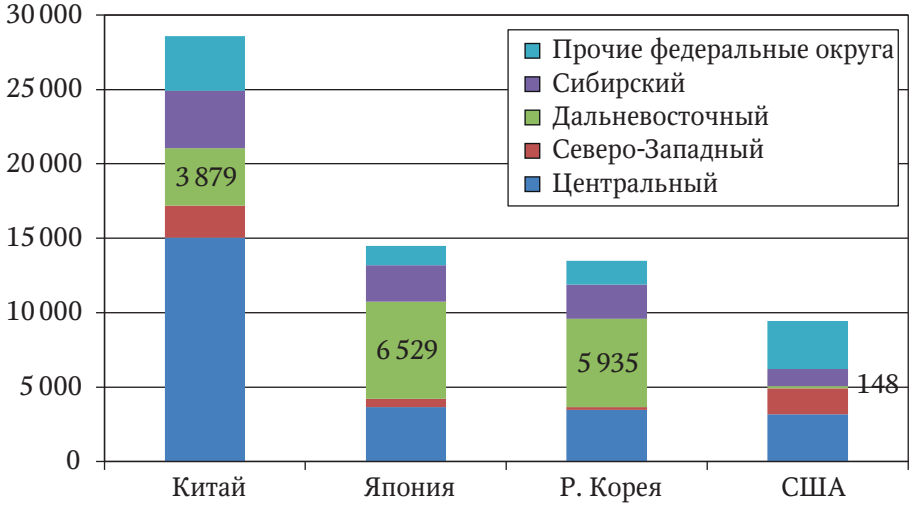


Рис. 3. Экспорт России в Китай, Японию, Республику Корея и США по федеральным округам, 2015 г., млн долл. США. Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[29]

Такое распределение по федеральным округам объясняется местом регистрации экспортёра, которое далеко не всегда совпадает с территорией добычи нефти или природного газа и/или их переработки. Соответственно, нефть экспортируется в Китай в основном компаниями, зарегистрированными в Москве и Московской области, а в Японию и Южную Корею поступают энергоносители, поставляемые как столичными компаниями, так и компаниями, зарегистрированными на Сахалине и отгружающими местное сырьё.

Помимо энергоресурсов, важными продуктами экспорта Тихоокеанской России являются древесина, рыба и морепродукты. Более трёх четвертей стоимостного объёма экспорта ДФО (76,7%) приходится на эти три статьи (табл. 3).

При этом в 2016 г. основным потребителем экспортных энергоресурсов Тихоокеанской России являлась Япония (39%); на втором месте была Южная Корея (33%). На долю Китая пришлось около 20%, а всех остальных — менее 8% этой статьи экспорта ТР. Эти же три страны забирают 98% вывозимых из ДФО морских биоресурсов и 88% древесины, причём 75% древесины уходит в Китай. Соответственно, в дальневосточном

Таблица 3

Основные статьи экспорта ТР (ДФО, Забайкальского края, Бурятии и Иркутской области) в КНР, РК и Японию (в млн долл. США и %), 2016 г.

	ТР (объём и %)	КНР			Япония			РК		
		Объём	Доля в экспорте ТР в страну	Доля страны в общем экспорте данного товара ТР	Объём	Доля в экспорте ДФО в страну	Доля страны в общем экспорте данного товара ТР	Объём	Доля в экспорте ДФО в страну	Доля в объёме экспорта ДФО этой статьи
Весь экспорт	25 263	6 608	–	26%	5 650	–	22%	5 187	–	21
Рыба и морепродукты	2 341 (9%)	1 004	15%	43%	273	5%	12%	1 011	19%	43%
Нефть, минеральное топливо	10 833 (43%)	2 122	32%	20%	4 266	76%	39%	3 556	69%	33%
Древесина	2 426 (10%)	1 812	27%	75%	281	5%	12%	65	1,2%	3%
Объём трёх статей	15 600 (62%)	4 938	75%	32%	4 820	85%	31%	4 632	89%	30%

Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[30].

экспорте в КНР энергоресурсы, морепродукты и древесина занимают почти 75%, в Южную Корею — 89%, а в Японию — 85%.

Географическая структура экспорта большинства субъектов Тихоокеанской России повторяет региональную. Ряд из них, прежде всего континентальные и пограничные с Китаем субъекты (Забайкальский край, Амурская и Еврейская автономная области), почти полностью ориентируется на своего ближайшего соседа. Туда же значительную часть своих экспортных товаров (40—50% экспорта) направляют Хабаровский, Приморский и Камчатский края. Для Сахалина крупнейшим рынком сбыта продукции является Япония (почти 50% экспорта области), для Камчатского края — Южная Корея (см. рис. 4).

Экспорт Иркутской области и Бурятии более диверсифицирован. Из первой в Китай уходит треть вывозимой продукции (34,5%), ещё 16% — в Японию, а третьим потребителем продукции области являются Нидерланды (11%). Главным потреби-

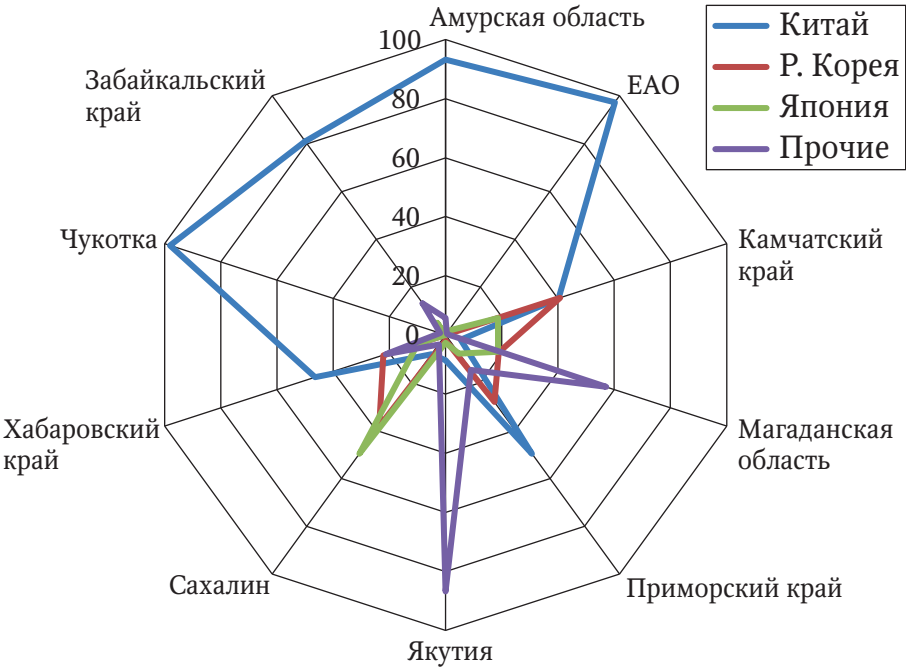


Рис. 4. Экспорт субъектов ТР (без Бурятии и Иркутской области) по странам-партнёрам, 2015 г., в %.
Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[31]

телем экспорта Бурятии в 2015 г. оказалась Перу (21% — почти вся продукция прошла по секретному коду), а далее следовали те же Китай (15%) и Япония (8%). Однако ситуация эта была явно нестандартной, поскольку годом ранее в Китай ушло 42% продукции республики, а в Перу — лишь 12%.

Направления экспорта субъектов Тихоокеанской России обусловлены не только географической близостью. Важно и то, кто является основным заказчиком, особенно если экспортируемый ресурс уникален. Эта особенность проявляется в случае с Якутией и Чукоткой. В 2015 г. основным экспортным продуктом Республики Саха являлись алмазы, добываемые компанией «АЛРОСА». Последняя, в свою очередь, поставляет алмазы из региона преимущественно в Бельгию, Индию и Израиль — самым крупным производителям бриллиантов в мире. Неудивительно, что именно эти страны стали крупнейшими внешнеторговыми партнёрами республики. Компания «Polymetal International», занимающаяся добычей золота и серебра в Казахстане и России, включая Чукотский автономный округ и Магаданскую область, вывозит в Китай и Казахстан золоторудный концентрат, обеспечивая соответственно 98% экспорта Чукотки и 57% экспорта Магаданской области[32].

Субъекты ТР, не имеющие прямого выхода к морским путям и граничащие с КНР, будут всегда подвергаться опасности попасть в зависимость от Китая как единственного покупателя. Такие прецеденты уже были в 2007—2008 гг., когда Восточная энергетическая компания не поставляла электроэнергию в КНР из-за ценового конфликта[33]. Он в итоге был разрешён, и с 2012 г. цена для КНР стала сопоставимой с ценой для остальных крупных импортёров российской электроэнергии (Финляндии, Белоруссии, Казахстана, Литвы)[34].

Особенности импорта

Российский импорт из ключевых стран АТР ориентирован, в первую очередь, на рынки потребления и промышленные кластеры, расположенные в европейской части России, поэтому Центральный и Северо-Западный федеральные округа являются основными заказчиками китайской, японской,

южнокорейской и американской продукции. Поскольку Тихоокеанская Россия импортирует товары преимущественно для удовлетворения собственных относительно небольших потребностей, то на её долю приходится всего 7—10% ввозимых в Россию товаров из ключевых экономик АТР (рис. 5).

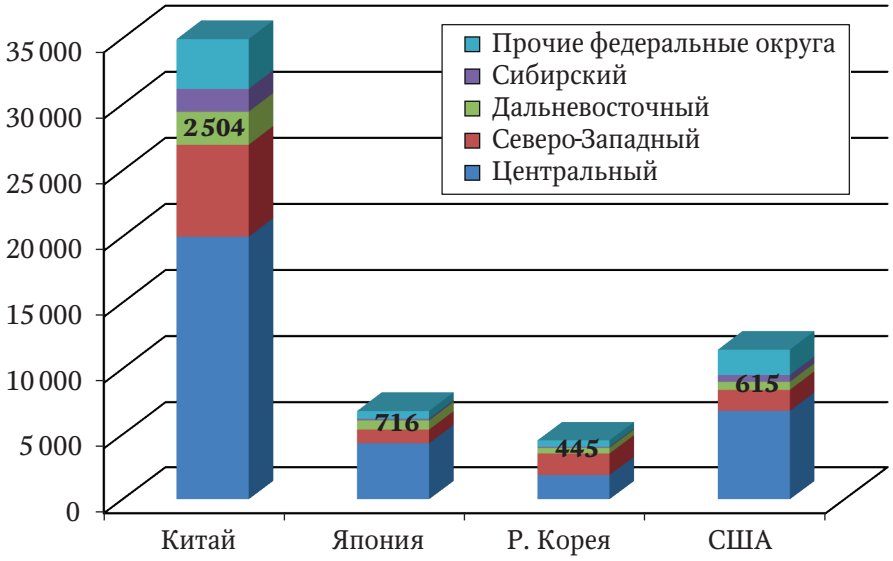


Рис. 5. Импорт России из Китая, Японии, Республики Корея и США по федеральным округам, 2015 г., млн долл. США.
Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[35]

Возможность удовлетворения потребностей населения Тихоокеанской России была самым серьёзным образом подорвана вследствие девальвации рубля и экономического кризиса 2014—2015 гг., поэтому снижение объёма внешнеэкономических связей региона, произошедшее в последние два года, сильнее всего заметно на примере импорта. Если в целом по России импорт из Японии и Южной Кореи в 2015 г. сократился на 37,6 и 49,4%, а из КНР — на 31,3%, то в Дальневосточном федеральном округе импорт из Японии и Южной Кореи сократился на 60%, из КНР — на 46,7% (табл. 4).

Ситуация несколько стабилизировалась в 2016 г. Импорт ДФО из США и Южной Кореи даже незначительно увеличился (на 100 млн долл. из каждой страны), а из КНР и Японии (на 200 и 250 млн долл.) немного сократился.

Таблица 4

Сравнительные объёмы внешней торговли России и ДФО за 2014 и 2015 гг. (в млрд долл. США)

	Общий объём			Экспорт			Импорт		
	2014	2015	Паде-ние	2014	2015	Паде-ние	2014	2015	Паде-ние
Россия									
Весь мир	784,5	525,8	33,0%	497,8	343,4	31,0%	286,7	182,4	36,4%
Япония	307,7	21,3	30,7%	19,9	14,5	27,0%	10,9	6,8	37,6%
КНР	88,4	63,6	28,1%	37,5	28,6	23,7%	50,9	28,6	31,3%
США	29,1	21,0	28,1%	10,6	9,5	10,6%	18,5	11,5	38,1%
РК	27,3	18,0	33,8%	18,3	13,5	26,1%	9,0	4,6	49,4%
ДФО									
Весь мир	39,0	26,1	33,1%	28,5	20,4	28,5%	10,5	5,7	45,7%
Япония	10,2	7,2	29,3%	8,7	6,5	23,0%	1,8	0,7	59,6%
КНР	10,4	6,6	36,4%	5,6	4,1	27,7%	4,7	2,5	46,7%
США	0,8	0,7	11,5%	0,2	0,1	38,2%	0,6	0,6	0,0%
РК	10,2	6,4	37,6%	9,1	5,9	34,9%	1,1	0,5	60,0%

Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[36]

Завоз импортной продукции на Дальний Восток происходит преимущественно через Приморье (более 61,7% импорта ДФО). Край фактически выступает транзитной территорией для поставки широкого спектра товаров на Дальний Восток. Другим крупным импортёром является Сахалин (18% импорта ДФО), но завозимая туда продукция предназначена в основном не для потребления и поставки в другие российские регионы, а для реализации нефтегазовых шельфовых проектов. Основу импорта Сахалинской области составляют машины, оборудование, транспорт (включая водный), изделия из чёрных металлов и химическая продукция.

Аналогичным образом складывается ситуация в других субъектах Тихоокеанской России. Более половины (51,7%) импорта Дальневосточного федерального округа приходится на машины, оборудование и транспортные средства. Ещё 22% составляют металлопродукция и продовольствие (см. табл. 5).

Таблица 5

Структура импорта ДФО (2015 г., в млн долл. и %)

		КНР			Япония			РК			США		
	Объём и доля в импорте ДФО	**Объём**	**Доля в импорте ДФО из страны**	**Доля в импорте этой статьи в ДФО**	**Объём**	**Доля в импорте ДФО из страны**	**Доля в импорте этой статьи в ДФО**	**Объём**	**Доля в импорте ДФО из страны**	**Доля в импорте этой статьи в ДФО**	**Объём**	**Доля в импорте ДФО из страны**	**Доля в импорте этой статьи в ДФО**
Всего	10 476	4 722,0	100,0	45,0	1 774,0	100,0	16,9	1 114,0	100,0	10,6	622,4	100,0	5,9
Машины, оборудование	5 414 (51,7%)	1 326,8	**28,1**	29,9	486,2	27,4	28,9	270,0	24,2	12,6	261,1	**41,9**	5,6
Транспортные средства		289,7	6,1		1 085,0	**61,2**		411,0	**36,9**		43,3	7,0	
Металлопродукция	1 189 (11,3%)	507,6	10,5	42,7	55,9	3,2	4,7	100,8	9,1	8,5	107,8	17,3	9,0
Продовольствие	1 148 (11,0%)	398,4	8,5	34,7	14,2	0,8	1,2	40,8	3,7	3,6	61,4	9,9	5,3
Объём трёх статей	7 751 (74%)	2 522,5	53,2		1 641,3	92,6		822,6	73,9		473,6	76,1	

Сост. по: Таможенная статистика внешней торговли[37].

При этом машины и оборудование являются главной статьёй импорта не только из высокотехнологичных Японии (без малого 89% импорта), США (49%) и Южной Кореи (61%), но и из Китая (34%).

В импорте Иркутской области из Китая на машины и оборудование приходится 42%; 15% — это продукты неорганической химии; 12% — чёрные металлы; из Южной Кореи 42,4% — это продукты неорганической химии; 33% — пластмассы. В импорте из Японии почти треть (32%) приходится на оборудование и транспортные средства и чуть меньше (30%) — на разные готовые изделия. Доля продовольственных товаров в импорте Иркутской области из стран Северной Пацифики минимальна, даже из Китая она составляет около 3% от всего импорта из этой страны.

Устойчивые представления о внешнеторговых связях Тихоокеанской России

Можно выделить несколько устойчивых представлений о внешнеторговых связях Тихоокеанской России, которые требуют специального анализа и комментариев. Эти стереотипы нередко становятся основой алармистской риторики об угрозах, которые несёт восточной окраине РФ взаимодействие с близлежащими странами.

Во-первых, не только в России, но и за рубежом популярно мнение о превращении восточных районов страны в сырьевой придаток стран АТР[38], на основе чего делается вывод о специфичности этого явления для России. Обоснование, на первый взгляд, выглядит логичным: нефть, нефтепродукты, продовольствие, древесина, драгоценные камни и металлы являются основой экспорта территорий этого региона РФ. Однако такая структура экспорта макрорегиона не сильно отличается от общенациональной. Безусловно, менее развитая промышленная база ТР предопределяет крайне незначительную долю машин и оборудования в общем объёме экспорта региона даже в сравнении с общероссийскими показателями. Но в целом ТР

вывозит ту же самую сырьевую продукцию и примерно в тех же пропорциях, что и вся Россия в целом (см. рис. 6).

Во-вторых, существует и активно распространяется мнение, что Дальний Восток экономически стал крайне зависим от какой-то одной страны, при этом обычно прямо или косвенно в качестве таковой называется Китай[40]. Некоторые зарубежные эксперты пишут об уже происходящем превращении российского Дальнего Востока в «ресурсный придаток» или «ресурсную

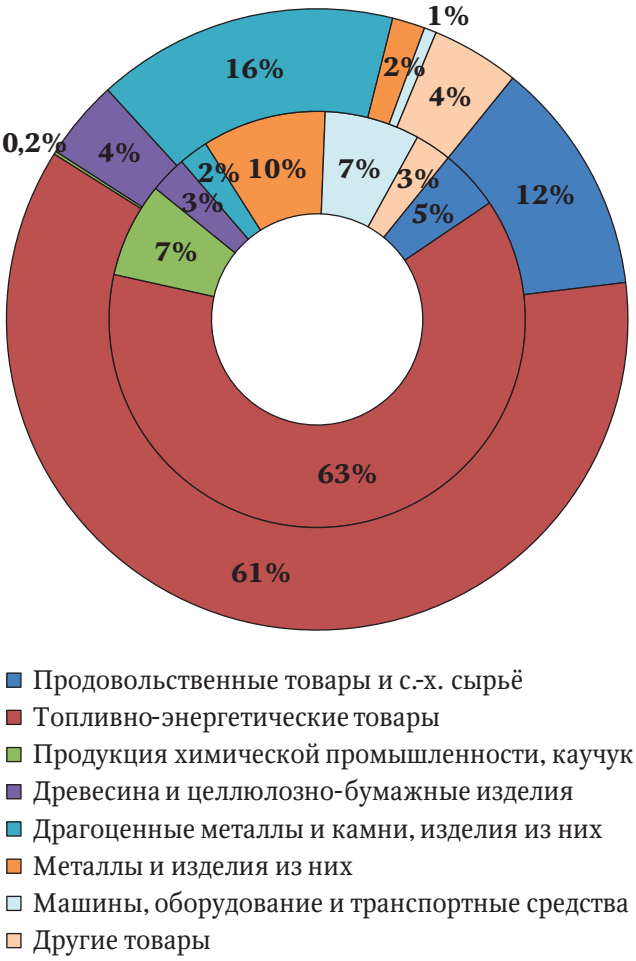
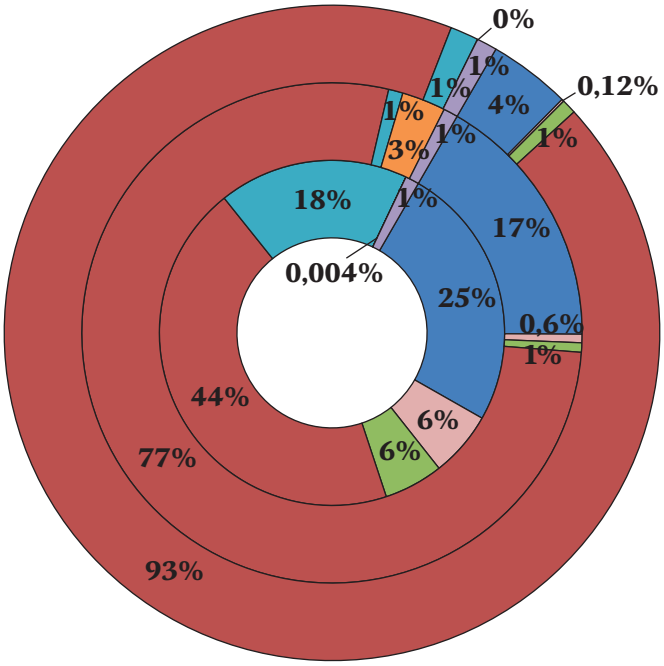


Рис. 6. Товарная структура экспорта России (внутренняя окружность) и дальневосточных регионов России (внешняя окружность), 2015 г.
Сост. по: Товарная структура экспорта Российской Федерации со всеми странами январь—декабрь 2015 г.[39]

колонию Китая»[41]. Однако даже поверхностный взгляд на статистику показывает, что объём сырьевого экспорта Тихоокеанской России в Китай сопоставим с аналогичными объёмами экспорта по японскому и южнокорейскому направлениям (табл. 2). И если структура экспорта в крупнейшие для региона рынки сбыта — Японию, Южную Корею и Китай — почти полностью представлена сырьевыми продуктами, то китайское направление выделяется большим разнообразием вывозимого сырья (рис. 7).



- Рыба и морепродукты
- Продовольствие и с.-х. сырьё (кроме рыбы и морепродуктов)
- Руды, шлак и зола
- Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки
- Древесина и изделия из неё
- Чёрные металлы
- Прочие товары

Рис. 7. Товарная структура экспорта Дальнего Востока в Китай (внутренняя окружность), Южную Корею (средняя окружность) и Японию (внешняя окружность), 2015 г. Сост. по: Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г.[42]

В импорте Дальнего Востока китайская продукция действительно занимает доминирующие позиции (рис. 8). В 2010-е гг. в общем объёме всех импортных товаров, ввозимых в регион, доля КНР составляла 43—51%. Тем не менее структура импорта из Китая постепенно менялась в сторону увеличения доли высокотехнологичной продукции и сокращения доли продовольствия и товаров широкого потребления. В 2015 г. в общем объёме импорта ДФО из КНР (2,5 млрд долл. США) на машины и оборудование приходилось 26% стоимости, на продукты питания — около 15%, на изделия из пластмассы и резины — 7,3%, на транспортные средства — 4% и на обувь — 2,3%. Почти все импортируемые дальневосточными предприятиями овощи, текстиль, одежда, обувь, игрушки, мебель и более 70% электрооборудования имели китайское происхождение.

Однако сформировало ли это особую экономическую, социальную и тем более политическую зависимость Тихоокеанской России от КНР? Отличается ли она от российской или даже общемировой «зависимости» от китайских товаров? Никто из российских экономистов даже не пытался ответить на этот вопрос. Отчасти потому, что это объективно сложно. Официальная статистика не способна отразить, сколько китайских

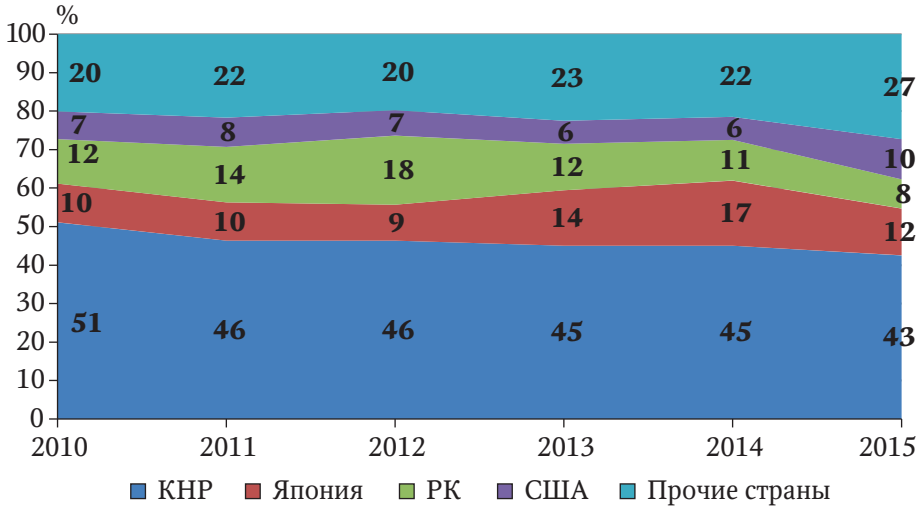


Рис. 8. Страны-контрагенты в импортных операциях ДФО, 2010—2015 гг., %.
Сост. по: Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г.[43]

товаров, ввезённых через дальневосточную таможню, оставалось на территории региона, а сколько уходило в другие районы страны. Отчасти эта неопределённость объясняется «серым» импортом, контрабандой и доставкой товаров «туристами», т.к. эти пути не учитываются никакой статистикой. Отчасти — сложившимися ещё в 1990-е гг. стереотипами. Огромный Китай безапелляционно воспринимался как ключевой внешний фактор развития Дальнего Востока, хотя никогда не доминировал в его внешнеэкономических связях. Вряд ли, например, в 2001 г. В.И. Ишаева, указывавшего на формирование единого экономического пространства между российским Дальним Востоком и КНР как на один из возможных сценариев развития региона[44], интересовала реалистичность этого сценария. Зато такое упоминание достигло другой важной цели — навело на мысль о необходимости усиления государственного патронажа над Дальним Востоком[45] в целях нейтрализации «китайского» дрейфа региона. Впрочем, некоторые московские учёные на самом деле были убеждены, что к началу XXI в. Дальний Восток уже стал экономически функционировать «как часть интеграционного поля Китая»[46].

Существует устоявшееся представление о продовольственной зависимости Тихоокеанской России от Китая. В какой-то мере это действительно так, особенно по таким категориям, как овощи и фрукты. Однако степень этой зависимости также определяется умозрительно, на основе товарного ассортимента в магазинах и на рынках. Мало помогает этому таможенная статистика, поскольку продовольствие завозится преимущественно через сухопутные пункты пропуска на границе, а потом часть его остаётся в приграничных районах, а часть переправляется в другие края и области Тихоокеанской России. Северные территории и даже Хабаровский край напрямую продовольствие из Китая практически не завозят, пользуясь посредническими услугами Приморья и Забайкалья. В результате в импорте Иркутской области из Китая на долю продовольствия приходится менее 3%, в импорте Приморского края — 15%, Амурской области — 20%, а Забайкальского края — почти 60%.

Экономические партнёры Тихоокеанской России в странах Северной Пацифики

В России сложились устойчивые представления, что ТР ведёт активную торговлю с Китаем и Японией преимущественно в рамках приграничных и так называемых прибрежных связей. Они подкрепляются тесными политико-административными связями через сухопутную границу или Японское море (см. главу 3) и (в случае с Китаем) крупным бюрократическим проектом — Программой сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.). Однако является ли это достаточным основанием, чтобы утверждать, что регионы ТР экономически тяготеют к западным, а не к развитым восточным префектурам Японии, и что они торгуют больше с северным и северо-восточным, нежели с тихоокеанским Китаем? Ответить на этот вопрос с помощью сухих цифр непросто. Региональная статистика рассматривает внешнюю торговлю, иностранные инвестиции и технико-экономическое сотрудничество исключительно в разрезе стран, но не их территорий. Однако приблизительные оценки всё же можно сделать.

В случае с Китаем они показывают, что, несмотря на сохраняющееся доминирование приграничных территорий (в первую очередь пров. Хэйлунцзян)* в экономических связях с Россией, не менее важными партнёрами для ТР, чем северо-восточный Китай, являются экономически более развитые восточные провинции страны. Например, грузооборот морских портов ДФО на китайском направлении, конечным пунктом которого гипотетически должны быть приморские регионы КНР, не уступает аналогичному показателю сухопутных

* В 2014 г. на долю трёх приграничных с Россией территорий Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия) пришлось 28% объёма российско-китайской торговли.

и речных пунктов пропуска на границе с КНР (табл. 6), частично ориентированных на торговлю с северо-восточным Китаем*.

Более того, в последние годы изменившаяся экономическая конъюнктура резко снизила роль Хэйлунцзяна в российско-китайских экономических связях. С 2014 по 2016 г. экспорт этой провинции в Россию сократился катастрофически: с 9 до 1,7 млрд долл. США (в 5,2 раза), её импорт из России — без малого в два раза, с 14,3 до 7,5 млрд долл.[47] В результате доля этой провинции в российско-китайской торговле сократилась за два года с 24,4% до 13,2%. Феномен требует специального исследования, но одной из очевидных причин является отказ предприятий восточных и южных провинций Китая от посреднических услуг Хэйлунцзяна и выход на прямые экономические связи с Россией.

Экономическая значимость западных префектур Японии для ТР также не соответствует уровню политико-административных контактов сторон. Например, в 2014 г. доля России в экспорте преф. Ниигата, столица которой имеет побратимские связи с тремя региональными центрами ТР и которая активно продвигает идею региональной интеграции в бассейне Японского моря, составляла 0,7% (около 23 млн долл. США) в экспорте и 5,9% (около 360 млн долл. США) в импорте[49]. Схожая ситуация сложилась с преф. Хоккайдо, имеющей традиционно тесные политико-административные связи с Сахалином

* Статистика дальневосточных таможен не способна отразить место происхождения и место назначения груза. Во-первых, в самой таможенной системе РФ нет унифицированного подхода к публикации таможенных данных. Часть таможен предоставляет данные по внешнеторговым операциям, совершённым любыми хозяйствующими субъектами, часть — только по операциям, которые совершены субъектами, зарегистрированными в зоне ответственности данной таможни. Во-вторых, мы можем с большой долей вероятности предполагать, что конечным пунктом основной части грузов, направляющихся в Китай через морские порты ТР, являются восточные или центральные провинции КНР. В остальных случаях невозможно даже примерно узнать, сколько товаров, импортированных из КНР, остаётся на Дальнем Востоке, а сколько уходит в Сибирь и европейскую часть России, или сколько товаров, экспортированных в КНР через Забайкальск, Хэйхэ и Суйфэньхэ, остаётся в северо-восточных провинциях.

Таблица 6

Стоимостные объёмы товаров по экспортно-импортным операциям с КНР, млн долл. США

Таможни Дальнего Востока	Товарооборот с КНР			
	2013 г.		2014 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Таможни с сухопутными и речными таможенными постами				
Уссурийская таможня	249	928	219,0	757
Хабаровская таможня	250	201	336,0	125
Хасанская таможня	н/д	н/д	н/д	н/д
Биробиджанская таможня	29	81	41,0	77
Благовещенская таможня	240	348	193,0	309
Забайкальская таможня	1009	59	1073,0	53
Всего	1777	1617	1862,0	1321
Таможни с морскими портами				
Владивостокская таможня	559	3003	517,0	2520
Находкинская таможня	281	2369	114,0	2045
Камчатская таможня	71	18	23,0	17
Магаданская таможня	34	н/д	24,5	н/д
Сахалинская таможня		11		21
Ванинская таможня	52	13	53,0	19
Всего*	997	5403	731,5	4601

* Данные по Сахалинской таможне не учитываются в общих стоимостных объёмах экспорта и импорта таможен Дальнего Востока.

Сост. по: Дальневосточное таможенное управление[48].

и Камчаткой. В 2015 г. предприятия этой префектуры завезли из России 10,4% всех импортируемых товаров (стоимостью около 1 млрд долл.), а вывезли в Россию лишь 1,4% своей экспортируемой продукции (на 56 млн долл.)[50]. В целом Россия как рынок сбыта не является приоритетным направлением для западных префектур Японии, поглощая не более 5% их экспорта. Импорт из России более важен, однако традиционно узок по номенклатуре товаров и ограничивается энергоресурсами, древесиной и металлами.

Американское экономическое присутствие в Тихоокеанской России преимущественно связано с участием корпорации «Exxon Mobil», вложившей 10 млрд долл. США в международный нефтегазовый проект «Сахалин-1». В других областях и на других территориях эти отношения малозаметны. В стоимостном выражении объём торговли Тихоокеанской России с США очень невелик: даже в 2013 г. он составлял лишь 871 млн долл. США, из которых на экспорт приходилось 158, а на импорт — 714 млн долл.

США и Канада — это два государства Северной Пацифики, с которыми Тихоокеанская Россия имеет отрицательный баланс торговли. Любопытно, что введение Западом экономических санкций против России, а также ответные меры последней (2014—2015 гг.) не привели к заметному снижению уровня их межрегионального взаимодействия. В 2014 г. объём торговли ТР с США сократился по сравнению с 2013 г. всего лишь на 1,1%, в 2015 г. — ещё на 1,2%, тогда как общий объём российско-американской торговли снизился в 2015 г. на 38%. В 2016 г. объём импорта ДФО из США даже немного подрос — до 768 млн долл. США, что больше, чем было до введения санкций. При этом американский рынок имеет важное значение лишь для Чукотского АО (30% импорта округа в 2015 г.) и Республики (Саха) Якутии (40% её импорта).

Отношения Тихоокеанской России с Северной Кореей потенциально важны не только для этого российского региона, но и для страны в целом, особенно если заглядывать в будущее и строить планы в расчёте на объединение Корейского полуострова. Доля ТР в российско-северокорейских экономических отношениях весома: в 2015 г. на неё пришлось 29% российского экспорта в КНДР (29 из 78 млн долл. США) и треть (33%) импорта из этой страны в Россию (2 из 6 млн долл.). Почти весь дальневосточный экспорт в КНДР был представлен теми же тремя видами товаров, которые доминируют в поставках региона в другие страны СП: нефть и нефтепродукты, древесина и изделия из неё, рыба и морепродукты[51]. Впрочем, и другие регионы России отправляли в Северную Корею схожую продукцию, добавляя к ней продовольствие. В 2013—2014 гг. Россия

в целом поставляла в КНДР относительно много электротехнического оборудования и транспортных средств (около 30%), но либо поставки были прекращены под влиянием санкций, либо Северная Корея самостоятельно прекратила их импорт.

Так, в 2015 г. торговый оборот России с КНДР снизился по сравнению с 2014 г. на 8,7% и составил 84,3 млн долл. США, в т.ч. российский экспорт — 78,3 млн долл. (снижение на 4,7%), импорт — 6 млн долл. (снижение на 40,6%). Сторонам пока не удаётся вернуться к уровню 2013 г., когда оборот между двумя странами составлял 103,4 млн, что является наивысшим показателем за прошедшее время. В последние годы доля России в зарубежной торговле КНДР не поднимается выше 1—1,5%[52]. В начале 2016 г. в результате осложнения военно-политической обстановки на Корейском полуострове двусторонние обмены были временно заморожены и возобновились только ближе к середине года.

В целом же двустороннюю торговлю сдерживают следующие факторы: стагнация северокорейской экономики, низкая платёжеспособность КНДР, недоверие российского бизнеса к северокорейским компаниям, отсутствие современной инфраструктуры и трудности с финансовыми расчётами, вызванные международными санкциями в отношении Северной Кореи[53].

5.4. Движение капиталов: зарубежные инвестиции как инструмент международной интеграции

Поскольку Тихоокеанская Россия всё ещё остаётся на стадии экономического освоения, которое требует ресурсов гораздо бо́льших, чем может выделить на это отдельное государство, задачи привлечения капитала (как отечественного, так и иностранного) давно обращают на себя внимание центральной власти, а также являются предметом академических и политических дискуссий[54].

Иностранные инвестиции на Дальний Восток, казалось бы, идут: в 2013 г. с показателем в 960 долл. США на человека регион

занимал третье место после Центрального и Северо-Западного федеральных округов (уступая первому более чем в три раза, а второму — немногим менее чем в два раза). Но здесь есть особенности, которые смазывают эту, на первый взгляд, благоприятную картину. Во-первых, ДФО — самый малонаселённый федеральный округ в России, поэтому показатели на душу населения не вполне адекватно отражают экономические реалии региона. Во-вторых, подавляющую часть инвестиций притягивают нефтегазовые проекты Сахалина, и там уже приходится по 5903 долл. США иностранных инвестиций на человека[55]. В добычу топливно-энергетических ресурсов ТР к началу 2014 г. было вложено более 75% всех прямых иностранных инвестиций (рис. 9).

Рис. 9. Прямые иностранные инвестиции на Дальнем Востоке России по видам деятельности, млн долл. США, % на начало 2014 г.
Сост. по: Накоплено прямых иностранных инвестиций[56]

За фасадом неутихающих разговоров о выгодном экономико-географическом положении Тихоокеанской России не получил должной оценки тот факт, что с начала 1990-х гг. и вплоть до недавнего времени этот регион находился в тисках двойной конкуренции за иностранный капитал: как по внешнему, так и по внутреннему контуру. И в обоих случаях регион проигрывал. В первом — зарубежным соседям по Восточной и Юго-Восточной Азии, во втором — центральным регионам страны.

По формальным показателям азиатское положение Тихоокеанской России не оказало существенного влияния на географию инвесторов. К началу 2014 г. почти 90% вложений в регион поступили из Нидерландов, Индии (в обоих случаях вложения осуществили крупные нефтегазовые корпорации), с Кипра (здесь речь идёт скорее о реинвестициях российских компаний) и Багамских островов, являющихся оффшорной территорией для компаний из разных стран (рис. 10). Страны Северо-Восточной Азии не спешат вкладываться в этот регион России.

Статистика технически не способна отследить конечного собственника не только мелких и средних, но и крупных вло-

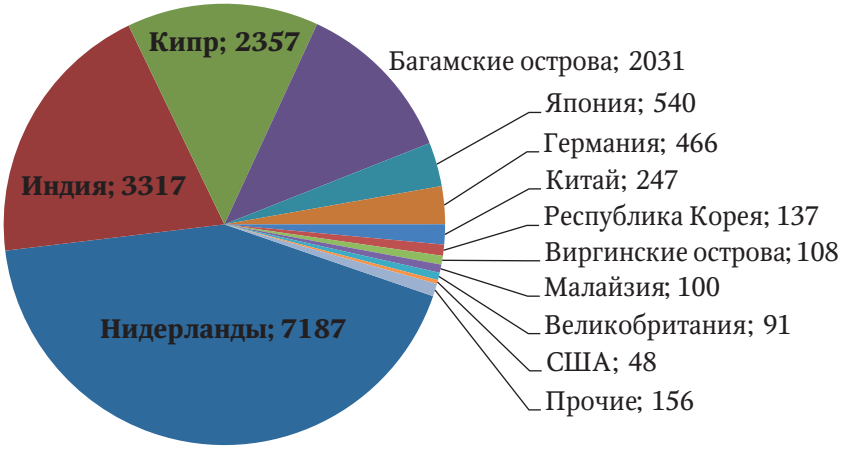


Рис. 10. Прямые иностранные инвестиции
на Дальнем Востоке России по странам-донорам, млн долл. США, 2013 г.
Сост. по: Накоплено прямых иностранных инвестиций[57]

жений. Например, упомянутые выше сделки РФПИ и Китайской инвестиционной корпорации поступали через оффшорные организации: в одном случае через кипрскую компанию, во втором — через фирму, зарегистрированную на Каймановых островах. Схожая ситуация наблюдается в случае с крупной сельскохозяйственной группой компаний из Приморского края «Армада». До 2013 г. 60% её акций принадлежало китайской фирме «Хуасинь». Затем владельцем стала оффшорная компания «Rus-Agri Industries Inc.». В СМИ она почти не позиционирует себя как «российско-китайская», хотя председателем правления группы является Ли Дэминь, владелец компании «Хуасинь»[58]. Другими словами, крупнейшие игроки в сфере лесного и сельского хозяйства Дальнего Востока, разработчики крупных рудных месторождений имеют инвестиции из-за рубежа или непосредственно контролируются иностранными компаниями, однако официальная статистика утверждает, что страна-инвестор — оффшор.

Крупнейшие азиатские компании, которые разместили свои производства в России, предпочитают выбирать в качестве площадки не Дальний Восток, а те регионы, где сконцентрирован человеческий капитал и имеется гарантированный покупательский спрос. Например, заводы «Toyota» и «Nissan» были построены под Санкт-Петербургом. Наиболее успешные особые экономические зоны сформировались в Татарстане и Калининградской области. Из тех прямых иностранных инвестиций, которые идут в Россию из стран АТР, в её восточных районах оседает лишь малая часть (см. рис. 11). Иными словами, когда Россия проигрывает конкуренцию за привлечение иностранных инвестиций, Дальний Восток проигрывает вместе с ней; в тех же случаях, когда страна преуспевает в привлечении капитала из-за рубежа, основные выгоды получают европейские регионы страны.

Те инвестиционные проекты, которые были организованы в ДФО, до сих пор вызывают сомнения в своей эффективности (здесь стоит оговориться, что речь идёт об инвестициях в производство сложной продукции, а не в добычу природных

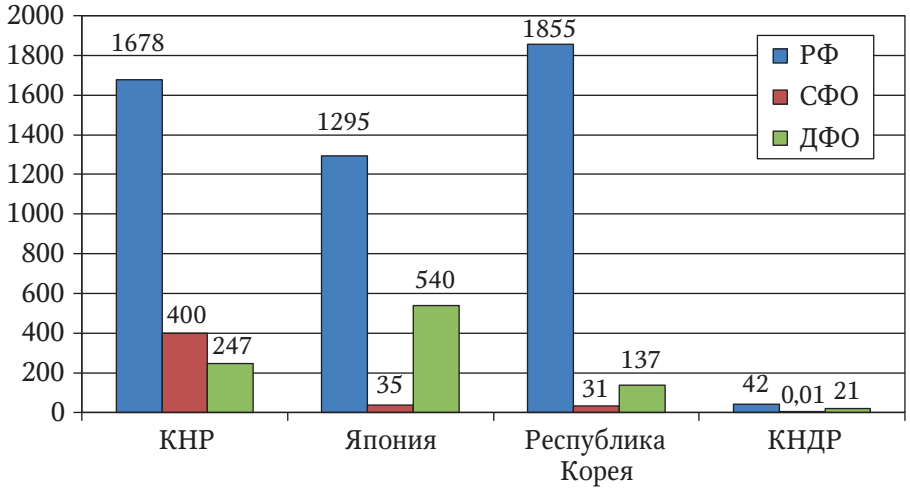


Рис. 11. Объём прямых иностранных инвестиций из ближайших стран — соседей по АТР в Россию в целом, в Сибирский федеральный округ и Дальневосточный федеральный округ, млн долл. США.
Сост. по: Официальный сайт Администрации Приморского края[59]

ресурсов или сферу развлечений). Можно привести ряд показательных примеров. В 2009 г. при непосредственной поддержке Президента и Правительства РФ во Владивостоке было открыто автомобильное производство на заводе «Соллерс-Владивосток». Здесь также производят японские марки: Mazda и Toyota. Изначально компания «Соллерс» позиционировала этот проект как оптимизацию логистики: чтобы не везти через всю страну комплектующие из Южной Кореи и Японии. К 2014 г. это производство было выделено в «особую экономическую зону» с рядом преференций: субсидированием перевозок продукции в европейскую часть страны и финансированием из федерального бюджета в 5,3 млрд руб.[60] Со временем этот проект приобрёл модное название «Дальневосточный индустриальный парк» и стал позиционироваться как «история успеха» на инвестиционном портале Приморского края[61]. При этом компания через всю страну везёт собранные на этом заводе автомобили в Европейскую Россию.

Второй пример поистине символичен. В г. Артёме, по дороге в новый, сооружённый к Владивостокскому саммиту АТЭС

аэропорт, был построен завод корейской фирмы «Хёндэ». Комплекс, преподносившийся как пример «удачных южнокорейских инвестиций в российский Дальний Восток», открыли с большой помпой и участием вице-премьера И. Шувалова в 2013 г.[62] Простояв без работы четыре года, производственный комплекс был продан рыболовной компании «Доброфлот». Неудивительно, что местная пресса назвала историю с заводом «настоящим символом бездарной промышленной политики государства в регионе»[63].

Эти примеры можно продолжать, в частности, говоря о проектах, которые в настоящее время вроде бы находятся на стадии реализации, но чьи перспективы для сбыта продукции остаются очень туманными — таковыми являются «Дальневосточный центр судостроения и судоремонта» и «Восточный нефтехимический комплекс».

Поиски оптимальной формулы территориального развития России вообще и Тихоокеанской России в частности привели к двум последствиям.

Во-первых, в начале второго десятилетия 2000-х гг. происходила специализация бюрократических органов управления территориальным развитием: появились специальные министерства, агентства, корпорации и т.д. — то, что именуют модным термином «институты развития».

Во-вторых, неэффективность как государственных программ, так и конкретных проектов развития Тихоокеанской России на фоне нарастания экономических трудностей в стране подтолкнула маятник дальневосточной политики к противоположному полюсу — к модели, ориентированной на привлечение частного капитала в зоны с льготным налоговым режимом и проекты с чётко просчитанными рыночными перспективами*.

---

* Во всяком случае, именно с такой программой вступил в должность в 2013 г. министр по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка. Впоследствии она потеряла свою чёткость, дрейфуя ближе к традиционным государственным программам социально-экономического развития, охватывающим максимально широкий круг вопросов.

Наращивание институтов развития

Исторически инструменты и институты развития Тихоокеанской России складывались в данной последовательности:

1) масштабные государственные программы социально-экономического развития территории (вторая половина 1980-х — 2013 гг.);
2) федеральные целевые программы, в том числе имиджевые проекты наподобие подготовки г. Владивостока к саммиту АТЭС-2012 г. (с середины 2000-х по 2012 гг.);
3) формирование крупных государственных корпораций и подчинение их стратегическим интересам государства (в таких компаниях, как Газпром, Роснефть, Транснефть, Внешэкономбанк, к концу первого десятилетия 2000-х гг. были разработаны «восточные программы», под которыми понимается, в первую очередь, освоение месторождений и строительство инфраструктуры на Востоке России и выход на рынки стран АТР);
4) создание «территориальных» министерств, в т.ч. Министерства по развитию Дальнего Востока (с 2012 г. по настоящее время);
5) создание специальных институтов развития: Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона, Агентства по развитию человеческого капитала, Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта (с 2012 г.).

Иерархическая система целеполагания и управления развитием Тихоокеанской России представлена в табл. 7.

Обобщая вышеизложенное, мы можем сказать, что система управления развитием региона состоит из:

- центров принятия стратегических политических и экономических решений (касающихся крупных проектов и создания преференциальных условий для их реализации);

Таблица 7

Иерархия принятия и реализации решений по развитию Тихоокеанской России

	Компетенция/цель	Главный актор
1	Определение стратегических приоритетов развития Дальнего Востока	Президент России
2	Стратегическое управление развитием региона, взаимодействие со структурами Правительства РФ, с органами власти субъектов Федерации, работа с ключевыми инвесторами	Зам. председателя Правительства РФ — полномочный представитель Президента в ДФО
3	Координация реализации государственных и федеральных целевых программ на территории Дальнего Востока; координация и контроль работы специальных институтов развития Дальнего Востока: Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке; Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток; управление федеральным имуществом на территории региона; контроль деятельности региональных органов власти на Дальнем Востоке	Министерство по развитию Дальнего Востока
4	Создание условий для экономического роста Дальнего Востока, привлечение инвестиций и обеспечение доступных кредитов для экономических проектов в регионе	Внешэкономбанк и подконтрольные ему структуры: Российский Фонд прямых инвестиций; Фонд развития Дальнего Востока
5	Комплексное решение задач обеспечения трудовыми ресурсами экономических проектов на Дальнем Востоке. Информационное организационно-методологическое сопровождение инвестиционных проектов	АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке»
6	Привлечение резидентов в территории опережающего развития и свободный порт Владивосток; привлечение прямых инвестиций и поддержка экспорта	АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта»
7	Управление территориями опережающего развития в ДФО	АО «Корпорация развития Дальнего Востока»

- бюрократических институтов для координации административной иерархии, задействованной в исполнении этих решений;
- специальных институтов для вовлечения внебюджетных средств в развитие Тихоокеанской России, формирование зон предпринимательской активности вокруг «больших» государственных проектов.

На всех уровнях иерархии эта система настроена на привлечение внебюджетных источников в развитие территории. Проведение ежегодного Восточного экономического форума в г. Владивостоке под личным патронажем Президента России с участием глав азиатских государств, официальные государственные визиты Президента и министра по развитию Дальнего Востока в страны АТР — это всё проявления работы политического уровня системы по привлечению средств и технологий к развитию Тихоокеанской России. Благодаря этому вопросы Дальнего Востока стали постоянным пунктом в повестке межгосударственных переговоров России и стран АТР.

Так, в ходе официального визита Президента России в Республику Корея в ноябре 2013 г. было принято «Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея». Пункт 9 этого документа сообщал о заинтересованности сторон в привлечении корейских инвесторов в проекты, реализуемые на Дальнем Востоке, прежде всего в транспортно-логистическую инфраструктуру[64].

В декабре 2015 г. во время визита в РФ премьер-министра Республики Индия Нарендры Моди был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Минвостокразвития России и индийской компанией „Tata Power Company Limited“ в сфере инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке»[65]. Всего же в течение 2013—2015 гг. Министерство по развитию Дальнего Востока подписало десять меморандумов и соглашений о торговом и инвестиционном сотрудничестве. Из них шесть с Японией, два с Республикой Корея, по одному с Китаем и Сингапуром[66].

За этими цифрами и заявлениями скрывается прозаическая реальность, в которой продекларированные намерения чаще

всего не переходят в стадию воплощения. Их роль в другом — создавать благоприятный политический фон для действия экономических акторов.

Перечень конкретных инвестиций, сделанных с помощью институтов развития, выглядит скромнее. По состоянию на 2015 г. Внешэкономбанк участвовал в реализации 17 проектов на Дальнем Востоке объёмом в 342 млрд руб. Одним из наиболее крупных проектов было участие в разработке Эльгинского угольного месторождения в Южной Якутии, где объём инвестиций ВЭБ составляет 2,5 млрд долл.[67] В целом участие банка во всех вышеназванных проектах стоит 226 млрд руб.

Из 24 инвестиционных проектов, в которых принял участие Российский фонд прямых инвестиций, только четыре относились к Тихоокеанской России:

1) привлечение консорциума инвесторов из Северной Америки, Ближнего Востока, Европы и Юго-Восточной Азии для развития российской алмазодобывающей компании «АЛРОСА»;
2) приобретение Российско-китайским инвестиционным фондом и Китайской инвестиционной корпорацией 42% акций «Russian Forest Products Group» — крупнейшего российского холдинга в сфере лесного хозяйства на Дальнем Востоке — с целью создания Центра глубокой переработки древесины;
3) вложение средств Российско-китайским инвестиционным фондом и Китайской инвестиционной корпорацией в железнодорожный мостовой переход между Россией и Китаем;
4) совместное приобретение РФПИ, «Changi Airports International» и группой компаний «Базовый элемент» равномерных долей акций Международного аэропорта «Владивосток» для его последующего развития[68].

Фонд развития Дальнего Востока на конец 2016 г. финансировал 11 проектов, среди которых восемь можно отнести к развитию экспортного/импортозамещающего потенциала, а в трёх из них присутствовал иностранный соинвестор (во всех случаях — китайский)[69]. На сентябрь 2017 г. из десяти проектов, в которых фонд являлся соинвестором, только в одном обозначено присутствие иностранного капитала[70].

Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта пока преимущественно ограничивается подписанием деклараций о намерениях. В частности, оно отметилось двумя такими меморандумами[71] в рамках встречи В. Путина и Синдзо Абэ и четырьмя — во время встречи Путина и Мун Чжэ Ина[72] во Владивостоке в сентябре 2017 г. Ни фонд, ни агентство не фигурируют среди подписавших двусторонние документы во время июльской встречи Путина и Си Цзиньпина. Единственным документом, где обозначился институт развития Тихоокеанской России, стал Меморандум о сотрудничестве в области развития международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» между Министерством по развитию ДВ и Госкомитетом КНР по развитию и реформе.

5.5. Движение людей: иностранная рабочая сила и туризм

Зарубежная миграция всегда играла достаточно скромную роль в формировании постоянного населения Тихоокеанской России, но являлась очень важным фактором хозяйственного освоения этого региона, его экономической жизни, существенно влияя на состав, стоимость и распределение рабочей силы. Так было в конце XIX — начале XX вв.[73], аналогичным образом дело обстояло в 90-е гг. XX — начале XXI вв.

Численность постоянного иностранного населения на территории Тихоокеанской России на рубеже XX—XXI вв., несмотря на алармистские предсказания некоторых политиков, журналистов и даже учёных, была невелика. По данным переписи 2010 г., в регионе было зафиксировано 8,8 тыс. чел. китайцев (0,1% населения ДФО), 56,9 тыс. (0,9%) российских корейцев, а японцев всего 342 чел.[74] При этом количество постоянно проживающих в КНР россиян составляет от 10 до 15 тыс. чел.; в Японии в 2010—2013 гг. регистрировались как резиденты 7,5—7,8 тыс. граждан России[75]. Проживающие в зоне ДФО представители восточных цивилизаций составили

от 30% (китайцы) до 37—38% (корейцы и японцы) всех представителей этих этносов, зарегистрированных в России, самым очевидным образом являя собой удобную коммуникационную среду для взаимодействия с восточноазиатскими культурами[76].

В нынешнем движении людей в зоне Северной Пацифики российский след заметной роли не играет. В 2013 г. между восемью странами Северной Пацифики в общей сложности перемещалось около 44 млн чел.* Русскоязычный сегмент составил около 5% от этого потока (2,78 млн) и в нём очевидно преобладали поездки россиян в Китай (2,19 млн чел.). Интенсивность гуманитарного обмена между Россией и другими странами Северной Пацифики была существенно ниже. Южную Корею в 2013 г. посетили 175 тыс. россиян, что составило 1,4% от всех иностранцев, посетивших эту страну[77]. Введение безвизового режима между РФ и Республикой Кореей повлекло за собой определённый рост гуманитарного обмена: в 2014 г. он увеличился до 214 тыс., а в 2016 г. — до 234 тыс. чел. (правда, четверть из них, 56 тыс., — это члены команд морских и воздушных судов)[78]. Но при этом доля россиян в общем числе иностранцев, посетивших Страну утренней свежести, не изменилась — те же 1,4%. В Японии в 2014 г. побывали 60 тыс. граждан РФ, что составило 0,5% от общего числа иностранцев, въехавших в страну[79]. Это вдвое больше, чем в 2000 г., но меньше, чем в 2013 г., когда Японию посетили более 65 тыс. россиян[80]. Не последнюю роль в этом снижении сыграл существенный спад вывоза подержанных японских машин из портов западного побережья Японии в дальневосточные порты.

Резкое падение курса рубля и изменение экономической конъюнктуры заметно сказались на интенсивности российских поездок в КНР. В 2014 г. их количество сократилось до 2 млн 48 тыс., из них 970,5 тыс. чел. ездили в Китай в качестве туристов[81]. По российским данным, поездок было на 125 тыс. меньше, всего 1 млн 923 тыс., из которых туристическими

* В их число входили 14,2 млн граждан КНР, 11 млн японцев, 8,5 млн южных и 250 тыс. северных корейцев, 2,8 млн россиян, 1,6 млн тайваньцев, 4,3 млн американцев и 1,1 млн канадцев. И это не считая 45 млн американцев и канадцев, путешествовавших между этими двумя странами.

обозначены 766 тыс.[82] 90% туристов (1 млн 840 тыс. чел.), согласно провинциальной статистике Китая, посетили три приграничные территории: Хэйлунцзян (919 тыс.), АРВМ (630 тыс.) и Цзилинь (290,7 тыс.)[83]. Дальнейшее снижение российского потока в Китай произошло в 2015 г. — до 1 млн 582 тыс. по китайским и 1 млн 284 тыс. по российским данным. Однако уже на следующий год в КНР выехали 1 млн 676 тыс. граждан РФ[84].

Сопоставление различных по характеру статистических данных позволяет предположить, что в российском гуманитарном потоке в страны СП на жителей Тихоокеанской России приходилось от 70 до 80% от общего числа поездок[85].

Территория России не является объектом активного интереса населения Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. Её, по данным пограничной службы РФ, в 2014 г. посетили всего лишь 1,7 млн жителей стран Северной Пацифики (1,1 млн — граждане КНР, 136 тыс. — южные корейцы, 24 тыс. — северные корейцы, 257 тыс. — американцы, 53 тыс. — канадцы, 105 тыс. — японцы)[86]. Чуть менее половины из них (44%) прибыли по туристической линии. Падение курса рубля и ухудшение отношений России со странами Запада сказались и на миграционных потоках. Китайцы и южные корейцы стали ездить в Россию чаще (в 2016 г. 1 млн 289 тыс. и 161 тыс. соответственно), а американцы и японцы реже (239 тыс. и 85 тыс. чел.). По данным Ростуризма, в 2016 г. из 760 тыс. приезжавших в Россию «безвизовых» туристов из КНР 325 тыс. (43%) посетили приграничные районы[87]. Но в общей массе 60—70% приезжавших в Россию китайцев путешествовали в пределах Тихоокеанской России*.

Более стабильное иностранное присутствие в Тихоокеанской России было обусловлено, прежде всего, временной трудовой деятельностью мигрантов.

---

* Основанием для оценок служит способ пересечения границы. В 2014 г. 361 тыс. китайцев въехали в Россию автомобильным транспортом, 209 тыс. — водным, 500 тыс. — воздушным и 55 тыс. — железнодорожным. 100% первого и второго и не менее 50% третьего способа явно имеют своим истоком территорию Тихоокеанской России. См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://cbsd.gks.ru (дата обращения: 15.06.2017)

Трудовая миграция из стран Северной Пацифики в Тихоокеанской России

В начале XXI в. трансграничная трудовая миграция в Северо-Восточной Азии достигла исторически уникального уровня. Причиной тому стал растущий спрос на трудовых мигрантов в странах, где экономический рост и связанное с ним увеличение потребности в рабочей силе опередили темпы прироста собственных трудовых ресурсов.

Наибольшим трудовым потенциалом в Северной Пацифике обладает Китай. Трудовые мигранты из КНР выезжали в самые разные государства. Наиболее популярными странами для них являются США, Канада, Австралия и Япония. Канада приняла наибольшее число мигрантов из КНР в течение последних 10 лет. Количество китайских мигрантов в Канаду увеличилось с 2001 по 2011 гг. на 63,9%. За последние 10 лет стабильно росла китайская миграция в Австралию[88]. Россия также входит в число стран, которые активно используют трудовые ресурсы из КНР, её Дальневосточный регион стал одной из территорий, активно принимавших временных трудовых мигрантов из этой страны.

Тихоокеанская Россия включалась в систему трансграничных трудовых миграций в конце 1980-х гг. В 1988 г. в СССР уже работало больше 35 тыс. рабочих из пров. Хэйлунцзян, а также граждан Вьетнама и КНДР[89]. В 1990-е гг. присутствие в Тихоокеанской России китайских граждан стало поводом для многочисленных дискуссий. Регулирование численности иностранной рабочей силы стало одним из направлений в деятельности властных структур по обеспечению социальной безопасности в Дальневосточном регионе.

В итоге в начале XXI в. миграционный режим был ужесточён. В российскую законодательную базу были внесены поправки в части привлечения и использования иностранной рабочей силы. В 2001—2002 гг. миграционная политика России приобрела запретительный характер[90]. Были приняты федеральные

законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[91], «О гражданстве Российской Федерации»[92] и сопутствующий им пакет ведомственных актов, которые устранили накопившиеся за десятилетие 1990-х гг. проблемы правового регулирования в миграционной сфере.

В эти же годы китайское правительство и отдельные корпорации стали заключать с правительствами других стран двусторонние и многосторонние соглашения об экспорте рабочей силы[93]. Правительство КНР было также заинтересовано в публичном оформлении миграционных связей с Россией. Катализатором совместных действий, касающихся управления миграционными процессами, было обсуждение и согласование политики двух государств по вопросу создания благоприятных условий развития туризма. Важной политической предпосылкой совершенствования миграционного взаимодействия между Россией и Китаем стало подписание договора «О добрососедстве и дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР» 2001 г., в том числе предусматривавшего сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией (статья 20)[94].

Россия как страна-реципиент также приложила немало сил, чтобы закрепить на межгосударственном уровне основные принципы миграционных связей с государством-донором в общем русле развития российско-китайских отношений. В отношениях между государствами наступил длительный период консультаций. Была создана российско-китайская рабочая группа по вопросам миграции, результатом работы которой стала нормативно-правовая база в этой сфере[95]. На региональном уровне принцип безопасности, закреплённый в миграционных отношениях с Китаем, был доминирующим, но при этом нередко вступал в противоречие с экономическими интересами предпринимателей и позициями региональной элиты.

Причины привлечения иностранной рабочей силы в зону Тихоокеанской России укладываются в русло мировых тенденций: это межстрановые различия в оплате труда, разница демографических потенциалов и возрастной структуры населения, нехватка рабочей силы в определённых сферах экономичес-

кой деятельности (строительство, сельское хозяйство, сфера обслуживания). Но при этом сам процесс привлечения и использования китайской рабочей силы на территории Тихоокеанской России носил во многом ситуативный характер. В начале третьего тысячелетия быстрому росту китайской трудовой миграции в этот регион страны способствовали упорядочение юридических аспектов пересечения границы, развитие двусторонних торгово-экономических и гуманитарных связей, а также заинтересованность российских предпринимателей в использовании труда китайских работников. Свою роль сыграло начало реализации новых проектов социально-экономического развития региона, и прежде всего — подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке.

Основными территориями, где в начале XXI в. концентрировались китайские трудовые мигранты, как и в предшествовавшее десятилетие, являлись ЕАО, Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, в том числе важнейшие экономические и демографические центры региона (Владивосток, Уссурийск, Благовещенск, Хабаровск).

До 2009 г. основной прирост иностранной рабочей силы в южной части региона, за исключением Сахалина, происходил за счёт трудовых мигрантов из КНР[96]. Определённый пик в использовании китайских трудовых ресурсов в Тихоокеанской России пришёлся на конец 2003—2008 гг. За 10 лет (с 1999 по 2008 гг.) количество привлечённой китайской рабочей силы в приграничных районах Дальнего Востока увеличилось в 6,1 раза, при этом в Приморском крае — в 2,6 раза, в Хабаровском крае — в 11,4, в Еврейской автономной области — в 17, а в Амурской области — в 29,3 раза. В 2007 г. Амурская область впервые опередила Приморский край и заняла первое место в ДФО по привлечению китайской рабочей силы[97]. В целом в 2008 г. в четырёх приграничных субъектах Российской Федерации (Амурская область, Приморский и Хабаровский края и ЕАО) официально работали 57,2 тыс. китайских граждан, что на 5,2% больше, чем в 2007 г.[98]

Параллельно росло использование рабочей силы из КНДР, хотя и не такими высокими темпами, как китайской. По данным

ФМС, в 2004 г. трудовую деятельность в России осуществляли свыше 14,7 тыс. граждан КНДР, в 2005 г. — более 20 тыс., а в 2006 г. — свыше 21,7 тыс.[99] Более 16 тыс. из них работали на территории ДФО[100].

Экономический кризис 2008 г. практически не повлиял на привлечение иностранной рабочей силы на территорию Тихоокеанской России. Исключением стал Приморский край, где её присутствие несколько сократилось. Но это была кратковременная тенденция. Она стала следствием, прежде всего, более либеральной государственной политики России по отношению к мигрантам из стран СНГ и стремления властей Приморья получить преференции в финансировании проектов развития территории (старательно выполняя политическую установку Центра, ориентировавшую на использование трудовых ресурсов из стран СНГ). В 2008 г. в приграничных субъектах ТР было сконцентрировано 93,2% китайской рабочей силы, представленной на Дальнем Востоке России на легальной основе, и фиксировалось постоянное пребывание граждан КНР в сельской местности, где численность мигрантов по сравнению с 1990 гг. выросла.

В 2009—2013 гг. на рынке труда в южной части Дальнего Востока, как и прежде, доминировали временные трудовые мигранты невысокой квалификации из КНР, КНДР, СРВ и стран СНГ. С 2009 г. наблюдается незначительное сокращение численности китайских работников, хотя это уменьшение было неравномерным. Причины имели ситуативный характер. Во-первых, с начала 2009 г. в России произошло ужесточение таможенного контроля при пересечении границы физическими лицами, что способствовало резкому сокращению количества поездок «фонарей» с целью транспортировки товаров для китайских торговцев в рамках упрощённого таможенного режима. Это привело, в свою очередь, к сокращению количества китайских торговцев, особенно в Амурской области. Во-вторых, были снижены квоты на привлечение иностранной рабочей силы, в том числе из КНР.

В том же 2009 г. были предприняты шаги по регулированию северокорейской трудовой миграции в Россию: вступило в силу

соглашение между правительствами РФ и КНДР, установившее правила пребывания трудовых мигрантов из КНДР в России.

Отличная от других территорий динамика численности китайских рабочих была в Приморье: её незначительное уменьшение в 2010 г. сменилось ростом в 2011 г., что было обусловлено строительством объектов АТЭС во Владивостоке и привлечением для этого иностранных работников вне всяких квот.

Таким образом, в начале XXI в. Китай являлся абсолютным лидером в предоставлении трудовых мигрантов для работы в Тихоокеанской России. Доля выходцев из Китая в общей структуре иностранной рабочей силы колебалась от 60% в Приморье до 90% в ЕАО. Невысокий удельный вес иностранцев из экономически развитых государств Северной Пацифики (Япония, Южная Корея, США) компенсировался их качественным составом: это были высококвалифицированные работники, занятые внедрением новых строительных технологий, представители банковской системы, а также руководители предприятий с иностранными инвестициями*.

Основными сферами деятельности китайцев были торговля и строительство (приблизительно по одной трети в каждом секторе), а также сельское хозяйство (17%)**, северных корейцев — строительство и ремонт жилья. На масштабы и положение ИРС на местных рынках труда влияли как интересы предпринимателей, так и высокие адаптивные качества китайских и корейских работников, которые быстро осваивали разные трудовые сферы. В 2000—2014 гг. китайские предприниматели быстро развернули в регионе ресторанный бизнес, причём не только в его южных районах, но и в Магадане и на Сахалине, широко используя труд своих соотечественников. До 2014 г. во Владивостоке, Уссурийске, Благовещенске китайские бизнесмены активно открывали парикмахерские, массажные салоны,

---

* Анализ сделан на основе материалов 638 предприятий Приморского края, которые использовали ИРС. Материалы были предоставлены УФМС по Приморскому краю по запросу ИИАЭ ДВО РАН, 2011 г.

** Показатели структуры по территориям несколько разнятся, кроме того, и приводимые в литературе данные также отличаются.

фотосалоны, мастерские по ремонту одежды, обуви, телефонов, автомобилей. Их не слишком пугали трудности, с которыми они сталкивались в России (например, взяточничество, не всегда доброжелательное к ним отношение со стороны части местного сообщества и управленцев). Китайские и корейские рабочие оказались исключительно адаптивны и трудолюбивы. Большинство из них были неприхотливыми в быту, но в то же время дисциплинированными на производстве.

Ситуация с использованием китайской и северокорейской наёмной силы на различных территориях складывалась не одинаково. Так, в Приморском крае по мере увеличения китайского предпринимательского сегмента, роста инвестиций наблюдалось увеличение числа работников из КНР. В 2014 г. из 354 предприятий, получивших разрешение на привлечение КРС, 90 являлись предприятиями с китайскими инвестициями и ещё 13 — предприятиями, аффилированными с китайским бизнесом. Эти 103 фирмы получили право на ввоз в Приморский край 6060 китайских рабочих, или 45% всей КРС, на которую была выделена «квота». В целом почти четверть всего планируемого на 2014 г. потока иностранной трудовой миграции в Приморье должна была исходить из КНР и предназначалась для работы на предприятиях с китайскими инвестициями[101].

В последние два десятилетия в южных регионах Тихоокеанской России стала распространяться сдача сельскохозяйственных угодий в аренду китайским землепользователям. Китайские трудовые мигранты приходили в сельское хозяйство российских регионов двумя легальными способами: либо к российским работодателям на основании полученной квоты на привлечение иностранной рабочей силы, либо к китайским работодателям (инвесторам) при условии наличия квот. Однако необходимость обеспечения безопасности в сельском хозяйстве (это прежде всего касалось качества производимой продукции)[102] и политическая линия Центра на обеспечение занятости собственных трудовых ресурсов заставили местные власти ряда территорий сокращать численность китайских работников. Например, из-за нарушений земельного законода-

тельства в Амурской области с 2013 г. был введён запрет на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство. Потребности в трудовых ресурсах компенсировались за счёт граждан СНГ и КНДР.

В течение 2014—2015 гг. болезненная рецессия в экономике страны обострила ситуацию на дальневосточном рынке труда и привела к заметному спаду в объёме привлечения и использования иностранной рабочей силы. Были сокращены квоты. Этот процесс затронул и трудовую миграцию из Китая. Тем не менее, на Дальнем Востоке эта тенденция проявилась не столь ярко, как в других российских регионах. Дальний Восток РФ по-прежнему остаётся территорией, где активно используется иностранная рабочая сила. В 2014 г. доля официально оформленных иностранных работников в общем количестве занятых в экономике ДФО составила 4,5%, тогда как в среднем по РФ этот показатель составил 2,9%. Всего в регионе, без Республики Саха (Якутия), было официально занято 138 тыс. иностранных работников.

Изменилась структура потока мигрантов. Основную массу прибывающих в ДФО трудовых мигрантов составили граждане Узбекистана (32,5% от общего числа), далее следовали граждане КНР (около 24%). Их распределение по территориям региона было очень дифференцированно. В ЕАО на китайский сегмент приходилось 79% от всей численности иностранной рабочей силы, в Амурской области — 38,5%, в Приморском крае — 32,7%, в Хабаровском крае — 18,9%. Меньше всего трудовые ресурсы из КНР использовались на Камчатке, Чукотке, в Магаданской области и на Сахалине, где их доля во всей иностранной рабочей силе колебалась в интервале от 2,8% (на Камчатке) до 4,4% (на Сахалине)*.

К середине 2016 г. официально разрешение на работу в России имели 31,5 тыс. граждан КНДР[103]. Немногим менее половины из них (около 14 тыс. чел.) трудились в Дальневосточном федеральном округе[104], главным образом в Приморье,

* Рассчитано по данным Росстата и отчётов региональных отделений УФМС.

Амурской области и Хабаровском крае. В основном они занимались строительством и сельским хозяйством, трудились в лесной и рыбной промышленности, а в выходные дни и по ночам подрабатывали ремонтом офисов и квартир местных жителей.

Несмотря на то, что Резолюция Совета Безопасности ООН № 2321 от 30 ноября 2016 г. выражает обеспокоенность по поводу направления граждан КНДР на работу в другие государства[105], Россия не намерена отказываться от привлечения трудолюбивых и непритязательных корейских рабочих. 17 марта 2017 г. в Пхеньяне состоялось седьмое заседание российско-корейской рабочей группы по вопросам, связанным с реализацией Межправсоглашения о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства, на котором «было подтверждено обоюдное стремление к расширению взаимодействия в области трудовой миграции и оперативному решению проблем, связанных с налогообложением, медицинским освидетельствованием и процедурой переоформления корейских граждан, направляемых на работу в Россию»[106].

Использование в Тихоокеанской России рабочей силы из стран СП имело противоречивые результаты. С одной стороны, оно способствовало сохранению и развитию строительной отрасли, сельскохозяйственного производства, сферы обслуживания. Приход китайского бизнеса влиял на формы трудовой миграции, стимулировал прибытие квалифицированных кадров. Отрицательные эффекты связаны преимущественно с практикой незаконной занятости китайских граждан. Латентная составляющая китайской трудовой миграции, прежде всего в торговле, строительстве и сельском хозяйстве, содействовала развитию теневой сферы занятости. Существенны были потери для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Во всех регионах, привлекавших китайских мигрантов, регистрировались нарушения норм землепользования и фитосанитарного контроля.

5.6. Особые экономические режимы: территории опережающего развития и свободный порт Владивосток

Территории опережающего развития. По своему смыслу территории опережающего развития (далее — ТОРы) равнозначны свободным экономическим зонам (далее — СЭЗ). Разница между ними в том, что первые подразумевают большее количество правовых норм, отличных от действующих на остальной территории РФ, и, соответственно, преференций для бизнеса. Предполагается, что это должно обеспечить глобальную международную конкурентоспособность этих территорий[107]. Новое название — это скорее стремление сделать акцент на цели («ускоренное развитие»), а не на средствах её достижения. Закон «О территориях опережающего социально-экономического развития» разрабатывался Министерством по развитию Дальнего Востока более года и был подписан Президентом в декабре 2014 г. [108]

Изначальными условиями попадания в территорию опережающего развития были определены: высокая степень готовности проекта, наличие конкретного частного инвестора, обеспечение 8—16 руб. частных инвестиций на 1 рубль бюджетных вложений, наличие рынка сбыта продукции, перспективы роста налоговых поступлений, близость транспортных артерий и трудовых ресурсов. Резидент ТОР — это уже не абстрактный проект, поскольку необходимым условием для получения установленных льгот является наличие конкретного инвестора и чёткого бизнес-плана. Корпорация развития Дальнего Востока, со своей стороны, обеспечивает сопровождение проекта на ранних этапах его реализации: способствует быстрому прохождению всех формальных процедур, в том числе получению разрешительной документации, оформлению земельных участков, участвует в создании инфраструктуры. Кроме этого корпорация консультирует резидентов по вопросам налогообложения и может защищать их интересы в суде.

На начало 2017 г. резидентами дальневосточных ТОРов стали 94 компании с общим объёмом заявленных инвестиций 406,8 млрд руб. и заявленным созданием 20 812 рабочих мест[109].

В недолгой пока истории ТОРов можно видеть, как размывается первоначальная идея создания компактных зон новых экспортных производств за счёт частных инвестиций. Например, среди резидентов ТОР зарегистрирован проект создания судостроительного комплекса «Звезда» в г. Большой Камень. Его реализуют тесно связанные с государством корпорации: ОАО «НК Роснефть», АО «Газпромбанк», АО «Объединённая судостроительная корпорация»[110]. Таким образом, в территорию опережающего развития трансформировался государственный проект, анонсированный ещё пять лет назад, за несколько лет до появления самой идеи ТОРов. Похожая история происходит и с ТОР «Комсомольск», формирующейся вокруг авиастроительного производства Комсомольского-на-Амуре авиационного завода им. Ю.А. Гагарина.

Свободный порт Владивосток. Ю.П. Трутнев, один из наиболее влиятельных людей в формировании дальневосточной политики, видит во Владивостоке конкурента Гонконга, Сингапура, Китая, Японии и Кореи[111]. Приморской столице в планах развития Тихоокеанской России отведена особая роль. Ещё в 2008 г. в программе подготовки города к саммиту АТЭС 2012 г. была поставлена задача «преобразовать г. Владивосток и экономически связанную с ним территорию в крупный индустриальный, научный, деловой, торгово-финансовый, транспортно-логистический и туристический центр региона»[112]. Летом 2015 г. город был объявлен свободным портом[113]. В его площадь включается не только сам город, но и обширные окрестности: от порта Зарубино на юге Приморского края и далее на север до порта Находка. Свободный порт охватывает 15 муниципальных образований и 75% населения Приморского края.

Модель свободного порта Владивосток выстроена вокруг взаимных обязательств между созданным институтом развития — Корпорацией развития Дальнего Востока* — и резиден-

* Корпорация развития Дальнего Востока — компания, на 100% принадлежащая Правительству Российской Федерации, созданная для управления территориями опережающего развития и свободным портом Владивосток.

том. Первая обеспечивает быстрое прохождение всех бюрократических формальностей, гарантирует упрощённый визовый, таможенный и административный контроль, льготный налоговый режим (в течение первых 10 лет общий размер платежей не может превышать 7,6%); последний должен вложить в развитие своего проекта не менее 5 млн руб. в первые три года и гарантировать, что это ***новый проект***, который не реализовывался до момента подачи заявки на статус резидента[114]. Корпорация развития Дальнего Востока берёт на себя решение всех трудностей взаимодействия с государственной бюрократией.

Специально созданное Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке призвано способствовать обеспечению инвестиционных проектов трудовыми ресурсами, содействуя поиску и переезду на Дальний Восток квалифицированных кадров[115].

Цели создания свободного порта сформулированы глобально: не только взять на себя часть транспортных потоков из Европы в Азию, но и добиться новой индустриализации этой территории за счёт привлекательных экономических условий. Планируется, что полуфабрикаты из Европы и Азии будут завозиться сюда, перерабатываться в промышленную продукцию и экспортироваться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме этого в законе о свободном порте специально прописана возможность особых правил для медицинской деятельности персонала, получившего профильное образование за рубежом[116]. Это должно способствовать формированию медицинского кластера с открытием филиалов клиник ведущих стран АТР и приглашением иностранных специалистов[117].

Сегодня ещё слишком рано оценивать успехи реализации проекта «Свободный порт Владивосток», но мы можем с определённой долей вероятности сформулировать вызовы, которые встретятся на этом пути.

Первый из них — способность привлекать международные ресурсы. Развиваемый как площадка для создания экспортных производств, Владивосток должен будет конкурировать с уже существующими в АТР специальными экономическими зонами, перетягивая на себя часть транспортных маршрутов

и товарных цепочек. Свободному порту будет чрезвычайно сложно вписаться в уже отлаженную логистику. Это ставит успех проекта в зависимость от глобальных и трансграничных инициатив вроде развития Северного морского пути и «Экономического пояса Шёлкового пути», международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2» — идей столь же амбициозных, сколь экономически не проработанных. И хотя Корпорация развития Дальнего Востока по состоянию на конец 2016 г. сообщала о 100 резидентах и более чем 126 млрд руб. инвестиций в рамках СПВ, сегодня невозможно оценить, в какой мере эти проекты инициированы новыми экономическими льготами, а в какой просто были «подгаданы» под новые благоприятные условия, и до какой степени они размывают налоговую базу государства. Тем более что многие проекты были начаты намного раньше, чем появились планы о создании режима СПВ. Поэтому об эффективности новых СПВ, как и ТОРов, можно будет судить не ранее чем через три-пять лет, когда спадёт волна отложенных проектов и должны будут появиться новые, с «чистого листа».

Второй вызов на пути к успеху — размывание эффекта концентрации экономической деятельности на ограниченной территории. Режим свободного порта стал быстро распространяться на другие гавани Дальнего Востока[118]. В результате Владивосток теряет свои эксклюзивные преимущества. При этом происходит пересечение с ТОРами не только в плане предоставляемых льгот: часто СПВ и ТОР находятся ещё и на одной и той же территории.

Сегодня не сама идея создания ТОРов и СПВ, а её размывание и неуклюжее исполнение уже стали предметом критики со стороны академического сообщества и деловых кругов. Такая критика прозвучала из уст корейских учёных и предпринимателей на VII Российско-корейском экономическом форуме во Владивостоке в апреле 2017 г. [119]

В целом в экономической кооперации Тихоокеанской России со странами Северной Пацифики можно выделить два направления, и оба они ориентированы на использование транспортного и природно-сырьевого потенциала региона. Первое

реализуют крупные государственные корпорации из европейской части России совместно с зарубежными компаниями. У крупного капитала есть достаточный потенциал, чтобы обеспечить не только сырьевое, но и аграрно-индустриальное развитие региона, однако пока не видно, чтобы эти проекты выходили за пределы накатанной колеи. На втором направлении действует местный малый и средний бизнес, тесно связанный с локальной экономикой, но плохо контролируемый государством и обладающий явно меньшим потенциалом, чтобы изменить сложившуюся парадигму экономических обменов со странами Северной Пацифики — «сырьё в обмен на товары».

Новые инструменты развития ТР — территории опережающего развития и свободный порт Владивосток — дают надежду на изменение модели международной кооперации региона, но уже сейчас сталкиваются с серьёзными внешними и внутрироссийскими вызовами, которые не так легко преодолеть.

* * *

Сама по себе Тихоокеанская Россия в экономическом пространстве Северной Пацифики занимает очень незначительный сегмент. Её продукция заметна всего на нескольких товарных рынках региона (энергетический, продовольственный, лесной), а вклад в совокупный объём внутренней торговли СП даже в относительно благоприятном для России 2014 г. составил чуть более 2%. В определённой степени заметно присутствие продуктов ТР лишь на рынке энергоресурсов: в 2013 г. сахалинские нефть и газ составили 7% от всего импорта нефти Японии и 10% ввезённого ею газа. В импорте нефти и газа Южной Кореи российская (сахалинская) часть была ещё меньше — соответственно 4 и 5%. Доля российской нефти в китайском импорте составила 9%, но сырьё поступало преимущественно из Западной Сибири. Помимо этого, в общем объёме ввезённой в Японию древесины на российскую продукцию пришлось 9%[120].

Инвестиции за рубеж из тихоокеанской части России не поддаются никакому учёту, но можно легко предположить

(вследствие слабости финансового рынка в самой ТР), что их реальные объёмы мизерны. Даже в пров. Хэйлунцзян, где российские предприниматели обжились лучше всего, инвестиции РФ составляют менее 1% всех иностранных инвестиций[121].

Неритмично развивается туристический рынок. Определённые стимулы его развитию придали девальвация рубля и введение безвизового режима между Россией и Республикой Кореей, ожидается всплеск иностранного туризма во Владивостоке в связи с введением упрощённого визового режима в СПВ, но Тихоокеанская Россия по-прежнему не является заметным элементом туристического рынка Северной Пацифики, не говоря уже об АТР в целом.

Для региональных экономик само по себе пространство ТР представляет ограниченный интерес. В силу небольшой численности населения она малоперспективна как рынок сбыта товаров. Рискованный инвестиционный климат удерживает от решительных шагов многих потенциальных инвесторов, поэтому иностранные капиталы концентрируются преимущественно в сфере добычи природных ресурсов. Высокие транспортные тарифы, неразвитая логистика и разнообразные неэкономические препоны препятствуют эффективному использованию транзитного потенциала территории.

---

[1] GDP (current US$) // The World Bank Group. 2016. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart (accessed 14.02.2017).

[2] APEC in Charts 2015 // The APEC Policy Support Unit. Available at: http://www.olemiss.edu/courses/pol387/APEC2015charts.pdf (accessed 03.02.2017).

[3] Горбачёв М.С. Речь на торжественном собрании, посвящённом вручению Владивостоку ордена Ленина. 28 июля 1986 г. // Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1987. С. 17.

[4] См., например: Маергойз И.М. Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // Вестник Московского университета. Серия 3. Географические науки. М., 1974. № 4. С. 3—9.

[5] ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. П-35. Оп. 113. Д. 150. Л. 111.

[6] Информация о компаниях «Роснефть» и «Газпром» основана на данных официальных сайтов этих компаний.

[7] ГЭК Китая и «Интер РАО» обсудили энергопроект на $15 млрд // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». URL: http://www.interfax.ru/business/422453 (дата обращения: 11.02.2017).

[8] Российско-китайский инвестиционный фонд стал владельцем 42% акций холдинга RFP Group // Сайт Российского фонда прямых инвестиций. URL: http://rdif.ru/fullNews/463/ (дата обращения: 14.02.2017).

[9] Российско-китайский инвестфонд финализировал сделку с Central Asia Silver по разработке Нойон-Тологойского рудного месторождения // Российский фонд прямых инвестиций. URL: http://rdif.ru/fullNews/1241 (дата обращения: 03.02.2017).

[10] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 586—587.

[11] Там же. С. 53, 161.

[12] Интервью с руководителем районной администрации, Приморский край, июль 2014 г.; интервью с председателем районной Думы, Приморский край, август 2014 г.

[13] Первый Восточный экономический форум // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50232 (дата обращения: 10.02.2017).

[14] Трутнев: лиц, затягивающих строительство моста в КНР, могут уволить // Сетевое издание «РИА Новости». URL: http://ria.ru/society/20160212/1373389218.html (дата обращения: 12.02.2017).

[15] УСК «Мост» приступает к строительству российской части моста Нижнеленинское — Тунцзян // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». URL: http://www.interfax-russia.ru/FarEast/main.asp?id=732881 (дата обращения: 03.02.2017).

[16] Ю. Трутнев в марте 2016 г. заявил о решении «отказаться от участия китайских подрядчиков». См.: Трутнев: мост через Амур будут строить российские подрядчики, однако они пока не выбраны. 26.03.2016 // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: http://tass.ru/ekonomika/3153290 (дата обращения: 17.02.2017).

[17] Подробнее об истории «челночного» бизнеса в российско-китайских отношениях см.: Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI вв.). М.: Восток-Запад, 2005. С. 243—250.

[18] UN Comtrade Database. Available at: https://comtrade.un.org/data/ (accessed 03.02.2017).

[19] Согласно данным статистики Китая объём российского экспорта в КНР в 2015 г. составил 33,3 млрд долл., что на 4 млрд 657 млн долл. превышает объём экспорта согласно сведениям российской таможенной статистики (28,6 млрд долл.), в 2016 г. это различие составило 4,2 млрд долл. (32,2 против 28,0 млрд долл.). Статистические данные России и Китая по

российскому импорту отличаются не так значительно: китайская таможня насчитала на 144 млн меньше в 2015 и на 753 млн меньше в 2016 гг. См.: Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index.php?optioncom_newsfts&view=category&id=125&Itemid=; 2016年12月进出口商品国别（地区）总值表 — = Сводная таблица экспорта и импорта за декабрь 2016 г. по странам-партнёрам (регионам). Available at: http://www.chinacustomsstat.com/aspx/1/NewData/Record_Class.aspx?id=3160&currency=usd (дата обращения: 04.05.2016).

[20] Регионы России: социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 11.02.2017); Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845 (дата обращения: 03.02.2017).

[21] Итоги работы Дальневосточного таможенного управления за 2015 год // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 112.

[22] Грибова Э.В. Основные направления и формы международной деятельности ДВТУ в 2012 году // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 26—31; Итоги работы Дальневосточного таможенного управления за 2015 год // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 113—115.

[23] Кабанец А.Г. и др. Незаконные рубки на Дальнем Востоке: мировой спрос на древесину и уничтожение Уссурийской тайги: обзор / под ред. Д.Ю. Смирнова. М.: WWF России, 2013. С. 7—8.

[24] «Нет концентрации усилий и нет уверенности», — Виктор Ишаев, министр по развитию Дальнего Востока, полпред президента в Дальневосточном федеральном округе // Электронное периодическое издание «Ведомости». 29.11.2012. URL: http://www.vedomosti.ru/library/news/6598121/net_koncentracii_usilij_i_net_uverennosti_viktor_ishaev?full#cut (дата обращения: 03.02.2017).

[25] Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 125.

[26] Таможенная статистика внешней торговли // Федеральная таможенная служба. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:1130796809053246::NO::: (дата обращения: 28.03.2017).

[27] Например, за 1992—1998 гг. в совокупном объёме внешней торговли Дальневосточного федерального округа на долю четырёх стран — КНР, США, Японии и Южной Кореи — пришлось две трети товарооборота (Китай — 19%, Южная Корея — 17%, США — 16,6%, Япония — 13%). Доля Китая в экспорте региона в этот период снизилась с 33% в 1993 г. до 7% в 1995 г., Южной Кореи — с 13 до 7%, Японии — с 62 до 24,7%, а доля США постепенно выросла с 1,5% в 1993 г. до 13,5% в 1998 г. См.: Ларин В.Л. Дальний Восток России в Восточной Азии: проблемы внешнего

воздействия и взаимодействия // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. XII. Северо-Восточная Азия. Владивосток, 2003. С. 14.

[28] Таможенная статистика внешней торговли // Федеральная таможенная служба. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:1130796809053246::NO::: (дата обращения: 28.03.2017).

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Polymetal International plc. Годовой отчёт за 2015 год // АО «Полиметалл». URL: http://www.polymetal.ru/~/media/Files/P/Polymetal/Annual%20Reports/2015_Annual_report_rus.pdf (дата обращения: 21.02.2017).

[33] Экспорт электроэнергии в Китай: плюс или минус? // Восточная энергетическая компания. URL: http://www.eastern-ec.ru/press-center/analytics/172/ (дата обращения: 05.01.2017).

[34] Рассчитано по: UN Comtrade Database. Available at: URL: http://comtrade.un.org/data (accessed 03.02.2017).

[35] Таможенная статистика внешней торговли // Федеральная таможенная служба. URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:1130796809053246::NO::: (дата обращения: 28.03.2017).

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] Достаточно ввести в любой поисковой системе ключевые фразы «Дальний Восток» и «сырьевой придаток», чтобы убедиться в популярности этих представлений.

[39] Товарная структура ЭКСПОРТА Российской Федерации со всеми странами январь—декабрь 2015 г. // Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22577:-2015-&catid=52:2011-01-24-16-28-57&Itemid=1978 (дата обращения: 28.01.2017); Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. // Федеральная таможенная служба. Дальневосточное таможенное управление. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18551:-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282 (дата обращения: 28.01.2017).

[40] В качестве примера можно привести публикации в российской прессе. См.: Васильев М. Дальний Восток уже находится в зависимости от Китая // Сетевое издание KM.RU. URL: http://www.km.ru/biznes-i-finansy/obzory/ekspansiya/11693 (дата обращения: 17.01.2017); Комраков А. Российский Дальний Восток открыт для экспансии Китая // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-09-02/1_east.html (дата обращения: 17.01.2017).

[41] Rozman G. The Russian Pivot to Asia // The Asan Forum. Vol. 2. No. 6 (November—December 2014). Available at: http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/ (accessed 05.02.2017); Mankoff J. US Perspective // The Asan Forum. July 25, 2014. Available at: http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/ (accessed 05.02.2017).

[42] Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. // Официальный сайт ДВТУ. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18551:-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282 (дата обращения: 13.02.2017).

[43] Там же.

[44] Ишаев В.И. Стратегия развития Дальнего Востока России // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 11. С. 967—968.

[45] Там же. С. 970—979.

[46] Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 95.

[47] 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба, 2015. С. 298; 2016年全省宏观经济形势分析 = Анализ экономической ситуации в провинции Хэйлунцзян в 2016 г. Available at: http://www.hlj.stats.gov.cn/tjfx/sjtjfx/201703/t20170309_57787.htm (accessed: 15.02.2017)

[48] Дальневосточное таможенное управление. URL: http://dvtu.customs.ru/ (дата обращения: 15.02.2017); Сибирское таможенное управление. URL: http://stu.customs.ru/ (дата обращения: 15.02.2017).

[49] 新潟県輸出入状況・海外進出状況調査報告書. 平成 28 年 = Структура внешней торговли префектуры Ниигата. Доклад о ситуации по продвижению на зарубежные рынки. 2016 год. P. 7, 9. Available at: http://www.pref.niigata.lg.jp/HTML_Article/123/973/h27_houkokusyo.pdf (accessed 15.02.2017).

[50] 平成２７年北海道の対ロシア貿易概況（確報値）= Краткое содержание торговых операций Хоккайдо с Россией за 2015 год (уточнённая информация). P. 1—2. Available at: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/kz/ksk/h27oueki.pdf (accessed: 15.02.2017).

[51] Статистическая информация о внешней торговле за декабрь 2015 г. // Официальный сайт ДВТУ. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18551:-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282 (дата обращения: 02.12.2016).

[52] Россия и КНДР: торгово-экономическое сотрудничество // Посольство России в КНДР. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 31.03.2017).

[53] Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 92.

[54] Так, Президент России назвал создание благоприятной среды для привлечения инвестиций одним из ключевых условий развития Дальнего Востока. См., например: Совещание о господдержке инвест-проектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/46552 (дата обращения: 03.02.2017).

[55] Объём иностранных инвестиций в расчёте на одного жителя субъекта Российской Федерации в 2013 году (долларов США) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv3.htm (дата обращения: 15.04.2016).

[56] Накоплено прямых иностранных инвестиций // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/31231 (дата обращения: 15.09.2016).

[57] Там же.

[58] 领导班底 = Управленческий состав // Агропромышленная группа «Армада». Available at: http://rusagri.com/cn/about/team/ (accessed 28.03.2017).

[59] Официальный сайт Администрации Приморского края. URL: http://primorsky.ru/news/common/73010/ (дата обращения: 17.02.2017).

[60] Там же.

[61] Инвестиционный портал Приморского края. Истории успеха. URL: http://invest.primorsky.ru/index.php/ru/2013-08-14-02-59-27/istorii-uspekha (дата обращения: 17.02.2017).

[62] Предполагалось, что в 2017 г. новый завод выйдет на производство 350 ячеек комплектных распределительных устройств с элегазовой изоляцией (КРУЭ) в год и таким образом покроет до 50% потребности в оборудовании Федеральной сетевой компании. Однако на протяжении нескольких лет завод пустовал, так и не получив госзаказа. По словам специалистов, поставка комплектующих для сборки КРУЭ оказалась невыгодной. См.: Простаивающий завод Hyundai в пригороде Артёма купила группа компаний «Доброфлот» // Информационный портал VL.ru. URL: http://www.newsvl.ru/vlad/2017/09/05/162600/#ixzz4sW1jmeME (дата обращения: 12.09.2017).

[63] У построенного ещё к саммиту АТЭС завода «Хёндэ Электросистемы» появился новый неожиданный владелец // Золотой Рог. URL: http://zrpress.ru/business/primorje_22.08.2017_84987_vladelets-dobroflota-vykupil-aktiv-khende-v-primorje.html (дата доступа: 12.09.2017).

[64] Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/1564 (дата обращения: 02.12.2016).

[65] Документы официального визита премьер-министра республики Индии Нарендры Моди в Российскую Федерацию. 24 декабря 2015 г. // Администрация Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5049 (дата обращения: 03.09.2016).

[66] Рассчитано по информации в рубрике «Новости» официального сайта Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: http://minvostokrazvitia.ru (дата обращения: 02.12.2016).

[67] Справка об инфраструктурных и отраслевых проектах на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе с участием Группы Внешэкономбанк // Внешэкономбанк. URL: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/br/20131202dv.pdf (дата обращения: 03.10.2016).

[68] Российский фонд прямых инвестиций. URL: https://rdif.ru/Portfolio (дата обращения: 03.12.2016).

[69] Реализуемые проекты // Фонд развития Дальнего Востока. URL: http://fondvostok.ru/deyatelnost/proekty/ (дата обращения: 21.10.2016).

[70] Инвестиционные проекты // Фонд развития Дальнего Востока. URL: http://www.fondvostok.ru/projects/investment_projects/ (дата обращения: 12.09.2017).

[71] Меморандум о взаимопонимании между Администрацией Приморского края, АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», Корпорацией «Джей-Джи-Си» и Корпорацией социальной медпомощи «Хокуто» в сфере инвестиционного сотрудничества на российском Дальнем Востоке; Меморандум о сотрудничестве в области медицины и здравоохранения между ОАО «Российские железные дороги», Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии.

[72] Меморандум о сотрудничестве между Автономной некоммерческой организацией «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и Корейским агентством по содействию торговле и инвестициям (КОТРА); Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Автономной некоммерческой организацией «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», «Кориа Трейдинг энд Индастриз», Администрацией порта Пусан, «ЮНИКО лоджистикс» и «Кориан сифудз» в области создания рыбоперерабатывающего и логистического комплекса на Дальнем Востоке Российской Федерации; Трёхсторонний меморандум между Автономной некоммерческой организацией «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», Госпиталем Пусанского национального университета и Корпорацией «КТ».

[73] Этно-культурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX вв.). Владивосток: Рея, 2013. С. 208.

[74] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 310—339 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.09.2017)

[75] Statistics on the Foreigners Registered in Japan. Tokyo: Japan Immigration Association, 2011. P. 30—59; 2012, P. 32—56; 2013, P. 30—54; 2014, P. 32—56.

[76] Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в новой конфигурации интересов и политики государств Северной Пацифики: между Москвой, Пекином, Сеулом и Токио // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 259.

[77] Monthly statistics of Korea. 2014: Statistics Korea. No. 2, P. 24—25.

[78] Korea, Monthly Statistics of Tourism // Korea Tourism Organization. Available at: https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics/eng/inout/inout.kto (accessed 29.05.2017).

[79] 平成26年 訪日外客数・出国日本人数 = 2014 год. Прибытие иностранцев и выезд за рубеж японских граждан. Available at: http://www.jnto.go.jp/jpn/news/data_info_listing/pdf/150120_monthly.xls (accessed 20.05.2016)

[80] Immigration Databook. Tokyo: Japan Immigration Association, 2012. P. 10—13; 2014, P. 4.

[81] 2014 年 1-12 月入境流域外国人数。按目的分 = Иностранцы, прибывшие по назначению. В январе — декабре 2014 г. Available at: http://www.cnta.gov.cn/ (accessed 21.12.2015).

[82] Въезд иностранных граждан на территорию РФ в 2014 г. // Федеральное агентство по туризму. URL: http://www.russiatourism.ru/ (дата обращения: 01.07.2016).

[83] 黑龙江统计年鉴 2014 = Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян. 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба, 2014. P. 244; 内蒙古统计年间2014 = Статистический ежегодник Внутренней Монголии. 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба, 2014. P. 426; 吉林统计年鉴 2014 = Статистический ежегодник пров. Цзилинь. 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба. 2014. P. 424.

[84] Число выездных туристских поездок граждан России в зарубежные страны // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-2.htm. (дата обращения: 02.03. 2017).

[85] Larin V. Pacific Russia in the New Regionalism of North Pacific: Cross-Border and Interregional Relations // Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / ed. by Jing Huang, Alexander Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 38.

[86] Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm. (дата обращения: 20.04.2017).

[87] Число «безвизовых» китайских туристов в России выросло на 41% в 2016 году. URL: http://www.newsvl.ru/society/2017/02/12/156381/#ixzz4sntcTJw2 (дата обращения: 15.09.2017).

[88] Ли Цзюнь. Перспективы миграции из стран АТР на Дальний Восток РФ для комплексного развития промышленности (на примере КНР) // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сб. трудов междунар. науч.-практ. конференции, 10—12 ноября 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 156—157.

[89] Государственный архив Приморского края. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1512. Л. 51.

[90] Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной миграции. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 16.

[91] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. // Российская газета. 2002. 31 июля.

[92] О гражданстве Российской Федерации: федер. закон № 62-ФЗ от 31 мая 2002 г. // Российская газета. № 100 (2968), 5 июня 2002.

[93] Хоу Вэнъчжу. Политика Китая в отношении внешней миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 121—140.

[94] О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 г.) // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». URL: http://base.garant.ru/2561174/ (дата обращения: 20.04.17).

[95] В Пекине состоялось десятое заседание российско-китайской Совместной рабочей группы по сотрудничеству в области миграции // Министерство внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/news/item/9669445 (дата обращения: 12.04.2017).

[96] Амурская область в цифрах. Использование иностранной рабочей силы на рынке труда Амурской области в 2010 году. Благовещенск: Амурстат, 2011. С. 44; Труд и занятость населения в Приморском крае. Владивосток: Примстат, 2011. С. 11; Сводные таблицы за 2005—2008 гг. // Фонд «Миграция XXI век». URL: http://mirpal.org/ Статистика/Сводные%20 таблицы%20за%202005-2008%20гг.html (дата обращения: 20.05.2011); Власова Н.И. Анализ тенденций привлечения и использования иностранной рабочей силы в России за 2005—2010 годы // Фонд «Миграция XXI век». URL: http://mirpal.org/trends.html (дата обращения: 15.03.2013); Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XX вв. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 371; Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI вв.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегия обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 214; Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока (1858—2008 гг.) Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 174, 178, 181—183, 185 и др.

[97] Панкратова Л.А. Китайская трудовая миграция на Дальнем Востоке России: современные реалии и перспективы // Российское предпринимательство. 2010. № 7. С. 186.

[98] Там же. С. 185.

[99] ФМС предлагает правительству РФ заключить соглашение с КНДР о временной трудовой деятельности граждан // Прайм. Агентство экономической информации. URL: http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=684840&ct=news (дата обращения: 21.07.2016).

[100] Подсчитано на основе: Амурская область в цифрах. Официальное издание. 2007. Ч. 1, 2. С. 62; Доклад о социально-экономическом положении Сахалинской области за январь — декабрь 2006 года. Южно-Сахалинск, 2007. С. 175; Комсомольская правда. Владивосток. 2007. 23 янв. С. 6; Статистический ежегодник Еврейской автономной области 2006. Биробиджан, 2007. С. 68; Хабаровский край в 2006 году. Статистический сборник. Хабаровск, 2007. С. 47.

[101] Иванов С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. 2014. № 4. С. 37.

[102] Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 1. С. 38—48.

[103] Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 174 тысяч человек, имевших патент, — до 1487 тысяч // Демоскоп Weekly. № 697—698. 19 сентября — 2 октября 2016. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php (дата обращения: 12.09.2017).

[104] Дальний Восток оставят без строителей: как санкции в отношении КНДР скажутся на регионе // Информационное агентство PrimaMedia. URL: http://primamedia.ru/news/612921/ (дата обращения: 13.09.2017).

[105] Обеспокоенность связана с опасением, что эти рабочие «зарабатывают твёрдую валюту, которую КНДР использует для своих программ по ядерному оружию и баллистическим ракетам». См.: Резолюция 2321 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7821-м заседании 30 ноября 2016 года. URL: http://www.mid.ru/documents/10180/2541355/2321.pdf/f896c952-63fe-42e0-a050-f185a21557ec (дата обращения: 12.09.2017).

[106] О седьмом заседании российско-корейской рабочей группы по решению вопросов, связанных с реализацией Межправсоглашения о временной трудовой деятельности // Посольство России в КНДР. URL: http://www.rusembdprk.ru/ru/posolstvo/novosti-posolstva/357-o-sedmom-zasedanii-rossijsko-korejskoj-rabochej-gruppy-po-resheniyu-voprosov-svyazannykh-s-realizatsiej-mezhpravsoglasheniya-o-vremennoj-trudovoj-deyatelnosti (дата обращения: 12.09.2017).

[107] Интервью Александра Галушки телеканалу Россия 24 // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=1928 (дата обращения: 02.12.2016).

[108] Подписан закон о территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации // Администрация президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/47349 (дата обращения: 09.01.2017).

[109] Официальный сайт Корпорации развития Дальнего Востока // АО «Корпорация развития Дальнего Востока». URL: http://erdc.ru/ (дата обращения: 25.01.2017).

[110] Совместное заседание правительственной комиссии по импортозамещению и Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья. 18 декабря 2015 г. // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/news/21140/ (дата обращения: 14.02.2017).

[111] Интервью Заместителя Председателя Правительства РФ — полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрия Трутнева информационному агентству ТАСС. 28 июля

2015 г. // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в ДФО. URL: http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=44&oid=4985 (дата обращения: 25.01.2017).

112 Подпрограмма «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». URL: http://assoc.khv.gov.ru/files/docs/2015/2528f68d6fb4eb8223f6.pdf (дата обращения: 25.01.2017).

113 Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // Компания «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 09.01.2017).

114 Критерии отбора резидентов свободного порта // АО «Корпорация развития Дальнего Востока». URL: http://www.erdc.ru/docs/kritery.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

115 Меры поддержки // Официальный сайт Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. URL: https://www.hcfe.ru/services/move-to-far-east/support-measures/ (дата обращения: 14.02.2017).

116 Текст закона доступен в базе данных «КонсультантПлюс». См. Федеральный закон о свободном порте Владивосток. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182596;fld=134;dst=100009,0;rnd=0.07043709917740703 (дата обращения: 25.01.2017).

117 10 шагов развития: как превратить Дальний Восток в преуспевающий регион // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). URL: http://tass.ru/ekonomika/265894 5 (дата обращения: 09.01.2017).

118 ВЭФ: Путин предложил расширить Свободный порт Владивосток на другие морские гавани Дальнего Востока // Деловое Интернет-издание ZRPRESS.ru. URL: http://zrpress.ru/anews/vladivostok_04.09.2015_74028_vef_putin-predlozhil-rasshirit-svobodnyj-port-vladivostok-na-drugie-morskie-gavani-dalnego-vostoka.html (дата обращения: 14.02.2017).

119 Корейские инвесторы не спешат вкладываться в ТОРы и Свободный порт Владивосток // Деловой портал «Золотой Мост». URL: http://goldenmost.ru/koreyskie-investoryi-ne-speshat-vkladyivatsya-v-toryi-i-svobodnyiy-port-vladivostok/ (дата обращения: 27.08.2017)

120 Japan Statistical Yearbook. Tokyo: Japan Statistical Association, 2015. P. 352, 470—471; International Trade Yearbook 2013. Seoul: Korea International Trade Association, 2013. P. 290—308.

121 黑龙江统计年鉴 2014 = Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян. 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба, 2014. 253 p.; 黑龙江统计年鉴 2015 = Статистический ежегодник пров. Хэйлунцзян. 北京：中国统计出版社 = Пекин: китайская статистическая служба, 2015. 307 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Откликаясь на перемещение центра политической и экономической активности в Тихоокеанскую Азию и пытаясь повысить скорость и эффективность освоения восточных районов страны, российская политическая и академическая элита без малого три десятилетия пыталась реализовать проект под названием «экономическая интеграция в АТР». Эта политика была призвана «поднять Дальний Восток», привлечь инвестиции и технологии из богатых и развитых стран, открыть азиатские рынки для сибирских и дальневосточных природных ресурсов. В начале второго десятилетия XXI в. роль Тихоокеанской России как плацдарма для дальнейшей интеграции России в регион обозначилась достаточно чётко. Сегодня без малого треть российского экспорта в страны Северной Пацифики (30,4% в 2015—2016 гг.) направляется из восточных районов страны. Однако аморфность сути, целей и содержания той самой «интеграции», с одной стороны, и отсутствие внятной и адекватной современным реалиям модели развития восточных районов России, с другой, привели к тому, что российский проект интеграции в АТР оказался, по сути, бессодержательным. Он фактически был сведён к развитию экономических и политических связей России с несколькими ключевыми азиатскими партнёрами и расширению её формального участия в региональных организациях.

В то время как Москва колебалась в выборе приоритетов и партнёров, сама жизнь заставляла территории Тихоокеанской России разворачиваться к восточным соседям. Внешняя среда также тому благоприятствовала: в зоне Северной Пацифики проходили процессы регионализации, в них активно

втягивались провинции и префектуры Китая, Японии, Республики Корея. К середине второго десятилетия XXI в. сформировавшиеся в этих условиях многообразные экономические, политические и гуманитарные связи Тихоокеанской России стали играть исключительно важную роль не только в поддержании определённого жизненного уровня её населения, но и в обеспечении социальной и психологической устойчивости жителей региона. Фактически Тихоокеанская Россия уже встроилась в экономическое, социальное и культурное пространство Северной Пацифики. Более того, природно-ресурсный потенциал региона, который рассматривался Москвой как решающий аргумент для укрепления позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прирос немалым экономическим, инфраструктурным и интеллектуальным потенциалом. Жители Тихоокеанской России уже не чувствуют себя заброшенными «на задворки мира», хотя для многих из них этот мир преимущественно ограничивается близлежащими городами КНР и курортами Таиланда, Вьетнама и Китая. Некоторый культурный дискомфорт при этом присутствует, но уже не имеет принципиального значения.

Региональные власти Тихоокеанской России обладают немалым политическим и административным ресурсом и целым рядом правовых инструментов, институциональных и неформальных возможностей для стимулирования приграничных и межрегиональных связей их территорий с соседями. И хотя внешнеэкономическая деятельность не является ключевым критерием оценки эффективности региональной бюрократии, власти всех территорий, по крайней мере в теории, выстраивают стратегии их развития с ориентацией на Азиатско-Тихоокеанский регион. В той или иной степени все эти территории вовлечены в различные форматы регионального взаимодействия, активно пользуются инструментами народной дипломатии и в результате имеют разветвлённую систему связей с региональными элитами провинций, префектур и городов Северной Пацифики.

Тем не менее эффективно использовать эти возможности ни Москва, ни региональные власти не смогли. Несмотря на

приложенные усилия и некоторые успехи, «интеграция» по большому счёту откровенно пробуксовывает. Как межгосударственные отношения на высшем уровне, так и приграничные и межрегиональные связи неустойчивы, чутко и болезненно реагируют на различные внешние и внутренние раздражители. Успех «интеграции» напрямую зависит от состояния дел в восточных районах страны, они на данный момент не внушают большого оптимизма. Не удалось «преодолеть бремя безграмотного управления и отставания российского Дальнего Востока и Восточной Сибири»[1], устранить инфраструктурные и демографические ограничители, сформировать среду крупных и конкурентоспособных предпринимателей в регионе, разорвать тесную, а иногда и полукриминальную связь региональных политических элит с местным бизнесом. Следствием этого стали неэффективная организация и сопровождение экономических связей региональными бюрократическими и политическими элитами, их хаотичность и нестабильность[2], крайняя осторожность соседей по региону при налаживании взаимодействия с Россией.

Эти соседи — Китай, Япония, Южная Корея и США — имеют в отношении тихоокеанских районов России как схожие, так и отличные интересы и в разной степени вовлечены во взаимодействие с ними. Китай и прежде всего его провинции, граничащие с Россией, наиболее активны. Их целенаправленные усилия, с одной стороны, и неупорядоченный, но настойчивый интерес российских приграничных территорий, с другой, привели к постепенному взаимопроникновению соседних экономик и сближению народов. Приграничная кооперация состоялась, и сегодня она во многом определяет жизнь и направления развития этих территорий. Болезненно реагируя на «недружественные» акции правительств и меняющуюся конъюнктуру рынка, эти территории быстро и гибко адаптируются к новым условиям. Необходимая им сегодня модернизация в значительной степени должна происходить не столько через расширение торгово-экономических связей, сколько посредством более эффективного использования финансового и интеллектуального капитала, достижений науки и образования.

Объективно экономические и гуманитарные связи соседних российских и китайских районов не только имеют критически важное значение для самих этих территорий, обеспечивают их экономическую и социальную стабильность, но и являются одним из столпов межгосударственных отношений. Однако в существующую схему «высокой интеграции» приграничная кооперация не вписывается. Она пугает столичных чиновников своей независимостью и многообразием, реанимирует у них синдром «китайской угрозы» и страшилки о «китайской экспансии» периода 1990-х гг. Попытка Москвы и Пекина как-то упорядочить и поставить приграничные связи под контроль посредством бюрократической «координации» программ развития соседних территорий провалилась.

Интерес других государств к Тихоокеанской России на сегодняшний день преимущественно абстрактен. В последние годы он подогревается российско-китайским сближением и попытками Пекина укрепить свои экономические позиции в зоне Тихоокеанской России, что в Вашингтоне, Токио и Сеуле воспринимается как угроза их интересам. Риторика названных стран о «растущей угрозе России со стороны КНР», призванная насторожить Москву по отношению к Пекину, не подкрепляется, однако, конкретными и привлекательными для России альтернативами. Так, Токио по-прежнему связывает своё участие в развитии Тихоокеанской России с предварительным разрешением территориальной проблемы; Сеул рассматривает это через призму перспективы объединения двух Корей и поэтому акцентирует внимание на вовлечении Пхеньяна в трёхстороннее взаимодействие.

В тоже время доступ к ресурсам Сибири и Дальнего Востока не является критическим фактором ни для Токио, ни для Сеула, ни тем более для Вашингтона. В результате региональное экономическое сотрудничество между Кореей, с одной стороны, и Сибирью и Дальним Востоком, с другой, оказалось «менее чем удовлетворительным и ниже ожиданий обеих сторон»[3]. То же можно сказать о результатах взаимодействия Тихоокеанской России с Японией. В российско-американских отношениях тихоокеанский вектор практически отсутствует.

Интеграция может стать реальностью, если условия для инвестиций в будущее Тихоокеанской России будут чёткими, абсолютно понятными, выгодными и стабильными. Этого Москва предложить пока не в состоянии. Одна из главных проблем заключается в том, что, многоречиво рассуждая о судьбоносности «восточного поворота России» и роли его тихоокеанского плацдарма, стратеги, теоретики и практики упорно не дают ответа на один принципиальный вопрос: в чём же конкретное предназначение этого плацдарма? Для того чтобы сдвинуться с мёртвой точки, жизненно необходима свежая, нестандартная и привлекательная как для самой России, так и для зарубежных партнёров модель развития региона.

«Поворот России на Восток» — это не более чем тактический ход в долговременной геополитической игре между Россией и Западом. Тихоокеанская политика России — явление более фундаментальное и принципиальное. Это долговременная стратегия, главными целями которой являются поддержание и укрепление статуса РФ как глобальной и тихоокеанской державы и создание на востоке страны фундамента её будущего процветания. Успех реализации этой стратегии в немалой степени зависит от твёрдости политической воли и способности Москвы увязать национальные интересы России, бизнес-планы госмонополий и крупного частного бизнеса РФ с запросами и потребностями жителей Тихоокеанской России, умно и умело использовать их интерес, знания и энтузиазм, а также уже налаженные многообразные кросс-граничные и региональные связи региона в решении общенациональных задач.

---

[1] Lo Bobo. Russia and the New World Disorder. London: Chatham House, 2015. P. 223—224.

[2] Достаточно сказать, что если импорт России сократился в 2015 г. на 36,4%, то ДФО — на 45,7%. В 2016 г. сокращение импорта составило 0,3% и 1,5% соответственно.

[3] Lee Jae-Young. Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia // The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia / ed. by J. Huang, A. Korolev. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 120.

Научное издание

Тихоокеанская Россия
в интеграционном пространстве
Северной Пацифики в начале XXI века:
опыт и потенциал регионального и приграничного
взаимодействия

Под ред. чл.-корр. РАН, профессора *В.Л. Ларина*

Ответственные редакторы:
канд. ист. наук *С.А. Иванов*, канд. ист. наук *А.Е. Савченко*

Редакторы-корректоры: *О.М. Борисова*, *Д.С. Гусарова*, *М.В. Дашутина*, *М.С. Киселева*, *Л.С. Кифорская*, *О.Н. Мальцева*, *Е.В. Откидыч*
Редактор электронной верстки *А.С. Иванов*

На первой странице обложки: маяк Токаревского, г. Владивосток.
Автор фото *Ю. Смитюк*

Подписано к печати 21.12.2017 г.
Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 31,12. Уч.-изд. л. 20,36.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в Отделе информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН.
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Тел.: (423) 222–05–07.
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru